

Книга вторая

ДВОР

АРКАДИЙ ЛЬВОВ

АРКАДИЙ ЛЬВОВ

ДВОР

РОМАН

KHAVARIA

КНИГА ВТОРАЯ

АРКАДИЙ ЛЬВОВ

ДВОР

ARKADY LVOV

The Courtyard

АРКАДИЙ ЛЬВОВ

Д В О Р

р о м а н

Обложка работы
Виктора Очаковского,
Исаака Давнера.

Arkady Lvov

DVOR

(in Russian)

© Arkady Lvov, Paul Binstein

*All rights reserved.
No part of this publication may be
reproduced or translated in any
form or by any means,
without permission.*

**F. Zeuner Buch- und Offsetdruck,
Peter-Müllerstr.43, 8000 München 50,**

Printed in West Germany

1982

КНИГА ВТОРАЯ

V

Шестнадцатого октября сорок первого года, по приказу из Москвы, Одесский оборонительный район был эвакуирован. В город вошли части румынской армии. Маршал Антонеску объявил Одессу столицей новой румынской провинции — Транснистрии.

Два с половиной года спустя, десятого апреля сорок четвертого года, советская власть вернулась в Одессу. За две недели до этого, двадцать шестого марта, войска 2-го Украинского фронта, под командованием маршала Конева, Ивана Степановича, вышли к реке Прут — государственной границе СССР с Румынией. В июле со дня на день можно было ждать нового наступления наших войск, потому что Бессарабия и Кишинев оставались в оккупации, а немецкие самолеты, которые имели свои аэродромы и базы в Румынии, почти каждый день бомбили Одессу. В первых числах августа немцы прилетали вечером, между половиной десятого и десятью, подвешивали в

небе огненные шары, от которых на Дерибасовской делалось светло, как днем, только по-театральному быстро ползли тени деревьев и домов, сбрасывали десяток бомб и уходили в сторону моря.

В середине августа капитан Дегтярь, Иона Овсеич, был откомандирован в город Одессу на партийно-хозяйственную работу. Две недели спустя дивизия, с которой он прошел до Прута, форсировала реку, вышла в тыл румынскому городу Яссы, опять пересекла Прут, теперь уже с запада на восток, и завершила, в составе войск 2-го Украинского фронта, окружение Яско-Кишиневской группировки немцев. Третьего сентября операция была закончена: группа немецких армий "Южная Украина" была наголову разбита, противник потерял убитыми и пленными двести пятьдесят тысяч солдат и офицеров.

Во дворе Иона Овсеич застал свою Полину Исаевну, Тосю Хомицкую, Олю Чеперуху и Дину Варгафтик. Оля и Дина приехали из эвакуации еще в мае, и теперь у них было такое чувство, как будто они вообще никуда не выезжали. Раньше всех, вместе с войсками, вернулась Клава Ивановна. Она выехала из Баку летом прошлого года и постепенно перебиралась из одного города в другой, ближе к Одессе. Сейчас облисполком направил ее в Ширяевский район с группой джутовок, — на сбор помидоров и винограда.

Тетя Настя, когда увидела товарища Дегтяря, обомлела на месте, потом бросилась целовать ему руку, так что Иона Овсеич с трудом вырвал. Тетя Настя плакала и объясняла, как набедовалась при румынах, — днем и ночью тягали в примарию, требовали фамилии, про Дегтяря допытывались, кто из его семьи остался в Одессе, про Клаву Ивановну, про доктора Ланду, куда подевалось имущество из его квартиры. Она молчала, а проклятый сигуранец бил ее нагайкой и сапогами в зубы.

Тетя Настя открыла рот: впереди не хватало три зуба и сбоку два или три.

С квартирой Дегтяря, пока не приехала Полина Исаевна, тоже была морока: десять раз в милицию за участковым пришлось бегать, у людей на руках ордер был, а тетя Настя повесила замок и не давала ключи.

— Хорошо, — сказал Иона Овсеич, — я тебя понял, Анастасия.

Все дни до конца недели Иона Овсеич круглые сутки сидел у себя на фабрике, хотя официально, по приказу, еще не приступил к работе: надо было сначала закончить по линии военкомата. Полина Исаевна уходила рано утром в школу, потому что до занятий оставались считанные дни, а за время оккупации здание превратили в настоящий гадюшник и ни разу не ремонтировали, даже простую побелку не делали.

Тетя Настя возмущалась: где еще можно видеть, чтоб люди так плевали на свое здоровье! Она требовала у Полины Исаевны ключи от квартиры, чтобы прибрать, хлебные карточки, деньги на картошку, цибулю, помидоры и, как Дегтярша ни сопротивлялась, добивалась своего. Поздно вечером, когда хозяева возвращались, в доме все блестело, из кастрюли подымался сытный запах зажаренного лука и сала.

Накануне выходного зашли Дина с Олей, обе с одной просьбой: пусть товарищ Дегтярь поможет им найти мебель и вещи, которые они оставили у себя в квартирах, когда эвакуировались из Одессы. Иона Овсеич сказал, что надо составить опись, он лично подтвердит, и представить в управление внутренних дел при облисполкоме. Оказалось, Дина уже была в милиции, и там ей ответили: пусть сначала выяснит, на кого можно иметь подозрение, и сообщит.

— На кого же у тебя есть подозрение? — спросил Иона Овсеич.

Дина покачала головой: если бы она знала, на кого!

Иона Овсеич сложил пальцы лодочкой и положил на стол:

— А что говорит Настя на этот счет?

— Настя говорит, что никто не ставил ее сторожить и надо было забрать шмутки с собой в Ташкент, а не требовать от людей, когда они за три года без того намордовались под румынами.

Иона Овсеич задумался, приоткрыл рот, постучал ногтями по зубам и сказал: понятно, пусть позовут дворничку, потолкуем.

— Анастасия, — обратился Иона Овсеич, — Оля Чеперуха, Дина Варгафтик и другие жильцы дома в тысяча девятьсот сорок первом году эвакуировались из Одессы, они не могли тогда забрать с собой все имущество, тем более мебель, и большую часть оставили в своих квартирах. Куда девалось это имущество и мебель?

Тетя Настя развела руками: хозяйка держит кур возле своей хаты и другой раз не может найти, где куры кладут яйца, а Варгафтик с Чеперухой хотят, чтобы она искала им яйца по всей Одессе и за городом.

— Анастасия, — сказал Иона Овсеич, — ты не поняла: это я хочу, а не Варгафтик с Чеперухой.

Тетя Настя опять привела пример с курами, которые кладут яйца, неизвестно где, Иона Овсеич остановил ее и спросил: что она имела в виду, когда говорила насчет Ташкента, хотя хорошо знает, что Дина жила и работала эти два с половиной года в городе Соль-Илецке, недалеко от Урала, а Оля Чеперуха — в городе Красноводске, возле Каспийского моря.

Тетя Настя сказала, что ничего не имела в виду, а про Ташкент Дина и Оля сами выдумали: она и теперь не знает, где тот Ташкент находится и какие там живут нации.

Иона Овсеич забарабанил пальцами по столу, как будто

выстукивал азбуку Морзе, и попросил позвать Тосю Хомицкую. Тетя Настя объяснила, что она не может здесь даром ждать и бить байдыки: надо идти на Троицкую подметать мостовую, а то участковый увидит и оштрафует.

— Ничего, — сказала Дина, — у тебя найдется чем заплатить.

Тетя Настя обиделась: за такие оскорбления она подаст в суд — теперь не румыны, без хабара разберутся, кто может заплатить, кто не может.

Пришла Тося. Иона Овсеич пригласил ее сесть, а не стоять в дверях, как будто она нищая и ждет, пока подадут. Тося ответила, слава Богу, она не нищая, получает за мужа, который с первого дня на фронте, и сама может заработать копейку. А сейчас ей совсем легко: уже месяц, как призвали Кольку, и не надо ни о ком заботиться. Тося провела пальцем под глазами, вздохнула и спросила, зачем ее позвали.

— Зачем тебя позвали? — переспросил Иона Овсеич. — Здесь с нашей дворничкой Середой мы ведем разговор насчет мебели и вещей, которые в сорок первом году оставили эвакуированные в своих квартирах. Как объясняет нам Середа, она ничего не видала, не слыхала и не имеет понятия. Я думаю, ты можешь кое-что подсказать, поскольку все годы оккупации никуда не выезжала.

Тося заявила, она ничего подсказывать не будет, нехай Настя сама посидит и вспомнит, кто к ней приходил и как она водила по квартирам.

— Ты имеешь в виду, что приходили из полиции? — спросил Иона Овсеич.

Тося ответила, она не знает, может, из полиции, но были одеты в гражданское. Тетя Настя заплакала и крикнула на Тосю: "Ах, ты румынская курва! А лавку молочную кто на Привозе держал!"

Да, подтвердила Тося, молочную лавку держала, а за румынскую курву и за все остальное Середа ответит ей перед НКВД.

— Подожди, Хомицкая, — остановил Иона Овсеич, — почему сразу НКВД?

Дина, хотя никто не просил, объяснила: если Тося говорит НКВД, наверно, есть за что.

Иона Овсеич перевел глаза на тетю Настю, та перестала плакать, вытерла кулаком слезы и рассказала про Тосины шахеры-махеры со спекулянтами из района, а Тося в ответ только кривилась и строила глупые гримасы, как дурочка.

— Хомицкая, — обратился Иона Овсеич, — нам не нравится твоё молчание, мы хотим ясно услышать: да или нет.

Тося повторила, что она держала на Привозе молочный ларек и не собирается скрывать.

— Товарищ Дегтярь, — встряла Оля Чеперуха, — при румынах Тося не могла получать за своего Степу, которого забрали в Красную Армию. Чтобы иметь на жизнь, она занималась торговлей.

— При румынах, — ответил Иона Овсеич, — на улице Энгельса подпольщики взорвали немецкий штаб, а в катакомбах под землей каратели травили партизан газом и замуровывали входы.

Тося сказала, что не каждый может взорвать штаб с генералами, а ее Колька сам собрал приемник, чтобы слушать передачи из Москвы, и на 7-ое ноября разбрасывал листовки. За это могли тоже расстрелять.

Иона Овсеич поинтересовался, откуда он брал листовки, Тося ответила, что не знает, пусть спросят у самого Кольки, когда закончится война и он вернется домой.

— Хомицкая, — Иона Овсеич внимательно посмотрел в глаза, — допустим, подобный факт действительно имел место. Кто может подтвердить?

Тося немного подумала, кивнула в сторону тети Насти, а та в ответ стала чертить в воздухе пальцем и горько засмеялась:

— Не! Товарищ Дегтярь не такой дурак, чтобы верить всякой брехне! Теперь каждый был партизан и подпольщик, а на Привозе, при румынах, сами в лавках спекулировали и наживались на чужом горе!

Тося молчала, потом подошла к тете Насте впритык, сорвала у нее с головы косынку и закричала:

— Падла! А Сонечку Граник с детьми забыла, а маленькую Лизу, как делали облаву на евреев, забыла! Думаешь, падла, стены не слышат!

Тетя Настя сделалась белая, как мел, попросила товарища Дегтяря и всех остальных, чтобы подтвердили на суде, как хаяла ее эта румынская спекулянтша.

Иона Овсеич пытался утихомирить обеих, но Тося Хомицкая разошлась до такой степени, что не было возможности остановить.

— Падла! — опять закричала Тося. — Кто принес полициям фонарь, чтобы светить в погреб, когда Сонечка ховалась с детьми! Кто говорил, когда не нашли маленькую Лизу: надо еще пошукать — должно быть третье жиденя!

— Брехня! — схватилась тетя Настя. — От начала до конца брехня. Соню взяли из квартиры разом с Осей, Хилькой и Лизой, погнали на станцию, оттуда — в Доманевку. Кто был еврей, всех погнали в Доманевку.

Тося качала головой, тяжелыми глазами смотрела на тетю Настю, та замахала кулаком и сказала, пусть эта румынская спекулянтша на другого тарашит свои очи, а на нее нема чего — у нее перед советской властью совесть чистая.

— Чистая! — передразнила Тося. — Нужник во дворе чище

твоей совести. Я тебе еще попомню, как посылала полицаев на обыск до красноармейчика Кольки Хомицкого...

— Подожди, Хомицкая, — остановил Иона Овсеич. — Нам не нравится, что ты говоришь все время намеками. Когда у тебя оккупанты производили обыск и по какому поводу?

Тося не отвечала, тетя Настя сделала шаг, чтобы стать ближе к товарищу Дегтярю, и объяснила: был обыск — один раз, как рак свистнул, другой — как рыба запела.

— Анастасия Середа, — рассердился Иона Овсеич, — твои прибаутки здесь не к месту.

Тося продолжала молчать, Оля Чеперуха воспользовалась удобным моментом и сообщила товарищу Дегтярю, что Ляля Орлова и мадам Ага, караимка из сорок пятого номера, тоже видели Соню Граник с двумя детьми, Осей и Хилькой, они шли рядом, а на руках ребенка не было.

— Середа, — громко сказал Иона Овсеич, — получается, уже три человека говорят одно, а ты — другое.

— Товарищ Дегтярь, — тетя Настя прижала обе руки к грудям, — нехай кусок станет мне в горле, если я сбрехала хоть на пол-леи.

И то слава Богу, вздохнула Дина Варгафтик, не надо считать на рубли и копейки.

Иона Овсеич переводил взгляд с одного на другого, тетя Настя вдруг закрылась фартуком и закричала дурным голосом, что такая у дворника доля: никто не верит, не считают за человека, а ты ходи только и подставляй каждому сзадую совок.

— Прекрати свое кликушество! — одернул Иона Овсеич. — Пока одни слова, а советская власть зря на человека не наговаривает: кто не виноват — тот не виноват.

Иона Овсеич разрешил всем идти, насчет мебели Дина и Оля вспомнили уже во дворе, когда поздно было возвращаться.

На другой день приехала Клава Ивановна. Она получила известие, что Дегтярь опять в Одессе, но до воскресенья никак не могла вырваться.

Клава Ивановна привезла с собой две кошелки помидоров, в плетеной корзине немножко винограда, растрепы и шасла, и отдельно для Полины Исаевны, у которой опять начиналось с легкими, фунт коровьего масла.

— Малая, — сказал Иона Овсевич, когда расцеловались и хорошо осмотрели друг друга, — так нетрудно сделаться иждивенцем и сидеть у другого на шее.

Клава Ивановна возмутилась: чтоб он со своей Полиной имел столько счастливых лет, сколько килограммов винограда, картошки, цибули она оставила в районе лишь потому, что ей не хотелось таскаться с клумками и выглядеть, как мешочница. А вообще, кто проворнее, не говоря уже про спекулянтов, едет из Одессы за продуктами в Балту, Ананьев, Ширяево, Цебриково.

Насчет спекулянтов Иона Овсевич сказал, что это особенность военного времени, а в Одессе, где два с половиной года хозяйничали румыны, можно было предвидеть с закрытыми глазами. Но удивительно другое: до сих пор на Привозе и Новом базаре люди держат частные лавочки с продуктами, с тряпьем, разным инструментом и даже книгами. На Торговой, между Подбельского и Франца Меринга, один горбун, похож на грека, имеет в своей лавке столько книг, сколько хорошая районная библиотека, а по ассортименту могут ему даже позавидовать. Спрашивается, откуда один человек мог набрать эти тысячи книг!

— Откуда! — Клава Ивановна покачала головой. — На каждой палитурке пятна крови, а от хозяев остались одни кости и зола... А спроси у лавочника, он тебе вспомнит деда и праде-

да, которые были букинистами и тратили последнюю копейку на книги.

Иона Овсеич вдруг побледнел и схватился за левый бок, как будто у него сделалось плохо с сердцем. От полной неожиданности Клава Ивановна сама побледнела и, вместо того, чтобы сразу помочь человеку, дать валерианку, стала дергать его за руку и допытываться, что он чувствует. Иона Овсеич хотел ответить, но не мог, такая была дикая боль в районе диафрагмы, где ему сделали резекцию двух ребер в сорок втором году, после Моздока.

Когда на лбу выступили большие капли пота, Иона Овсеич почувствовал, что его немножко отпустило, и сказал Клаве Ивановне, пусть не обращает внимания на пустяки: живы будем — не помрем, а помрем — так похоронят.

— Боже мой, — шептала Клава Ивановна, — где взять силы: тюрьма, революция, война, работа, работа, опять война. Если бы человек был из чистого железа, он бы давно уже покрылся ржой и поломался на куски.

— Как раз по этой причине, — пошутил Иона Овсеич, — Бог сделал человека из глины: там отняли кусочек, здесь добавили кусочек — и ты опять, как новый.

— Вот именно: как! — сделала ударение Клава Ивановна.

Иона Овсеич засмеялся, потому что с ударением получился второй смысл и довольно удачно. Мадам Малая завела разговор про награды, которые имеет капитан Дегтярь, — ордена Отечественной войны, Красного Знамени и Красной Звезды, — но Иона Овсеич не поддержал и сказал, что про это когда-нибудь в другой раз, а сейчас есть дела поважнее, и среди них одно особенно важное.

Клава Ивановна сама догадалась: он имеет в виду Настю Середу, как она вела себя при румынах. Иона Овсеич подтвер-

дил, да, Настю, но, в первую очередь он хочет узнать, что известно насчет Сони Граник с тремя детьми.

Насчет Сонечки, сказала Клава Ивановна, точно известно, что с Осей и Хилькой ее отвезли в Доманевку, а маленькой Лизы с ними не было.

На каком основании, спросил Иона Овсеич, можно утверждать, что эти сведения точные, если Анастасия Середа сама видела, как Соню Граник с тремя детьми выводили из квартиры.

— Настя не могла видеть, — сказала Клава Ивановна.

— Откуда известно, что Настя не могла видеть? — спросил Иона Овсеич.

Клава Ивановна задумалась и шевелила губами, как будто делала сложение и вычитание в уме. Иона Овсеич смотрел сбоку и ждал, когда она закончит, но так можно было ждать до утра.

— Малая, — сказал Иона Овсеич, — за три года, которые мы не виделись, ты сильно изменилась.

Клава Ивановна перестала шевелить губами, тяжело вздохнула и ответила, что в данном случае Дегтярь не прав: просто одному человеку она дала слово молчать до поры до времени для пользы ребенка, который остался без матери, без родных, а отец на фронте.

— Хорошо, — уступил Иона Овсеич, — я не буду спрашивать, я тебе сам скажу: этот человек Тося Хомицкая — она знает, что маленькая Лиза жива, она знает, где Лиза находится.

Теперь у Клавы Ивановны совесть могла быть чистая: Иона Овсеич сам догадался, и с ее стороны было бы некрасиво по-прежнему играть в молчанку. Больше того, теперь она обязана была повторить объяснение, которое дала ей сама Тося: если Ефим вернется с фронта живой, до сих пор от него ничего нет, тогда он сможет забрать к себе Лизу, а если, не дай Бог, с ним

что-нибудь случилось, пусть ребенок думает, что он имеет родную маму и родного папу. Но чем меньше людей будет об этом знать, тем лучше, потому что всегда может найтись одна хорошая сволочь. А Тосина сестра, которая временно взяла ребенка к себе, продала свой дом в Красных Окнах и переехала в Граденицы, недалеко от Беляевки.

— Малая, ты видела ребенка своими глазами? — спросил Иона Овсеич.

Да, сказала Клава Ивановна, она видела Лизу своими собственными глазами: вылитая Сонечка, только глаза немножко татарские — как у Ефима.

Иона Овсеич заложил палец под воротник гимнастерки, немножко оттянул, чтобы не так сильно жало, подошел к окну, открыл вторую створку, акацию можно было достать прямо рукой, и сказал: такого лета, как в Одессе, нет нигде, а наши люди уже четвертый год подряд кладут свои головы на фронте, но теперь осталось недолго. Да, вздохнула Клава Ивановна, до зимы Гитлеру сломают шею, а если бы Черчилль и американцы не хитрили и открыли второй фронт на год раньше, мы бы уже сегодня имели победу и конец войны.

— Малая, — Иона Овсеич протянул руку в окно и сломал веточку акации, — Расскажи мне, при каких обстоятельствах спасли маленькую Лизу.

— Маленькую Лизу, — сказала Клава Ивановна, — спас Колька Хомицкий: он узнал, что поздно вечером готовится облава на евреев, предупредил Соню, но было уже поздно, она побежала прятаться в погреб с детьми, а Колька видел, как румыны зашли к Насте, и тоже побежал в погреб. Соня ни за что не хотела отдавать ребенка, Ося уговаривал ее со слезами на глазах, но, пока Колька сам не забрал силой, ничего не получалось. Потом Настя привела в погреб жандармов, они нашли Соню с двумя детьми, третьего уже не было. Соню били голо-

вой об стенку, а она говорила, что девочка позавчера умерла, она сама закопала ее на кладбище. Настя ударила Соню фонарем в лицо и закричала, что это чистая брехня: она сама вчера видела, как Граничка с маленькой жидовкой на руках стояла в коридоре возле окна. Соня подтвердила, что стояла с Лизой возле окна, но ребенок уже был мертвый, и она смотрела во двор, чтобы выбрать удобный момент, когда никого не будет, и пойти на кладбище.

Как было дальше, Колька не знает: Лиза начала хныкать, он боялся, что услышат, и через сарай Чеперухи, который имеет люк на Троицкой, вышел из погреба. Потом жандармы пришли к Тосе на квартиру, Настя была с ними и объясняла, что Хомицкая со своим байстрюком могли захватить жиданку, но в квартире никого не было, это жандармы сами видели, а Тосю предупредили: если что — расстрел, ей и сыну.

— Малая, — сказал Иона Овсеич, — надо найти еще свидетелей, кроме Тоси Хомицкой.

Клава Ивановна удивилась: зачем еще свидетели, если есть такое доказательство — живой ребенок, которого спасли.

— Нет, — возразил Иона Овсеич, — Тося сама имеет рыльце в пуху: она держала молочную лавку на Привозе и вела торговлю.

— Подожди, Овсеич, — развела руками мадам Малая, — но человек должен был с чего-нибудь жить, так почему работать на фабрике или в мастерской можно, а вести торговлю нельзя?

Иона Овсеич немножко подумал и ответил:

— Ты меня удивляешь, Малая. Когда на короткое время восстановились капиталистические порядки и человек сразу сделался частным хозяйчиком, мы не имеем права закрывать глаза на правду: а не хотел ли он того же в условиях советской власти, только глубоко прятал в своей душе?

Да, согласилась Клава Ивановна, есть немало людей, кото-

рые говорили одно, а в глубине души думали совсем иначе, и война позволила сорвать маску, но если взять Тосю, при НЭПе разрешалось держать частную торговлю, а она не держала; и самое главное, спасая маленькую Лизу, они с Колькой лично рисковали жизнью.

— Малая, — покачал головой Иона Овсеич, — нельзя варить одну кашу из гречки и перловой вместе: что хорошо — то хорошо, здесь никто не спорит, а где есть сомнение — не надо прятать голову под крыло и убаюкивать себя красивыми сказками и легендами. Кроме того, по словам Хомицкой, ее Колька слушал регулярно передачи из Москвы, разбрасывал на 7-ое ноября листовки и прокламации, а подтвердить, опять-таки, некому. Я тебе скажу больше, она даже не знает, откуда он доставал эти листовки. В одном смысле Середа права: теперь многие стараются убедить, что в оккупацию они были партизанами и подпольщиками.

— Что же получается, — спросила Клава Ивановна, — если мы не найдем еще свидетелей, так Тосю надо держать под подозрением, а Настя может ходить себе по земле, как все другие люди?

— Такого случая, — Иона Овсеич провел черту пальцем в воздухе, — чтобы мы не могли найти свидетелей, не должно быть. А что касается Анастасии, я сам выберу способ объяснить ей: лучше добровольное признание, чем под давлением улик.

Вечером Клава Ивановна уехала обратно в Ширяевский район, колхоз имени Сталина, а Иона Овсеич, через Олю Чеперуху, вызвал к себе тетю Настю. Оля, хотя ее не приглашали, тоже села за стол, подперла рукой голову и завела разговор про мебель: конец войны уже не за горами, вот-вот вернется с фронта муж, приедет сын, а у нее на всю квартиру два стула и одна кушетка. Иона Овсеич сказал, ничего страшного, можно

посидеть пару дней на деревянном полу, это не окопы, где до пояса вода.

— Товарищ Дегтярь, — схватилась тетя Настя, — нехай Оля пойдет со мной: я из своей хаты дам ей два стула и шуфлядку, мне через них только теснота и повернуться нема где.

Насчет стульев и шуфлядки, сказал Иона Овсеич, они договорятся с Олей отдельно, а сейчас Чеперуха может идти к себе домой и заниматься хозяйством.

— Товарищ Дегтярь, — Оля крепко зажмурила глаза, — вы остались такой же строгий, как были до войны.

— Чеперуха, — сказал Иона Овсеич, — когда будешь выходить из передней, выключи за собой свет, а то даром горит.

Оля выключила свет, захлопнула дверь, постояла немножко, прислонясь ухом к филенке, но из комнаты не было слышно ни слова, одна тишина, иногда скрип, как будто ветер открывал и закрывал ставни. Она уже собралась уходить, как вдруг завыл женский голос и сразу поднялся до верхней ноты, можно было подумать, человек рвет на себе волосы, потом вмиг стало тихо, потом голос повторился, но уже привычно, ровно, вроде над покойником, пока он еще дома и можно посидеть возле него, рядом.

На следующий день, поздно вечером, радио как раз передало сообщение Совинформбюро, что наши войска заняли столицу Румынии город Бухарест, тетя Настя стояла возле ворот и ждала, когда Иона Овсеич вернется с фабрики. Ляля Орлова, которая возвращалась со второй смены, пришла вслед за товарищем Дегтярем и невольно увидела всю картину: сначала тетя Настя старалась ухватить его за руку, потом забежала спереди, бросилась в ноги и ударилась лбом о камень, Иона Овсеич хотел сделать шаг в сторону, но тетя Настя обняла его за ноги, опять ударилась лбом и громко заплакала:

— Ой, товарищ Дегтярчик, ой, любонька, не надо! Ой, не надо!

Иона Овсеич уперся правой рукой в стенку, чтобы не упасть, сильно дернул левую ногу, потом правую, тетю Настю два раза подкинуло, как будто снизу ударили в живот, и она закричала:

— Ой, Богом прошу, не надо, товарищ Дегтярчик!

— Стерва! — сказала Ляля Орлова. — Богом просишь, а раньше, где был твой Бог! Стерва.

Иона Овсеич поднимался по железной лестнице, слышно было, как цокают подковки, словно считают каждую ступеньку в отдельности: цок, цок, цок...

На субботу тетю Настю вызвали в управление, улица Бабеля 12. За день до этого вызывали Тосю Хомицкую, Лялю Орлову и мадам Ага, караимку из сорок пятого номера. Женщины сами никому ничего не рассказывали, но Дина Варгафтик не зря говорила: земля имеет уши.

С водой каждый день случались перебои, за пресной надо было ходить на Пушкинскую, угол Троицкой, примерно, километр, а соленая была почти рядом — на Преображенской, во дворе бани Исаковича, пять минут быстрым шагом. Тетя Настя с вечера приготовила бидон и железную бочку, вместе литров сто, поставила на тележку с колесами от детского велосипеда и рано утречком, люди еще спали, поехала за водой. До восьми часов, когда было уже время идти в управление, она успела полить оба двора, черный и белый, тротуар возле ворот и кусочек мостовой. Пар незаметно поднимался от теплых камней и асфальта, обтекал руки, лицо, уши и проникал внутрь, как будто легкая ингаляция.

Тетя Настя была в белом холщевом переднике, как до войны, накануне больших праздников, с правой стороны номерной знак из оцинкованной жести, совсем новый, неделю назад

выдали в милиции, на голове синяя косынка — тоже холщевая. Для поливки она обула мужские резиновые боты, сорок второй или сорок третий размер, потом переобулась в сапожки со шнурками и лакированными крючками, взяла паспорт, профсоюзный билет, справку, что она добросовестно относится и выполняет свои обязанности по уборке и чистоте двора, которую товарищ Дегтярь лично выдал перед самой войной, в мае сорок первого года, и пошла в управление, на улицу Бабеля, 12. Возле Александровских садилов она вспомнила про значок Осоавиахима, он лежал в шухлядке, немножко потопталась на месте, возвращаться с полдороги — нехорошая примета, но вернулась и надела — с правой стороны, впереди номерного знака: латунные цепочки, на которых держался значок, рядом с серебристым жетоном блестели будто золотые.

В управлении тетя Настя просидела целый день, до вечера. Говорили, что Иона Овсеич тоже заходил, во всяком случае Дина Варгафтик, по дороге на свою швейную фабрику имени Воровского, сама видела его на углу Бабеля и Кангуна, сто шагов от управления.

Около девяти часов, уже стемнело, пора было зажигать фонари, но сэкономили электроэнергию, тетя Настя опять поехала со своей тележкой по воду. Тося Хомицкая сказала: сволочь поганая, теперь моется, моря не хватит, чтобы смыть кровь, которая на ней.

Тетя Настя побрызгала во дворе газоны, виноградную лозу у ворот; остаток воды поставила на плиту, затопила и села ждать, пока нагреется. От разных мыслей тетя Настя забыла про воду и заметила, когда уже перекипело и потекло на плиту. Теперь надо было ждать, пока остынет, потому что одним кипятком мыться не будешь.

Остывало до полночи, тетя Настя пошла закрывать ворота, уже все, и Ляля Орлова, сидели по домам. Тетя Настя помыла

голову, потом в этой же воде руки, ноги и все остальное. Чтобы волосы быстрее просохли, она подбросила несколько щепок в топку, поставила рядом стул, повернулась боком, распустила волосы руками и немножко наклонилась к плите, а то много тепла уходило даром.

От сильной духоты тетя Настя разомлела, в ушах поднялся звон. Звон был душный, красного цвета — как кровь, пока она еще капает из раны и не успела потемнеть на воздухе. Тетя Настя хотела подняться и выпить кружку холодной воды, а ноги не слушались и в животе сделалось тяжело, вроде набили песком. Потом сделалось тяжело во рту, язык разбух, не продохнешь, тетя Настя очень испугалась, а ноги все равно не слушались: как на одном месте стояли, так и стояли.

Часа в четыре, перед утром, за воротами дернули звонок, шум поднялся, как будто звонили на керосин. В Покровском переулке, где Военная комендатура, залаяли собаки; звонили и стучали еще раз семь-восемь, собаки заводились сначала, а после уже, до рассвета, лаяли и выли по-дурному — без причины.

Тетя Настя отпирала ворота в шесть. Ляля Орлова нарочно выходила на пять минут позже, чтобы не надо было просить.

Еще из парадного Ляля увидела, что ворота заперты, но, на всякий случай, подошла, с силой подергала замок, пусть дворничка хорошо услышит, и отступила в сторонку. Тетя Настя не выходила, Ляля опять стукнула замком по воротам, потянула веревку дворничского звонка, подождала полминуты и трахнула кулаком в дверь, чуть не вылетело стекло.

Было пятнадцать или двадцать минут седьмого, Ляля потеряла всякое терпение, не говоря уже про смену, на которую она опаздывала, и закричала Насте, чтобы оставила свои румынские штучки, а то на всю жизнь получит баню с парной в Соловках.

Пришли Дина, Тося и Оля, они имели в запасе почти целый час до смены, можно было подождать, но дело в принципе. Дина сказала, надо разбить стекло и залезть в комнату, если по-другому не получается. Женщины минуту прислушивались, потом Ляля ударила двумя руками по раме, верхние стекла потрескались, все четыре створки, наружные и внутренние, открылись настежь. Ляля залезла на подоконник, Оля и Тося подталкивали сзади, увидела тетю Настю, как та спокойно сидит возле плиты, крикнула, пусть отпирает ворота или даст ключи, но тетя Настя не обращала внимания, даже не повернула головы. Ляля подошла ближе, остановилась возле кровати, женщины из подъезда спрашивали, почему так долго, а она не могла ответить, не могла двинуться, изо всех сил держалась за спинку кровати и смотрела, как загнипнотизированная, на тетю Настю. Локоть, который упирался в плиту, вдруг съехал, тетя Настя качнулась вперед, вроде падает. Ляля закричала не своим голосом, выскочила на подоконник и прыгнула в подъезд.

— Девочки, — заплакала Ляля, — я на нее кричу, а она сидит у плиты. Мертвая.

Дзеленькнул колокольчик над дворницкой и, не дожидаясь пока отзовутся, снаружи забарабанили в ворота, Тося сказала, пусть ее подсадят, она поищет ключи, снаружи опять забарабанили — в этот раз, наверно, железякой, такой сильный получился гром.

Когда нашли ключи и открыли, за воротами стоял Иосиф Котляр. Дина первая бросилась навстречу и закричала, можно подумать, пришла милиция и стучит железными револьверами. Нет, засмеялся Иосиф, это главное, чем милиция, это приехал сам Котляр и стучит деревянной ногой.

— Он выбрал удачный момент, — сказала Дина, пока Иосиф по очереди обходил Олю, Тосю, Лялю, чтобы обнять и поцеловать.

ваться. Когда кончились объятия, Иосиф хотел зайти в дворницкую и поздороваться с тетей Настей. — Ты выбрал удачный момент, — повторила Дина Варгафтик, — можешь сразу попрощаться: Настя сидит у себя в комнате мертвая.

Через час приехала милиция. Иона Овсеич заранее предупредил жильцов, чтобы не заходили в дворницкую и ничего не трогали: это может помешать следственным органам и вызвать ненужные осложнения.

— Какие осложнения? — скривилась Тося Хомицкая. — Собаке собачья смерть.

— Наоборот, — сказала Оля Чеперуха, — ей еще повезло. Другой всю жизнь несет людям добро и хорошо намучается перед смертью, такие у него боли, а ей не только от Бога — даже от людей не успели устроить суд.

Иона Овсеич внимательно смотрел на Тосю Хомицкую, она не замечала или удачно делала вид, что не замечает.

Милиция отвезла тетю Настю в морг судебно-медицинской экспертизы, Валиховский переулок, 2, там сделали вскрытие и написали заключение, что смерть наступила по естественным причинам — инфаркт миокарда и тромбоз сосудов головного мозга.

Поскольку родственников в Одессе у Анастасии Середы не было, а двор отказался, труп погрузили на машину и прямо из морга отвезли на Слободское кладбище, недалеко от областной психбольницы. Шофер взял в конторе расписку, пожал руку начальству и сказал, что при таких клиентах можно только лапу сосать.

На первый день Иосиф Котляр остановился у Тоси: квартиру, в которой он проживал до момента ухода жены на фронт и эвакуации, теперь занимала мадам Лебедева с дочерью Ниной, обе с Бугаевки, там у них был дом, но в сорок первом году попала бомба и дом сгорел. Когда Иосиф хотел зайти в свою

комнату и посмотреть, три года он ждал этой минуты, мадам Лебедева захлопнула перед самым носом дверь и крикнула, пусть едет обратно в Ташкент, а здесь ему нема чего делать. Иосиф мирно объяснил, что эвакуировался в город Нижний Тагил, на Урале, и никогда в Ташкенте не был, а в свою комнату, если она не пустит добром, он зайдет силой и еще набьет морду.

Мадам Лебедева ответила, что силой он может только поцеловать ее в одно место, два с половиной года она платила румынам за квартиру, теперь Советам, и Котляр зайдет сюда через ее труп, а она еще переживет десять таких, как он, и похоронит через дорогу от Второго христианского кладбища, где лежат раввины.

— Сука румынская! — крикнул Котляр, ударил кулаком в дверь и предупредил, что прямо отсюда идет в милицию, пусть приготовится.

Насчет милиции Иосиф просто напугал: сначала, конечно, надо было обсудить и посоветоваться с товарищем Дегтярем.

Иона Овсевич внимательно выслушал и сказал, что в данном случае мы имеем вариант, каких на сегодня в Одессе по дюжине в каждом дворе: с одной стороны, прав на все сто процентов он, Иосиф Котляр, с другой стороны, мадам Лебедева тоже должна иметь свой потолок и крышу. Что значит с другой стороны, сразу закипел Иосиф, если горсовет дал ему ордер и не забирает, а Лебедева захватила самовольно.

— Подожди, — остановил Иона Овсевич. — Согласно предварительным данным, в городе разрушено свыше двух тысяч домов, посчитай, сколько это может быть квартир.

Иосиф ответил, он не знает, сколько это может быть квартир, но зато хорошо знает, что из Одессы вывезли и расстреляли больше двухсот тысяч человек, а каждый имел крышу и потолок над головой: пусть Дегтярь сам посчитает, сколько

это может быть квартир, если в Одессе накануне войны проживало шестьсот тысяч населения.

Иона Овсеич тяжело вздохнул, потер ногтем подбородок и дал Котляру совет поступить следующим образом: пока поселиться в дворницкой, поскольку она освободилась, и одновременно возбудить ходатайство перед райисполкомом о предоставлении жилплощади, а он, Дегтярь, окажет полную поддержку.

Клава Ивановна, когда приехала и узнала, прямо сказала, что это стыд и срам: инвалид с гражданской войны, красный партизан, эвакуированный, жена и двое сыновей на фронте, получает приют в дворницкой, а какая-то мадам Лебедева со своей Нинкой, обе хорошие румынские подстилки, живут в его квартире, как будто Советская власть завязала себе глаза и закрыла ватой уши.

— Малая, — Иона Овсеич сильно ударил пальцем по столу, — прекрати свои разговоры и придержи свой язык! Советская власть не давала тебе мандат говорить от ее имени, а самоуправства никто не позволит.

Клава Ивановна ответила, что она не призывает к самоуправству, наоборот, но должна быть справедливость, чтобы каждый ясно понимал и видел своими глазами.

— Если человек имел возможность выехать и остался в оккупации — это его вина, — сказал Иона Овсеич, — если не имел возможности выехать и остался в оккупации — это его беда. Здесь надо строго дифференцировать, а не поднимать бучу. Лично я могу быть с руками и ногами за Котляра, но это не играет роли, главное — закон.

Мадам Лебедева, когда ее вызвали в Сталинский райисполком и предложили освободить квартиру, ударила себя кулаками по голове и закричала, что осталась без мужа с первых дней войны, два с половиной года мучались при румынах, а теперь

вернулись Советы — и выбрасывают на улицу. У дочки Нины, пока шел разговор, случился нервный припадок: на губах выступила пена, руки скрутило, как веревки, и мать закричала, что девочка умирает.

Иосиф каждый день ходил в Сталинский райисполком, там были целиком на его стороне и говорили: пусть поживет в дворницкой, сегодня никто не выгоняет, а завтра как-нибудь перемелется.

От Ани пришло письмо из полевого госпиталя: она счастлива, что Иосиф опять в Одессе, уже недалек день, когда все вместе соберутся дома за одним столом. От Саши и Пети она давно не имеет писем и очень волнуется: пусть Иосиф перешлет ей письма, которые получил от них. Иосиф ответил, что тоже давно не получал, но это понятно: они еще пишут по старому адресу, на Урал, а он уже в Одессе. Город немножко изменился, хотя можно было ожидать гораздо больше, на Привозе есть в продаже овощи, виноград, Клава Ивановна только что вернулась из колхоза и дала ему в подарок полпуда картошки, кило семечек, бутылочку масла, а он подарил ей за это хороший чайник с кипятивником, который сделал еще на Урале: за пять минут два литра кипятка. Себе он тоже оставил один такой.

Мадам Лебедева окончательно успокоилась, потому что шел день за днем, а все оставалось по-старому. Котляр иногда не выдерживал, стучал своей деревянной ногой в дверь и кричал, нехай Лебедева со своей Нинкой, румынской биксой, считают жизнь не на дни, а на минуты, такое он им готовит. Мадам Лебедева в ответ смеялась за дверью и посылала Иосифа обратно на Пятый Украинский фронт, где он потерял свою ногу и кусочек с другого места.

Клава Ивановна два раза предупреждала Лебедеву, что за свои слова она будет отвечать перед судом, но результата не

было видно, и потребовалось вмешательство самого Дегтяря.

— Лебедева, — сказал Иона Овсеич, — мы не одобряем поведение Иосифа Котляра, но никто не позволит глумиться над боевым прошлым красного партизана и оскорблять по линии антисемитизма. Владимир Ильич Ленин еще в первые дни Советской власти предупреждал: погромщиков ставить вне закона.

Мадам Лебедева ответила, что Котляр просто клепает на нее, она даже в мыслях не имела эти слова, а вообще, кто они такие, Дегтярь с его Малой, чтобы каждый раз допрашивать и морочить людям головы.

— Кто такой Дегтярь! — остоленела Клава Ивановна.

Лебедева нахально смотрела в глаза, Иона Овсеич заложил палец под пуговицу гимнастерки, улыбнулся одними губами и сказал, что вопрос вполне уместный и, стало быть, надо ответить. А вот, как ответить — это уже другая плоскость.

Через неделю мадам Лебедеву опять вызвали в райисполком и сообщили, что, по имеющимся данным, она не проживала на Бугаевке, а насчет мужа, который погиб в первые дни войны, пусть принесет извещение или справку из военкомата. Мадам Лебедева, как в прошлый раз, ударила себя кулаками по голове, никто не останавливал ее, только попросили оставить помещение и выйти на улицу.

Утром, перед работой, Иосиф вежливо постучал и поинтересовался, как чувствуют себя мадам Лебедева и Ниночка: может, в аптеку надо или доктора, у него как раз есть свободная минута. Никто не ответил, возле двери мяукнула кошка, Иосиф громко позвонил и обещал кусок рыбы, потому что у своей хозяйки она околеет с голоду. Кошка стала царапаться в дверь, Иосиф потянул к себе за ручку, дверь открылась. От полной неожиданности Иосиф немножко растерялся и, вместо

того, чтобы сразу зайти, притворил дверь и пошел звать мадам Малую.

В прихожей никого не было, в комнате Клава Ивановна еще с порога увидела, как мадам Лебедева лежит рядом с дочкой на кровати, головой к окну, и у обеих такое выражение на лице, что можно подумать самое плохое. Иосиф сразу сказал, они покончили с собой, Клава Ивановна взяла руку Лебедевой, хотела найти пульс, но не могла, потом взяла руку Нины, результат оказался тот же. Иосиф стоял бледный, как полотно, Клава Ивановна велела ему принести зеркальце: она хочет проверить у обеих на дыхание. Иосиф махнул рукой, пошел в прихожую, где до войны стоял комод, теперь там занимал угол богатый дубовый шкаф с гранеными стеклами, с медными переборками и зеркалом в полный человеческий рост, он растерянно потоптался на одном месте, как будто попал в чужой дом, наконец, решился открыть дверцу, но тут позвала Клава Ивановна:

— Котляр, не надо зеркала: я нашла у Лебедевой пульс, иди позвони в скорую помощь.

За то время, что Иосиф ходил туда и обратно, Клава Ивановна нашла пульс у Нины тоже и, когда приехала карета с доктором, сразу показала, где надо щупать. Доктор сказал, он щупает уже сорок лет, расстегнул кофточку у мадам Лебедевой, у Нины, сделал Клаве Ивановне знак, чтобы она помолчала, послушал через трубку и велел санитарам спуститься за носилками.

Иосиф стоял по-прежнему бледный, доктор спросил: "Ваши родственники?" — и успокоил, что никакой опасности нет, наглотались люминала, в больнице сделают пару хороших промываний, через день-два вернутся обратно домой, в лоно семьи.

Клава Ивановна засмеялась, слава Богу, все обошлось и

сообщила доктору, что у Иосифа Котляра есть еще одна семья, а законная жена с первого дня на фронте. Доктор внимательно посмотрел на Иосифа и сказал: ну, тогда у молодого человека жизнь еще вся впереди.

Через два дня, как обещал доктор, мадам Лебедева со своей Ниной вернулись домой, райисполком дал им дополнительный срок, и Клава Ивановна объяснила: пусть скажут спасибо за отсрочку товарищу Дегтярю.

Вечером, хотя впереди оставалась целая неделя, мадам Лебедева сама зашла к Ионе Овсеичу и честно призналась, что раньше жили в Овидиопольском районе, село Аккаржа, муж бросил их с дочкой еще до войны, завел себе другую семью и никакой помощи от него не было.

— Можно полагать, — перебил Иона Овсеич, — регистрация с ним отсутствовала.

Мадам Лебедева ответила, что с таким сукинсыном она бы сама не пошла в загс, нехай горит, где он сейчас есть, огнем. А при румынах чуть с голоду не подошли, Нинка сказала: дай, мама, в Одессу переберемся — там на стирке можно кусок хлеба заработать. Вот так они три года из себя жили тянули и ждали, когда наши вернутся, а то уже перестали чувствовать себя людьми.

— Лебедева, — опять перебил Иона Овсеич, — имеются данные, что ты и твоя дочь брали поденную работу у румынских офицеров, коммерсантов и властей, находясь круглые сутки бок о бок с ними и не только как прачки.

Мадам Лебедева заплакала и сказала, все это брехня, на самом деле Нина не гуляла с офицерами, а с одним капралом, он обещал жениться и говорил, что большевики все равно победят и Советы придут обратно.

— Ну, а ты лично, — спросил Иона Овсеич, — все время верила и ждала или были перерывы?

Мадам Лебедева ответила, что она верила и ждала с первого дня до самого последнего, а когда Советы отступали и немцы дошли аж до Волги, она первая сказала своей Нинке: там их всех и потопят.

— Подожди, — остановил Иона Овсеич, — если ты так твердо верила, как же получилось, что твоя дочь гуляла с румынским оккупантом?

Мадам Лебедева повторила, что он был не такой, как другие, всегда вежливый, приносил продукты, имел свое хозяйство возле города Мойнешти, а все равно сволочь оказался: в сорок третьем году, как отправили на Дон, ни одного письма не прислал. Нинка была от него в положении, и такая взяла ее ненависть, что сама пошла к бабке и вытравила до последней крошки, хотя была уже на шестом месяце и могла пострадать. А евреев, как эта сволочь Настя Середа, не выдавали: кто спрятался, нехай себе прячется, кто имел чем откупиться — тому на здоровье. Мебель и вещи, какие застали у себя в квартире, все стоят на месте, только шкаф притащили от доктора, который из другой парадной. Нина с самого начала говорила: придет доктор — сразу позовем его, чтобы не гонял даром по городу.

— Лебедева, — обратился Иона Овсеич, — как я понимаю, тебе не очень хочется уезжать из Одессы?

— Товарищ Дегтярь, — обиделась женщина, — и чего вы так по-казенному: Лебедева, Лебедева. У меня есть имя: Феня.

— Значит, — повторил Иона Овсеич, — из Одессы ты не хочешь уезжать. Какой же выход, Феня батьковна? Котляр переходит в свою квартиру, дворничскую пока закрываем на ключ и передаем начальству.

— Товарищ Дегтярь, — мадам Лебедева покраснелась и закрыла щеки руками, — если вы захотите, я могу оформиться на дворничку.

Иона Овсеич улыбнулся.

— Я вижу, Феня батьковна, ты думаешь, Дегтярь такой все-
сильный, что любое желание для него исполняется по щучьему
велению.

Мадам Лебедева не ответила прямо, но поклялась здоровьем,
что душой, как тот раз, когда черт ее дернул облаять това-
рища Дегтяря, больше никогда не будет.

— Ладно, — подбил итог Иона Овсеич, — пока могу тебе
сказать одно: ты очень правильно поступила, что откровенно
нарисовала, как было на самом деле, и не крутила хвостом.

С понедельника Феню Лебедеву оформили на дворничку,
Котляр переехал в свою квартиру, она — в свою. Клава Ива-
новна говорила, что не было нужды пороть горячку с Феней,
а следовало еще присмотреться: человек, который так быстро
нашел общий язык с румынами во время оккупации, требует
хорошей проверки. Иона Овсеич отвечал, что он действовал
не с бухты-барахты, кроме того, люди проверяются в работе,
а уволить всегда успеем.

Первый месяц дал неплохие результаты, Клава Ивановна
сама признавала, но в душе у нее все равно оставался черный
осадок и она талдычила свое: раз человек нашел общий язык с
оккупантами, об этом никогда нельзя забывать.

Двадцать третьего октября, когда войска 3-го Белорусского
фронта, под командованием генерала армии Черняховского,
перейдя в наступление, вторглись на территорию Восточной
Пруссии, то есть самой гитлеровской Германии, из военкомата
пришло извещение, что старший лейтенант Котляр Пинхос
Иосифович героически погиб в воздушном бою, сражаясь за
Родину.

Иосиф целую ночь курил, наверно, три дюжины сигарок,
Клава Ивановна сидела рядом и рассуждала вслух, надо поста-
вить Аню в известность или лучше немного подождать. Наутро

Иосифу сделалось плохо: сначала сильно разболелась голова, потом затряслась нижняя челюсть и отнялся язык. Из поликлиники срочно вызвали доктора, он посмотрел и сказал: небольшой инсульт, главное, чтобы явления не нарастали. Если некому ухаживать, можно госпитализировать.

Первый день Иосиф пролежал дома, на следующий взяли извозчика, Дегтярь с Малой помогли спустить больного вниз, и отвезли в горклинбольницу, нервное отделение, Феня Лебедева, только извозчик тронул, сказала вслед: жид — хитрый, хитрый, а Бог правду видит.

Клава Ивановна, когда узнала про Фенины слова, сказала, что за одно это надо поставить к стенке и погрозила Ионе Овсеичу пальцем:

— Дегтярь, ой, Дегтярь, мы еще нахлебаемся.

— Малая, — одернул Иона Овсеич, — не перегибай: когда человека выселяют из квартиры, он не обязан за это любить и говорить спасибо.

— Дегтярь, ой, Дегтярь, — повторила Клава Ивановна, — а я говорю тебе: мы еще нахлебаемся.

От Ани Котляр пришло сразу два письма: ее госпиталь находится в Югославии, очень красивая страна, население встречает Красную Армию как родную, целуют, обнимают, каждый просит к себе в дом, люди вокруг радуются, она одна не находит себе места — за целый месяц от Саши было единственное письмо, а от Пети ни слова.

К Иосифу вернулась речь, но еще держалась большая слабость и писать своей рукой он не мог. Клава Ивановна сама написала ответ, от жильцов дома передала Ане и всему госпиталю горячий привет и пожелание скорейшей победы над Гитлером; про Иосифа она сообщила, что на пальцах у него пана-рица, через пару дней пройдет — он сразу напишет.

Насчет пары дней Клава Ивановна немножко преувеличила, но через полторы недели Иосиф почувствовал себя значительно лучше и мог писать своей рукой, только почерк чуть изменился в худшую сторону. Про Петю он сообщил, что тоже давно не имел известий, а от Саши кладет в конверт письмо, которое почтальон принес буквально полчаса назад.

Палатный врач обещал выписать Котляра денька через три. Феня Лебедева по своему почину принесла несколько ведер воды и хотела сделать в квартире у больного уборку, но Клава Ивановна не разрешила и взялась сама, вдвоем с Тосей Хомицкой. Когда кончили уборку, квартира имела вид, как хороший танц-класс. В такой квартире, сказала Клава Ивановна, можно жить до ста лет, только бы не знать горя.

На другой день Клаве Ивановне передали извещение, что старший лейтенант Котляр Александр Иосифович героически погиб в воздушном бою, сражаясь за Родину.

— Нет! — закричала Клава Ивановна на весь двор. — Нет!

Потом она бросилась на кушетку, вцепилась ногтями в дерево, Дина и Тося хотели ее поднять, она вцепилась еще сильнее и кричала, чтобы все убралось к чертовой матери и оставили ее в покое.

Иона Овсеич сказал, он сам поставит Иосифа в известность, надо только подождать, пока полностью восстановится здоровье.

Феня Лебедева качала головой и объясняла: от этой квартиры всем несчастье, а ей с Нинкой судьба, что успели оттуда выбраться.

Перед самыми Октябрьскими во двор зашел высокий мальчик, почти парень, сильно похожий на Адю Лапидиса. Оля Чеперуха увидела первая и спросила, кого он ищет. Мальчик сказал, никого, он зашел в свой двор и хочет посмотреть. Тут Оля

окончательно догадалась, что это сам Адя, а не просто сходство, от радости заплакала и засмеялась в одно время.

Вечером Адя сидел у Клавы Ивановны и рассказывал, как он убежал из детского дома, когда фашисты окружили Одессу, эвакуировался на теплоходе "Грузия", в трюме среди лошадей, как в теплоход, когда стояли еще в порту, попала бомба, начался пожар и взрывом разворотило рулевое управление. "Грузию" взял на буксир эсминец "Шаумян", потом, в открытом море, порвались тросы, налетели немецкие самолеты, а "Грузия" вдруг пошла своим ходом и так до самого Крыма. Из каравана, который отправили в последнюю ночь, немцы потопили один пароход "Большевик", многие успели выпрыгнуть в море, но фашисты расстреляли их с самолетов.

— Адя, — Дина Варгафтик вытерла косынкой слезы, — ты хорошо помнишь моего Гришу? Его уже нет с декабря сорок первого года.

Из Крыма Адя перебрался на Кавказ, потом в Астрахань, Актюбинск, Кзыл-Орду, Ташкент, Самарканд, Чарджоу, Ашхабад, Красноводск, опять Кавказ — и вот он обратно в Одессе.

— Подожди, — остановила Клава Ивановна, — если ты так много разъезжал, когда ты мог учиться в школе?

Адя сказал, что закончил семь классов, ему дали свидетельство, кроме того, немножко работал в колхозе на хлопке, немножко учеником токаря, немножко на железной дороге и нефтепромыслах. Один раз его арестовала милиция, думали, — са, но быстро отпустили и дали место в интернате.

Тося и Оля плакали, Клава Ивановна сказала, это ничего, главное, что он остался человеком и не пошел по плохой дороге.

— Тетя Малая, — Адя наклонил голову, — вы не знаете, где моя мама?

Клава Ивановна тяжело вздохнула: где Зоя Лapidис она

пыталась выяснить сразу, когда только вернулась в Одессу, но никто не мог ответить, многие больные из психической лечебницы исчезли неизвестно куда.

— Тетя Малая, — тихо спросил Адя, — как вы думаете, она живая?

Клава Ивановна развела руками: а почему она должна быть не живая! Дина с Тосей держались того же мнения и объяснили Аде, что идет такая тяжелая война, какой люди еще не знали за всю человеческую историю, а на войне бывают всякие чудеса: один сидит в глубоком бомбоубежище, и через пять минут туда попадает бомба, от человека ничего не остается, другой — день и ночь под пулями на фронте, а возвращается здоровый и невредимый.

Адя сказал, он читал в газете, что немцы убивали душевнобольных и делали опыты. Да, подтвердила Клава Ивановна, она тоже читала, но, во-первых, его мама только иногда, в отдельные моменты, была не в себе, во-вторых, румыны не так зверствовали, как немцы.

Адя хотел еще спросить про своего папу, но Клава Ивановна перебила и завела разговор насчет жизни, как она сложится у Ади дальше: квартиру Лапидисов с сорок второго года занимает семья Панасюк из села Червоный Кут, сын и отец погибли на фронте, так что выселять не будут; кроме того, на несовершеннолетнего райсовет все равно не даст ордера. Значит, одно из двух: или Адя останавливается на время у кого-нибудь во дворе, или лучше сразу устроить в ремесленную школу — токарем, слесарем, штукатуром, — и получить место в общешкольной. А вечером, если будет сильное желание, он сможет ходить в музыкальную школу для рабочей молодежи, одним словом, все зависит от него самого: двери везде открыты. Оля Чеперуха заплакала: если бы ее Зюнчик был на пару лет

моложе, он мог бы сидеть сейчас рядом с Адей, а не мерзнуть где-то в сибирских казармах.

Адя выразил желание поступить в ремесленную школу, на токаря, тем более, что получил уже некоторую подготовку, Иона Овсеич написал ходатайство, чтобы его зачислили с представлением общежития, поскольку в настоящее время он не имеет своей жилплощади в городе Одессе.

Клава Ивановна потребовала от Ади, пусть даст честное слово приходить каждое воскресенье в гости. Адя дал честное слово, три воскресенья подряд аккуратно приходил, потом начал пропускать.

Сразу после нового года Тося Хомицкая получила из Польши фотографию, где Степа был снят вместе с Колькой, и письмо, которое они написали вдвоем — половину отец, половину сын. Колька отпустил себе усы, трудно было сразу узнать. Во дворе все удивлялись и говорили, что такая встреча отца и сына — редкое счастье и хорошее предзнаменование: Бог как Бог, но судьба таки есть.

Спустя полторы недели Москва давала салют войскам 1-го Белорусского фронта, освободившим столицу Польши город Варшаву. Через два дня прибыло извещение, что Хомицкий Николай Степанович пал смертью храбрых в боях за Родину. На другое утро почтальон принес от Кольки письмо, но передать Тосе не было возможности: она закрылась у себя в комнате, никого не хотела видеть и не отвечала на стук. Клава Ивановна боялась, что она наложит на себя руки, и предлагала взломать дверь, но Иона Овсеич был категорически против: есть люди, которым надо полное одиночество, чтобы пережить свое горе.

Через три дня Тося сама открыла дверь, пошла на работу, а когда вернулась, опять закрыла, и так повторялось каждый день в течение месяца.

Феня Лебедева глубоко переживала за Тосю и никак не могла успокоиться: батька, который три с половиной года на фронте, живой, а сын, не успел гимнастерку застегнуть, — уже на том свете. Мадам Малая, когда слышала эти рассуждения, просила Феню закрыть свой рот: сердце обливается кровью за погибших, но за живых надо только радоваться, а не противопоставлять.

На День Красной Армии, двадцать третьего февраля, Иосиф Котляр зашел к Тосе, подарил ей два куска душистого мыла с американского парохода и баночку тушенки, которую купил на Таможенной площади, Тося обняла Иосифа, поцеловались, и оба громко заплакали. Тося раскачивалась на стуле, ударяясь головой о стенку, Иосиф подложил свою руку, чтобы смягчить удар.

От Ани давно не приходили письма. Ее госпиталь стоял в Венгрии, которая имела уже свое Временное правительство и объявила войну Гитлеру, но вдруг, когда никто не мог ждать, стало известно про тяжелые бои в районе озера Балатон. Через пару дней Иосиф узнал, будто немцы окружили советские войска возле города Секешфехервар, и, хотя никаких оснований не было, он вбил себе в голову, что Аня или уже погибла, или погибает как раз в эту минуту. Дегтярь стыдил его при людях и спрашивал, откуда у кавалериста, который лично знал самого легендарного комбрига Григория Ивановича Котовского, берется столько слабости и малодушия.

После гибели второго сына у Иосифа сильно дергалось левое плечо, Иона Овсевич говорил, что так дрыгать плечами можно двести лет, ибо это не настоящая болезнь, а просто невроз, то есть на нервной почве. Иосиф не отвечал на эти слова, Дегтярь предупредил Клаву Ивановну, что ему не нравится душевное состояние Котляра, и просил держать его под наблюдением.

Потихоньку от Иосифа мадам Малая ходила справляться в военкомат насчет Ани, там ничего не могли сказать, написала письмо лично командующему фронтом генералу армии Малиновскому и получила ответ: лейтенант медицинской службы Котляр Анна Моисеевна успешно перенесла операцию по поводу челюстно-лицевого ранения и в настоящее время быстро поправляется.

— Ой, ой, — у Клавды Ивановны подкосились ноги, — значит, ты все-таки живая, Аннушка.

Из военкомата ответ пришел через неделю. Мадам Малая взяла письмо из штаба фронта, которое давно уже лежало у нее на столе, и показала Сталинскому райвоенкому, чтобы знал, как хорошо работает его контора и он сам.

В середине марта неожиданно приехал доктор Ланда. На погонах у него были три большие звездочки полковника, и Оля Чеперуха сказала:

— Вы еще увидите, наш Ланда будет генерал.

Во дворе думали, Ланда демобилизовался и приехал совсем, но, оказалось, ему дали отпуск на десять дней, чтобы уладить дела с квартирой в Одессе.

С Ионой Овсеичем обнялись, расцеловались крепко, по-солдатски, и тут же гость получил заслуженный упрек: если он приехал только по квартирным делам, то зря, достаточно было просто написать Дегтярю, тот уладил бы все сам и, надо полагать, не хуже.

Семен Александрович засмеялся: зачем должен делать сам Дегтярь, если может сделать сам Ланда!

Тоже имеется резон, прищурился Иона Овсеич, тем более, что капитан артиллерии обязан прислушиваться к полковнику, пусть даже медицинской службы.

— Дегтярь, — весело подмигнул доктор Ланда, — скажу

тебе по секрету: на кальсонах, которые мы выдаем в госпитале, не носят лампасы даже маршалы артиллерии.

Иона Овсеич поинтересовался, на губах промелькнула улыбка, какой теперь у доктора Ланды профиль: по-прежнему дерматолог и смежные болезни?

Нет, погрозил пальцем полковник, теперь он уролог, но приходится иметь дело и со смежными болезнями: Европа есть Европа.

В Одессе, сказал Иона Овсеич, румыны тоже оставили очень тяжелое наследие по этой части и, хотя у него на фабрике не пищевое производство, он добился, чтобы организовали соответствующую медицинскую проверку.

— Овсеич, — покачал головой полковник, — а ты, я вижу, по-прежнему взваливаешь все на свои плечи. Это вредно для здоровья.

Иона Овсеич заложил палец под пуговицу гимнастерки: если человек ценой своего здоровья оберегает здоровье коллектива, думается, здесь простая арифметика.

Солидарен на двести процентов, ответил полковник, но вся трудность как раз в этой простой арифметике: не всегда ясно, где польза, а где — наоборот.

Полковник засмеялся и хлопнул Иону Овсеича по спине, вроде тот теперь поймался в ловушку.

— Доктор Ланда, — Иона Овсеич немножко наклонился вперед, — когда отряд отправляется в разведку, командование планирует свое задание так, чтобы простая арифметика, пользуясь твоим языком, сказала, где польза, а где — наоборот. Конечно, неизбежны какие-то жертвы, но мы сознательно идем на эти жертвы, и не боимся, ибо точно знаем, что будет польза, а не наоборот.

Полковник задумался, глаза жмурились, как от яркого

света, Иона Овсеич уже готов был улыбнуться, последнее слово оставалось за ним, но неожиданно получил ответ:

— Товарищ капитан, разрешите заметить: когда человек всю жизнь работает в медицине, он привык рассуждать, как медик. А в нашем деле загодя можно только надеяться, что будет именно польза, ибо случается и наоборот.

Иона Овсеич развел руками, громко вздохнул, лукаво прищурился и сказал:

— Ланда, в тридцать седьмом году, Лapidис еще жил у нас во дворе, ты приводил точно такие объяснения. Минуло столько лет, ты прошел через всю войну с Гитлером, неужели факты истории и самой жизни не внесли никакой поправки?

Поправка, сказал полковник Ланда, здесь не то слово: на сегодняшний день мы потеряли пятнадцать-двадцать миллионов человек. Когда имеешь дело с теми, кто остался в живых, надо постоянно держать в поле зрения эту цифру.

Иона Овсеич нахмурился:

— Не знаю, откуда у тебя такие данные. Товарищ Сталин, как Верховный Главнокомандующий, таких сведений не давал. Но, независимо от этого, я тебе отвечаю: держать в поле зрения цифры надо, но под каким углом — вот вопрос.

— Мы все, — ответил полковник Ланда, — советские люди, у нас общая идеология. Мой покойный отец был частновладельцем, а его сына в сорок втором году, когда Ленинград замерзал и умирал от голода в кольце блокады, приняли в партию без кандидатского стажа. Ланда был не один — таких насчитывалось тысячи и миллионы.

Иона Овсеич через одинаковые промежутки времени ударял средним пальцем по столу, слегка запрокинув голову назад, чтобы можно было держать без лишнего напряжения, и сказал: он хорошо помнит, кто был старик Ланда, нет нужды напоминать, он хорошо знает, как люди рвались в партию перед самым

боем, потому что каждый хотел умереть коммунистом, но военное время — это военное время, а мирное время — это мирное время, не надо ставить знак равенства. После революции и гражданской войны такие попытки уже были, сама жизнь убедительно показала, к чему это может привести на практике.

— Капитан Дегтярь, — засмеялся доктор Ланда, — на фронте ты был строевиком и это, конечно, ошибка нашего командования: я бы посадил тебя в штабе, где разрабатывают стратегию, а тактикой могут заниматься и другие.

Через три дня мадам Еру, которая самовольно заняла квартиру полковника Ланды в период оккупации, была выселена, и настоящий хозяин вернулся в свой дом. Гизелла прибыла из города Чимкента прямо на готовое. Дина Варгафтик опять вспомнила своего Гришу и горько заплакала. Гизелла оправдывалась и объясняла, что война не разбирается, где Семен Ланда, где Гриша Варгафтик, а Дина отвечала, разбирается не разбирается, но выбрала ее Гришу, который сидел под пулями, пока другие сидели в госпиталях.

— Добро идет к добру, — сказала Оля Чеперуха, — так было всегда.

Клава Ивановна до глубины души возмущалась этими разговорами: можно не любить Гизеллу, можно ей завидовать, но нельзя иметь на человека злобу только потому, что ему повезло больше, чем тебе.

За день до отъезда полковник Ланда привез на грузовой машине две деревянные кровати, хороший дубовый стол, полдюжины стульев, трюмо с толстым зеркалом, а из дворницкой взяли шкаф, про который Феня Лебедева сама сообщила. Трое солдат помогли переносить вещи.

Иона Овсеич, хотя лично не присутствовал, пересчитал по пальцам, что именно привезли, и прямо сказал Клаве Ивановне: формально Ланда имел законное право, но с моральной

стороны надо помнить, что вокруг люди, которые все видят своими глазами.

От Степы Хомицкого из Германии прибыло две посылки — обе с пуговицами, английскими булавками и нитками. Пуговицы были разные — для нижнего белья, для женских платьев, пиджаков, пальто и много других, с какими-то выкрутасами, которые годятся только для цирка. Тося смотрела на это добро и говорила, что второго такого дурня, как ее Степа, надо хорошо поискать.

Иосиф Котляр, когда увидел целый галантерейный магазин, который прислал Хомицкий, сказал:

— Тося, ваш Степа не такой дурак. Еще немножко — закончится война, женщины начнут шить себе наряды, и эти пуговицы будут нарасхват. А булавки и нитки сегодня на вес золота. Если вы сами не хотите постоять в Щепном ряду или на Новом базаре, найдите человека — он у вас заберет гамузом. Но лично мое мнение, стойте сами: мы не такие богатые люди, чтобы кормить спекулянтов.

Иосиф оказался прав: в первое воскресенье, свой выходной день, Тося стала на Привозе, в Щепном ряду, и за полдня сто катушек с нитками как не было. По дороге домой она купила кусок коровьего масла, фунт крестьянской колбасы, буханку хлеба и литровую бутылку вина.

— Тосенька, — подмигнул Котляр, — до этого добра не хватает только хорошего дядька где-нибудь в чулане.

Тося выпила стакан вина, засмеялась, потом выпила еще один стакан и вдруг заплакала: как она может кушать эту колбасу, это масло, этот хлеб, когда ее Колька гниет в земле и никогда больше не сядет за стол, не ляжет на кровать, головой к окну, не трахнет ногой в дверь, когда заходит в комнату. А сколько разговоров было за ту дверь: красить, починять — так некому, а ломать — так двумя ногами, буц здоровый!

Иосиф вспомнил Пиню и Сашу, начало сильно дергаться левое плечо. Тося взяла за руку, погладила, спросила, что говорят доктора, разлила остаток вина по стаканам и пожелала, пусть кто на сегодня живой, больше не знает горя.

Среди недели Тося выходила после смены то на Привоз, то на Новый базар, то на Староконный, чтобы не было так заметно и меньше придиралась милиция, а вечером звала в гости Иосифа. На четвертый или пятый раз Иосиф хотел отказаться, от вина ему делалось хуже, Тося обиделась и сказала, что взяла на двоих, а так придется одной. Иосиф уступил, но с условием, пусть это будет последний раз.

В двенадцать, начале первого, Иосиф поднялся, чтобы идти домой, Тося остановила его, усадила на кровать, отстегнула протез, а споднее, сказала, нехай скидает сам. Утром, оба чуть не проспали, Иосиф вышел за дверь, громко постучал, как будто подошел сию минуту. Тося крикнула, что сейчас нет времени, пусть заглянет после работы.

Вечером, в субботу, Иосиф зашел опять, долго уговаривал Тосю не пить, но повторилось, как в прошлый раз: утром на смену не надо было спешить, спали, пока могли держать глаза закрытыми. Когда проснулись, немножко лежали молча, повозились, Тося засмеялась, сказала, что в молодости Иосиф был, наверно, лихой рубака, и добавила неприличную рифму. Про своего Степу она сказала то же самое, теперь он с немочками в поганой Германии, но получилось не очень смешно, Иосиф надел брюки, поскакал на одной ноге к умывальнику, взял в руки мыло и покачал головой: бедная Аня мучается в госпитале и ничего не подозревает.

За выходной день Тося расторговала полторы тысячи английских булавок, люди брали по десятку, а некоторые даже два-три.

— Малая, — сказал Иона Овсевич, — вспомни, что я тебе

говорил насчет торгашеских замашек Хомицкой. Как видишь, случайностей не бывает.

Клава Ивановна пожала плечами: а что она должна делать со своими нитками и булавками — власяницу, кольчугу!

Иона Овсеич нахмурился:

— Малая, шутка хороша, когда она на месте, а когда не на месте, она уже не шутка.

Во дворе, непонятно, кто первый начал, пошли разговоры про горячую дружбу, которая вдруг закипела между Хомицкой и Котляром. По адресу Иосифа удачно сказала Дина Варгафтик и многие повторяли ее слова: можно подумать, у него выросла вторая нога — прыгает, как петух.

Клава Ивановна позвала к себе в гости Тосю и предупредила насчет разговоров, которые идут вокруг. Тося расплакалась и ответила, нехай прочистят спичкой, если вязнет в зубах, а пережеванное невкусно.

— Я тебе верю, — сказала мадам Малая, — но ты должна принять меры, чтобы не было пищи для разговоров.

Поздно вечером, Тося уже закрыла ставни, с улицы все видно, сильно постучали в дверь. От неожиданности Тося затряслась и, вместо того, чтобы сразу отпереть, осталась на месте возле окна. Через минуту опять постучали, теперь уже рукой и ногой, Тося побежала открывать, но ключ, как будто нарочно, поворачивался до середины и застревал.

— Сейчас! — крикнула Тося, засунула ручку ножа в кольцо, ключ сделал сразу полтора оборота, но сильно погнулось кольцо.

— Что такое, — возмутилась с порога Клава Ивановна, — что за баррикады ты устраиваешь здесь!

Тося показала ключ, как сильно погнулось у него кольцо, Клава Ивановна не смотрела, а быстро ходила по комнате, вроде спешила и боялась проворонить.

— Что вы ищите? — спросила Тося.

Клава Ивановна не ответила и, в свою очередь, поинтересовалась, зачем Хомицкая закрывает ставни, когда все другие держат открытыми, Тося объяснила: из дома напротив хорошо видно, что делается у нее в квартире.

Клава Ивановна скривилась:

— А что такое делается у тебя в квартире, чтобы надо было прятаться?

— А что у меня может делаться? — спросила в ответ Тося.

— Нет, — провела пальцем в воздухе Клава Ивановна, — это ты мне ответишь, что у тебя может делаться. То разговоры во дворе про шуры-муры с Котляром, то ставни закрываются, то дверь не открывается. Хомицкая, слишком много странностей. До сих пор я тебя защищала перед Дегтярем, а теперь мне надо самой хорошо оглянуться.

— А ты меня не защищай, — вдруг перешла на "ты" Хомицкая. — Защитница нашлась! Три года пряталась в эвакуации и сидела бы себе, а сюда нечего было вернуться, без тебя обойдемся, не подохнем.

На минуту Клава Ивановна остолбенела, и, хотя стояла лицом к Тосе, было впечатление, что не видит ее, или видит, но не узнает. У Тоси кривились губы, как будто вот-вот расплечется, Клава Ивановна подошла к окну, открыла ставни, на подоконник лег белый свет луны, посмотрела на улицу, дома стояли как замороженные, остатки снега кучками лежали вокруг деревьев, и тихо сказала: Боже мой, какая красивая ночь у нас в Одессе. От слабости Тося должна была прилечь, Клава Ивановна остановилась возле кровати, потрогала рукой Тосин лоб, пожелала спокойной ночи и пошла. Возле дверей она опять остановилась, помолчала немножко и тяжело вздохнула:

— Глупенькая, эта старая стерва Малая все понимает, но она не думает о себе, главное, чтобы вам было хорошо.

Через день, когда Тося пришла со смены, дома ждало письмо: товарищи по госпиталю сообщили про Степана Хомицкого, ее мужа, что он подорвался на mine, которую подложили фрицы в городе Шпремберг, получил ранение и контузию, но опасности для жизни в настоящее время нет.

В воскресенье Тося надела шелковое платье, почти совсем новое, шили в сороковом году, Степа как раз вернулся домой после финской войны и Бессарабии, белые сандалеты, часы-кирпичики и пошла в Успенскую церковь. Людей было много, от спертого воздуха немного мутило, возле колонны, на раскладушке, лежал калека, тела не было видно, одна голова с глазами, от которых делалось нехорошо на сердце. Тося перешла на другое место, но все равно чувствовала эти глаза у себя на затылке, несколько раз провела рукой, однако держалось по-старому и не проходило.

Далеко впереди, за канделябрами и малыми подсвечниками, подымался высоко над людскими головами иконостас, собранный из золоченых прямоугольных рам и вставленных в эти рамы изображений Господа, его апостолов и святых. Старичка на амвоне сменил молодой человек, колокольным басом возгласил многие лета вождю народов, творцу всех наших побед маршалу Иосифу Сталину, а также его красному воинству, сокрушившему смертного врага земли Русской кровавого Адольфа Гитлера, хор подхватил, голоса ударялись о стены и возносились под купол, вырываясь через открытые окна наружу — на улицы Кирова и Красной Армии.

В притворе церковная старушка продавала свечи — малые по десяти рублей за штуку, большие по двадцать пять, Тося купила две большие — за упокой сына Николая и благополучное выздоровление мужа Степана. Потом, уже на паперти, пересчитала деньги, воротилась и купила еще две маленькие — за всех, кого она не знает в лицо, не знает по имени, но были

рядом с ее сыном и мужем. Рубли, серебро и медь, которые оставались, дала нищим, одни благодарили, другие брали молча, опускали в карман и опять протягивали руку.

В хлебном магазине, продавщица уже успела отрезать талон и взвесить хлеб, Тося вспомнила, что в кармане нет ни копейки. Продавщица рассердилась, что зря морочат голову, забрала хлеб и швырнула карточку с талоном обратно.

Клава Ивановна, когда встретила во дворе Тосю, поинтересовалась, много ли было сегодня людей в церкви. Тося удивилась, что мадам Малая уже все знает, но та объяснила: достаточно посмотреть на лицо Хомицкой, чтобы догадаться, откуда она идет и чем занималась. Хотя никто не упрекал, Тося сказала в свое оправдание, что пошла просто так, сильно тяжело на душе, а не по другой причине.

— Як тревога, так до Бога, — вздохнула Клава Ивановна. — Попы хорошо знают, когда надо ловить людей и зазывать к себе в церковь.

Тося ответила, что ее никто не ловил и не зазывал, но Клава Ивановна только покачала головой и горько улыбнулась: не обязательно, чтобы поп подходил к каждому в отдельности, достаточно одного факта существования церкви и монастырей. За годы Советской власти люди уже забыли, как попы грабили народ и пили из него кровь вместе с царем и помещиками, теперь опять придется начинать с Адама и Евы.

Часов в десять вечера Оле Чеперухе принесли телеграмму. Она чуть не потеряла сознание, пока развернула и увидела, что телеграмма от сына. Зюнчик сообщал свой новый адрес, сплошные цифры, Оля побежала наверх, к Дегтярю, чтобы хоть приблизительно узнать, в какую сторону отправили сына, но Иона Овсеич очень ясно ответил: поскольку сам Зиновий не указывает, стало быть, нельзя, однако, его личное убеждение, в Гер-

мании наших войск вполне достаточно и отправлять туда молодых, только что обученных офицеров, нет смысла.

Спустя несколько дней от Зюнчика пришло письмо. Он не писал прямо, где находится, но вспомнил, как сильно, когда был еще мальчиком, хотел иметь своего ручного тигра, чтобы все люди в Одессе боялись его и разбегались в стороны. И вот, буквально вчера, ему показали одного человека, который один на один поймал трех живых тигрят и продал в зверинец.

— Боже мой, — Олю бросило в жар и холод, — Зюнечка где-то в Индии!

Иона Овсеич дважды внимательно прочитал письмо, хотя уже после первого раза хорошо понял намек Зиновия насчет местопребывания, поскольку, кроме тигров, говорилось про удивительно красивую растительность, которая, с одной стороны, южная, как на Кавказе, с другой, северная, как в тундре, возле Полярного круга.

— Чеперуха, — сказал Иона Овсеич, — у меня нет уверенности, что твой Зиновий именно в Индии, но если взять, к примеру, Германию, то это как раз в противоположную сторону.

Целую неделю у Оли было спокойно и легко на душе, но черт дернул ее похвастать перед Гизеллой Ландой, что ее Зюнчик уже офицер и, по особому заданию начальства, его перебросили в Индию.

Гизелла очень удивилась:

— Если по особому заданию, откуда вы можете знать?

Оля улыбнулась, засунула руку под платье, где декольте, и вынула письмо. Пока Гизелла читала, Оля объясняла, что Зюнчик не такой дурак и умеет в одно и то же время все сказать, и вместе с тем ничего не сказать.

Действительно, согласилась Гизелла, написано очень тонко, она лично не ожидала от Зиновия такого дипломатического таланта, но по всем признакам речь идет вовсе не об Индии,

а о нашем Дальнем Востоке, по соседству с Кореей, Маньчжурией, там сейчас хозяйничают японцы.

— Какие японцы! — возмутилась Оля. — При чем здесь японцы!

Гизелла пожала плечами: каждый школьник знает, что Индия — это субтропики, даже тропики, а флора, одновременно южная и северная, плюс ко всему тигры, есть только у нас в Уссурийском крае.

— А где Уссурийский край, — добавила Гизелла, — этого вы не можете не знать.

Оля ответила, что она не ученая, как некоторые другие дамы, она имеет право не знать, ибо всю жизнь работала от зари до зари, а на книжки у нее не оставалось свободного времени.

— Олечка, — сказала Гизелла, — ну чего вы злитесь? Может, я ошибаюсь, может, вы правы.

Нет, вдруг заплакала Оля, теперь она сама понимает, что обманывала себя и выдумывала всякие Индии, Зюнчик, конечно, на Дальнем Востоке, там совсем рядом японцы, а от них можно ожидать любых гадостей.

— О чем вы говорите! — засмеялась Гизелла. — Если они побоялись в сорок втором году, в сорок третьем, то теперь это для них равносильно самоубийству. Мы же не американцы, мы сотрем их в порошок за десять дней.

Гизелла рассуждала правильно, на ее месте Оля говорила бы то же самое, но за десять дней, пока мы сотрем японцев в порошок, придется положить немало жизней, и никто, даже на секунду вперед, не может гарантировать, что Зюнчик останется живой и невредимый. Все годы, начиная с первого дня войны, Иона Чеперуха был на фронте, имел пять ранений, сегодня со своей частью он вел наступление в Чехословакии, смерть была со всех сторон, но за него она никогда так не волновалась. А эти американцы и англичане, это же сволочи,

привыкли загребать жар чужими руками! Они будут еще десять лет цацкаться со своими японцами, пока наши не возьмутся за дело и не сделают с Японией то, что сделали с Гитлером.

В последние дни Оля на каждом перекрестке повторяла эти слова, в конце концов, Иона Овсеич должен был предупредить ее со всей серьезностью, чтобы прекратила свои провокационные разговоры насчет войны с Японией, иначе придется расценивать по законам военного времени.

Оля сделала сумасшедшие глаза и тоненьким голосом спросила:

— Товарищ Дегтярь, но мне, матери, вы можете ответить правду: японцы скоро сдадутся, или эти гнусные американцы специально ждут, чтобы мы положили своих детей?

— Чепуха, — сказал Иона Овсеич, — я тебе опять повторяю: прекрати свои разговоры насчет войны с Японией. Наша главная задача — добить Гитлера в его собственной берлоге, а все остальное сегодня на втором плане.

Оля расплакалась:

— Если бы у вас был свой сын, товарищ Дегтярь, вы бы так легко не говорили.

Иона Овсеич напомнил, что у него было два сына, в самое тяжелое для Советской власти время, когда по всей стране царили голод и тиф, он потерял обоих. Да, сказала Оля, она знает, но разве можно сравнивать то, что было двадцать пять лет назад, и сегодняшнее. Иона Овсеич смотрел задумчиво перед собой, мысли увели куда-то далеко, тяжело вздохнул, привел в пример свою Полину Исаевну, как она тогда чуть с ума не сошла, потом за нее взялся туберкулез, открытый процесс, она чудом осталась живая, и все-таки никогда не теряла человеческого облика.

— Товарищ Дегтярь, — повторила Оля, — я все знаю, но это

было двадцать пять лет назад, давно заросло травой, а мы говорим про сегодня, сию минуту.

— Чеперуха, — ответил Иона Овсеич, — материнская любовь самое святое на свете, но есть одно, еще более святое — любовь к Родине, к Советскому государству, и не надо допускать, чтобы материнская любовь превращалась в материнскую слепоту, это может далеко завести.

Оля внимательно слушала каждое слово товарища Дегтяря, от большого напряжения на лбу собрались глубокие складки, но все равно трудно было понять, она честно призналась и третий раз повторила: нельзя сравнивать двадцать пять лет назад и сегодня — то было и сплыло, а это есть.

— Рубцы болят на погоду, — сказал Иона Овсеич. — Чеперуха, поверь мне: рубцы болят на погоду.

Второго мая наши войска взяли Берлин, Оля всем объясняла: еще день-два и наступит полный мир. Насчет японцев она была уверена, что теперь, когда разгромили Гитлера, им нет никакого смысла продолжать войну и надо соглашаться на полную капитуляцию. Чтобы не прозевать, Оля круглые сутки не выключала радио и часто просыпалась среди ночи: ей слышались позывные из Москвы, которые предупреждали, что будут передавать важное сообщение.

Восьмого мая, не имея никакого выхода, немцы капитулировали. Акт о капитуляции подписали руководители германских вооруженных сил фельдмаршал Кейтель, генерал-адмирал фон Фридебург и генерал-полковник Штумпф в присутствии представителя главнокомандования Красной Армии маршала Советского Союза Жукова, представителя командующего экспедиционными силами союзников главного маршала авиации Теддера, командующего стратегическими воздушными силами США генерала Спаатса, главнокомандующего французской армии генерала Делатр де Тассиньи.

На девятое мая был назначен День Победы. Товарищ Сталин выступил с обращением к народу. Вечером, перед салютом, Иона Овсеич собрал жильцов во дворе под открытым небом и прочитал обращение еще раз, чтобы не только мы, не только наши дети, но и наши внуки и правнуки запомнили навечно слова вождя всех народов и гениального полководца товарища Сталина:

— Наступил Великий день победы над Германией... Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией. Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Люди опять поздравляли один другого, обнимались и целовались с такой силой, как будто не виделись тысячу лет. Тося Хомицкая ушла к себе домой, Котляр побыл немножко и тоже ушел, а с Диной Варгафтик вдруг началась истерика, она подымала над головой руки и просила своего Гришеньку, чтобы он с того света посмотрел, как радуются люди.

После салюта Оля Чеперуха подошла к Ионе Овсеичу и просила объяснить: товарищ Сталин сказал, что в Европе война кончилась и будет мир, а про Дальний Восток не сказал ничего; получается, немцы капитулировали, а японцы — нет.

Иона Овсеич положил руку на плечо, крепко прижал к себе Олю и ответил: да, немцы капитулировали, а японцы — нет, но здесь уже не стоит вопрос, кто кого, здесь вопрос исключительно времени. Оля сказала, что время нас не должно волновать,

пусть американцы и Черчилль воюют сами, а мы им откроем второй фронт, как они нам открывали.

Товарищ Дегтярь улыбнулся: по-своему Оля Чеперуха права, мы не американцы и не Черчилль.

VI

Двадцать третьего августа Квантунская армия, в составе которой японцы имели тридцать одну пехотную дивизию, одиннадцать бригад, в том числе две танковые, капитулировала. В плен было взято пятьсот девяносто четыре тысячи солдат и офицеров, тридцать тысяч японцы потеряли убитыми, Красная Армия заняла Маньчжурию и крупнейшие города Мукден, Чанчунь, Порт-Артур, Гирин, Харбин, а также Северную Корею с городами Юки, Расин, Сейсин, Гензан.

Второго сентября, когда диктор прочитал обращение товарища Сталина к народу в связи с победой над империалистической Японией, этого дня народы России ждали сорок лет, начиная с 1905 года, Иона Овсеич лично, Клава Ивановна и многие жильцы дома зашли к Оле Чеперухе, чтобы поздравить ее особо: из всего двора один Зиновий Чеперуха участвовал в войне с японцами.

Оля целовалась с каждым в отдельности, вытирала губы и опять целовалась. Потом все ушли, остались только Иона Овсеич и Клава Ивановна. Оля заварила крепкий чай, положила на стол шесть кусков сахара и кило хороших яблок. Клава Ивановна дала от себя в подарок две бутылки с наливкой — абрикосовую и вишневку, Иона Овсеич только разводил руками: не успела закончиться война, а люди уже пируют, как до войны. Выпили по стопке, Иона Овсеич немножко разбавил во-

дой, Оля сказала, ради такого случая надо пить в чистом виде, и вдруг расплакалась.

— Ну, Чеперуха, — Иона Овсеич весело хлопнул рукой по столу, — кто был прав насчет Японии: ты или я! Если бы сделали по-твоему, сегодня американцы хозяйничали бы в Маньчжурии и Корее, реставрировали капиталистические порядки и поставили бы Красную Армию Китая в архитрудные условия.

Оля продолжала плакать и призналась, что у нее тяжело на сердце, как будто в эту минуту что-то произошло с Зюнчиком.

— Оставь свои забобоны! — сказала Клава Ивановна. — Человек должен всегда надеяться и верить в хорошее. Тем более, что война уже позади.

Оля опять повторила, что у нее тяжело на сердце и хочется кричать.

— Чеперуха, — обратился Иона Овсеич, — ты мне так и не ответила на вопрос, кто был прав.

Оля вытирала слезы, и мадам Малая ответила за нее, что товарищ Дегтярь полностью был прав, в противном случае, на Дальнем Востоке сегодня мы не имели бы таких прочных позиций, не говоря уже про Красную Армию Китая, которая за один месяц оказалась в более выгодных условиях, чем раньше за десять лет, и не за горами время, когда по всему Китаю мы будем иметь советскую власть.

— Чеперуха, — сказал Иона Овсеич, — ты можешь гордиться, что такой человек, как наша Малая, сидит у тебя в доме и вы вместе пьете чай за одним столом.

В середине сентября Оля получила известие от Зюнчика, что в бою за город Дайрен он потерял правую ногу немножко ниже колена, точнее, не в самом бою, а чуть позднее, уже в госпитале, когда началась газовая гангрена, вследствие ранения пулей дум-дум. От крика и невыносимых переживаний у Оли сделался мужской голос, она рвала на себе волосы и повторя-

ла, что они стали белые, как у столетней старухи. Тося Хомицкая сидела возле Оли и говорила, пусть бы ее Кольке отрезали обе ноги, только бы вернулся домой. Оля на эти слова не отвечала, а требовала к себе Дегтяря и Клаву Ивановну: она хочет, чтобы они повторили еще раз, что предчувствие матери — это глупые забобоны.

Вечером Олю навестил Иона Овсеич, чтобы немножко поддержать бодрость духа, а она опять стала рвать себя за волосы и закричала, что ей не нужна никакая Япония, никакая Маньчжурия, и пусть ее сын будет с двумя руками и двумя ногами, как она его родила, а не калека на костылях.

— Чеперуха, — ласково сказал Иона Овсеич, — сердце матери — это сердце матери, мы понимаем, но под маской горя человек может невольно сболтнуть лишнее.

В ответ Оля сказала Ионе Овсеичу, пусть катится к такой бабушке, а то она пошлет его дальше, и не надо угрожать: человек боится пока он живой и собирается долго жить, а когда смерть каждую ночь царапается к нему в дверь, можно уже не бояться.

Иона Овсеич покачал головой: бояться вообще нет оснований, просто надо думать, что говоришь.

Чеперуха легла на кушетку, закрыла глаза и тихим голосом попросила Иону Овсеича уйти из ее квартиры, потому что сегодня у нее нет настроения слушать его политграмоту, так болит сердце. Иона Овсеич поднялся и на прощание сказал, что не имеет на Олю никакой обиды, наоборот, он переживает вместе с ней, а когда-нибудь в другой раз они вернутся к этому разговору.

Через неделю пришло новое письмо от Зюнчика: несколько дней подряд врачи опасались, что придется отрезать еще кусок ноги выше колена, имели место признаки некроза, но теперь никакой угрозы нет и быстро идет к заживлению. Особенную

заботу проявляет лаборантка Катя Тукаева — она из города Улан-Удэ, сидит возле него круглые сутки и не отходит.

— Боже мой, — схватилась за стенку Оля, — теперь я должна радоваться, что у моего сына осталось полторы ноги.

— Нет, — сказала Клава Ивановна, — теперь ты должна радоваться, что сын вернется домой с готовой невестой.

Мадам Малая как в воду смотрела: буквально через три дня Зюнчик написал маме, что его жена Катерина предлагает поселиться на постоянное жительство в Улан-Удэ, Бурят-Монгольская АССР, а он хочет только в Одессу. Катя говорит, что в Улан-Удэ они могут иметь целый дом, а в Одессе на две семьи одну комнату, вместе с родителями.

В тот же вечер Оля ответила Зюнчику, что его папа, мама и он сам родились в Одессе, всю жизнь живут в Одессе и умрут здесь, когда придет время, а кому больше нравится Улан-Удэ, пусть едет к себе, она ничего не имеет против.

— Оля, — сказала Клава Ивановна, — клянусь своим здоровьем, это письмо, кроме нас двоих, больше никто не будет читать. В тяжелую минуту мальчик нашел подругу жизни, а ты хочешь в один миг все разрушить. Если бы я сама не видела, как ты ушла в родилку и вернулась с сыном, я бы подумала, что имею дело с мачехой, а не с родной мамой.

Как раз мачеха, ответила Оля, отпустила бы обоих на все четыре стороны, а она хочет, чтобы Зюнчик вернулся в Одессу и нашел себе здесь хорошую невесту с приличными родителями.

— Подожди, — остановила Клава Ивановна, — какое ты имеешь право говорить про невесту, если твой Зиновий уже семейный человек?

— Что значит семейный? — возмутилась Оля. — За пять дней, пока он лежит в госпитале, они не могли расписаться, а ппж — это ппж.

Клава Ивановна на минуту потеряла дар речи, Оля воспользовалась и привела в пример своего Иону, который тоже мог найти себе какую-нибудь ппж, а отсюда вывод, что он должен привезти ее в Одессу и выгнать жену, с которой прожил двадцать лет.

— Чеперуха, — Клава Ивановна сплела пальцы и крепко сжала, — ты меня так удивляешь, как я еще не удивлялась за всю свою жизнь. Твой сын потерял на войне ногу, в эту страшную минуту его поллюбила чудесная девушка из города Улан-Удэ, они поженились, и вдруг через дорогу перебегают родная мать, которая хуже бабы-яги.

— Да, — подтвердила Оля, — я хуже бабы-яги, но пусть мой сын выберет себе жену у себя в Одессе, чтобы мы знали, из какой она семьи, а то, что он потерял ногу, никого не должно касаться: от этого больно только ему и его родной маме.

Клава Ивановна вздохнула, еще раз прочитала письмо, зачеркнула строчку насчет Улан-Удэ — кому нравится, пусть едет к себе, — заклеила конверт и сказала, она сейчас будет идти мимо почты, так что сама бросит в ящик.

Оля махнула рукой и тихо заплакала: почему каждый делает по-своему, почему никто не хочет ей уступить, а она должна всю жизнь уступать каждому — сыну, какой-то Кате из Улан-Удэ, мадам Малой, Дегтярю и первому встречному-поперечному.

На обратном пути, возле ворот, Клава Ивановна встретила разносчицу с почты: срочная телеграмма Котляру, а номера квартиры нет.

Клава Ивановна прочитала и сунула разносчице рубль:

— Не надо номера: Аннушка приезжает, четыре года была на фронте.

Клава Ивановна бежала по винтовой лестнице на третий этаж и громко кричала: "Котляр, танцуй!". А на пороге, когда

открыли дверь, она остолбенела — прямо перед ней стояла сама Аня.

— Аннушка, — у Клавы Ивановны подкашивались ноги, — Аннушка!

Аня сделала шаг навстречу, протянула руку, чтобы поздороваться, на левой стороне лица, где челюсть, была заметная впадина. Клава Ивановна невольно задержала взгляд, потом бросилась, обхватила гостью обеими руками и крепко прижалась. Аня немного постояла, осторожно разжала руки, Клава Ивановна отступила на полшага, снова присмотрелась и сказала:

— Аня, клянусь жизнью, ты такая же красивая, как была. Еще красивее.

Иосиф стоял рядом и просил Аню повторить его слова, которые буква в букву совпадали со словами мадам Малой.

— Иосиф, — грубо перебила Аня, — когда врет посторонний человек, этого требуют приличия, а когда врет собственный муж, противно слушать. Я устала, я хочу спать, и пусть мадам Малая зайдет в другой раз.

— Аня, — Клава Ивановна протянула вперед руки, как будто о чем-то просит, — я столько лет тебя не видела, у меня на сердце целый праздник!

Аня еще раз повторила, что она устала и сильно хочет спать, а мадам Малая пусть зайдет в другой раз.

Клава Ивановна попрощалась, плотно закрыла дверь и только успела сделать два-три шага, услышала Анин голос: она жалобно звала своего Сашу и своего Петю, они не отзывались, и Аня грозила, что пожалуется папе.

— Аннушка, — Иосиф громко стонал, — я прошу тебя, не надо: нам никто не поможет. Кто мертвый, тот навсегда мертвый.

Аня опять позвала Сашу и Петю, Клава Ивановна чувствова-

ла, что сходит с ума, и с ужасом ждала, когда Аннушка в третий раз позовет своих мальчиков. Прошла минута, другая, Аня кляла себя последними словами за лето сорок первого года — надо было иметь сердце хищного зверя, чтобы откладывать поездку к родным детям в такое время! — но к сыновьям больше не обращалась.

Иона Овсевич сказал, нужно организовать встречу фронтовика Анны Котляр с женщинами нашего дома: это будет полезно как для морального состояния самой Котляр, так для всех женщин.

Аня, когда ее предупредили, категорически отказалась: во-первых, сотни тысяч и миллионы советских женщин были на фронте, во-вторых, она не хочет слушать других и не хочет сама говорить.

— Лейтенант Котляр, — Иона Овсевич закрыл глаза, — ты думаешь, мы уже победили, и каждый может распускать свои нервы, как ему нравится. Это непростительная ошибка с твоей стороны. Мирная жизнь имеет свои трудности и не меньше, чем на фронте.

Аня ответила, что она хорошо видит разницу и просит оставить ее в покое, а пропагандистов и активистов пусть товарищ Дегтярь ищет среди других, у кого есть здоровье и силы.

— Ладно, — хлопнул по столу Иона Овсевич, — ты поступай, как тебе подсказывает твоя совесть, а мы со своей стороны дадим объявление про встречу женщин нашего дома с фронтовичкой Анной Котляр.

Получилось, как обещал Иона Овсевич: заблаговременно дали объявление про встречу, которая состоится в воскресенье в помещении бывшего форпоста. Через своего Иосифа Аня накануне поставила в известность товарища Дегтяря и мадам Малую, что в указанный час ее не только в форпосте не

увидят, но и дома не найдут. Иона Овсеич сказал, что принимает к сведению это заявление, однако напомнил, если кто немножечко подзабыл: не гора идет к Магомету, а Магомет идет к горе.

В воскресенье, едва начало светать, Аня оделась и тихонечко вышла из комнаты. Иосиф повернулся лицом в подушку и спал, как убитый. Клава Ивановна наведлась пораньше, чтобы пожелать Котлярам доброго утра, но слова не успели сойти с языка: она почувствовала всем телом, что дома один Иосиф и понятия не имеет, куда делась его жена и когда вернется. Для полной уверенности мадам Малая потребовала, пусть Иосиф поклянется своей жизнью, что в самом деле не имеет понятия. Вместо клятвы, Иосиф схватился за голову, из правого глаза выкатилась слеза, и закричал, что Аннушка пошла на Ланжерон утопиться: три дня подряд она только думала и говорила вслух про смерть.

— Старый идиот, — закричала в ответ Клава Ивановна, — как же ты мог молчать и не поставить в известность!

У Клавы Ивановны похолодели от ужаса ноги: она вдруг представила себе, как жильцы и соседи празднично одетые идут на встречу с фронтовичкой Анной Котляр, а та лежит посреди форпоста мертвая с синим лицом и набухшим животом, как у всех утопленников.

Когда мадам Малая принесла это дикое известие, Иона Овсеич сидел за столом и получал удовольствие от горячего завтрака, который приготовила на выходной день Полина Исаевна: картошка в мундирах с цибулей и тюлькой, а на десерт оладьи из хорошей ячменной муки, сверху повидло. От тюльки остались одни головки, они лежали горкой на картофельной кожуре, а оладьи Иона Овсеич только начинал.

— Малая, — сказал Иона Овсеич, — перестань паниковать и попробуй оладьи.

Клава Ивановна ответила, что она не такой железный человек, как Дегтярь, и первый кусок, который она сейчас откусит, застрянет в горле.

— Малая, — повторил Иона Овсеич, — перестань паниковать и попробуй оладыи: они хорошо успокаивают нервы.

Полина Исаевна, которая до этой минуты не вмешивалась, тихонько застонала и всплакнула: в двадцать первом году, когда умирали от дистрофии оба сына, Дегтярь тоже сидел с каменным лицом и люди могли Бог знает что подумать, а потом всю ночь ходил по городу один, и она уже не надеялась увидеть его живым.

— Малая, — еще раз попросил Иона Овсеич, — перестань паниковать и садись с нами за стол: сладости хорошо успокаивают нервы.

Клава Ивановна взяла голыми пальцами оладью, отпила глоток чаю, Иона Овсеич сжал губы и поглядывал то на гостью, то на жену, Полина Исаевна невольно опустила голову и сказала, если Дегтярь такой спокойный, значит, должно обойтись благополучно.

Мадам Малая доела свою порцию, Иона Овсеич на несколько секунд закрыл глаза и спросил, как будто обращаясь к самому себе, может ли человек, который прошел через все испытания войны и фронтовой обстановки, вдруг смалодушничать и покончить с собой?

Клава Ивановна тяжело вздохнула: у каждого человека бывает в жизни такой момент, когда он сам себя не помнит.

— И много людей, Малая, за твою жизнь наложили на себя руки? Случай с Орловой можешь не приводить: я не забыл, как ты бегала по моргам.

Клава Ивановна честно признала, что, сколько она себя помнит, никто не покончил с собой, хотя не раз угрожали, но,

с другой стороны, когда человек наложил на себя руки, кричать караул уже поздно.

Ладно, Иона Овсеич хлопнул себя по колену, давайте прекратим полемику, и попросил обеих, мадам Малую и свою Полину Исаевну, набраться терпения до восемнадцати ноль-ноль, то есть до начала встречи.

— Ой, Дегтярь, — застонала Клава Ивановна, — где достать твои нервы и твою голову.

— Малая, — погрозил пальцем Иона Овсеич, — у каждого есть нервы, у каждого есть голова — не надо только терять.

До четырех часов Клава Ивановна еще как-то держалась, а дальше не могла себе найти места ни на секунду: то стояла у окна, то у ворот, то забегала к Котляру, к дворничке, к Дине Варгафтик, к Чеперухе, к Тосе Хомицкой. С Диной Клава Ивановна сама поделилась, а остальные могли строить лишь догадки. Около шести часов, когда люди стали сходитьсь в форпост, вдруг разнесся слух, что Аня Котляр рано утром, еще было темно, ушла неизвестно куда и с тех пор не возвращалась.

Клава Ивановна напала на Дину Варгафтик: болтуха, язык без костей! Дина заплакала от обиды и сказала: если бы ее Гриша сейчас был живой, никто бы не позволил себе оскорблять ее, а так, когда от Гриши остались одни кости, могут позволить себе все.

В восемнадцать ноль-ноль пришел Иона Овсеич, велел прекратить все посторонние разговоры и торжественно произнес:

— Вечер встречи женщин и других жильцов нашего дома с фронтовиком, лейтенантом медицинской службы Анной Котляр объявляется открытым.

Люди пожимали плечами, но подобную реакцию Иона Овсеич предвидел заранее и, чтобы не терять времени даром, тут же предложил всем участникам встречи вспомнить в общих чертах

биографию лейтенанта Анны Котляр — обыкновенной советской женщины, домохозяйки, матери, жены, какой она была до войны и какой ее хорошо знают многие из здесь присутствующих. Подойдя в биографии к тому знаменательному моменту, когда наша сегодняшняя именинница целиком освободилась из-под влияния мужа, у которого во взгляде на женщину оставалось немножко от домостроя, Иона Овсеич вынужден был сделать остановку, потому что среди присутствующих поднялось чересчур громкое шушукание.

— Товарищи, — спокойно предупредил Иона Овсеич, — кому не нравится, можно выйти, а если понадобится, можно вывести.

Оля Чеперуха весело засмеялась, как будто показывали кино "Праздник святого Йоргена" с участием Игоря Ильинского, и поинтересовалась, почему именинница не пришла на собственные именины или хотя бы не прислала вместо себя мужа.

— А чем тебе наш Дегтярь хуже ее мужа? — громко возмутилась Дина.

— Дина, — одернула Клава Ивановна, — оставь свои дурацкие хохмы!

Дина втянула голову в плечи и закрыла рот двумя ладонями. Иона Овсеич поднял руку, призывая к порядку и культуре, потому что Старый базар уже пятнадцать лет как закрыли, и в это время произошло чудо, словно заранее подстроили — в форпост зашла сама именинница, лейтенант медицинской службы Анна Котляр.

Клава Ивановна почувствовала, как будто ее ударили круглым в затылок, ноги сделались ватные, и счастье, что Феня Лебедева успела подставить свои руки. Оля принесла в бутылочке немножко нашатыря, Клаве Ивановне дали понюхать, она открыла глаза, и первые ее слова были к Ане Котляр:

— Сволочь, как ты могла позволить себе так волновать всех людей!

Аня секунду смотрела на мадам Малую, потом подошла к столу, где сидел товарищ Дегтярь, и села рядом — молча, без единого слова, как чужой, посторонний человек.

— Уважаемые жильцы и соседи, — обратился Иона Овсеич, — небольшой перекур закончен, продолжаем нашу работу. Повторяю место, где мы остановились: освободившись из-под влияния своего мужа, у которого во взгляде на женщину оставалось немножко от домостроя, Анна Котляр поступила на медицинские курсы, выучилась на медсестру и приложила свои знания, которые ей дало государство, непосредственно на фронтах Великой Отечественной войны с немецким фашизмом. Два сына, которых она потеряла, не сломили ее духа, и она продолжала бить врага до последнего момента, пока над рейхстагом советские воины не водрузили знамя Победы, а гитлеровские генералы не подписали акт о полной и безоговорочной капитуляции. Сейчас на западе кое-кто пытается подправить историю, мол, не Красная Армия, а экспедиционные войска союзников под Тобруком, в северной Африке, обеспечили коренной перелом в ходе войны, но этим горе-историкам, а точнее, фальсификаторам, народ давно уже ответил: курица спит и во сне просо видит.

— А мы с Аней Котляр, — перебила Клава Ивановна, — говорим иначе: собака лает — ветер носит!

Иона Овсеич не имел ничего против такого ответа, но особо подчеркнул, что дело здесь, конечно, не в словах, и ближайшее время, как можно полагать, покажет со всей ясностью.

Анна Котляр, когда ей дали слово, категорически отказалась под тем предлогом, что она целиком согласна с товарищем Дегтярем, который сам был на фронте и получил два ранения. А День Победы, как уже знают, она встретила в госпитале, и

здесь, кто мать, наверно, поймет ее: она больше не хотела жить, она хотела умереть, чтобы быть вместе со своими сыновьями.

Клава Ивановна быстро подвинула графин с водой и черный, из нижней половины бутылки, стакан, но в этом не было необходимости: Аня села на свое место, отодвинула стакан и положила руки на стол, ладонями вниз, женщины тихонько плакали и пальцами вытирали слезы.

— Товарищи, — сказал тяжелым голосом Иона Овсеич, — мы пришли сегодня на встречу с фронтовиком, а увидели перед собой страшное материнское горе, которое на всю жизнь оставляет незаживающие рубцы. Это не случайно: на миллионах примеров мы знаем, как в одном лице соединялись мать и солдат, мать и воин. От имени актива дома я вношу предложение избрать женсовет и первым его председателем демобилизованного лейтенанта Советской Армии Анну Котляр.

Предложение Ионы Овсеича встретили единодушными аплодисментами, Клава Ивановна поздравила председателя женсовета, поцеловала ее и прижалась щекой. Потом подходили другие женщины, тоже поздравляли и прижимались щекой, Аня все время хорошо держалась и только в конце, когда никто уже не ожидал, вдруг закрыла лицо руками.

Дина Варгафтик опять вспомнила своего Гришу, от которого уже не осталось костей, и сказала: время течет, понемножку забудется, а жизнь будет идти своим чередом. Главное, чтобы человек не чувствовал себя круглым сиротой.

На другой день Иосиф Котляр специально зашел к товарищу Дегтярю и лично пожал руку: Аня до середины ночи не давала ему спать и составляла планы, как будет работать женсовет.

На следующий день Аня устроилась медсестрой в первой горклинбольнице, а несколько дней спустя во двор вернулся

на постоянное жительство Адя Лапидис: Котляры выделили ему одну из двух своих комнат и взяли на полное обеспечение, Иона Овсеич, со своей стороны, обещал ходатайствовать перед Сталинским райисполкомом, чтобы фактический акт усыновления был оформлен юридически, по закону.

Полина Исаевна, у которой опять открылся старый процесс в легких, вытирала подушкой слезы и говорила, какие чудесные люди живут вокруг нас, а мы сплошь и рядом даже не замечаем. Иосиф Котляр занес десяток яиц: знакомые из района, недалеко от Варваровки, на другом конце моста от Николаева, привезли ему полсотни, так пусть он думает, что привезли на десяток меньше.

— Иосиф, Бог с вами, — возмутилась Полина Исаевна, — мы не нищие.

— Кушайте и поправляйтесь на зло врагам, — сказал Иосиф.

— Враги, — горько улыбнулась Полина Исаевна, — у меня нет врагов. Мой самый большой враг — палочка Коха. Но если вокруг имеешь столько друзей, что может сделать несчастная палочка Коха.

Иона Овсеич, когда узнал про яйца, категорически предупредил Иосифа, что подношений ему не надо, в получку он расплатится, — пусть не по базарной, так по государственной цене, Полина Исаевна сказала мужу: на базаре яички в пятнадцать-двадцать раз дороже, получается глупая комедия.

— Полина, — Иона Овсеич хлопнул ладонью по столу, — я никому не позволю в моем присутствии говорить про государственные цены, что это глупая комедия!

Полина Исаевна пожала плечами: Дегтярь не так ее понял.

— Нет, уважаемая Полина Исаевна, — Иона Овсеич вторично хлопнул, — я вас правильно понял! Это вы меня не хотите понимать.

Пятого числа на фабрике выдали аванс, Иона Овсеич первым делом вернул долг Котлярам.

— На эти деньги, — опять взялась за свое Полина Исаевна, — если добавить еще столько, он сможет купить пол-яйца.

В этот раз Иона Овсеич сдержал себя, потому что учительница арифметики, тем более хвоя и в постели, должна делать в уме деление и умножение, а то совсем потеряет квалификацию.

Полина Исаевна заплакала: она отдает себе отчет — кому охота возиться с вечно больной женой, лучше бы она уже умерла.

— Не надо умирать, — сказал Иона Овсеич, — надо сделать пневмоторакс, а не просить милостей у судьбы.

Полина Исаевна вздохнула: ее преданный муж забыл — она уже до войны один раз делала.

— Опять арифметика! — засмеялся Иона Овсеич. — Полина, ты не кому-то оказываешь любезности, а самой себе.

В середине месяца знакомые из-под Николаева снова заехали к Иосифу, он взял у них полтора кило коровьего масла, Аня отрезала хороший кусок и сама занесла Полине Исаевне.

— Если Иона узнает, — Полина Исаевна прижала руки к сердцу, — он меня убьет на месте.

Аня сказала, не надо об этом думать, надо кушать и поправляться, а от одних разговоров при ее болезни много жира не нагуляешь.

Полторы недели спустя Адя занес Полине Исаевне огромный кусок пирога из слоеного теста с густым сливочным кремом. Полина Исаевна хотела отказаться, но Адя сказал: сегодня его приняли в вечернюю музыкальную школу для рабочей молодежи, и тетя Аня от радости на седьмом небе. Хорошо, уступила Полина Исаевна, тогда они скушают пирог вдвоем: половину — она, половину — он, а в шифоньере пусть возьмет бутылочку

с вишневкой и две стопки. Адя принес одну стопку и сказал, что не любит вишневки: она чересчур сладкая, от нее першит в горле.

— Не любишь вишневку? — удивилась Полина Исаевна. — Тогда возьми себе абрикосовую настойку или сливянку.

Адя сидел с опущенными глазами и не трогался с места, Полина Исаевна внимательно смотрела на него и вдруг заплакала: она хорошо понимает — он боится, что у тети Поли заразная болезнь. Только не надо утешать ее и говорить неправду.

Адя не утешал, он сказал, что ему пора уходить — он может опоздать в музыкальную школу.

У Ани Котляр появилась новая забота: Аде нужен инструмент, и она просила соседей, пусть узнают, где продается пианино, она отдаст последнюю юбку, за ценой остановки не будет. На первое время выход нашел Иона Овсеич у себя на фабрике в красном уголке — Аде дали особое разрешение приходить два раза в неделю, когда нет кружков. Аня сказала спасибо, но каждый день интересовалась, где были бы сейчас Давид Ойстрах и Эмиль Гилельс при таких условиях. Ионе Овсеичу не нравилась эта риторика, и он убедительно просил, чтобы Анна Котляр внимательно прислушивалась к собственным словам.

Время близилось к зиме, и в один прекрасный день, шел мелкий, как морозящий дождь, снежок, возле ворот остановилась площадка, на которой привезли пианино, сверху и с боков укрытое попоной. Площадочник и его напарник, оба с брезентовыми шлеями через плечо, взяли с двух сторон пианино, немного покачиваясь, как портовые грузчики на сходнях, дошли до парадного, разом гекнули, чтобы не сбиться с ноги, и понесли на третий этаж. Пока несли, Оля Чеперуха стояла внизу, Дина Варгафтик — наверху, и обе помогали грузчи-

кам держать точное направление; Аня побежала вперед открывать двери.

Когда покатали по коридору, от старых роликов, которые пятьдесят лет простояли на одном месте, поднялся страшный визг. Оля закричала снизу: можно подумать, в один присест рождает весь дом. Нет, ответила Дина, родить в наше время может каждая, а достать пианино — не каждая: для этого надо иметь такого мужа, как Иосиф.

— Дина, — сказала Аня Котляр, — я к вам в кастрюлю не заглядываю.

— Можете заглядывать, — ответила Дина, — пианино вы там не найдете.

Вечером Дегтярь имел разговор с Клавой Ивановной насчет новой покупки, которую сделали Котляры: откуда, из каких источников Иосиф достал такую сумму, чтобы заплатить за пианино. Надо будет уточнить, сколько он зарабатывает у себя на заводе Ленина, хотя можно заранее предвидеть, что сумма не сойдется по меньшей мере на три-четыре тысячи рублей.

— Из каких источников? — переспросила Клава Ивановна. — Я тебе скажу. Во-первых, Аня кое-что привезла с собой из Венгрии, во-вторых, Иосиф немножко сапожничает дома по вечерам.

Иона Овсеич задумался и сказал, что надо переставить местами: во-первых, Иосиф имеет левый заработок на дому, а во-вторых, уже все остальное. Отсюда возникает новый вопрос: где он достает кожу и сырье?

Клава Ивановна сказала, что Иосиф нигде не достает кожу и сырье, а использует рваную обувь и вырезает из нее куски, ему приносит один старичок.

— А подметки, а головки, а задник, а союзки? — засмеялся Иона Овсеич.

— Дегтярь, — сказала Клава Ивановна, — я сама видела ста-

ричка, который приносит Иосифу мешки с рваными ботинками и туфлями.

— Малая, — Иона Овсевич захватил нос двумя пальцами, как будто собирается высморкаться, — на фронте мы широко использовали маскхалаты: зимой — белые, летом — желтые с зелеными пятнами. Танки и артиллерию мы украшали ветками с деревьев, но это было украшение не для красоты.

— Он меня держит совсем за дурочку! — возмутилась Клава Ивановна. — Ты хочешь сказать, что старичок с мешками — это просто декорация, а на самом деле Иосиф имеет другой источник. На это я тебе отвечу: нет и нет!

Полина Исаевна, которая до этого момента спала или только притворялась, потребовала, чтобы ее муж вместе с мадам Малой прекратили свои глупые споры: люди усыновили круглого сироту, одели его, обули, купили дорогой инструмент, пусть мальчик развивает свой талант и, вместо уважения к ним, эти двое сидят-рядят, откуда взялись такие деньги. Не украл, не убил, не ограбил — какое вам еще дело!

Иона Овсевич выждал минуту, чтобы немножко продлить тишину, и спокойно, как будто самому себе сказал: человек, когда он долго болеет, смотрит на мир другими глазами, последний пустяк становится для него самым главным, а самое главное — пустяком. Максим Горький, когда он тяжело болел на острове Капри, не позволял себе писать, иначе картина жизни получится искаженная. А Полина Исаевна Дегтярь, урожденная Крисюк, хочет навязать всему миру свои представления, чтобы люди жили по ее правилам и с ее режимом дня.

Полина Исаевна закрыла глаза, из наружного угла века выступила слеза, секунду подержалась на месте и быстро закатилась в ухо.

— Дегтярь, — вздохнула Клава Ивановна, — а я тебе скажу, иногда больной лучше видит, чем мы, здоровые.

— Не путайте, — Иона Овсеич ударил кулаком по колену, — Христа ради прошу, не путайте!

Под Новый год во дворе получился сразу тройной праздник: прибыл демобилизованный старшина Степан Хомицкий, через два дня после него — сержант Иона Чеперуха, а тридцать первого числа, то есть уже в самый последний день, — лейтенант Зиновий Чеперуха со своей женой Катей, уроженкой города Улан-Удэ. Про Катю, хотя впереди оставалось еще пять месяцев с гаком, многие уже знали, что она в положении. Первого числа Иона Овсеич зашел к Чеперухам поздравить с праздником и попутно велел передать персональное поручение председателю женсовета Анне Котляр, чтобы взяла под личное наблюдение женскую половину семьи — будущую маму и будущую бабушку.

— А дедушку, — всполошился старый Чеперуха. — Дегтябрь, ты забыл про дедушку.

Зиновий Чеперуха, который сидел на кровати и держал в руках свой протез, тоже заявил претензии товарищу Дегтярю, но уже не насчет шефства, а по поводу квартиры: в одной комнате, десять метров, живут две семьи, не говоря уже о предстоящем прибавлении.

— Дорогой Зюнчик, — улыбнулся Иона Овсеич, — ты не успел сойти с поезда и уже требуешь отдельную жилплощадь. А в городе Одессе разрушено две тысячи двести домов. Если бы не война...

Зюнчик перебил Иону Овсеича и сказал: если бы не война, у него было бы две ноги, как у всех людей.

— Хорошо, — ответил Дегтябрь, — конкретно, что ты предлагаешь: кого-то выкинуть из квартиры и предоставить Зиновию Чеперухе?

— Зюня, — вмешался Иона Чеперуха, — дай сказать слово батьке: живи со своей жинкой у меня, сколько будет надо, а

когда появится возможность, тебе дадут в первую очередь.

— Молодец, Иона, — похвалил товарищ Дегтярь. — Старая гвардия!

— И старая, и молодая в одно время, — ответил Иона и показал пальцем на свой гвардейский знак.

— Можешь спрятать его в карман, — остановила Оля, — и не сбивай людей с панталыку. Мы хотим услышать от товарища Дегтяря, есть шансы, что в этом году мой сын, который оставил свою ногу и полжизни на фронте, получит квартиру, чтобы можно было жить по-человечески, или нет шансов.

Шансы есть, ответил Дегтярь, и очень много, мы уделяем первостепенное внимание жилищному строительству, но дать точный ответ, как в аптеке, через полгода, или через год, или через два — сегодня никто не может.

Зиновий Чеперуха засмеялся:

— А как насчет жизни на Марсе, товарищ Дегтярь, есть там жизнь или нету?

Иона Овсеч ответил, что шутки бывают разные — удачные и неудачные, — не всегда получается удачно. На это Зюнчик возразил, что уши тоже бывают разные: одни слышат так, а другие — иначе.

— Перестаньте гиркаться, — сказала Оля, — я хочу получить от товарища Дегтяря ясный ответ: на когда мой сын может рассчитывать, что ему дадут отдельную жилплощадь?

Дегтярь развел руками, Зиновий грубо сказал, пусть спрячет свои руки в карман и не размахивает: нечего строить из себя высокое начальство и расписываться за всю советскую власть.

За всю советскую власть — нет, спокойно ответил товарищ Дегтярь, но за свой участок советской власти — да, и здесь никто ему не помешает, никто не остановит, даже сама смерть.

Катя Чеперуха удивилась, чего так долго разговаривать с

человеком, если от него не зависит, обняла мужа и сказала: на кой сидеть в этой Одессе, где без хабара шагу не ступишь, лучше уехать в Улан-Удэ — свой дом, свое хозяйство, все свое.

— Катя, — скривилась Оля, — если вам так не нравится, никто насильно не держит, а насчет хабара я вам отвечу: пусть все так берут, как наш Дегтярь, люди давно уже забыли бы это слово.

Зиновий вскочил с дивана и попрыгал на одной ноге к столу:

— Никто не говорит, что Дегтярь — хабарник, но даю голову на отрез, что в Одессе найдется еще пара свободных квартир, надо только хорошо заплатить. А Дегтярь, если не знает или не умеет помочь, пусть лучше не расписывается за других: мы уделяем первостепенное внимание! Мы, мы! Кто мы?

Иона Овсеич попросил открыть форточку, в комнате делается жарко и сильно накурено, положил руку на плечо Зиновию и сказал:

— Дорогой Зюнчик, когда ты родился в этом доме и бегал, простите, с голой попой на улице, когда ты не хотел учиться и пропускал целые недели в школе, когда в доме у Чеперухи не хватало топлива, когда бывали перебои с хлебом, когда твоему папе обрыдло толкать свою тачку и он захотел сесть на кони в Одесском медицинском институте, который один из лучших в Советском Союзе, — всегда обращались к товарищу Дегтярю. И пусть кто-нибудь вспомнит хотя бы один случай, когда Дегтярь отмахнулся и ответил: не мое дело, устраивайтесь сами, как знаете.

Оля качала головой и вытирала краем косынки глаза, Иона дрожащей рукой разлил по стопкам бутылку сырца, себе отдельно в стакан, и поднял тост за нашего дорогого гостя, с которым мы прошли свою молодость, свои семейные годы и теперь, слава Богу, встретились после такой кровопролитной

войны, какой мир еще не видел и, даст Бог, никогда больше не увидит.

Катя, когда опрокинула вторую стопку, немножко покраснелась, показала двумя руками на своего тестя, который сидел в обнимку с товарищем Дегтярем, и спросила: они что — родственники или свояки?

— Катюша батьковна, — сказала громко Оля, — мы больше, чем родственники. У нас среди людей говорят: не та мать, что родила, а та — что воспитала.

Иона Овсевич поблагодарил на теплом слове, вспомнил народную пословицу: милые бранятся — только тешатся, — пожал каждому в отдельности руку и заторопился, потому что двор большой, надо успеть ко всем.

В начале первого, Иона Овсевич как раз вернулся домой и только начал стелиться, выключили свет, но луна была такая яркая, что никакого другого света не надо было.

Иона Овсевич улегся на своей кушетке, немного помолчал и обратился к жене:

— Полина, у меня такое чувство, как будто я ходил сегодня целый день в чужом дворе среди чужих людей.

Полина Исаевна не откликнулась, видимо, успела заснуть. Иона Овсевич повернулся на другой бок и тоже начал дремать, когда она ответила: двадцать лет назад, во время НЭПа у него было такое чувство, потом во время раскулачивания и коллективизации было, теперь опять.

Нет, сказал Иона Овсевич, тогда было одно, а теперь — совсем другое: тогда людям достаточно было объяснить, они тебя внимательно слушали и старались хорошо понять, а теперь каждый только ждет момента, чтобы выскочить со своей собственной теорией.

Полина Исаевна громко зевнула, похлопала себя пальцами по губам и сказала: а может, дело не в людях, может, сам

Дегтярь переменялся — раньше умел прислушиваться, а теперь не умеет или не хочет?

Иона Овсеич рассердился: пожалуйста, еще один теоретик со своей собственной теорией нашелся.

Свет от луны бил прямо в глаза, Полина Исаевна чувствовала нехорошую тревогу внутри, под сердцем, и просила мужа закрыть ставни. Иона Овсеич поднялся, прижал сподники к животу, в последнее время он сильно похудел и все вещи сделались велики, закрыл одну створку, другую оставил открытой. Полина Исаевна жаловалась, что все равно свет слишком яркий, пусть прикроет еще наполовину, но Иона Овсеич ответил, нет, человек не должен потакать каждому своему капризу.

Перед тем, как лечь на кушетку, Иона Овсеич подошел к кровати, поцеловал жену в лоб, она тихонько застонала, он еще раз сказал, что не надо обращать внимания на капризы, и добавил: это все от распушенных нервов.

На улице раздался крик, потом быстро затопали ноги, как будто один гонится за другим, потом опять крик и залиvistый женский смех.

— Полина, — сказал Иона Овсеич, — сегодня, когда я зашел поздравить Бирюк, они сидели у стола и не пригласили меня даже присесть. Я рассказал им, что в этой квартире до войны жила семья Граник, и Соня Граник, хозяйка, была такая гостеприимная, каких немного найдется даже у нас в Одессе. В ответ Марина Бирюк засмеялась, как дурочка, и спросила, а кто жил до Граников, то есть, мол, кого Граники выселили из этой квартиры после революции, когда установилась Советская власть.

— Марина — красивая женщина, у нее хорошее здоровье, — вздохнула Полина Исаевна. — Пока муж был на фронте, говорят, она не теряла даром время.

Перед рассветом, по улице Советской Армии прошел первый трамвай, Полина Исаевна сильно закашлялась и вместе с мокротой выделилось много крови. Иона Овсеич сказал, не мешает вызвать скорую помощь, но Полина Исаевна просила подождать: может, простая случайность и как само началось, так само и пройдет.

Вечером и на следующую ночь кашель повторился, опять было много крови, Иона Овсеич вызвал карету, взял, вместе с санитаром, носилки, чтобы Полина Исаевна лишний раз не теряла силы, хорошо укутал ее в одеяло, и понесли вниз к машине.

Доктор сказал: посторонним в карету не разрешается, Иона Овсеич предупредил жену, что поедет четвертым трамваем до парка Шевченко, а оттуда рукой подать до туббольницы. Не надо никуда ехать, ответила Полина Исаевна. Он будет напрасно стоять под забором, а с моря всегда дует ледяной ветер.

Получилось, как предвидела Полина Исаевна: сначала Иона Овсеич полчаса ждал трамвая, потом стоял у проходной, внутрь вахтер не пускал и двери держал на запоре. Иона Овсеич объяснял, что ему надо сказать два слова врачу, но вахтер совсем перестал отвечать и громко, как будто умышленно, чтобы подразнить человека на морозе, шурудил в чугунке.

Иона Овсеич вдруг потерял терпение и закричал:

— Три рубля хочешь! А три года, румынский хабарник, не хочешь!

Вахтер перестал шурудить в печке, послал Иону Овсеича к ядреной матери и обещал вызвать милицию. Иона Овсеич ответил, что сам сейчас приведет милицию, но вахтер уже не слушал и опять взялся шурудить в чугунке.

Дома, отойдя немножко после мороза, Иона Овсеич откровенно признался себе, что следовало послушать жену и сидеть

в квартире, а вахтер, конечно, большая сволочь, и надо будет хорошенько продрать через начальство.

Кровать, от которой всегда поднимался скрип, когда Полина Исаевна поворачивалась или просто клала руку под голову, стояла совсем тихо. Скрип, особенно в первое время, сильно раздражал Иону Овсевича, и Полина Исаевна старалась двигаться как можно меньше.

Иона Овсевич застелил кровать, положил углом, как в гостинице, подушку, но получилось некрасиво, по-казенному, он снял покрывало, взбил подушку и отвернул угол одеяла, вроде хозяйка отлучилась на минуту и сейчас вернется. Потом он немного походил от дверей к окну и обратно, прилег, взял газету "Большевистское знамя", в отдельных колхозах имелись серьезные недостатки по ремонту сельхозтехники к весенним полевым работам, первая послевоенная весна, а руководители по старинке все сваливают на объективные причины, и опять мысли сами повернули на Полину Исаевну. При ее болезни надо побольше масла, нужны яйца, сливки, мясо, парное молоко — одним словом, надо, чтобы страна минувшие четыре года вела не самую кровопролитную из всех войн, какие знала история, а строила мирную жизнь, подымала свою экономику постоянно в гору и закладывала прочный фундамент коммунизма.

Иона Овсевич снял брюки, гимнастерку, аккуратно повесил на стул. Кальсоны внизу немножко порвались, тесемки сделались совсем короткие и трудно стало завязывать бантиком, Иона Овсевич взял шкатулку с нитками, кусок шпагата, можно было два раза обмотать вокруг ноги, так что получился запас, добавил с обеих сторон к тесемкам и попробовал, не для проверки прочности, а просто ради удовольствия свободно завязать бантиком и не ломать себе пальцы.

В мыслях и портновской работе, которая сразу давала

осязаемые плоды, время летело незаметно — даже не пришлось подыматься выключать свет, он сам погас. Завтра надо будет, прямо с утра, зайти к Ане Котляр одолжить грамм сто сливочного масла и пару яичек для Полины. Некоторые считают, что яйца полезнее всмятку, но лучше оставить сырые — пусть доктора решают на месте.

Утром все сложилось как нельзя лучше: у Ани была вторая смена, и она полностью освободила Иону Овсеича, потому что сама хотела повидать врачей и поговорить насчет Полины Исаевны. По дороге она забежала на Привоз и купила десяток яиц, чтобы больная имела запас на неделю, а то с базаром так: сегодня густо, завтра пусто.

Иона Овсеич тоже планировал в середине дня навеститься к больной, но серьезная поломка машины в закройном цехе не позволила ему отлучиться, надо было срочно организовать ремонтников и мобилизовать на максимальные темпы, иначе дело могло затянуться до субботы, а там бы перенесли уже на понедельник. Лишь к вечеру удалось вырваться на минуту и позвонить по телефону. В больнице оставался один дежурный врач, он советовал обратиться утром, когда все будут на месте, Иона Овсеич на это ответил ему, что хорошо знаком с больничными порядками и настоятельно просит на пятиминутке, которая будет завтра до начала смены, сообщить главврачу: звонил такой-то, справлялся о здоровье жены. А он, в свою очередь, к середине дня или в другое время, при первой возможности, сам поговорит с начальством. Дежурный врач ответил, хорошо, он доложит, и на всякий случай попросил номер телефона товарища Дегтяря.

— Доктор, — сказал Иона Овсеич, — если главврач найдет нужным, он сам разыщет меня в партбюро или райкоме.

Дежурный доктор извинился за свою оплошность: действи-

тельно, получилось, вроде он не доверяет товарищу Дегтярю и устроил встречный контроль.

На другой день у Ионы Овсеича не было крайней необходимости звонить в больницу: Аня Котляр до работы успела забежать, чтобы отдать горячее молоко, потом из своей больницы сама вызвала партбюро фабрики, Иона Овсеич как раз зашел на одну минуту из цеха, и сообщила, что ночь прошла неважно, выделения усилились.

— А настроение, как настроение? — спросил Иона Овсеич. — Самое главное — настроение.

Насчет настроения Аня не имела сведений, поскольку в палату не пускают, а врач сообщил только объективные показатели: температура тридцать восемь, сильная одышка, кровохарканье. Любопытно, сказал Иона Овсеич, значит, настроение, даже если оно хорошее, не объективный показатель. Очень любопытно.

Степа Хомицкий, хотя на правой руке из пяти пальцев осталось два, приступил к обязанностям слесаря-водопроводчика домохозяйства, которое теперь выросло в три раза по сравнению с довоенным. На партучет он взялся в конторе коммунального хозяйства. По этому поводу Иона Овсеич удачно пошутил: обувщики и коммунальщики — два сапога пара.

Пока хозяйничали румыны, водопровод с канализацией пришли в аварийное состояние, и теперь во дворе не было дня, чтобы жильцы могли обойтись без Хомицкого.

Через Иону Овсеича Степа достал на фабрике списанные тиски, губки сто пятьдесят миллиметров, сбил из сороковки неплохой верстачок и мог по вечерам работать дома. Тося возмущалась, потому что комната наполовину была завалена металлическим хламом, как селянская кузня, Степа молчал и продолжал свое: нового крана нельзя было достать за деньги,

оставался единственный выход — реставрировать старые, иначе люди будут сидеть без воды.

Однако в одном пункте Степан вел глупую политику: у жильцов двора и соседей он брал за работу по довоенным ценам, в то время как буханка хлеба на Привозе стоила в пятнадцать раз дороже. Тося говорила, дурак дураком и помрет, а Степа отвечал на это, что зарплата у людей какая была, такая осталась.

— Наш Степан, — кричал пьяный Чеперуха, — хочет вернуть время назад, как было до войны! А время бежит, что мои кони, когда они хорошо напились и хорошо наелись.

Девятого февраля товарищ Сталин выступил с исторической речью на предвыборном собрании перед избирателями Сталинского округа города Москвы. Наряду с задачами первой послевоенной пятилетки, которая предусматривала полное восстановление довоенного объема производства уже в тысяча девятьсот сорок восьмом году, то есть за три года, товарищ Сталин раскрыл грандиозные перспективы нового мощного подъема народного хозяйства СССР в три пятилетки, или, может быть, в несколько больший срок. Выплавка чугуна будет поднята до пятидесяти миллионов тонн в год, выплавка стали — до шестидесяти миллионов тонн, добыча угля — до пятисот миллионов тонн, нефти — до шестидесяти миллионов тонн, а выработка электроэнергии — до двухсот пятидесяти миллиардов киловатт-часов. Таким образом, мы создадим материально-техническую базу коммунизма и одновременно будем гарантированы от всяких случайностей международного положения. Строительство коммунистического общества, которое было прервано вероломным нападением гитлеровской Германии в сорок первом году, пойдет новыми, невиданными прежде даже у нас, темпами, и коммунизм из светлой мечты человечества станет повседневной былью и буднями.

В день выборов Иона Овсеич собрал вокруг себя несколько человек и под большим секретом сообщил: как ему лично кажется, товарищ Сталин сам имеет серьезное намерение пожить при коммунизме, а это, к слову, тоже неплохая гарантия.

Сразу после выборов двор приступил к изучению исторической речи товарища Сталина. Собрались у Ионы Овсеича; поскольку он теперь был один. Клава Ивановна, Тося Хомицкая и Дина Варгафтик заранее топили печку, люди приходили в теплую квартиру и чувствовали уют.

На первом занятии уделили главное внимание экономическому положению СССР на конец войны, когда Гитлер был разгромлен у себя в логове, и отчетливо вырисовывалась картина беспримерных разрушений и грабежей, произведенных оккупантами за время их хозяйничанья. Общее число уничтоженных и приведенных в негодность предприятий составило тридцать одну тысячу восемьсот пятьдесят, здесь работало около четырех миллионов рабочих. В угольной промышленности Донбасса и Подмосковного бассейна было разрушено и разграблено тысяча сто тридцать пять шахт, дававших ежегодно более ста миллионов тонн угля; в системе энергохозяйства оккупанты сожгли и взорвали шестьдесят одну крупнейшую и большое количество мелких электростанций. В черной металлургии были разрушены шестьдесят две домны, двести тринадцать мартеновских печей, двести сорок восемь прокатных станков, а число коксовых печей достигло чудовищной цифры — четыре тысячи семьсот, то есть почти пять тысяч! Разрушению подверглись семьсот сорок девять заводов тяжелого и среднего машиностроения, на которых было занято девятьсот девятнадцать тысяч рабочих, шестьдесят четыре станкостроительных и абразивных завода, сорок одно предприятие электротехнической промышленности. Фашистские захватчики разру-

шили также тысячи предприятий легкой, текстильной и пищевой промышленности.

Что касается нашей Одессы, то здесь не требовалось никаких цифр, ибо каждый имел возможность видеть собственными глазами. Достаточно лишь напомнить, что заводы имени Октябрьской революции, имени Дзержинского, судоремонтный, "Большевик", хлебозавод, мясокомбинат, кондитерская и джутовая фабрики были разрушены дотла, а январцы, когда пришли со своим парторгом Савицким, чтобы восстановить родной завод имени Январского восстания, застали кучи битого кирпича и километры покрученного железа. Буквально из ничего начали вдыхать жизнь в энергохозяйство, сердце завода, начальник цеха Хижняков, механик Бобровский, электромонтер Медынский и машинист Горелик. В сорок первом году Константин Симонов, который был тогда в Одессе военным корреспондентом, следующим образом писал о героях-январцах: здесь люди проводили сутки напролет не выходя, причем рабочее время определялось не количеством часов, не количеством бессонных ночей, а только тем, когда будет готов танк: "Вот закончим танк, тогда и пойду спать", — это была единственная мера времени на заводе.

Два года назад, в сорок четвертом, возвратившись на родной завод, который превратился в одну сплошную руину, люди сами установили для себя порядок и правила, как в незабываемом сорок первом, когда стоял вопрос о жизни и смерти Одессы. Результат хорошо известен и нет смысла повторять: уже план сорок четвертого года январцы перевыполнили вдвое.

Временная потеря ряда важнейших индустриальных и сельскохозяйственных районов в первый период войны, колоссальные разрушения, причиненные врагом советской экономике, отвлечение от производительности труда миллионов трудящихся

ся — все это привело к тому, что к окончанию войны народное хозяйство СССР, несмотря на исключительно большие успехи восточных районов Урала, Сибири и Средней Азии, по объему промышленного производства оказалось на уровне более низком, чем было в тысяча девятьсот сороковом.

Иона Овсеич сделал небольшую паузу. Дина Варгафтик качала головой и тихонько плакала в носовой платок: заводы, шахты, колхозы, совхозы, сеялки, жатки можно построить опять, а людей, которые полегли, не поднимет уже никакая сила на свете. Ее Гриша на заводе "Красный Профинтерн" был первый токарь, он бы теперь день и ночь сидел у себя в цехе, чтобы выполнить и перевыполнить план. Часто он приходил домой с третьей смены, уже светало, и хоть бы раз она услышала от него жалобу, что устал, нездоровится или просто хочется отдохнуть после бессонной ночи. Наоборот, всегда была шутка, смех и такие веселые глаза.

Клава Ивановна сказала Дине, чтобы перестала плакать: достаточно пролито слез, кого нет, того уже нет, а у нас долг перед своими детьми и внуками, и нельзя успешно идти вперед, если поворачиваться лицом все время назад.

— Ты права, Малая, — поддержал Иона Овсеич, — надо еще добавить, что наш труд не только для своих детей и внуков, а одновременно лучший памятник погибшим, ибо мы осуществляем на деле мечту всей их жизни, до последнего дыхания.

На следующем занятии Иона Овсеич сообщил хорошую новость: соцсоревнование охватило по стране уже две трети всех рабочих, включаются все новые и новые отряды. Токариноваторы — это особенно приятно будет узнать нашей Дине Варгафтик — повысили скорость резания с 70—80 метров в минуту до 1000—1500 метров. В народе скоростников прозвали людьми, опережающими время. Поскольку придается особое значение повышению активности и самостоятельности

масс, на заводах и фабриках всемерно оживляются производственные совещания, число их, по предварительным расчетам, составит в текущем году не менее трех, а возможно, и четырех миллионов.

Дина вспомнила, что ее Гриша был членом цехкома, два раза ему давали бесплатные путевки в дом отдыха, один раз он переписал на имя жены, и председатель завкома не имел ничего против, наоборот, он говорит, наши жены заслужили еще больше, чем мы.

— Ну, — сказала Аня Котляр, — не всем так повезло на жену, как вашему Грише.

Дина вся вздрогнула, вроде неожиданно хлопнули по спине, и вмиг ответила: кто-кто, а Иосиф Котляр мог позавидовать ее Грише.

Допустим, сказала Аня, но зачем пришивать покойным белые крылья, надо заботиться о людях, пока они живые.

Оля Чеперуха возмутилась: при чем здесь белые крылья! У Дины с Гришей бывали свои трудности, но все хорошо помнят: они любили друг друга, и он всегда был ей защитник. А кому не подходит, пусть держит свои мысли при себе — другим неинтересно.

— Давайте уточним, — сказал Иона Овсич, — Григорий Варгафтик не только своей жене был защитником, он отдал жизнь за Родину. Другое дело он не один, рядом с ним миллионы, и сегодня мы должны не оплакивать, а засучить рукава и на практике решать задачу, которую поставил перед партией и народом товарищ Сталин: создать в предстоящие три пятилетки, то есть, примерно, к тысяча девятьсот шестидесятому году, материально-техническую базу коммунизма. Для этого у нас есть все необходимые условия, и самая надежная гарантия, товарищи, — это мы с вами.

Поворот к общенародным задачам, который сделал Иона

Овсеич, успокоил всех присутствующих, в том числе Дину Варгафтик, ибо от воспоминаний становилось только горше и больнее.

Восемнадцатого марта Верховный Совет Союза ССР своим постановлением придал силу закона новому пятилетнему плану, но если взглянуть на практику, народ уже фактически работал по этому плану и многие показатели успешно перевыполнялись. Горняки Донбасса завершали откачку шестисот пятидесяти миллионов кубических метров воды из затопленных шахт. По объему работы это то же, что осушить озеро площадью семьдесят квадратных километров и глубиной десять метров. Там же, в Донбассе, было восстановлено около двух с половиной тысяч километров заваленных горных выработок. Это приблизительно равнозначно тому, чтобы прорыть и закрепить на глубине двести-семьсот метров тоннель от Москвы до Парижа.

Иона Чеперуха, когда товарищ Дегтярь привел последний пример, засмеялся и сказал, конечно, шахты нам нужны, как воздух, но тоннель Москва-Париж тоже мог бы нам пригодиться. Интересно спросить у Мориса Тореза.

— Иона, — сделал пальцем Дегтярь, — хорошо, что отсюда не слышно за океаном, а то бы они уже раздули.

— А я хотел на них чихать! — крикнул Иона. — Где они прятались, когда надо было открыть второй фронт и наши люди истекали кровью!

Иона Овсеич развел руками: где они были, все хорошо помнят, если бы сложилось иначе, сегодня среди нас наверняка сидели бы Гриша Варгафтик, Коля Хомицкий и братья Котляры и миллионы других.

Поскольку разговор опять перешел на личное, и женщины, теперь уже не одна Дина Варгафтик, стали тереть пальцами под глазами, Клава Ивановна попросила товарища Дегтяря

конкретно уточнить, какой объем валовой продукции мы будем иметь на конец пятилетки в 1950 году.

Иона Овсевич ответил, на конец пятилетки мы будем иметь валовой продукции на сумму двести пятьдесят миллиардов рублей, но просил уточнить, что это в ценах 1926—27 годов, когда в стране сохранялся еще НЭП и цены были относительно низкие — например, у нас в Одессе десяток яиц можно было купить за два гривенника.

— Яйца! — закричал Иона Чеперуха. — Вино, хорошее молдавское вино из Тирасполя, при НЭПе стоило пять копеек стакан, а из Балты и Ананьева — по три копейки.

— Подожди, — остановил Дегтярь, — говоря о НЭПе, давай сразу внесем поправку: во-первых, в стране еще имела место безработица, во-вторых, заработать пятьдесят рублей в месяц было труднее, чем сегодня пятьсот. А самое главное, мы не имели бы своей социалистической индустрии и колхозного строя, без которых не могли бы выстоять эти четыре года против Гитлера и одержать всемирно-историческую победу.

— О, — хлопнула себя по колену Клава Ивановна, — от этой печки надо всегда танцевать, а то человек хорошо помнит, что стакан вина стоил пять копеек, но забывает, что колхозы по всей стране можно было сосчитать на пальцах и кулаки наживались, как им хотелось, а голода оглядывалась вокруг и спрашивала: где же Советская власть, за которую они положили свои головы! Марина Бирюк, ты жила в те годы на селе, приведи нам пример из личного опыта.

Марина сказала, что была тогда еще девочкой, личного опыта не имела, но глаза от жизни не прятала. В соседнем селе Чобручах делали все по-людски, там был умный голова сельрады, а у них, в Вапнярке, голова сельрады был дурень и вместе с куркулями выслали Гончаренка Петра, Гончаренка Василя и Бондаря Юхима Панасовича, которые были хозяй-

ские люди, хату, скотину и землю держали в хороших руках.

— Постой! — схватилась Клава Ивановна. — Какой пример ты нам привела? Что Советская власть неправильно раскулачивала и высылала на каторгу честных людей?

Марина пожала плечами: она не говорит за всю Советскую власть, она говорит за свое село так, как видела своими глазами.

Клава Ивановна вскочила с места, Иона Овсевич велел ей сесть и громко сказал:

— Бывают дети с двумя головами, бывают телята с двумя туловищами и хвостом на голове — кому интересно, пусть идет в музей. Гражданка Бирюк, мы не задаем вопрос, кто была ваша семья, какое вы держали хозяйство. Нам известно, что сегодня ваш муж майор Андрей Петрович Бирюк, имеющий много боевых наград, в том числе Золотую звезду, со своей частью стоит на очень ответственном участке в советской зоне Берлина, где проходит граница с американской. А для дурака из Вапнярской сельрады слишком большая честь, чтобы о нем лишний раз вспоминать и приводить в пример.

Марина сказала, что ей плевать с высокого полета на того дурня из сельрады, она его сто лет не вспоминала, а здесь заставили ее и теперь сами лаются, вроде Бирючка защищает куркулей. От этих разговоров у нее разболелось сердце, кончится занятие, она придет домой и напишет своему мужу в Берлин, чтобы его генерал сообщил в военкомат, пусть в военкомате знают, как обливают грязью жену советского офицера.

— Уважаемая Марина Бирюк, — улыбнулся Иона Овсевич, — по-моему, вам никто не угрожал. Наоборот, вам дали слово, чтобы вы могли высказаться. Кому-то ваш пример с односельчанами больше понравился, кому-то — меньше. Это наше право — иметь свое мнение. А пугать нас письмом майору Бирюку и

его генералу не надо, мы не из пугливых. Я вам скажу по секрету: мы сами напишем в часть, если будет нужно, и нам поверят не меньше, чем вам.

— Меньше? — крикнула Клава Ивановна. — Нам в сто раз больше поверят!

— Значит, — совсем разошлась Марина, — Дегтярь со своей Малой говорит правду, а я брешу, и мне муж не поверит, генерал не поверит, военкомат не поверит! Так чего меня сюда звали? Чтобы хаять на людях? А сидите себе сами, моей ноги здесь больше не будет, и до моих дверей близко не подходите!

Марина набросила платок, концы пустила на затылок, чтобы завязать, и пошла к дверям. Хотя все слышали предупреждение, но никто не ожидал такого быстрого оборота. Дина Варгафтик, Тося Хомицкая и сама Клава Ивановна машинально отодвинули стулья, чтобы дать проход, одна Аня Котляр громко засмеялась, взяла Марину за плечи и силой усадила на место. Марина сделала попытку встать, но Аня, со своими руками хирургической медсестры, крепко прижимала ее и не давала двинуться.

— Жжжж! — опять засмеялась Аня. — Слова нельзя сказать человеку.

— Сказать можно, язык без костей, — Марина задыхалась от волнения, — а я слушать не хочу, и он со своей Малой нехай пугают других, а на меня, куме, не тратьте силы.

Клава Ивановна сидела белая, как полотно, синие глаза сделались совсем черные. Иона Овсеич сказал, пусть выпьет стакан воды и успокоится, конфликт не стоит выведенного яйца: каждый слышит только себя, а послушать другого не хватает терпения. Что касается лично Марины Бирюк, он не имеет ничего против: она хочет идти, пусть идет, занятие по изучению выступления товарища Сталина и материалов сессии Верховного Совета СССР — строго добровольное, никто не навязывает,

наоборот, люди сами глубоко заинтересованы и неоднократно обращались с просьбой. А вообще, повторил Иона Овсич, кто не желает — скатертью дорога, догонять не будем.

Ляля Орлова возмутилась:

— Товарищ Дегтярь, и как только у вас поворачивается язык произносить такое! У нас на фабрике тоже очень интересно, но какое может быть сравнение. А женщина, тем более неработающая, должна сказать спасибо людям, которые сами приходят к ней на дом и приносят готовое.

Марина показала пальцем на Лялю Орлову и громко спросила: а она кто такая, чтобы учить? Думает, у людей память короткая, нет, у людей память хорошая, и далеко звон идет по земле.

Ляля зажмурила глаза, закрыла уши пальцами и поспешно отодвинулась в сторону.

— Марина, — одернула Аня Котляр, — как вам не стыдно! Я не ожидала от вас.

Марина посмотрела на людей, как будто впервые в жизни видит, сказала, что у свекрови левая рука совсем отнялась, дома двое детей, Лесик в школу ходит, на третью смену, помещения не хватает, за Зиной целый день смотреть надо. Военкомат обещал помочь с детским садом, пока одни обещания. Вот и крутись с утра до ночи по дому, а тут тебе еще глаза колот: неработающая! Да это санаторий — уйти себе с ранья на работу и ничего не знать.

Клава Ивановна пожала плечами: если очень хотят работать, нанимаются в детский сад нянечкой, няни везде требуются, и найдется место для твоего ребенка тоже.

Нет, сказала Марина, няней она не пойдет: государство потратило деньги и учило ее на бухгалтера, а нянечкой в яслях каждая баба может быть, на это образования не надо.

Клава Ивановна слушала и давала себе слово промолчать,

чтобы дальше не срывалось занятие, но это было выше всяких сил:

— Что значит каждая баба! А ты кто такая, не баба? У тебя в жилах особенная кровь течет, и батько имел свой маеток или хутор с батраками! Марина, твой муж — офицер Красной Армии, а у тебя психология, я даже боюсь сказать, какая.

— А вы не бойтесь, — по-глупому засмеялась Марина, — я не боюсь и вам нема чего. Здесь люди свои.

— Малая, — приказал Иона Овсеич, — сядь на место и не сбивай нас в сторону. Товарищ Бирюк хочет работать по специальности, какую ей дало государство, это вполне законное желание, и надо оказать ей помощь с устройством ребенка в детсад. Я сам займусь этим вопросом, но попрошу нашего председателя женсовета Анну Котляр тоже не сидеть сложа руки, а навалиться всем сообща.

Аня пожала плечами: она готова, но какой толк, если с местами в детских садах положение не легче, чем с квартирами.

— Товарищ Котляр, — Иона Овсеич взялся обеими руками за стол, — свои сравнения и выводы держите для себя, а давайте лучше подумаем, как организовать по линии женсовета такую помощь, чтобы Марина Бирюк уже сегодня безбоязненно могла оставить дома ребенка и хворающую свекровь.

Анна Котляр улыбнулась: мужчинам легко давать советы.

— Мужчины здесь ни при чем, — сказал Иона Овсеич, — и Дегтарь дает совет не как мужчина, ибо каждая из присутствующих женщин охотно согласится час-другой в день помочь своей соседке, когда та занята на работе. А жена полковника Ланды не откажется дать нашим детям пару уроков: она получает по аттестату и сама неплохо зарабатывает в музыкальной школе.

Дина Варгафтик первая сказала, что она обеими руками за предложение товарища Дегтаря, но как организовать на деле, если, к примеру, сегодня все на одной смене.

— Товарищи женщины, — Иона Овсеич протянул вперед обе руки, — мы выдержали кровопролитнейшую войну, вышли победителями и, наряду с восстановлением, уже приступили к строительству материально-технической базы коммунизма, так неужели, я спрашиваю вас, это мы можем, а организовать, с таким сильным коллективом, помощь семье советского офицера не в состоянии!

— Дегтярь, — сказала Клава Ивановна, — хватит объясняться, надо поручить председателю женсовета, чтобы продумала конкретные мероприятия, как организовать помощь семье майора Андрея Петровича Бирюка, которому командование Красной Армии доверило важнейший пост в самом Берлине.

Иона Овсеич поставил вопрос на голосование:

— Товарищи, кто за данное предложение?

Все были за; кроме того, старый Чеперуха сделал еще добавление от себя лично:

— Марина, если у вас будет до меня дело, и я смогу, заходите днем, вечером, ночью, отказа не будет.

Марина громко засмеялась и сказала, что Иона Чеперуха ей больше всех нравится; сам всегда веселый — и другие возле него смеются.

— Мариночка, — пришел в полный восторг Иона, — так за чем же остановка!

Поздно вечером, было уже после одиннадцати, в квартире Чеперух поднялся тарарам на весь двор. Началось с пустяка. Зюнчик с Катей пришли из кино, "Девушка моей мечты", с последнего сеанса, и Оля сразу набросилась на невестку: почему та поужинала и оставила грязную посуду на столе, вроде кто-то ей холуй и прислуга. Ладно, убирать за своим сыном она согласна, но почему она должна убирать за его женой, которая в сто раз здоровее и сильнее!

Зюнчик присел на диван, отстегнул протез, Катерина помо-

гала и попутно отвечала свекрови: сеанс был последний, надо было торопиться, и она не успела.

— Нет, — сделала пальцем перед самым носом у невестки Оля, — это уже не первый раз, это уже сто первый. А сын, вместо того, чтобы поддержать свою родную мать, молчит, как будто жена отрубила язык.

— Мама, перестань, — сказал Зюнчик.

Оля заломила руки: сын затыкает рот матери, которая выкормила его своим молоком, и ради кого!

— Перестань! — повторил Зюнчик и бросил протез на пол. — Я приехал в родной город, к себе домой, и не хочу, чтобы на каждом шагу меня попрекали. Я здесь такой же хозяин, как вы.

— Да, — подтвердила Катерина, — он здесь родился, отсюда его забрали на фронт, и мы здесь такие же хозяева, как вы.

— Иона! — закричала Оля, — Иона, эта женщина хочет выгнать нас из нашего гнезда! Сын мой, кого ты привел сюда!

Зюнчик сказал, что никого не приводил, наоборот, мать сама требовала, чтобы он вернулся в Одессу, а здесь сумасшедший дом.

— Знаешь что, сын, — Иона крепко сжал обеими руками спинку стула и хорошо ударил о пол, — если здесь сумасшедший дом, никто вас не держит и не заставляет жить.

Катерина горько заплакала: беременную женщину выгоняют на улицу, а муж только глотает и утирается.

— Боже мой, — схватила за голову Оля, — какие слова, какие слова, в нашем доме никогда не было слышно! Какой стыд, какой срам!

Зиновий схватил со стола тарелку, бросил на пол и, подпрыгивая на одной ноге, стал топтать осколки.

— Зюня, — Иона весь дрожал и трясся, — твое счастье, что ты инвалид: я бы из тебя сделал форшмак!

— Не трогай его, — потребовала Оля, — не смей его трогать! Иона не ответил, повернулся к дверям, сорвал с гвоздя плащ и выбежал на улицу.

Домой он пришел утром, уже светало, плаща не было, вином пахло так, что было слышно за версту.

— Пьяница, — плакала в подушку Оля, — что скажут люди, что подумают наши дети.

— Вам тесно, десять метров вам мало, вы хотите десять метров на каждого, — бормотал Иона, — так я ночевал на вокзале — пусть вам будет простор.

На другой день Марина Бирюк высказала свое сочувствие Ионе и тут же перевела разговор на себя: если в одной семье люди не в силах договориться между собой, как она может согласиться, чтобы случайные жильцы и соседи хозяйничали у нее дома, пока она сама целый день на работе.

Иона покачал головой: что значит случайные жильцы и соседи? Люди живут в одном доме все годы Советской власти, есть даже раньше, где же основания, чтобы не доверять?

— Иона, — засмеялась Марина, — так вы же с родным сыном погиркались и с собственной невесткой.

— Что значит с сыном? — обиделся Чеперуха. — Все из-за невестки, а она из города Улан-Удэ, который от Одессы еще дальше Сибири, и хочет установить свои порядки.

— А я тоже новенькая, — Марина притворилась школьницей, как будто в первом классе.

— Марина, — Иона тепло, по-соседски, обнял за талию, — если вам нужна будет площадка, чтобы завезти дрова, уголь, какую-нибудь мебель, не надо никого искать и платить лишние деньги: на свете, сбережем тайну, в каком городе, живет старый биндюжник Чеперуха. Он доставит на дом и сам поможет разгрузить.

Вечером Оля имела разговор с мужем, который уже старый

хрыч, через пару месяцев будет дедушка, а ведет себя, как нахальный супник!

— Оля, — Иона прижал руку к сердцу, — как тебе не стыдно: у меня до нее голая симпатия и больше ничего.

— У Иосифа Котляра с Тосей, пока его жена и ее муж проливали кровь на фронте, тоже была голая симпатия, весь двор знает.

— Иосиф Котляр, — сказал Иона, — инвалид без ноги еще с гражданской войны, и не надо упрекать, что он сидел в тылу, а жена была на фронте.

— Не делайся дурачком, — рассердилась Оля, — тебе говорят про шуры-муры, а не ловят диверсанта.

— А насчет Степана, когда он стоял в Германии, — сказал Иона, — я тебе отвечу: среди немок попадались такие нахальные, что нет слов передать.

— Супники, — заплакала Оля, — гадкие супники, до самого гроба на вас отдаешь силы, варишь, обстирываешь, некогда поднять голову, потом начинаются внуки, а муж всю жизнь хочет быть мальчик.

— Мальчик, но с таким беней, — Иона согнул правую руку в локте и глупо засмеялся. Оля хорошо дала ему по щеке, он не обиделся: когда заслужил — заслужил.

Три дня в доме было спокойно, а на четвертый у Оли с Катериной опять вышло недоразумение: поставили варить борщ, Оля просила присмотреть, ей надо на минуту выбежать в магазин, но невестка так зачиталась своими книжками, что совсем забыла. Оля еще из коридора почувствовала, что пригорает, а та сидела почти рядом и не чувствовала.

— Барышня, — возмутилась Оля, — барышня, на деньги, которые вы приносите в семью, можно купить полторы морковки.

— У нас в Улан-Удэ, -- ответила Катерина, — пусть даже дом

сгорит, а на беременную женщину кричать не будут. А у вас в Одессе все на крике стоит.

— Боже мой, — Оля схватила за голову, — где взять силы, чтобы спокойно это слышать.

Два раза в неделю Зиновий, как инвалид войны, теребил военкомат по поводу квартиры. Кроме того, ходатайствовал завод имени Кирова, где Зиновий за три месяца выучился на фрезеровщика и теперь давал сто сорок-сто пятьдесят процентов дневной нормы. Товарищи говорили, что Зиновий Чеперуха почти как легчик Мересьев: выстоять смену на одной ноге у станка не легче, чем давить педали в самолете, тем более, что сидишь в мягком кресле.

Новости, которые Зюнчик приносил насчет квартиры, каждый день повторялись, и Оля просила, чтобы он сам зашел к товарищу Дегтярю, хорошо попросил, и тот нажмет, где надо. Зюнчик в ответ смеялся, как глупый мальчик, и говорил: Дегтярь хорошо показывает фокусы и объясняет, как просто получается, а квартира не фокус.

Иона поддерживал жену и тоже требовал, чтобы Зиновий сам лично попросил товарища Дегтяря и не стеснялся напоминать: у Дегтяря не один Зиновий Чеперуха в голове. А еще лучше, пусть зайдут вдвоем, с Катей, Овсеич лишний раз увидит женщину в положении, и совесть подскажет ему, что пора уже, дальше откладывать некуда.

В этот раз Катерина взяла сторону тестя и свекрови, насели опять уже втроем, и заставили Зиновия сдаться.

Иона Овсеич встретил радушно, пожал Зиновию руку, обнял за плечи, для Кати удобно поставил стул, чтобы не сидела на сквозняке, и просил чувствовать себя, как дома.

До начала всякого разговора хозяин категорически потребовал, чтобы гости отведали кофе, для которого он сам заваривал ячмень, молот на мельничке, добавил немножко красно-

го перца, соли и хлебную корочку, тоже зажаренную. Ни одной крошки в стакан не попало, он заранее процедил, но, на всякий случай, хотел еще раз пропустить через марлечку.

От марлечки гости отказались, Катерина выпила чашечку и попросила еще. Иона Овсеич налил и сказал, что у него, как в Грузии: желание гостя — закон. Катерина возмутилась: хорошее дело, товарищ Дегтярь один, а гостей каждый день дюжина.

— Короче, — перебил Зиновий, — мы пришли насчет жилплощади.

Иона Овсеич улыбнулся:

— Понятно, можно не объяснять. Как я вижу, вас уже почти трое.

— Да, — кивнул Зиновий, — и вот возникает вопрос: как быть дальше? Десять метров и четыре взрослых человека — это одно, десять метров и четыре взрослых человека, плюс грудной ребенок — это другое.

— Стоп! — остановил Иона Овсеич. — Пока не родился, будем учитывать реальное положение на сегодня.

Хорошо, согласилась Катя, но тогда пусть товарищ Дегтярь переселяется сегодня к ним и ложится посередине, чтобы старики держались на расстоянии и не грызли ей голову, а то неровен час — она за себя не в ответе.

— Я слышал, — сказал Иона Овсеич, — сибиряки — спокойные люди со здоровыми нервами, а получается наоборот.

Катя вдруг заплакала: тут никакие нервы не выдержат — на каждом шагу то попрекают, то учат.

— Девочка, — улыбнулся товарищ Дегтярь, — учиться надо всю жизнь и начинать никогда не поздно.

Катерина почувствовала, что кровь сильно прилила к голове, захотелось кричать, но товарищ Дегтярь уже перевел разговор на главную тему — насчет жилплощади. Первым делом, сказал

он, надо создать комиссию, чтобы пришла обследовать квартирные условия Чеперухи-сына и Чеперухи-отца, тем более, как один, так и другой — участники Отечественной войны, имеют боевые награды. Во-вторых, надо заранее подготовить справку из медицинского учреждения про факт беременности Катерины. В-третьих, это Дегтярь уже возьмет целиком на себя, общественность даст свое ходатайство и характеристику Чеперухам, как старейшим жильцам дома, которые имеют моральное и законное право на улучшение. В комиссию, можно полагать, райисполком введет товарища Дегтяря, и тогда вся документация своевременно, к началу обследования, попадет в хорошие руки, следовательно, мнение с первого шага будет целиком в нашу пользу.

— Проситель, — подвел итог Иона Овсевич, — вы имеете что-нибудь против?

Проситель, в лице Зиновия Чеперухи, не имел ничего против, но в одном пункте у него была неясность: зачем комиссия райисполкома, если существуют ордер, домовая книга и квитанция квартиросъемщика, где точно указана площадь — десять квадратных метров.

— Какие вы приткие, — сощурился Иона Овсевич, — как у вас быстро получается. А я понимаю немножко иначе. Начнем. У кого ордер? У квартиросъемщика, то есть у Ионы Чеперухи. Где домовая книга? В конторе домоуправления. Где квитанции? Оригинал — в приходной кассе, а копия — у квартиросъемщика, то есть у того же Ионы Чеперухи. Спрашивается: а при чем здесь Зиновий Чеперуха с его женой Катериной?

Последний вопрос, хотя непосредственно вытекал из предыдущего, почему-то взорвал Зиновия: у человека орден Красной звезды, медаль за победу над империалистической Японией, одна нога из папье-маше, а он должен доказывать, что он — это он!

— Мальчик, — сказал Иона Овсеич, — мальчик, успокойся, Дегтярь ничего не выдумывает от себя: по какой бы линии вы ни претендовали на жилплощадь — военкомат, завод, ВТЭК, шмек, — без комиссии никто не будет рассматривать, и не заставляйте меня повторять сначала. Когда десятки тысяч людей претендуют и требуют, в каждом случае нужна не одна комиссия, а комиссия, перекомиссия и еще раз перекомиссия. И все равно бывает недостаточно.

В армии, Зиновий наклонил голову, как молодой бычок, и на фронте все было яснее, проще.

Нет, сказал Иона Овсеич, трудности, с которыми народ сейчас встречается, — прямое следствие войны, и давайте не будем противопоставлять, может получится нехороший лапсус.

По лицу Зиновия было видно, что он готов опять спорить, но тут встряла в разговор Катерина: весь двор знает, что Дегтярь имеет в городе не меньше авторитета, чем председатель райсовета и, кроме того, они друг с другом на "ты".

Иона Овсеич прищурил один глаз: если он правильно понял, Катерина делает тонкий намек на толстые обстоятельства. Да, это правда, он немножко знаком с председателем райисполкома, в тридцать третьем году вместе работали в политотделе МТС.

Катерина хотела сесть вплотную к столу, ближе к товарищу Дегтярю, но мешал живот.

— Катя, Катя, Катерина, нарисованная картина, — улыбнулся Иона Овсеич, — Катя голову чесала, офицера дожидала. Сибирячка, а хитрее одесситки.

Катя разругалась, сказала, с кем поведешься, от того наберешься, а Зиновий слушал и смотрел, как будто посторонний, и от его взгляда делалось неприятно на душе.

— Зиновий, проснись! — громко приказал товарищ Дегтярь.

— Господи, — засмеялась Катя, — теперь-то что, он до самых пегухов дрыхнуть может и не повернется.

Иона Овсеич пошутил: не каждый способен, как Беня Крик, когда с дамой сердца он уехал на виноградники в Бессарабию. Катя первый раз слышала про Беню Крика, но догадалась, что он был хороший парень и передовик в своем деле.

Зиновий сидел надутый, как сыч, и объяснил жене: Беня Крик — это знаменитый одесский бандит Мишка Япончик, которого расстреляла Советская власть.

Катерина раскрыла рот и смотрела на товарища Дегтяря.

— Зиновий прав, — скривился товарищ Дегтярь, — но в данном случае мы не брали Беню Крика с политической стороны.

На минуту в комнате стало тихо, за дверью сильно жужжал коммунальный счетчик, кто-то включил утюг или электроплитку, Иона Овсеич прислушивался и укоризненно качал головой: сто раз людей предупреждали, сто раз объясняли, чтобы не пользовались приборами, но пока хорошенько не трахнешь, не отдашь под суд, видно, не поймут.

Катерина засмеялась: у них в Улан-Удэ такая же история с самогонкой, горсовет и милиция говорят, нельзя варить, отдадим под суд, а люди закрывают двери и делают по-своему.

Иона Овсеич удивился: из какого же сырья в городе Улан-Удэ могут варить самогон?

— У-у, — заукала Катерина, — из картофеля тебе раз, из сахара — два, из разной ягоды — три. А то привозили из теплых краев мешками сахарную свеклу. Туда — ягоду из лесу, грибы, а обратно — свеклу, так что дорога задаром получалась. И самогон, считай, задаром.

— Ну, а ты сама, — спросил товарищ Дегтярь, — технологию знаешь?

А чего не знать, пожала плечами Катерина, для себя на

праздники сами варили. Отец с охоты дичь приносил, закуска была. И она с ним ходила, отдельно свое ружье имела, а так, когда от училища была свободна, дома за коровой ухаживала, чушку кормила, если матери недосуг был. Но вообще мать не давала: учиться, говорит, тебе надо, руки беречь, чтоб не сильно загубели.

— А ну, покажи свои руки, — приказал Иона Овсеич.

Катя положила на стол ладонями кверху, потом наоборот, ладонями книзу, Иона Овсеич погладил своей рукой, немножко помял пальцами и сделал вывод, что эти руки, если имели дело с коровой, так только с ее молоком, когда в доме не хватало воды помыться.

— Ой, какие вы! — зажмурила глаза Катерина.

Иона Овсеич заерзал на своем стуле, опять вспомнил про самогон, говорят, у него совсем нехитрая технология в домашних условиях, но Зиновий неожиданно встал, потянул жену за руку и спросил, уже возле дверей, как будет дальше: Дегтярь сам поставит в известность насчет комиссии или надо напомнить о себе?

— Напоминать не надо, — сказал Иона Овсеич, — мы сами хорошо помним.

Дома, только переступили порог, Зиновий набросился на жену: зачем она разговаривала с Дегтярем, как будто хотела задобрить! Катя возразила, что она не задабривала, просто вежливо разговаривала, а скандалить можно у себя в семье и не надо ходить в гости.

Нет, стоял на своем Зиновий, все поведение его жены от начала до конца пахло за три версты подхалимством, и то, что она рассказывала про себя и свою семью — тоже подхалимство: когда люди хотят задобрить начальство, они всегда откровенничают.

От упреков мужа и обиды Катя расплакалась, и свекровь со

свекром целиком взяли ее сторону: пусть Зиновий не будет такой умный и независимый, на словах каждый умеет, а на деле останешься со своим гонором и всю жизнь будешь светить голым задом.

— Олухи, — закричал Зиновий, схватил костыль и с силой ударил о пол, — олухи царя небесного!

Оля замахала руками: Боже мой, пусть будет тихо, пусть будет немножко тишины в доме. Иона взял со стола графин, отпил до середины, кадык перекатывался, как у лошади, бросился прямо в одежде на постель и накрыл голову газетой. Минут через десять, у других уже остыло, Иона вскочил, нахлобучил свой картуз и хлопнул дверью.

Около двенадцати, радио кончало последние известия, в квартире Чеперухи поднялся очередной тарарам и держался до часа ночи, пока Клава Ивановна не постучала и лично не вмешалась.

Утром Марина Бирюк вышла пораньше, чтобы достать на Привозе пару кило картошки, встретила в подъезде Иону и спросила: это ей показалось или на самом деле во дворе целую ночь стоял гармидер, как будто резали и грабили?

— Марыночка, — вежливо ответил Иона Чеперуха, — не имейте плохую привычку из чужого несчастья делать себе театр.

— Иона, люба моя, — засмеялась Марина, — если каждый будет делать себе театр из чужого несчастья, так куда подеется то несчастье!

— Марыночка! — Иона по-кавалерийски взял женщину за руку, прикоснулся губами и четверть минуты стоял неподвижный, как на карауле.

С понедельника Марина Бирюк устроилась на работу по специальности — бухгалтером в столовой ОРСа госуниверситета, на улице Пастера, угол Советской Армии. Клава Ивановна

поздравила первая и сказала: такую работу надо поискать!

Товарищ Дегтярь просил Клаву Ивановну проконтролировать лично, чтобы председатель женсовета Анна Котляр не пустила на самотек помощь семье офицера Бирюк, поскольку Марина с понедельника вышла на постоянную работу, а дома двое детей и престарелая мать-инвалид.

Аня Котляр сделала хороший почин: до середины дня она сама просидела в квартире Бирюк, старуха, как все старухи, немножко капризничала — принеси, заberi, не топай, не стучи, а Зиночка — просто золотой ребенок.

После обеда пару часов присматривала Дина Варгафтик, на следующий день с утра пришлось Клаве Ивановне, поскольку все женщины были на смене. До конца недели по очереди заходили опять Аня Котляр, Дина Варгафтик, Тося Хомицкая и Оля Чеперуха, а Гизелла Ланда два раза забирала Зиночку к себе домой и давала уроки по музыке.

Чтобы не допустить путаницы, на будущую неделю составили строгий график, но уже в понедельник утром, когда была очередь Оли Чеперухи, дежурство сорвалось по непредвиденным обстоятельствам: как раз в это время у Кати начались схватки, и надо было срочно отвезти в роддом.

Во второй половине дня Тося смогла уделить минут двадцать, не больше, Зиночка осталась без присмотра, убежала на улицу, и старуха чуть не умерла от страха, пока Марина не вернулась со службы и сама не пошла искать.

В пятницу картина опять повторилась, свекровь потребовала, чтобы Марина пожаловалась Дегтярю, который у них главный, а если не примет меры, пусть на самого Дегтяря жалобу напишет.

— Мама, — сказала Марина, — ну чего бы я молола чепуху: не знаете — помолчите. Люди за голое спасибо делают.

На третью неделю от графика осталась одна бумажка, Мари-

на поставила в известность Клаву Ивановну, а та, вместо того, чтобы отнестись с сочувствием и принять меры, вспомнила, как росли дети в первые годы Советской власти, когда родители целый день проводили на фабрике. Марина разозлилась: у матери дитя гоняет, как беспризорное, по улице, а Малая разводит ей болтологию!

— Закрой свой грязный рот! — приказала Клава Ивановна.

— А вот и не закрою! — ответила Марина и опять повторила: хватит разводить болтологию и махать перед носом красными флажками.

Иона Овсеич, когда узнал, что график сорван, а все мероприятие поставлено под угрозу, осудил в первую очередь мадам Малую, которая не нашла ничего умнее, чем сравнивать Советскую власть сегодня, когда мы имеем конкретную программу строительства коммунизма, и тридцать лет назад.

По предложению товарища Дегтяря, актив решил заслушать отчет женсовета о проделанной работе, особо о помощи семье офицера Советской Армии майора Бирюка.

Как и можно было предвидеть заранее, председатель женсовета товарищ Котляр не проанализировала причины срыва, не наметила и даже не продумала мер по его ликвидации. Жалкие потуги объяснений, которые она пыталась выставить — мол, женщины чересчур заняты на производстве и по домашнему хозяйству, — могли бы иметь мало-мальский резон, если бы речь шла об одной, отдельно взятой женщине, а не о коллективе в целом, работоспособном и здоровом. Заслушав отчет женсовета, актив постановил: строго предупредить товарища Котляр и потребовать коренной перестройки всей работы, а товарища Малую обязать оказывать необходимое содействие и, одновременно, усилить контроль и проверку исполнения.

Марина Бирюк просила уточнить, в чем должно состоять необходимое содействие от Малой, поскольку та лишь крутит

одним местом, как невеста на смотринах, а дела нет ни на грош.

Клава Ивановна возмутилась: что здесь происходит, почему никто не заткнет рот этой женщине, которая вообще без году неделя живет в нашем доме!

— А вы не кричите, не испугались, — грубо ответила Марина. — Можете помочь — помогайте, а не можете — так сидите у себя в хате и молчите в тряпочку.

Дворничка Феня Лебедева качала головой и цыкала на Бирючку, чтобы придержала свой язык, Иона Овсеич наблюдал молча, как будто изучает, и чем больше люди выскажутся, тем лучше.

— Товарищи, — Ляля Орлова подняла руку и получила разрешение, — мне тяжело и больно слушать, какой тон гражданка Бирюк позволяет себе с нашей Клавой Ивановной. В конце концов, ей никто не обязан и сколько бы ни сделали, пусть скажет спасибо.

— Нет, уважаемая Орлова! — наконец, сказал свое слово товарищ Дегтярь. — Нет! Коль скоро мы приняли решение, надо выполнять со всей ответственностью по законам нашей морали, и здесь жена майора Бирюк, которая желает приносить пользу непосредственно на производстве, а не сидеть дома, права по всем статьям, и товарищу Малой нет никакого резона играть с ней в прятки. А сколько лет семья Бирюк живет в нашем доме, это не имеет значения, ибо никто не давал нам права ни прямо, ни косвенно, под разным соусом, вводить ценз оседлости.

После актива у товарища Дегтяря был особый разговор с Малой, которая уже вторично за последние несколько дней держит себя так, как будто вокруг безвоздушное пространство и фактор времени не играет роли.

— Дегтярь, — голос у Клавы Ивановны дрожал от обиды и

гнева, — я тебя не узнаю. Ты ведешь сильно хитрую политику, и люди могут не понять: они привыкли за всю свою жизнь, что черное — это черное, белое — это белое.

Иона Овсеич улыбнулся, улыбка была с перчиком, и привел известный факт из физики: когда круг, в котором много разных красок, сильно быстро крутят, получается один белый цвет, и увидеть простым глазом каждый цвет отдельно уже невозможно.

— Что ты хочешь этим сказать? — дернулась Клава Ивановна.

— Я хочу этим сказать, товарищ Малая, что на практике, когда жизнь с каждым днем идет все быстрее, нужен очень опытный глаз, чтобы правильно различать цвета и краски.

Значит, сказала Клава Ивановна, отсюда один вывод: Малая уже слишком старая, и в глазах у нее куриная слепота.

— Не перегибай, Малая, — рассердился Иона Овсеич, — а старайся немножко перестроиться, ибо можно отстать, а отстающих бьют. У людей каждый день должна быть перед глазами главная перспектива: они строят коммунизм, и не завтра, а сегодня, сейчас, сию минуту надо внедрять коммунизм в быт, ибо процесс долгий, потребуются годы. А личные симпатии и антипатии надо отодвинуть на второй план.

В следующую неделю Марина Бирюк не имела оснований жаловаться, наоборот, она сама благодарила Клаву Ивановну и восхищалась, какие золотые люди живут у нас во дворе. Но прошла еще неделя, в графике опять появились большие дыры, Зиночка с Алешей сами гоняли по городу, а один раз вылезли на крышу дома, стали вдвоем у карниза, люди во дворе и на улице прямо ахнули. Вечером Марина хорошо всыпала обоим, старуха кричала, что ее живьем толкают в могилу, целую неделю подряд Зиночка ходила с мамой на службу, начальство первые два-три дня смотрело сквозь пальцы, затем предупредило: здесь не ясли.

Марина обратилась к товарищу Дегтярю и напомнила про его обещание насчет детского сада для Зиновки. У себя на работе она говорила уже десять раз, но местком отвечает, что может дать ходатайство, даже два, а сделать из себя место в детском саду не может.

Хорошо, сказал Иона Овсеич, пусть Марина напишет заявление на имя председателя райисполкома, копия заведующему райнаробраза, детские сады непосредственно в его подчинении, и оставит. Как двигается дело, она получит через неделю-две официальный ответ, а Дегтярь, со своей стороны, будет регулярно подталкивать.

В выходной день, поскольку накануне Иона Овсеич был сильно занят у себя на фабрике и сразу, по горячим следам, не мог уделить внимания, Клава Ивановна, сообщив с председателем женсовета Анной Котляр, давали объяснение по оказанию временной помощи семье офицера Бирюка. Точнее сказать, это было не объяснение, а беспомощный лепет, ибо, как в предыдущий раз, так и теперь, обе не нашли ничего более убедительного, чем ссылка на большую загруженность женщин своими собственными делами.

Иона Овсеич ударил кулаком по столу: что значит большая загруженность! А когда женщины с производства едут в колхоз, чтобы помочь нашим колхозникам собрать урожай, нет загруженности! А когда эвакуировали заводы и создавали заново в голой степи, не было загруженности! А в сорок первом, когда день и ночи рыли окопы и щели, не было загруженности!

Клава Ивановна и Аня Котляр, обе одновременно, как будто сговорились, ответили, что нечего сравнивать фронтную Одессу с теперешней.

Нет, опять ударил кулаком Иона Овсеич, мы всегда на фронте: или на фронте, где прямо отдают жизнь, или на фронте

мирного труда и строительства! Найдите мне хотя бы одну газету, в которой бы каждый день партия и правительство не повторяли нам про фронт!

На ближайшем заседании домкома, совместно с активом, председатель женсовета Анна Котляр просила освободить ее от занимаемой должности.

— Освободим, — сказал Иона Овсевич, — но не тогда, когда ты захочешь, а когда мы найдем нужным.

От имени и по поручению инициативной группы, член партии Степан Хомицкий внес предложение восстановить помещение форпоста, чтобы сегодня наши дети имели условия для отдыха и развлечений не хуже, а еще лучше, чем было до войны.

Иона Чеперуха высказался первый: он лично целиком за, есть даже подвода, чтобы завезти стройматериалы, но не хватает одного пустяка — самих стройматериалов.

Да, подтвердил Дегтярь, со стройматериалами сегодня имеются трудности — не потому, что стало меньше, наоборот, стало больше, но неизмеримо выросли потребности. Учитывая конкретные условия и чтобы не гадать на кофейной гуще, пока не будем намечать точный срок.

У Катерины Чеперухи родилась двойня — Гриша и Миша, Гриша на полчаса старше. Через неделю Катю выписали из роддома, дедушка достал дрожки с фонарями, запряг своего Мальчика, хорошо почистил щеткой, смазал упряжь, она заблестела, как лаковые туфли, усадил бабушку, молодого папу и поехали. Зиновий был против этого местечкового шика — надо по-современному, либо легковой машиной, либо трамваем, — но Иона до глубины души обиделся: если сыну не нравится его профессия, пусть найдет себе другого папу. А насчет местечкового шика Зиновий сильно ошибается: в местечках заказывали шарабан, в лучшем случае, таратайку.

Катя, когда увидела фонари на дрожках, засмеялась: ой,

прямо кино! Хотя было тепло и чистое небо, бабушка потребовала, чтобы подняли верх: неожиданно может подуть ветер и на детей упадет пыль. Катя сказала, откуда при такой погоде ветер, но бабушка Оля вспомнила, как она возвращалась с Зюнчиком, тоже стояла хорошая погода, и вдруг задуло, закрутило пыль столбом, как в поле.

Жильцам и соседям экипаж понравился. Марина прямо сказала: если она еще раз будет играть свадьбу, то потребует от жениха, чтобы заказал такой экипаж.

— Марыночка, — Иона прижал руку к сердцу, — мой Мальчик и я всегда к услугам.

Оля взяла мужа под локоть, хорошо ущипнула и предупредила, что это — лишь аванс, а полный расчет впереди.

Вечером Клава Ивановна и председатель женсовета Анна Котляр занесли комплект ситцевых пеленок и три пары ползунков, сшитых из женских чулок, но так удачно, что не всякий мог догадаться. Вслед за ними, прямо с фабрики, зашел товарищ Дегтярь, поцеловался три раза с дедушкой, бабушкой и главными виновниками — папой и мамой, вынул из бокового кармана плаща бутылку портвейна тринадцать, восемнадцать градусов крепости, поставил на стол и просил подать стаканы.

— Дорогой Зиновий! — Иона Овсеич поднял стакан и держал перед собой. — Еще совсем недавно ты бегал здесь по двору, в чем мать родила, играл с деревянной саблей в Чапаева и юность Максима. Как все советские дети, мальчики и девочки, ты ходил в школу. Я уже старею, но память еще слава Богу, и я не помню, чтобы ты каждый год приносил домой похвальные грамоты.

Иона Чеперуха, Оля и сам Зиновий подтвердили, что грамоты были не каждый год; в отличие от неудов, или как их теперь называют, двойки.

— Дорогой Зиновий, — продолжал Иона Овсеич, — у меня

еще сегодня стоит в ушах твой голос, когда ты пел на весь двор песню про доктора, которая была не из детского репертуара: "Мама, я доктора люблю, мама, за доктора хочу!" А нынче ты уже сам отец, точнее, дважды отец. Твои сыновья родились в знаменательное время: советские люди непосредственно на практике создают материально-техническую базу коммунизма и, когда твои сыновья будут в теперешнем возрасте мамы и папы, можно, забегая немножечко вперед, представить себе, как они своими звонкими голосами будут воспевать коммунистические республики Советов! А пока, этими днями, мы приняли решение восстановить форпост — и твоим детям, как в свое время тебе, будет неплохой подарок. Лет до ста расти вам без старости, год от года расти нашей молодости!

У деда Чеперухи, когда он поставил порожний стакан, на глазах блестели слезы, семья и гости немножко потешились, а сам Иона упорно отрицал и доказывал, что всем просто помешалось.

— Дорогой тезка, — обратился товарищ Дегтярь, — никогда не надо стыдиться и прятать хорошие слезы, тем более солдату. Был такой французский писатель, по имени Стендаль. Он лично знал Наполеона и не любил его. Но один раз он увидел Наполеона в театре, как тот плакал, когда на сцене шло представление про нелегкую жизнь бедной молоденькой девушки. С тех пор, говорит Стендаль, он начал по-другому относиться к Наполеону и гораздо больше уважать его.

Иона окончательно расстроился, публично признался, что товарищ Дегтярь ему ближе, чем родной брат, принес из коридорчика свои холщевые брюки, засунул руку в штанину снизу и вынул красивую плоскую бутылку, на которой была наклеена картинка с хорошенькой девушкой в одних чулках. Товарищ Дегтярь взял бутылку в свои руки, показал Катерине,

повернул другой стороной, как будто хотел осмотреть со спины, возвратил хозяину и пошутил:

— Тезка, я думаю, в старое время ты мог бы быть неплохой снохач.

Иона разлил по стаканам, ткнул пальцем в девушку с чулками и сказал:

— Овсеич, теперь ты имеешь шанс попробовать, какая она на вкус.

— Старый супник, — вмешалась Оля, — постыдись детей и внуков.

Хозяин со своей снохой выпили до дна, остальные заметно отстали. Комната наполнилась сивушным духом. Иона топнул ногами и запел пьяным голосом:

Самогоне, самогоне,

Хто тебе тепер не гоне!

То ж нехай завжди живе

Наш бессмертный Самжене!

Товарищ Дегтярь сделал Чеперухе знак остановиться и сказал, что должен сообщить хозяевам этого гостеприимного дома приятную новость: сегодня он имел разговор с товарищами из Сталинского райисполкома, и дали твердое обещание через день-два прислать комиссию.

— Дорогой Дегтярчик, — Иона расстегнул гимнастерку, — большое тебе спасибо за все хорошее, что ты для нас устраивал и продолжаешь устраивать!

— Зиновий, — обратилась Клава Ивановна, — помнишь, как ты набрасывался на товарища Дегтяря? Пусть теперь тебе будет стыдно.

Комиссия задержалась на неделю, поскольку у райсовета были десятки неотложных дел и каждый день прибавлялись новые. Наверно, задержались бы еще, если бы товарищ Дегтярь не напоминал и не подталкивал.

Кроме самого Ионы Овсеича, в комиссию входили работница с его фабрики, депутат райсовета и представитель из Сталинского райжилотдела, фронтовик без одной руки. Женщина оказалась очень симпатичная, потеряла мужа на войне, теперь жила одна с сыном, комната просторная, пятнадцать метров, и откровенно посочувствовала Чеперухам, но, с другой стороны, как говорится, в тесноте, да не в обиде, комната у Чеперух сухая, светлая, коридорчик тоже что-то значит, а главное, все свои. У нее по микрорайону есть квартиры с проходными комнатами, где живут совсем посторонние, и такие сценны, что не дай Бог.

Товарищ из райжилотдела, пока депутат беседовала с хозяевами, три раза измерял рулеткой длину стен. Кроме того, он отдельно замерил площадь дверных проемов: один — действующий, то есть выход из комнаты, другой — оклеенный обоями, бывший ход в соседнюю квартиру. Ширина и глубина у обоих одинаковая — метр двадцать на ноль пять. Итого один и два десятых квадратных метра. А всего — двенадцать с половиной. Вместе с коридорчиком, который не подлежит оплате, получается около двадцати метров.

— Подождите, — остановил Иона Чеперуха, — комната все годы имела десять, а стало двенадцать с половиной. Выходит, она выросла?

Товарищ из Сталинского райжилотдела пожал плечами: не надо удивляться — кто-то когда-то измерил приблизительно или просто не умел перемножить дроби, а ошибка кочевала из одной справки в другую. Теперь следует передать сведения в домоуправление, бухгалтерия учтет дополнительно два с половиной метра, и перенесут в ордер.

Зиновий, который до этой минуты стоял в сторонке, как будто его не касается, вдруг взорвался: он думал, что Дегтярь приведет комиссию из людей, а здесь одни ревизоры и ОБХСС!

От громкого крика проснулись в своей лохани Гриша и Миша, заплакали хором, Катя в полсекунды сбросила кофточку, дала одному и другому грудь, показала кулак Зиновию, чтобы держал себя в руках, и тихо запела:

Баю, баюшки, баю,
Детки с мамочкой в раю!
Баю-бай, баю-бай,
Спи, сыночек, засыпай!

Дети успокоились, еще несколько раз пососали и заснули. Товарищ из райжилотдела удивился: такие маленькие, а мать свою узнают с ходу и понимают.

Катя положила Гришу и Мишу обратно в лохань, рядом, как раньше, но депутат посоветовала, лучше валетом, не будут стеснять один другого, и мама с бабушкой согласились, что так действительно удобнее. Зиновий тьфукнул, сплюнул на пол и опять взялся за товарища из Сталинского райжилотдела: неужели тот пришел сюда с главной целью выяснить, правильно платят Чеперухи за квартиру или неправильно, тем более, что речь идет о копейках!

Товарищ спокойно объяснил, что это не главная цель, и, если бы сами Чеперухи не вызывали комиссию, все оставалось бы как было. А что касается представления жилплощади, комиссия своих квартир не имеет и дает в райисполком только свое заключение.

— Значит, — сказал Зиновий, — вы можете давать свои советы райисполкому, а это уже его личное дело — прислушиваться или не прислушиваться.

Товарищ из жилотдела почесал мизинцем в ухе и подтвердил, что его правильно поняли, но пусть сам Зиновий Чеперуха пройдет с ним по домам и даст свой рецепт, как обеспечить и удовлетворить каждого.

— Зиновий, — обратился Иона Овсич, — по-моему, ты не

хуже, а лучше других должен помнить, какую мы выдержали войну.

— Значит, — сделал вывод Зиновий, — сначала я выдержал войну, а теперь должен выдержать мирную жизнь. А те, кто оставался в оккупации, спокойно живут себе в своих квартирах и даже заняли чужие, эвакуированных и евреев, которых убили немцы.

— Подожди, сын, — остановил Иона Чеперуха, — здесь ты не прав: нашу квартиру мама сразу получила обратно.

— Нашу квартиру? — подхватила Оля. — Так нас же теперь в два раза больше.

В конце концов, сказал товарищ из Сталинского райжилотдела, не обязательно каждому возвращаться в Одессу: Новосибирск, Чимкент, Ташкент — тоже неплохие города.

— Слушай, — Зиновий сделался белый, как мел, голос в один миг осип, — да кто ты такой? Ну кто ты такой, откуда ты взялся в Одессе?

Товарищ из райжилотдела на вопрос не ответил, а депутата и Дегтяря предупредил, что по данному объекту картина для него ясная. Депутат пожелала хозяевам всего хорошего, молодой маме посоветовала особенно беречь ушки детей: возраст такой, что сами не скажут, а от ушей и температура, и понос, и кушать отказываются, аж смотреть больно.

Вечером Иона Овсеич еще раз специально зашел к Чеперухе, чтобы сказать, какую неправильную тактику выбрал Зиновий: надо было спокойно смотреть и слушать, а не бросаться из подворотни.

— Спокойно смотреть и слушать! — завелся с пол-оборота Зиновий. — Он приехал из своей тайги в Одессу и дает мне указание, где жить: Чимкент или Ташкент!

— Между прочим, — напомнил Иона Овсеич, — твоя Катерина тоже из тайги.

— А мой дедушка, мой папа, мама, мои дети и я сам — мы все из Одессы, — еще больше взвинтился Зиновий, — и я не позволю, чтобы всякий встречный-поперечный делал мне гнусные намеки!

— Зиновий, — покачал головой Иона Овсеич, — не дави на пары: может лопнуть котел. Ты воевал на фронте и потерял ногу, но ты еще ребенок, поверь старому Дегтярю, в жизни ты совсем еще ребенок.

На следующей неделе, с промежутком в один день, к Зиновию приходили две комиссии: одна — с завода, другая — по линии военкомата. Хотя люди были разные, гражданские и военные, но заключение сделали одинаковое: Зиновий Чеперуха нуждается в жилплощади, в связи с чем поставить его официально на очередь. О сроках конкретно не говорили, ориентировочно год-два.

Иона Чеперуха пожимал плечами: что такое два года? Два года — пустяк, война шла четыре года и дождались, а здесь, в два раза меньше.

— Старый ишак! — закипела бабушка Оля. — Ты можешь перейти жить в сарай, а дети! Лишь бы Дегтярь готовит им форпост, а до форпоста?

Катерина неожиданно придумала: до форпоста можно тоже в форпосте, все равно стоит без пользы. Надо только хороший ремонт сделать. Они у себя, в Улан-Удэ, сами дом построили.

— Катерина, — пришел в полный восторг Иона, — чалдонка, чалдонка, а голова — чистый бриллиант, как у деда Чеперухи!

На заводе Кирова Зиновию обещали подкинуть немного стройматериалов: доски, известь, цемент, краски. Со своей стороны, Иона поговорил с замдиректора по хозяйству медицинского института, и тоже кое-что обещали, правда, не из фондовых материалов, а из б/у, то есть бывших в употреблении.

После этого осталось доделать один пустяк: проинформировать товарища Дегтяря и просить, чтобы организовали двор на помощь застройщикам.

Иона Овсеич выслушал внимательно от начала до конца и особо остановился на стройматериалах, которые обещали Чеперухе в медицинском институте, ибо вуз, как известно, не является хозрасчетной единицей, а держится целиком на бюджете. Зиновий повторил, что там идет речь исключительно о б/у, но Иона Овсеич резонно ответил ему, что сейчас еще не такое время, когда государственное учреждение может запросто выбросить, а частник подберет и ему будет достаточно, чтобы построить целый помещичий дом с мезонином.

Зиновий не понял: при чем здесь помещичий дом с мезонином?

— А при том, — объяснил Иона Овсеич, — что мы будем категорически против передачи помещения пионерского форпоста под частную застройку.

Нет, возразил Зиновий, это не частная застройка, а, наоборот, увеличение государственного жилфонда, ибо дом принадлежит государству, и семья Чеперухи хочет своими силами и на свои средства помочь восстановлению.

Товарищ Дегтярь хлопнул Зиновия по плечу: своими силами и на свои средства семья Чеперухи может помочь восстановлению форпоста для всех наших детей, как было до войны, здесь бы никто не имел против и еще сказали бы спасибо.

Абсолютно правильно, согласился Зиновий, и форпост, который не является частной застройкой, перейдет в распоряжение наших детей, чтобы они могли культурно проводить время и развлекаться, как только он со своей семьей получит квартиру.

— Дорогой Зиновий Ионович, — улыбнулся товарищ Дегтярь, — я слишком долго живу на этом свете и уже давно не

девочка. Еще покойный отец, много лет до революции, говорил мне: легче не отдавать, чем отдать, а потом получить обратно. Кроме того, я тебе повторяю, речь идет не о моей, твоей или Иванова, Петрова, Сидорова собственности, а о детском форпосте, то есть общественном достоянии, который мы в свое время, силами опять-таки общественности, переделали из прачечной. Я тебе могу напомнить: ты сам, будучи еще мальчиком, доказал свою сознательность и активно помогал взрослым. А теперь, спустя столько лет, преодолев такие испытания, ты готов сделать шаг назад.

Зиновий сильно выдохнул воздух, как будто после хорошего стакана горилки, и спросил: когда общественность думает приступить к восстановлению?

Поскольку решение, сказал Иона Овсеич, уже принято, то есть, по сути, положено начало, следующий этап — как только достанем стройматериалы. За рабочей силой остановки не будет.

А если, спросил Зиновий, достанут через три года?

— Чеперуха, — товарищ Дегтярь прищурил глаз, — не лови меня в мышеловку: я не мышка.

И все-таки, продолжал свое Зиновий, если действительно три года, а завод и военкомат обещают квартиру гораздо раньше, почему же не взять за основу предложение семьи Чеперухи?

Товарищ Дегтярь покачал головой: все-таки хотят поймать в мышеловку, а он опять повторяет — год или три года, никакой роли не играет, и превращать детский форпост в квартиру для одного Чеперухи он никогда не позволит. Кроме того, надо предвидеть еще один фактор: когда Зиновий Чеперуха сделает себе из форпоста квартиру, то завод, который дает стройматериалы, и военкомат, и все остальные могут посчитать, что он обеспечен, и вычеркнут его из списка, а наши дети

так и останутся ни с чем. Получается, это уже не какой-то отдельный случай, а вопрос принципа.

— Подождите, — остановил Зиновий, — а если инвалиду, фронтовику, офицеру, с женой и двумя детьми, негде жить, так это принцип или отдельный случай?

— Неправда, — Иона Овсеич хлопнул ладонью, — и злобная клевета! У тебя есть крыша над головой, у тебя есть стены и свой угол!

Зиновий придвинулся вплотную к товарищу Дегтярю и начал быстро растирать руки, как будто хочет ударить. Иона Овсеич раскрыл рот, видно, не хватало воздуха, голова отшатнулась назад и задрожала. Зиновий налил из графина воду в стакан и поставил возле Ионы Овсеича:

— На, Дегтярь, выпей.

Иона Овсеич секунду-другую смотрел стеклянными глазами, словно не понимает, затем взял стакан, сделал глоток, Зиновий насмешливо скривил губы и сказал: в Мукдене один китаец дал ему рецепт, как следует пить воду, — прежде чем проглотить, надо подержать во рту, чтобы язык и небо могли взять из воды полезные частицы, эти частицы идут по нервам прямо в мозг, иначе все попадает в желудок и самое ценное уходит из организма вместе с мочой.

Точно нельзя было судить, слушает Иона Овсеич или не слушает совет, который китаец из города Мукдена давал Зиновию, но последние глотки он делал медленно и две-три секунды задерживал во рту. Когда осталось несколько капель на дне, Иона Овсеич поставил стакан возле графина, вытер ладонью губы и обратился к Зиновию с вопросом: ему ясно, какую позицию занимает двор насчет форпоста, или требуются дополнения?

Зиновий вдруг засмеялся: он думал за рецепт китайца, который может пригодиться товарищу Дегтярю на весь остаток

жизни, следовало бы немного уступить. Нет, Иона Овсеич провел пальцем в воздухе, не только за совет одного китайца, но даже за все шестьсот миллионов.

На другой день Зиновий зашел в райжилотдел. Принял товарищ, по фамилии Парфентьев, Иван Нефедыч, тот самый, который приходил в составе комиссии. Он молча выслушал и поинтересовался, какое мнение по этому варианту у Дегтяря. Зиновий хотел притвориться, что ему неизвестно, поскольку, мол, не было конкретного разговора, но Иван Нефедыч сам догадался, как обстоит в действительности.

— Слушай, Чеперуха, — сказал Иван Нефедыч, — я побалакаю с вашим Дегтярем, а на всякий случай запишу тебя на прием к председателю.

Через три дня Иван Нефедыч позвонил Чеперухе на завод имени Кирова и поставил в известность, что надо идти на прием к председателю, только пусть не в одиночку идет, а с женой да с детьми.

Нет, заупрямился Зиновий, никакой жены и никаких детей — он не в богадельню за милостыней идет.

— Слушай, Чеперуха, — рассердился товарищ Парфентьев, — ты делай, как тебе велят, а самодеятельность будешь показывать в цирке.

На приеме у председателя Иван Нефедыч сам изложил дело, сообщил про комиссию и результаты обследования, а насчет форпоста прямо сказал, что сильно запущен, с ремонтом на одной инициативе общественности здесь не выедешь.

— Значит, Парфентьев, — сделал вывод председатель, — ты стоишь за то, чтобы отдать подряд частнику, а общественность против.

Дети заплакали, Катя стала раскачиваться на стуле, чтобы успокоить, председатель спросил, в каком возрасте хлопцы, и опять обратился к Парфентьеву:

— Вот что, Парфентьев, поговори с общественностью, а Дегтярь пусть зайдет ко мне. Только не откладывай, надо, чтобы в пять дней Чеперуха имел на руках ответ.

— А сегодня, — Зиновий смотрел то на председателя, то на Парфентьева, — значит, даром приходили?

— Отчего же даром? — удивился председатель. — Через неделю получишь окончательное решение.

— А сегодня, — держался за свое Зиновий, — сегодня побеседовали и разошлись?

— Не разошлись, а познакомились, — поправил председатель. — Ты сядь на мое место и скажи: есть у меня моральное право, в угоду тебе, не считаться с общественностью? Это одна сторона дела. И другая: общественность, думаешь, будет молчать нам, если мы ей поперек дороги станем?

— При чем здесь общественность! — схватилась вдруг Катерина. — Просто Дегтярь вам свояк, а мы чужие, посторонние — и вам плевать. А товарищ Парфентьев видел своими глазами и объясняет вам, как надо делать.

Председатель откинулся в кресле, руки положил на подлокотники, из-под пальцев торчали черные львиные головы, и сказал: Дегтярь ему такой же свояк, как Чеперуха, что же касается комиссии, то ее дело обследовать и доложить, а исполком уже по своему усмотрению будет решать, как поступить на практике.

Чеперухи с детьми вышли, Парфентьеву председатель велел остаться. Зиновий хотел подождать в приемной, но секретарша сказала, что здесь нельзя, пусть выйдут в коридор. Катерина, еще злая после объяснения в кабинете, обидела секретаршу нехорошим словом, та в ответ назвала хамлом и грозила вызвать милицию, но Чеперухи уже были в коридоре и на том разговор кончился.

Минут через десять вышел товарищ Парфентьев — красный,

на лбу по залысинам большие капли пота, пустой рукав, где культи, вывалился из кармана.

— Послушай, — набросился Парфентьев на Катерину, — ты что, баба, белены объелась! Нельзя же так, надо иметь хоть немного тактики в голове. Ну, ладно. Ситуация на сегодня такая: Дегтярь категорически против и собирает подписи среди жильцов. Я думаю, придется идти в горсовет. Но это не беда — главное, соберет Дегтярь подписи или не соберет.

— Зиновий! — опять разошлась Катерина, удивительно, как дети от такого крика не проснулись. — Ей-Богу, плюнь ты на эту Одессу, чтоб глаза мои не видели ее!

Одесса здесь ни при чем, сказал Зиновий, и пусть Катерина придержит свой язык, а то он за себя не ручается. Товарищ Парфентьев засмеялся и посоветовал Катерине то же самое, потому что все одесситы бзиковатые и плохого слова про свою Одессу не выносят.

Накануне выходного дня Иона Овсеич собрал у себя дома актив, официально поставил в известность, что Чеперухи пытаются захватить в свои руки форпост и огласил письмо общест-венности, пока еще проект, на имя председателя исполнительного комитета Сталинского районного совета депутатов трудящихся города Одессы.

Дина Варгафтик выступила первая: никто не отрицает, Зиновий со своей семьей имеет право на отдельную жилплощадь, но надо понимать, что товарищ Дегтярь не может сию минуту сделать комнату из себя. А вообще, она согласилась бы сто раз быть сейчас на месте Чеперухи: пусть немножко тесно, пусть не хватает удобств, но после такой войны вся семья в полном сборе, а ее Гриша гниет в земле и она даже не может прийти к нему на могилу.

— Зато, — Дина громко заплакала, — я имею отдельную комнату, полный простор, никто не мешает, никто...

— Подожди, Варгафтик, — перебила Клава Ивановна, — ты путаешь разные вещи. Иона Чеперуха и его Зиновий, который потерял на фронте ногу, не виноваты, что они остались живые, а твой Гриша погиб. Война не выбирает. Мой сын был на фронте один год, потом его забрали обратно в Москву, чтобы он проектировал самолеты. По-твоему, можно сделать вывод, что он виноват перед теми, кто продолжал воевать на фронте и погиб. А по-моему, партия и правительство лучше знают, что надо делать, и никто не имеет права сердиться на кого-то, потому что он остался живой, а твой муж погиб. Моего Бориса Давидовича в тридцатом году убили кулаки. Что же я должна была делать — разозлиться и ненавидеть людей, которые остались живые и живут по сей день? А насчет Чеперухи я решаю вопрос так: пусть ремонтируют помещение форпоста, мы со своей стороны должны помочь, а через год-два, когда получат квартиру, пусть выбирают. Средства, которые они потратят на ремонт, пойдут через форпост в общее пользование наших детей.

— Малая, — Иона Овсеич положил руки перед собой, пальцы сжались в кулаки, — я тебе уже объяснял: НЭП у нас был один раз и больше не повторится. Даже рубль, даже одна копейка из этого рубля, который принадлежит всему народу, никогда не вернется в карман частника, а твоя бухгалтерия никого здесь не обманет. И я предупреждаю всех: никто сегодня не уйдет отсюда домой, пока не примем конкретное решение, как немедленно, начиная буквально с завтра, приступить силами общественности и на свои средства к восстановлению форпоста.

— Дегтярь, — засмеялся Степа Хомицкий, — а если завтра отложим на послезавтра? А потом на послепослезавтра?

— Хомицкий, — сказал Иона Овсеич, — твоя ирония не к

месту, ты сам вносил от имени инициативной группы предложение восстановить для наших детей форпост.

— Вносил, — подтвердил Степан, — но жизнь повернула по-своему: инвалид войны, офицер, остро нуждается и все расходы берет на себя, а потом все равно отдаст детям.

— Потом, — ответил Иона Овсеич, — суп с котом, как говорят наши дети.

— Товарищ Дегтярь, — обратилась председатель женсовета Котляр, — у Зиновия Чеперухи тоже есть дети.

Иона Овсеич усмехнулся: это уж прямо похоже на какой-то заговор — Малая, Хомицкий, Котляр! И тем не менее письмо от имени нашей общественности, которая требует вернуть форпост детям, пойдет по адресу, а кто не согласен, может дать свое опровержение. Однако перед этим уместно будет довести до сведения всех присутствующих, что мнение, изложенное в письме, полностью разделяет руководство Сталинского райсовета.

— Почему же ты сразу не сказал? — удивилась Клава Иванова.

— Знаешь, Малая, — Иона Овсеич прищурил один глаз и заложил большой палец под пуговицу гимнастерки, — мне как-то не приходило в голову, что люди, с которыми съел не один пуд соли и десятилетия жил рядом, могут допустить такую путаницу среди бела дня.

Через неделю Зиновий получил на руки письменный ответ из райсовета: поскольку общественность хочет восстановить форпост своими силами для общего пользования всех детей, с широким охватом соседних домов, удовлетворить просьбу о предоставлении помещения бывшего пионерского форпоста под квартиру не считаем возможным.

Зиновий, когда прочитал письмо, забегал, как ненормальный по комнате, и начал выкрикивать по адресу Дегтяря вся-

ческие угрозы, в том числе привлечение к уголовной ответственности за фальсификацию. Потом, несмотря на то, что мама, папа, жена, все вместе, удерживали, поднялся на третий этаж, где жил Дегтярь, и там повторил свои угрозы.

— Молокосос, — закричал в ответ Иона Овсеич, — хоть ты инвалид войны, но за клевету будешь нести ответственность по всей строгости закона!

Нет, топнул протезом Зиновий, сейчас он сам пройдет по квартирам, соберет подписи и отнесет в обком партии, а там разберутся, кто клеветник и фальсификатор!

Соседи, к кому ни заходил Зиновий, в один голос отвечали, что не возражают против временной передачи помещения форпоста под жилье, но поскольку никто официально и формально не запрашивал, дать свои подписи на бумаге отказались. Одна Тося Хомицкая без разговоров поставила свою подпись. Старый Чеперуха взял у сына листок, плюнул в него, скомкал и бросил в мусорное ведро.

Получилось, как предвидел Парфентьев: надо обращаться в горсовет. Зиновий хотел идти со своей семьей, но Парфентьев остановил: мэр города — с таким козлом к нему не пустят! Зиновий записался на прием, оказалось, сразу к председателю нельзя, сначала надо к заместителю. Разговор был короткий, Зиновий выложил на стол свои бумаги: справки от завода, военкомата, райсобеса, райжилотдела. Насчет помещения бывшего пионерского форпоста он сообщил, что пустует с сорок первого года, для восстановления требуется капитальный ремонт и большие расходы.

Через две недели пришла комиссия из горсовета, возглавлял депутат товарищ Рахуба, токарь с завода Январского восстания. Комиссию сопровождал товарищ Парфентьев, посколькузнакомился с делом уже раньше. Ходили из квартиры в квартиру, на вопрос комиссии, будут ли возражения против

временного предоставления пустующего помещения форпоста под ремонт инвалиду Отечественной войны Зиновию Чеперухе, каждый, за себя лично, отвечал, что не имеет ничего против, пусть ремонтируют. Клава Ивановна тоже дала согласие, но потребовала, чтобы Зиновий Чеперуха представил в письменной форме обязательство немедленно выселиться из форпоста и передать детям, как только получит квартиру. Депутат Рахуба ответил, что это само собой разумеется, ибо по закону человек не может иметь две жилплощади не только в одном городе, а даже в разных городах, но Клава Ивановна стояла на своем: закон — законом, а обязательство в письменной форме — это в письменной форме, мертвым грузом лежать не будет.

Наступил август, с утра до вечера в небе светило солнце. Чеперухи жаловались, что пропадает золотое время для строительства. Ответа из горисполкома не было, Зиновий возмущался вслух и обещал написать в Верховный Совет СССР.

Четырнадцатого августа ЦК ВКП/б/ принял постановление о журналах "Звезда" и "Ленинград". Иона Овсеич по горячим следам организовал среди жильцов изучение материалов постановления, особо остановились на так называемой, творческой продукции пресловутой Анны Ахматовой, которая даже в суровые годы войны, когда люди жертвовали не задумываясь своими жизнями, воспевала разных кошечек, собачек и писала про них, с позволения сказать, стихи. Что же касается небезызвестного Михаила Зощенко, то этот пасквилянт и дегтемаз, говорил Иона Овсеич, нашел себе подражателя и в нашем дворе, хотя в своих кляузах наш дворовый автор, конечно, еще отстает по части литературной формы, ибо не имеет ни того опыта, ни того таланта.

Люди весело смеялись, поскольку было понятно, на кого намекает товарищ Дегтярь, хотя по имени не называл, а Зиновий дома угрожал своей Катерине и маме, что сделает из Овсе-

ича отбивную в натуральную величину. Бабушка Оля хваталась за голову и просила сына закрыть рот, а Катерина успокаивала ее: из одних костей да кожи, как у Дегтяря, отбивную не сделаешь.

В начале сентября на имя Зиновия Чеперухи пришло письмо из горсовета и сообщалось, что разрешается приступить к ремонту помещения бывшего форпоста, впредь до предоставления жилой площади. Разрешение давалось с учетом двух обстоятельств: во-первых, помещение в настоящее время пустует и не числится в титульном списке на капитальный ремонт, во-вторых, заявитель Чеперуха, Зиновий Ионович, является офицером, фронтовиком, инвалидом второй группы, имеет правительственные награды.

Оли Чеперухи не было дома, вместе с Клавой Ивановной, Диной, Тосей, Лялей она уехала на неделю в колхоз, и старый Чеперуха отметил такое событие сначала в одиночку, ларек возле Нового базара, вход со стороны Княжеской, а потом зашел в райжилотдел к товарищу Парфентьеву и потребовал к себе в гости. Товарищ Парфентьев был сильно занят, сказал, что ему это надо как серьги корнет-а-пистону, но собрал бумаги, спрятал в стол и вместе пошли домой к Чеперухе.

На другой день Марина Бирюк увидела из окна конторы Иону, когда он перевозил со своим Мальчиком медицинское оборудование, крикнула, чтобы остановился на секунду, и выбежала.

— Марыночка, — Иона закрутил батог над головой, — бросайте эту грязную кухню, садитесь рядом и поедем в Аркадию!

Марина ответила, что всем хочется в рай, да одно место не пускает, но сейчас не до шуток: вчера во дворе видели, как Чеперуха водил к себе домой Парфентьева, а сегодня утром заходил Дегтярь и требовал ее, Марину, в свидетели. Вместе с Дегтярем приходила дворничка, она видела в окно, что Чепе-

руха с Парфентьевым выпивали и ударяли по рукам, как будто договаривались насчет хабара.

— Какой хабар! — закричал Иона, Мальчик с перепугу стал перебирать ногами. — Откуда ко мне деньги.

Ладно, махнула рукой Марина, она не ОБХСС.

Вечером Иона предупредил сына: надо, чтобы на каждый гвоздик, на каждый волос от кисточки и банку краски была накладная с круглой печатью.

— А если будет с квадратной? — засмеялся Зиновий.

— Если с квадратной, — рассердился Иона, — так будут не накладные, а перекладные! Здесь нема чего шутить, шутить можешь со своей Катериной, когда электростанция выключает свет.

Зиновий покачал головой и громко вздохнул: он всегда уважал своего батю и хвастал, что батя — гордый человек, никого на свете не боится.

— Сыночек, — Иона провел пальцем в воздухе, — не лови своего папу на дохлого рачка. Если хочешь, я открою тебе один секрет: хотя Дегтярь ставит нам палки в колеса, но он старается не для своей выгоды, и лично я имею к нему уважение.

— А распускать сплетни, что Чеперуха подкупил человека из райжилотдела и платит хабар, это кому надо — себе или другим?

Иона замахал руками: он еще не знает, какая доля правды в этих словах, не говоря уже о том, что здесь может быть одна голая тактика — немножко напугать Чеперуху.

Зиновий схватился за голову, завыл, как будто от внезапной боли, а Катерина засмеялась и сказала тестю:

— Все у вас в Одессе, папа, держится на хитрости, и каждый сам себя перехитрить здоров.

— Чалдонка, — немножко повысил голос Иона, — а ну при-

куси язык. Я еще поеду к вам в Сибирь и сам проверю, какие вы там хорошие, а то моя Катерина что-то слишком быстро перестроилась в этой Одессе.

Вместо недели, как планировали сначала, женщины сидели в колхозе две недели. Кроме винограда, помидоров, картошки, Оля привезла пять кило муки, но достала с большим трудом, потому что все лето, включая май, стояла жара, колос выгнало пустой, а если с зерном, потом спалило солнце. Корм для скота тоже сгорел и крестьяне, у которых крыша под камышом, искали другую кровлю — черепицу, руберойд, толь, брезент, чтобы иметь к зиме под рукой замену. За кровлю, сказала Тося Хомицкая, можно достать сейчас все, что твоя душа пожелает, хоть ведро сливочного масла.

Товарищ Дегтярь убедительно просил прекратить досужие разговоры и болтовню, тем более, что люди ничего не смыслят в экономической науке и позволяют себе какие-то общие выводы на основании своих куцых наблюдений, которые тоже сначала надо хорошо профильтровать. Тося, когда ее Степан выступил в поддержку Дегтяря, послала обоих подальше, чтобы не морочили голову, сама пошла в Успенскую церковь помолиться Богу, нехай нас минет голод и люди перезимуют до весны, а там пойдут овощи и, даст Бог, перекрутимся.

— Степан, — категорически предупредил Иона Овсеич, — какие беседы твоя Тося ведет с Богом, это ее личное дело, но какие разговоры она ведет во дворе с людьми, это нас касается в первую очередь.

Степа приказал жене, чтобы прекратила свою агитацию, Тося ответила, что ей на это приказание плевать, но пророчества свои оставила, пока не подобрала на паперти Успенского собора черничку, которая от самого Татищева, под Саратовом, на одной милостыне добралась до Одессы. Хотя Дегтярь не

приглашал, Тося, по своей инициативе, завела черничку к нему в гости и заставила повторить, что где видела.

От полной неожиданности Иона Овсеич сразу не сориентировался и вместо того, чтобы тут же выгнать обеих, вынужден был выслушать, какой, мол, повсюду неурожай, а впереди ждет голод, еще страшнее, чем в двадцать первом году.

— Слушай, монашка, — взял, наконец, себя в руки Иона Овсеич, — если я еще раз где-нибудь поблизости тебя встречу, пеняй на себя. Я тебя насквозь вижу, ты не от православной церкви, ты из секты и ходишь вербовать единомышленников.

Монашка не ответила ни да, ни нет, а сказала, спасибо за гостеприимство, спешно собралась и пошла из комнаты. Тося догнала ее возле ворот и столкнулась лицом к лицу с Клавой Ивановной.

— О, — обрадовалась Клава Ивановна, — только этого нам не хватало! Ходишь к монашкам. Как раз только что, возле вокзала, одна кричала, что жида навели мор на всю Россию.

— А они Христа-бога распяли, ваши евреи, — сказала черничка.

— А я сейчас вызову милиционера, — распалилась вмиг Клава Ивановна, — и разберемся в НКВД, откуда твоя фашистская морда! Тося, держи ее за руки и не отпускай.

Тося схватила черничку за руку и крепко нажала под локтем, чтобы сделалось больно, та заплакала, поклялась Богом, что больше не будет, и пусть ее отпустят на все четыре стороны из этой Одессы.

— Нет, только в одну сторону! — закричала Клава Ивановна и показала в конец, где улица своими домами упирается в крутой обрыв, который ведет к морю.

Тося плонула черничке в лицо, назвала поганой сволочью и отпустила руку. Черничка не стала вытираться, а чуть почувствовала свободу, быстренько побежала по улице, как велели.

— Ну, — сказала Клава Ивановна, — теперь ты сама видела и слышала, кто имеет дело с Богом. Тося, я тебе говорю, как родная мать: ты ищешь там, где пустота, и ничего, кроме пустоты, не найдешь.

Тося хотела сказать про академика Филатова, которого сама видела в церкви, но передумала, потому что Клава Ивановна на все найдет ответ и объяснение, а слушать и спорить — для этого тоже надо иметь настроение.

Сентябрь весь, до последних дней, стоял теплый и даже захватил первую декаду октября. Чеперухи поднимались в шесть утра и работали в своем форпосте до восьми, потом, когда возвращались со смены, работали еще часа три-четыре до полуночи. Гришу и Мишу выносили во двор, они тихо лежали в своей лохани, и соседи просто завидовали: такие спокойные дети — редкое счастье! В отдельные вечера с моря надвигалась сырость, детей приходилось оставлять в комнате, за ними присматривала бабушка Оля, но потом Зиновий сказал, нечего попусту тратить время, пусть идет работать.

Из соседей больше всех помогала Тося. Она умела хорошо делать перетирку, и старый Чеперуха заявлял публично, что эту работу он может доверить только ей. Тося смеялась, называла Иону хитрюгой и требовала себе в ученики ни больше, ни меньше, самого Дегтяря.

— Тося, — отвечал на это хитрюга Иона, — как ты, он все равно никогда не научится.

Перетирая стену, Тося дошла до места, где десять лет назад Ефим Граник написал: **МЫ РОЖДЕНЫ, ЧТОБ СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ!** Лазоревая краска немного поблекла, но, если чуть-чуть освежить, она опять заиграет, как новая. Катерина сказала, нечего освежать, здесь не пионерский уголок и не агитпункт, но Зиновий и старый Чеперуха были за то, чтобы оставить. Тося вытирала слезы, она вспомнила, как ее Колька

выступал на открытии форпоста, вроде только вчера было. Оля тоже заплакала и сказала, пусть останется на своем месте, в конце концов, никому не мешает.

Нет, стояла на своем Катерина, надо закрасить, а то курам на смех: квартира, живет семья — и вдруг лозунги на стене!

— Какие лозунги? — удивился Иона. — При чем здесь лозунги? Это же знаменитая песня, все дети знали наизусть.

— Папа, мама, — Катерина начала терять терпение, — здесь уже не форпост, и прошло столько лет. Вы понимаете: прошло столько лет! Зиновий, ты можешь им объяснить или будешь молчать, как будто отрубили язык топором!

— Боже мой, — схватила за голову Оля, — она говорит моему сыну такие слова: отрубить язык топором! От одного этого можно лечь в могилу.

Зиновий попросил маму не устраивать сцену, а надпись велел оставить как есть.

В воскресенье пришел Дегтярь познакомиться на месте с ходом работы. В этот день немножко помогали Аня Котляр и Адя. Иона Овсевич похвалил за дружбу и взаимовыручку, пожелал успеха, сам несколько раз мазнул кистью, потом попросил старого и молодого Чеперух уделить ему минуточку внимания наедине, чтобы не мешать людям и не отвлекать.

Оля, хотя никаких оснований не было, с тревогой оглядывалась. Через пять минут Иона вернулся на рабочее место, а Зиновий с товарищем Дегтярем пошли смотреть, на всякий пожарный случай, накладные и другие оправдательные документы, ибо, как стало известно товарищу Дегтярю, из райисполкома может нагрянуть ревизия и застичь врасплох. Зиновий уверял, что никакого врасплох быть не может, поскольку вся канцелярия в полном ажуре, но Дегтярь на это возразил, что нарушителям и преступникам, о присутствующих

не говорят, всегда представляются их дела в полном ажуре, а ревизия и ОБХСС, тем не менее, находят.

Как ни досадно, Дегтярь оказался прав: в форпосте стояла еще не распечатанная банка со свинцовыми белилами, восемь кило двести граммов, а никакого чека, никакой квитанции не было. Зиновий объяснил, что на эту банку нет документа, поскольку в данный момент завод Кирова не мог выделить ему из своих фондов и пришлось взять с рук у перекупщика на Староконном базаре.

— А перекупщик, — скривился Иона Овсеич, — копию чека, конечно, тебе не выдал. В итоге же получается, государство должно верить Зиновию Чеперухе на честное слово.

А почему не верить на честное слово, возразил Зиновий: если бы он действительно опасался, так не проще ли было перелить в ведро или вообще спрятать?

В ответ на эти рассуждения товарищ Дегтярь привел убедительный пример из охотничьей жизни: некоторые хищники, в частности, лисица, имеют обычай петлять, то есть путать следы, однако, коль скоро охотник набрел на след, ей редко удается уйти от расплаты.

При чем тут лисица, при чем тут расплата, возмутился Зиновий, если он ничего не воровал и его тянет на рвоту от одной мысли, что надо прятаться. И вообще, весь сыр-бор из-за одной несчастной банки.

— Чеперуха, — сказал товарищ Дегтярь, — кодекс не занимается арифметикой, одна банка, три или десять, а делает различия на мелкие хищения и крупные хищения. Если бы каждая семья только в нашем дворе приобрела путем хищения по такой баночке краски, я думаю, понадобился бы грузовик для перевозки. Это во-первых. А во-вторых, допустим даже, ты покупал у спекулянта на Староконном базаре, разве было непонятно, что это ворованное? Или ты решил просто: плевать, что

он украл у государства, главное, что это мне нужно. И выгодно. Другими словами, стал соучастником преступления.

Зиновий задумался, серые глаза потемнели и сделались, как морская вода, когда прячется солнце. Упираясь обеими руками в стол, он поднялся, подошел к дверям, вставил ключ и сказал:

— Выходи, Дегтярь, мне надо работать.

Товарищ Дегтярь продолжал сидеть на месте и ответил:

— Давайте не будем ерепениться.

Зиновий предупредил, что закроет на ключ, Ионе Овсеичу вдруг может захотеться по-маленькому, а дверь будет заперта.

— Позови сюда своего отца, — сказал товарищ Дегтярь.

Зиновий вторично предупредил, что закроет дверь, вставил ключ в замочную скважину, Иона Овсеич быстро, по-военному, поднялся, прошел боком, чтобы не задеть, сделал несколько шагов, повернулся назад и погрозил пальцем.

— Зиновий, ты вырос у меня на глазах, я фронтовик и ты фронтовик, а контакт у нас что-то не получается.

Зиновий запер дверь и легко, как человек с двумя здоровыми ногами, пошел через двор к своему форпосту.

Буквально через три минуты появилась Клава Ивановна. Все были уверены, что она хочет побыть возле детей, но в этот раз ошиблись: первым делом она увидела полупудовую банку со свинцовыми белилами, которые теперь на вес золота.

— Чеперухи, — обратилась Клава Ивановна, — откуда эта краска здесь?

Зиновий повторил объяснение, которое давал товарищу Дегтярю, Клава Ивановна внимательно слушала, кивала головой, а в самом конце удивилась: если все действительно так, как описал Чеперуха, зачем было держать на виду у всех и мозолить глаза!

— Клава Ивановна, — Зиновий прижал обе руки, одна поверх другой, к сердцу, движение, точно, как у его папы, — почему я должен прятаться, если ничего не украл?

— Дорогой Зюня, — мадам Малая сморщила губы и сделалось хорошо видно, какая она уже старая, — теперь такое время, что надо быть каждую минуту начеку. Один, вор, украл, другой, честный, купил за свои трудовые деньги, а получается, они в общей компании. Если бы вор не мог продать, он бы не крал.

— Подождите, — остановил Зиновий, — а почему вы уверены, что он вор?

— Почему я уверена, — Клава Ивановна сделала ударение на "я", — не имеет значения, но, если узнает милиция, может сильно заколобродить.

— Сынок, — вставил свое слово старый Чеперуха, — она права, и мы не должны сердиться на Дегтяря. Наоборот, надо по-хорошему, как старые соседи, которые никогда не обманывали друг друга и не имеют что скрывать. Спрячь эту банку и будем считать, что ее нету на свете и никто не видел.

— Поздно, — сказала Клава Ивановна, — крутить пластинку обратно не будем, получится только больше шума.

После Клавьи Ивановны зашла Дина Варгафтик, ей захотелось посмотреть, как идет работа, она тоже обратила внимание на банку, попробовала сдвинуть ее с места ногой, но не удалось, остановилась возле подоконника, там стоял ящик с гвоздями, и сказала: какое у людей счастье, другой раз нужен десяток гвоздей — вывихнешь себе мозги, пока найдешь, а тут целый клад.

Зиновий подошел к ящику, набрал полную жменю, подал Дине и попросил беречь свои мозги. Мадам Варгафтик объяснила, что она сказала просто так, без намека, и не имела никакой задней мысли, потом вспомнила своего Гришу, который

был мастер на все руки, и громко застонала: если бы Гриша был сегодня жив, они бы сделали из своей комнаты куклолку, а так остается только смотреть, как у других.

Вечером Иона с Олей взяли бутылку вишневки и зашли в гости к товарищу Дегтярю, Катерина тоже была готова идти, но муж топнул своим протезом и сказал: хватит двух подхалимов.

Вернулись примерно через час. У Ионы было неважное настроение, а бабушка Оля окончательно расстроилась. Зиновий спросил, какая причина, они объяснили, что все из-за Полины Исаевны: два дня назад она выписалась из своей больницы, а выглядит так — краше в гроб кладут. Спасибо, Аня Котляр занесла ей кусочек масла и пару яиц, иначе она могла бы сидеть и кукарекать со своим хрустальным Дегтярчиком.

Ладно, сказал Зиновий, давайте по существу: какие у него претензии к нам? Никаких претензий, ответил Иона, просто он по-соседски предупредил, чтобы впредь не повторялось, но есть опасение, что может узнать Сталинский райисполком и тогда обязательно пришлют комиссию с ревизией.

Зиновий громко засмеялся, но смех был невеселый: зачем Сталинскому райисполкому присылать ревизию, если у людей все по закону? Другое дело, настроит какая-нибудь сексота.

Иона вздохнул: Дегтярь тоже имел такое предположение, потому что на свете есть немало завистливых людей, им всегда приятно посмотреть, как у соседа горит хата.

Проснулись дети, Катерина тихо баюкала и пела про двух богатырей, которые скоро подрастут и победят всех страшных зверей в лесу. Эти богатыри, еще когда были совсем маленькие, так хорошо и много ели, что все люди вокруг удивлялись. А один раз старший, Гриша, чихнул, и от его чиха сломалось дерево, а младший, Миша, засмеялся, и от его смеха сломалось второе дерево.

Хорошо, хлопнул по колену Зиновий, придет комиссия или не придет — это меня не колышет. Нет, заплакала бабушка Оля, ничего хорошего: комиссия даром не ходит, у каждого можно что-нибудь найти.

— Послушайте, — разозлился Зиновий, — но комиссия не ходит для того, чтобы нарушать законы! Наоборот.

Иона пожал плечами: когда надо доказать, что все по закону, тоже уходит время и нервы.

Ближе всех к правде оказался старый Чеперуха: через неделю пришла комиссия из Сталинского райсовета и предложила временно прекратить ремонт. Степан Хомицкий, которого выделили от двора, помогал учитывать израсходованный материал, поскольку большой объем работ уже выполнили и можно было судить лишь приблизительно — килограмм туда, килограмм сюда. У комиссии складывалось впечатление, что материалов израсходовано больше, чем подтверждается документами. Зиновий прямо кипел и, как испорченная пластинка, все время повторял одну песню: кроме банки свинцовых белил, из-под полы здесь нет ни одного грамма краски, ни одного гвоздика.

Наведался Парфентьев, Иван Нефедыч.

— Слушай, Чеперуха, — сказал он, — перестань талдычить насчет банки, а то в исполкоме уже идет счет на канистры и бидоны.

Зиновий опять, как дурачок, повторил, что это святая правда: одна банка на полпуда — и ни грамма больше!

— Тюря, — плонул с досады Иван Нефедыч, — тюря ты, а еще одессит!

Парфентьев, хотя не был членом комиссии, привел из райжилотдела инженера-строителя, а Зиновию подсказал, чтобы тот, со своей стороны, привел специалиста с завода Кирова. Комиссия сначала заартачилась, заявила, что не допустит, то-

варищ Дегтярь тоже был возмущен нашествием непрошенных гостей, но человек с завода Кирова резонно ответил: коль скоро завод помогает своему рабочему из своих фондов, он вправе проконтролировать, как используется эта помощь и нет ли злоупотреблений.

Заклучение инженера-строителя и специалиста с завода не подтверждало подозрений комиссии насчет материалов, будто бы фактически исраховано больше, чем показано документами, Иона Овсеич потребовал, в интересах установления истины, привлечь еще двух специалистов, теперь уже по выбору самой комиссии, и сравнить.

— Товарищи, — Зиновию прямо хотелось плакать от досады, так глупо уходило золотое время, — вызовите еще сто двадцать ревизоров и ОБХСС, только дайте нам работать!

Иона Овсеич улыбнулся: позволить ремонт при таких обстоятельствах — это значит открыто санкционировать.

Клава Ивановна была другого мнения и сделала встречное предложение: если действительно что-нибудь обнаружится, можно будет сразу передать форпост для окончания ремонта в руки общественности.

Комиссия, после небольшого колебания, согласилась и спустя две недели, считая с того дня, когда начали проверку, Черухи опять поднялись в шесть утра, чтобы поработать пару часов до смены.

Марина Бирюк открыто потешалась и повторяла каждому встречному-поперечному, что Дегтярь в этот раз съел хороший локш, как говорят у евреев. Через несколько дней у Марины успешно решилось с детским садом для Зиночки. Кто-то пустил слух, что Бирючка использовала свою работу в столовой и смазала, где надо, но Марина отвечала со своим обычным нахальством, пусть охочие пошукуют то место, где она оставила смазку, и вылижут.

На 7-е ноября Зиновий получил хороший подарок от государства: новую инвалидную мотоколяску с тремя большими, как у велосипеда, колесами. Моторчик сильно тарахтел, из выхлопной трубы вылетали клубы синего дыма, но в прохладную погоду от шума и дыма делалось как-то теплее и было даже приятно.

Иона Овсевич, когда увидел первый раз, сказал Зиновию: живем мы весело сегодня, а завтра будет веселей! Через пару дней, утром, Иона Овсевич сильно завозился дома, Полина Исаевна плохо себя чувствовала, надо было приготовить ей завтрак, и у ворот оказались одновременно — он и Зиновий со своей коляской, в которой вполне мог поместиться еще один человек.

— Недаром говорят, — обрадовался Иона Овсевич, — Бог шельму метит! За всю жизнь я еще ни разу не опоздал на работу, а сегодня была реальная опасность. Спасибо, сосед.

По дороге Иона Овсевич поинтересовался, прислала ли уже в письменном виде свое заключение комиссия. Зиновий пожал плечами: ни в письменном, ни в устном, но это его мало волнует.

— А, — возмутился товарищ Дегтярь, — такая беззаботность, прямо беспечность! Хорошо, я сам поговорю и напому.

Зиновий поблагодарил, но просил товарища Дегтяря, лучше не беспокоиться лишний раз: пусть идет, как идет. Иона Овсевич не ответил, а у ворот фабрики, когда прощались, сказал:

— Человек иногда думает так: я не буду замечать болезнь — и она меня не заметит. Но она тебя все-таки замечает, и приходит день, когда ты ее тоже должен заметить, только бывает слишком поздно.

Большая толпа людей заходила на фабрику, товарищ Дегтярь кивал головой налево, направо, пожимал руку или просто делал пальцами в воздухе привет. Зиновий минуту смотрел, у

самых ворот люди топтались на месте и теснились, Иона Овсеич крикнул, чтобы передние пошевеливались, и на самом деле пошло живее.

Вечером четвертого декабря, как раз накануне Дня Конституции, пришел ответ из Сталинского райисполкома. Ответ был благоприятный: исполком разрешал продолжать ремонт, хотя со всей строгостью предупреждал, что в случае повторного нарушения разрешение будет аннулировано, а дело передано в компетентные инстанции.

Аппетит приходит с едой: когда все обошлось благополучно и можно было, наконец, свободно вздохнуть, Катерине вдруг ударило в голову, что без своего, индивидуального, туалета она никак не проживет. Свекровь, и тесть, и муж в один голос объясняли, что дворовая уборная рядом, каких-нибудь тридцать-сорок шагов, пусть Катерина представит себе, вроде у нее такая большая квартира и надо пробежать коридор, но сибирячка уцепилась за свое: подай ей отдельный туалет — и конец!

Позвали Степу Хомицкого. Он сказал, что канал есть, можно подключить, но, опять-таки, без райисполкома никто на себя не возьмет.

— Какой же выход? — спросил Иона.

Степа задумался, почесал затылок и предложил: пусть сама невестка, которой больше всех невтерпеж, побегает в райисполком, а там галыунов на всех хватит.

— Знаете, что, — обиделась Катерина, — можете не умничать.

— Он не умничает, — заступился Иона, — он просто шутит, такое тебе забандурилось: собственная уборная.

Когда сказали Клаве Ивановне, она прямо заявила, что будет категорически против, ибо начинает сбываться предсказание Дегтяря: Чеперухи занимают форпост не временно, а хотят со всеми удобствами, они еще потребуют себе отдельную ванную и палац Воронцова.

Катерина доказывала, что по теперешним нормам в квартире полагается туалет, а в двадцатиградусный мороз люди не обязаны бегать через весь двор.

— Не бегай, — резонно отвечала Клава Ивановна, — никто тебя не заставляет: живи себе, как до сих пор, у своей свекрови — там есть, где посидеть. А во дворе, между прочим, еще десять квартир могут предъявить такие претензии, как у тебя. Что же по-твоему: давай развалим старый дом и построим на его месте новый? А где государство сразу возьмет столько денег и стройматериалов, это тебя, конечно, не касается. Главное, чтобы Катерине Чеперухе было хорошо, а остальное — трын-трава.

Товарищ Дегтярь молча наблюдал и не вмешивался. Наоборот, он сам сказал Малой: пусть Чеперухи подадут заявление в райисполком, чтобы все, наконец, воочию увидели, какой допустили промах. Клава Ивановна возразила, что Чеперухи здесь ни при чем, а крутит лишь Катерина, но Иона Овсеич ответил на это: когда один из компании проявляет инициативу, остальные могут спокойно делать вид, что они в стороне. Получается неплохой пробный шар.

Клава Ивановна пригласила к себе Зиновия и предупредила, чтобы ни в коем случае не обращался сейчас в исполком, иначе потеряет все, в этот раз Дегтярь не упустит. Степан Хомицкий, который хорошо был знаком с такими вопросами на практике, тоже дал совет воздержаться, а потом, когда Чеперухи обживут и все привыкнут, можно будет опять вернуться.

Катерина еще немного пошумела, на пороге зима, а в доме маленькие дети и целый склад пеленок, но, в конце концов, до нее дошло: лучше неудобства в своей квартире, чем удобства в чужой квартире.

Накануне нового года из Сталинского райисполкома пришли проверить, имеют ли место нарушения утвержденного плана

ремонта, тщательно осмотрели угол, где кран и сток для воды, предупредили Зиновия Чеперуху, под личную ответственность, чтобы не позволял себе никаких глупостей, и пожелали счастливого новоселья.

Стены оставались еще сырые, Иона вспомнил, что десять лет назад, когда переделывали из прачечной, отдельные участки обогревали и подсушивали примусами, но при теперешних перебоях с керосином этот способ не годился и можно было рассчитывать только на чугунку. Так и сделали, трубу через окно вывели прямо во двор, но через два дня пришлось убрать. Дворничка Феня Лебедева еще в первый день предупредила, что вызовет пожарника, Иона грубо отвечал ей, что положил на эти угрозы дом, дачу и беню в придачу, Феня пожаловалась товарищу Дегтярю, от него пошла в пожарное депо и привела инспектора. Кончилось тем, что Чеперухи заплатили двадцать пять рублей штрафа, за эти деньги можно было купить на Привозе лишние полбуханки пшеничного хлеба.

Полина Исаевна упрекала мужа, что он напрасно не остановил дворничку: Чеперухи никому не причинили вреда и делали не по злой воле, а по необходимости. Иона Овсевич просил жену, пусть спокойно лежит себе и не вмешивается, ибо останавливать человека, когда он выполняет свой прямой долг, — это самое большое преступление.

Старый Чеперуха предлагал, чтобы справили новоселье, как водится у людей. Завтра он поедет на Пересыпь — возле Балтского шляха, у него есть один знакомый, который даст такой первач, что лучше всякой виски.

Обе женщины поддержали Иону, а Зиновий был решительно против: люди ходят голодные, нервные, а тут устраивают вечеринки.

— Голодные, холодные, нервные! — Иона замахал руками.
— Ты еще скажи, что умирают прямо на ходу и по улицам ва-

ляются трупы. А двадцать первый год! А тридцать третий год! Тогда действительно пухли от голода. И ничего, слава Богу, выжили.

Новоселье справили под новый год по-старому — тринадцатого января. Адя Лапидис играл на аккордеоне, Степа с Ионой танцевали вприсядку. Товарищ Дегтярь зашел на пять минут, Полина Исаевна оставалась дома одна, выпил с хозяевами стопку, взял у бабушки Оли косынку, поднял у себя над головой и прошелся два раза по кругу.

Люди хлопали, кричали "бис!", Клава Ивановна вытирала пальцами слезы и повторяла: "Боже мой, опять как будто до войны".

Тося Хомицкая обняла Зиновия, который был с ее Колей первый друг, тоже всплакнула и бросила тарелку на пол, чтобы в доме не переводилось добро и счастье. Тарелка не разбилась, пришлось бросать вторично.

Иосиф Котляр с Аней немножко опоздали, но тут же искупили свою вину: они принесли детскую коляску на двойню. Коляска была такая широкая, что застревала в дверях и пришлось открыть окно.

— Котляр, — похвалил Иона Овсейч, — ты делаешь подарки, как уральский купец Демидов, который имел собственную чеканку монеты и заставлял краснеть, словно нищенку, саму царицу Екатерину Вторую!

За столом Иона Овсейч сказал Иосифу Котляру еще несколько приятных слов, в этот раз насчет его отношения к Аде: за короткий срок мальчику купили пианино, аккордеон, письменный стол с двумя тумбами и надели габардиновый костюм, такую заботу, даже со стороны родной мамы и родного папы, не каждый день увидишь.

Иосиф тяжело вздохнул:

— Дегтярь, я потерял два сына, что мне еще осталось на этом

свете. Но я понял твой намек: ты хочешь знать, откуда у Котляра деньги, чтобы делать такие подарки? По-моему, ты сам хорошо знаешь: кроме завода "Большевик", где я сижу на штампе, еще одну смену я имею дома на сапожной лапе и дратве.

— Иосиф, — Дегтярь немножко наклонился, чтобы не было чересчур громко, — люди во дворе говорят, что тебя видели на барахолке с новыми полуботинками в руках, фасон и работа фабричные. Скажи мне по совести, как обувщик обувщику, где можно достать сейчас сортовой материал, особенно кожу и хром?

— Дегтярь, — обиделся Иосиф, — получается, ты мне мало веришь: я тебе говорю и доказываю, что делаю мелкий ремонт, а ты мне на это отвечаешь, что Котляра видели с модельными полуботинками в руках на барахолке.

— Я тебе ничего не отвечаю, — сказал Иона Овсеич, — я только повторяю, что говорят про тебя люди.

— Говорят! — рассердился Иосиф. — Говорят, что в Москве кур доят, а на Привозе днем с огнем надо искать литр молока.

Иона Овсеич выпрямился, посмотрел нехорошими глазами, встал из-за стола, Иосиф пытался удержать его, получилось вроде разговор не закончен, но Иона Овсеич сделал общее до свиданья и объяснил, что торопится к больной жене, которая и так целый день одна в квартире.

Гости посидели еще час-полтора, потом разошлись. Тося Хомицкая выпила лишнее, причем, совсем без закуски, и доказывала на лестнице своему Степану, что голод повторяется через каждые тринадцать лет: восьмой год, двадцать первый, тридцать третий, теперь опять. Степа тоже выпил лишнее, но сохранил полную ясность в голове и приводил другие расчеты: последний голод при Николае был в девятьсот двенадцатом году, значит, до двадцать первого — девять лет, а от двадцать

первого до тридцать третьего — двенадцать лет, откуда же берется тринадцать?

Тося, хотя кивала головой, пока Степа считал вслух, опять повторила свое: через тринадцать лет, тридцать три плюс тринадцать получается как раз сорок шесть.

— Не каркай, — остановил Степа, — а то накаркаешь.

Потом, ни к селу, ни к городу, Степан вдруг вспомнил про шуры-муры, которые Тося вела с Котляром, и сильно ударил. Тося заплакала и сказала, что все брехня, ничего не было, Степа еще раз ударил и пошел вперед открывать двери.

Дома, когда легли в постель, Тося жалобным голосом позвала маленькую Лизу Граник, которая теперь в деревне, а папа неизвестно, на каком свете, помолчала немного, опять взялась за свои тринадцать и напороочила беду Чеперухам: новоселье справляли тринадцатого, и тарелка с первого раза не разбилась.

— Дура, — сказал Степан, — пооткрывала все краны.

Самое удивительное, что на другой день у Ионы Чеперухи в самом деле случилась неприятность: когда он подымался со своим Мальчиком по Херсонскому спуску вверх от Пересыпи, у встречной трехтонки вдруг лопнул скат, жеребец испугался, рванул в сторону, и бочка с творогом, которую везли для больных в терапевтическую клинику, упала с подводы на мостовую. Больше половины высыпалось, притом в очень неудачном месте, где поверх снега лежал конский навоз. Иона собрал, сколько мог, прохожие немного подсобили, а остальное, которое не годилось для больницы, собрали сами и очистили. Кто имел при себе газету или другую бумагу, делал кулек и насыпал, сколько помещалось, а кто не имел, набирал побольше в жменю и съедал на месте.

Двое очевидцев, которые присутствовали от начала до конца, сели на подводу и поехали в качестве свидетелей. По до-

роге Иона разрешил каждому взять еще по одной жмене творага, тем более, что сверху был не совсем чистый.

Несмотря на свидетелей, в больнице Иона получил хороший нагоняй, грозили уволить с работы, а про Мальчика, который родился в Одессе и всю жизнь провел среди машин, никто не поверил, что он сам шарахнулся в сторону просто от страха, как изображает его хозяин.

Начальство приказало составить акт, ездового Чеперуху обязали возместить убыток и назначили комиссию, чтобы проверить, в каких условиях содержится Мальчик, правильно ли подкован и получает ли весь корм, который на него выписывается.

Когда завхоз и ассистент с кафедры патанатомии осматривали Мальчика, Иона так сильно разволновался от обиды, что чуть не ударил ассистента и сам захотел уйти от этих глупых людей, этих профанов, которые ничего на свете не понимают, а умеют только резать покойников и ставить диагноз после смерти.

Соседи во дворе переживали за старого Чеперуху, Иона Овсеич сказал своей Полине Исаевне: тринадцатое число и случай с тарелкой, конечно, глупые предрассудки, но какое-то символическое совпадение здесь, безусловно, есть — сын только справил новоселье, а у отца буквально на следующий день такая история!

— Дегтябрь, — вздохнула Полина Исаевна, — можно подумать, ты радуешься.

— Полина, — ответил Иона Овсеич, — я не могу радоваться, тем более, что многие больные остались в этот день без питания.

Пришла Аня Котляр: она принесла десяток оладей на коровьем масле и кусок брынзы, наверно, не меньше полфунта.

— Аня, — возмутилась Полина Исаевна, — если ты будешь

бесконечно подносить мне такие гостинцы, я никогда не смогу расплатиться.

— Полина Исаевна, — Аня выставила руки ладонями вперед, — у моего Иосифа можно найти десять тысяч недостатков, но никто не будет отрицать, что он делится с человеком от чистого сердца, а если бы слышал разговор насчет расплаты, просто выругал бы.

Иона Овсеич сидел с газетой "Правда" в руках у окна и не принимал участия в женской болтовне, пока Аня Котляр не рассказала, со слов Тоси Хомицкой, дикий случай про старуху, глухое село возле озера Кундук, сто километров за Аккерманом, которая съела двух своих внуков. Полина Исаевна успела только спросить, где же были папа и мама этих детей, как Иона Овсеич, словно орел-беркут, набросился на Аню и категорически запретил приходить к нему в дом, если за пазухой она будет приносить такие гнусные поклепы и провокации.

Аня пожалала плечами, опять повторила, что она выдумала не из своей головы, а передает со слов Тоси, которая тоже сама не выдумала.

— Хорошо, — Иона Овсеич бросил газету на стол, — но оглянись на себя лично, вспомни, какое меню было сегодня у твоей семьи, и отвечай прямо: можно допустить, чтобы люди, если действительно в наших краях голод, могли так питаться?

— Почему вы берете пример именно со мной? — удивилась Аня.

— Почему именно с тобой? — переспросил Иона Овсеич. — Я тебе отвечу: если ты принесла моей жене, которая хворает, гостинец, следовательно, у тебя есть возможность и, надо полагать, ты не оторвала у своей семьи последний кусок.

Аня провела рукой по щеке, где остался рубец, и сказала: никто не доказывает, что у нас в Одессе голод и гибнут люди, но в Молдавии, это она слышала не только у Хомицкой, есть

случаи, когда умирают от дистрофии. А что касается Полины Исаевны, ей надо особенно хорошо питаться, иначе откуда организм возьмет силы, чтобы бороться.

— Товарищ лейтенант медицинской службы, — хлопнул по столу Иона Овсеич, — это не ваша забота! И позвольте спросить: а откуда брали силы раненые партизаны, когда по десять дней, истекая кровью, без глотка воды, без крошки хлеба, они прятались в лесу, причем надо было следить в оба, ибо за каждым кустиком могла притаиться смерть! И, слава Богу, выживали.

Военная медсестра Анна Котляр могла сама привести поразительные примеры, когда люди буквально воскресали на глазах, а в осажденном Ленинграде, где давали по восьмушке хлеба, который трудно было даже назвать этим словом, у язвенников сами зарубцовывались язвы, хотя в мирное время им не помогала никакая диета.

— Какой же вывод мы должны сделать? — спросил Иона Овсеич.

Война — это война, ответила Аня, и то, что человек способен выдержать на войне, он не может выдержать в мирное время.

— Стало быть, — подхватил Иона Овсеич, — ты сама признаешь, что дело вовсе не в особом питании, а главное — как настроена психика человека.

Да, согласилась Аня, главное — это психика, но тут же добавила: для того, чтобы психика каждого человека была настроена по-военному, нужен фронт, нужны бомбы, которые падают людям на голову, нужны раненые и убитые.

— Допустим, — сказал Иона Овсеич. — А как же тогда объяснить Кузбасс, когда жили в палатках и хорошо, если раз в неделю имели горячий харч. А Беломорско-Балтийский канал, а Магнитогорск, когда на двадцатиградусном морозе стояли до пояса в ледяной воде!

Аня честно призналась, что не в силах ответить: здесь нужно высшее образование, а она средний медперсонал, — но можно думать, на строительстве Кузбасса, Беломорско-Балтийского канала и Магнитогорска люди чувствовали себя, как на фронте.

— О, — Иона Овсеич поднял палец вверх, — стало быть, не обязательно должны падать на голову бомбы, не обязательно должны быть раненые и убитые, а люди все равно будут показывать чудеса стойкости и героизма.

Аня развела руками: так в чем же тогда дело и почему не всегда одинаково удачно получается?

— Почему! — Иона Овсеич заложил большой палец под борт тужурки и зашагал по комнате. — А ты внимательно продумай, какую полемику и пропаганду ведешь здесь целый вечер, и сама объясни, почему.

Аня ответила, никакой полемики и никакой пропаганды она здесь не ведет, тем более, что еще с детских лет у нее есть одна особенность: внутри она чувствует, а объяснить на словах не может.

— Ничего, — успокоил Иона Овсеич, — в данном случае ты хорошо высказалась. У человека без практики так не получится.

Аня пожала плечами: какая практика, откуда практика, если на работе не успеваешь голову поднять, а дома Иосиф до полночи стучит молотком.

Иона Овсеич улыбнулся: у нас в Одессе даже маленькие дети знают, что никто так не любит поговорить, как сапожники и парикмахеры, которые получают сведения и новости от разных клиентов. И, конечно, в свою очередь, стараются не остаться в долгу.

Двадцать третьего февраля, когда все люди отмечали годовщину Советской Армии и Военно-Морского Флота, во дворе

прошел слух, что на Привозе и Новом базаре милиция поймала шайку, которая продавала пирожки с начинкой из человеческого мяса. От одного этого слуха волосы могли встать дыбом, и товарищ Дегтярь просил Степу Хомицкого, Клаву Ивановну, Дину Варгафтик немедленно выявить, откуда берет свое начало источник.

Иосиф Котляр, когда зашли к нему, прямо сказал, что затея Дегтяря — это покушение с негодными средствами, ибо услышать можно в разных частях города: на Молдаванке, Слободке, Воронцовке, Пересыпи, Бугаевке, Дальних Мельницах и даже, если хотите, в Аккарже. У них на заводе работает один парень из Аккаржи, он ездит домой на воскресенье, и первый раз услышал там, а не в центре города.

— Передайте Иосифу Котляру, — сказал Иона Овсеич, — что всякая цепочка имеет начало, и такие упаднические настроения могут быть как раз этим началом.

— А по-моему, — дал в ответ свое объяснение Иосиф, — когда люди будут кушать хлеба, сколько захотят, от слухов останется один пшик.

Зиновий Чеперуха, который каждую свободную минуту готовился сейчас к экзаменам в политехнический институт, произнес почти аналогичные слова.

— Странное совпадение, — засмеялся Иона Овсеич, — получается нечто вроде блока от Котляра до Чеперухи. Вместо осуждения, мы имеем, по сути, одобрение и сочувствие к сплетникам.

Степа Хомицкий сказал, что одобрения и сочувствия он здесь не видит, но сваливать все на перебои с хлебом будет тоже неправильно с политической точки зрения. На фронте, кто сеял панику, расстреливали на месте.

Когда в марте подули теплые ветры и на полях стали схо-

дить снега, открывая черную, лоснящуюся, будто помазанную жиром, землю, у людей поднялось настроение. Клава Ивановна сравнивала это с термометром, который повесили на открытом солнце, так было заметно.

Привоз, Новый базар, Алексеевский и Староконный рынки продавали теперь за одно утро больше мяса, чем раньше за три дня, причем говядина и свинина, не говоря уже про баранину и синюю телятину, по цене были в четыре-пять раз ниже хлеба. Можно было радоваться, хотя, заглядывая немножечко вперед, не трудно было предвидеть, что надо будет опять восстанавливать молодняк и потребуются немало времени. Но, с другой стороны, если сегодня немного легче, чем было вчера, какой смысл отравлять себе и другим настроение мыслями про завтрашний день, который может на ходу вдруг поправиться и оказаться даже лучше сегодняшнего.

Иосиф Котляр рассказывал дурацкий анекдот: что такое комедия? Комедия — это когда есть где, есть с кем, но нечем. Люди смеялись, сам Иосиф громче всех и переводил на теперешнее положение: если есть мясо и есть зубы, чтобы жевать это мясо, так не надо откладывать, а то могут выпасть зубы, и тогда будет нечем, то есть опять комедия.

Когда Аня зашла к Полине Исаевне, чтобы провести и угостить наваристым бульоном из первосортной голяшки, каких свет еще не видел, Иона Овсеич сказал по адресу Иосифа, что Сивка сильно разыгрался, как бы не укатали крутые горки.

— Ой, — вздохнула Аня, — в свои годы он еще бывает глупый, как мальчик. До войны мне казалось, он почти старик, а получилось наоборот: я раньше сделалась старухой.

— А посмотри на моего Дегтяря, — вздохнула Полина Исаевна, — рядом с ним я его бабушка.

У американского писателя Марка Твена, сказал Иона Овсеич, есть рассказ про одного человека, который высчитал, что

он сам себе двоюродный дедушка. Бывает. Тем не менее, пусть Иосиф Котляр не забывает, сколько лет ему на самом деле, ибо люди вокруг хорошо помнят.

Аня передала мужу весь разговор, ему сильно не понравилось, он скрутил себе толстую сигарку, несколько раз пустил колечками дым и сказал, пусть Дегтярь сначала обеспечит своей больной жене хорошее питание, а потом будет пугать других своими советами и угрозами.

Хотя никакого повода опасаться не было, Аня и Адя взялись перетряхивать мешки с обрезками кожи, мог случайно затеяться лоскут побольше, от такого пустяка иногда возникают крупные неприятности. У Ади, когда он копошился, было задумчивое, грустное лицо, как будто человек вспоминает далекие годы, Аня дернула его за руку, чтобы прогнал дурные мысли и повеселел. Ничего, сказал Адя, пустяки; в глазах у мальчика стояли слезы, а он улыбался и был в эту минуту до того похож на своего папу Ванечку Лапидиса, что Аня сама не выдержала и заплакала.

— О, — съехидничал Иосиф, — пара пятак!

Аня еще сильнее заплакала, приказала мужу, чтобы не устраивал балаган, а Иосиф, наоборот, разошелся и сказал, кому обрыдли шутки, пусть переселяется к Дегтярю. Адя ответил, что у Дегтяря не хватит для всех места.

— Не волнуйся, — окончательно разошелся Иосиф, — Дегтярь найдет место, лимита не будет!

— Мели, мели, Емеля, — покачала головой Аня, — твоя неделя.

В апреле Котляра два раза проверяли из финотдела, причем второй раз с интервалом в один день, когда никто не мог ждать. Как раз накануне Иосиф принес в мешке обрезки, дворничка Феня Лебедева пожалела бедного инвалида и выхватила мешок, чтобы понести на третий этаж. От полной нео-

жиданности Иосиф, вместо благодарности, набросился на Феню и отругал ее последними словами.

Господи, замахала руками Лебедева, и кому охота заглядывать в чужой мешок, хоть бы там не шкура была, а одно золото с бриллиантами.

— Ты дура, ты набитая дура, — сказал Иосиф. — А на твоей работе нужны умные люди.

— А сам бы и пошел, — огрызнулась Феня.

Иосиф в ответ погрозил пальцем и сказал дворничке, что напрасно хорохорится, в Одессе найдется достаточно желающих на ее должность, и надо будет — подыщем.

Свой второй визит представитель из финотдела сделал в сопровождении Дины Варгафтик, поскольку Клава Ивановна лежала с температурой и не могла подняться. Все четыре мешка, с обувью и обрезками, он старательно опростал, Иосиф наблюдал, словно посторонний, и улыбался. Финагент сказал, что не видит оснований улыбаться, скорее, наоборот, и потребовал, чтобы показали вчерашний мешок. Иосиф поднял опростанный мешок, который лежал возле ног у финагента, еще раз вытряхнул и подал.

— Не притворяйтесь больше, чем есть, — разозлился человек, — и не делайте других идиотами. Имеются сведения, что вам поставляют левый товар прямо с фабрики.

— Что же вы пришли ко мне? — удивился Иосиф. — Идите на фабрику.

Человек совсем потерял терпение и сказал, что он пришлет сюда ОБХСС, посмотрим, какую песню Котляр тогда запоем.

— Товарищ, — улыбнулся Иосиф, — есть народная поговорка: лучше с умным потерять, чем с дураком найти. Почему я должен бояться ОБХСС? ОБХСС стоит на страже закона, а не какой-то страшный бабай с мешком в руках, который уносит детей. Товарищ, я потерял свою ногу не на этой войне, я поте-

рял ее на гражданской войне, когда ты ходил еще у мамы под юбкой.

В тот же вечер Иона Овсеич получил полный отчет, как протекал визит представителя из финотдела. Дине было глубоко стыдно за Иосифа Котляра, который позволил себе разговаривать со взрослым человеком, вроде тот дурачок и ничего не понимает. Вообще, люди мало меняются: какой он был до войны, Котляр, когда она со своим Гришей подавала на него в домком за разрушение жилфонда, такой он остался теперь и останется до самой могилы.

— Все? — спросил Иона Овсеич. — Тогда ты свободна и можешь идти домой.

Напоследок Дина опять повторила, как ей было стыдно перед человеком за насмешки Иосифа, особенно насчет ОБХСС но товарищ Дегтярь лишь проводил до дверей, похлопал сзади по плечу и сказал, спокойной ночи.

Перед утром у Полины Исаевны схватило сердце. Сначала она боролась молча и терпела, но вскоре стало невозможно, позвали Аню Котляр, она сделала два укола подряд, положила на спину горчичники и сидела до рассвета, пока Полина Исаевна не почувствовала себя значительно лучше. Иона Овсеич все время лежал тихо на своей кушетке, два или три раза вырвался тяжелый вздох, Аня сказала, есть лишняя ампула камфоры, можно сделать и ему укол, вреда не будет, но получила отказ.

Когда Аня вернулась в квартиру, Иосиф уже приготовил себе завтрак и на ходу пристегивал протез, потому что времени оставалось в обрез и была опасность опоздать на смену: завод "Большевик" далеко, за Пересыпским мостом, надо ехать двумя трамваями, потом пройти хороший кусок пешком.

В больнице у Ани было сегодня вечернее дежурство, она успела зайти к Полине Исаевне еще раз и покормить обедом. Иона Овсеич звонил с фабрики домой. Полина Исаевна успо-

каивала его, хотела передать трубку Ане, чтобы она подтвердила, но он ответил, не надо, это лишнее.

Адя, когда вернулся из музучилища, тоже зашел проводить Полину Исаевну. Он посидел не больше пяти минут, Полина Исаевна интересовалась, как идет подготовка к выпускным экзаменам, какой набор в этом году делает консерватория, и вдруг заплакала: если бы его папа и мама могли полюбоваться на своего сына, как бы они гордились! Потом она добавила, дай Бог каждому иметь такого второго папу и такую вторую маму, как Иосиф с Аней, и сама велела Аде идти заниматься. На прощанье она взяла его за руку и попросила: пусть поиграет Шопена, если можно, погромче, тогда у нее в комнате тоже слышно.

Адя сделал, как просили, сегодня было слышно особенно хорошо, у Полины Исаевны безостановочно лились слезы, на душе было горько и сладко в одно время, хотелось хотя бы на миг вернуть далекие годы, когда были еще молодые, здоровые и вся жизнь была впереди.

Иона Овсеич пришел с фабрики рано — только что объявили двадцать часов по московскому времени. Полина Исаевна была еще под впечатлением музыки, которую играл специально для нее Адя, и сказала, какое это счастье иметь таких порядочных соседей, как Котляры. Дегтярь посмотрел чужими глазами, Полина Исаевна опять повторила свою аттестацию, но, оказалось, мысли мужа так далеко от дома, что он просто не слышит.

— Полина, — сказал Иона Овсеич, — я тебе сообщу сейчас новость, от которой ты забудешь, как тебя зовут.

Полина Исаевна почувствовала сильное напряжение, хотя нетрудно было догадаться, что, когда хотят сообщить очень плохое, так не начинают.

— Буквально полчаса назад, — сказал Иона Овсеич, — мне звонили по телефону, что Ефим Граник живой.

— Не может быть! — Полина Исаевна побледнела и схватилась за голову.

— Я тебе скажу больше: не только живой, но и находится сию минуту в Одессе.

Полина Исаевна была настолько потрясена, что забыла даже спросить, кто мог узнать раньше всех и кто звонил Дегтярю.

— Я тебе скажу еще больше, — продолжал Иона Овсеич, — он слоняется по городу и боится зайти к нам во двор.

— Боже мой, — догадалась Полина Исаевна, — он сошел с ума, когда узнал, что Соня с детьми погибла!

— Нет, он не сошел с ума, — сказал Иона Овсеич, — но человек, который столько лет после войны не давал о себе знать, надо полагать, имел для этого основания.

На другой день, солнце только начинало садиться, соседи и все жильцы дома собственными глазами увидели Ефима Граника. Он стоял возле дворового крана, где до войны любили играть дети, задрал голову и смотрел. Было впечатление, что он смотрит на небо, но как раз сегодня оно было самое обыкновенное: ни тучки, ни облака, ни стайки птиц, ни даже отдельной какой-нибудь птички — просто синее, как бывает синий огонь от спиртовки, когда горит совсем беззвучно.

— Фима! — крикнула не своим голосом Дина Варгафтик. — Фимочка!

Ефим продолжал смотреть, как будто не его зовут, кусок неба над двором то темнел и делался почти совсем черный, то опять светлел, Дина вторично окликнула, и тогда он повернул голову, высоко поднял брови, прикусил нижнюю губу и улыбнулся.

— Кто мог ждать, кто мог думать! — Дина изо всех сил

прижимала руки к груди, ногти впивались в кожу, и раз за разом, вроде она помешалась, в голову ударяла мысль про Гришу, который в один прекрасный день вот так же придет, остановится возле крана, где до войны любили играть дети, и будет смотреть на небо, а похоронная, которую она получила из военкомата, окажется, была просто ошибкой.

Дина хотела завести Ефима к себе, но Клава Ивановна, хотя была еще не совсем здорова, уже успела выскочить во двор, схватила гостя под руку и потянула за собой. Когда подымались по лестнице, Ефим сказал, он хочет к себе, в свою комнату, Клава Ивановна притворилась, что не слышит, но у порога Ефим повторил опять, что хочет к себе, в свою комнату, Клава Ивановна вдруг остановилась, как будто поражена, и всплеснула руками:

— Фима, ты что, с Луны свалился! В твоей комнате давно живут люди.

— Значит, моя комната уже не моя? — спросил Ефим. — А где же теперь будет моя?

— В бане Исаковича! — ответила Клава Ивановна, как отвечали в Одессе еще до войны, когда человек задавал слишком глупые вопросы.

Ефим вдруг поднялся, сказал, что ему пора идти, и направился к дверям. От полной неожиданности Клава Ивановна продолжала сидеть на стуле и догнала Ефима уже на лестнице, он сильно упирался и доказывал, что ему пора идти. Куда идти, догадалась, наконец, спросить Клава Ивановна, Фима задумался, перестал упираться, и оба вернулись в комнату.

Через час, когда мадам Малая дала гостю кусок мыла, полотенце и отправила в баню, пусть хорошо помоемся после долгой дороги, во дворе уже знали, что Ефим Граник приехал в Одессу из лагеря, где-то далеко за Волгой. В лагере он находился два года, попал туда сразу после войны, вместе с други-

ми бывшими военнопленными красноармейцами, которых освободили американцы и передали нашему командованию.

То, что Ефим провел полные два года в лагере, во многом была его собственная вина. На вопрос комиссии, как он, еврей по национальности, остался живой в лапах у нацистов, Ефим отвечал, что сыграла роль счастливая случайность. Даже среди своих в роте многие принимали его за татарина, в том числе один настоящий татарин, по фамилии Габитов, из города Сызрань. Когда в сорок втором году, возле Малгобека, на Кавказе, немцы взяли их в плен, построили в один ряд и приказали выйти вперед комиссарам, коммунистам и евреям, он уже поднял ногу, но Габитов схватил его сзади за рубашку и с трудом удержал. Где теперь Габитов, живой или нет, он не знает, а так бы Габитов мог подтвердить.

Комиссия внимательно слушала, а насчет единственного свидетеля, который мог бы подтвердить, если бы его нашли, оставалось, в лучшем случае, просто улыбнуться: подобные счастливые случаи комиссии уже встречались десять из девяти, если не чаще. Что же касается татарской наружности Ефима, так сходство, по мнению комиссии, было только в ширинке, поскольку татары тоже практикуют обрезание. "Как же я могу вам доказать, если вы мне не верите?" — спросил Ефим. Один член комиссии, у него были погоны майора, посмотрел Ефиму прямо в глаза, наклонился к своему соседу, сказал несколько слов на ухо, но тот махнул рукой и приказал вызвать конвойного.

После бани мадам Малая повела Ефима к Дегтярю. Иона Овсеич и Полина Исаевна удивились, как он хорошо выглядит, можно подумать, годы даже не коснулись его. Ефим объяснил, что это от бани, он сильно парился и вылил на себя сто шаек горячей воды.

— Ты считал, — засмеялась Полина Исаевна.

Да, ответил Ефим, скорчил хитрую гримасу и принялся рассказывать, как немцы устроили ему и другим пленным дезинфекцию: завели в хату, там сидел фриц возле бочки с дегтем, окунал квач и хлопал с размаху по спине, по ногам, по лицу. Потом повели в баню, поставили затылком к стене и начали поливать кипятком из шланга. Кто пытался увернуться, били шлангом и давали двойную порцию. Потом вывели голыми на мороз, заставляли бегать по снегу, и так трое суток подряд. С тех пор ему всегда холодно, и он любит обливаться горячей водой. А один раз он видел живого Гитлера — вот, как он видит их, даже еще ближе.

— И он говорил с вами? — поразилась Клава Ивановна.

Нет, покачал головой Ефим, только показал пальцем и три раза повторил: русише швайн, русише дрекшайзе, русише Ванька.

— А где находился твой лагерь? — спросил Иона Овсеич.

Ефим задумался, пошевелил губами и вспомнил: лагерь находился во Франции, город Мец, не в самом городе, а немножко в стороне.

— И французское сопротивление ни разу не сделало попытку освободить заключенных? — удивился Иона Овсеич.

Ефим опять задумался, видно было по лицу, что перед ним проходят разные картины из прошлой жизни, потом вдруг обратился к Полине Исаевне и спросил: куда могла уйти его Соня с детьми и почему они так долго не возвращаются?

У Полины Исаевны сразу стал ком в горле, она не могла произнести слова, и Клава Ивановна ответила за нее, что была война, погибло, наверно, десять миллионов человек, если не больше, и как есть, так есть, тут уже сам Бог ничего не исправит, а Ефим должен еще радоваться: его маленькая Лиза жива, здорова и находится у хороших людей.

Ефим сказал, что у него был сын Ося, который сам умел

сочинять стихи, и дочь Хиля, их маму звали Соня, а Лизу он не помнит. Она была сестричка?

Полина Исаевна, чтобы не расстраивать своим видом других, повернулась к стене, только дергались плечи, как будто напала сильная икотка, Иона Овсевич внимательно наблюдал гостя и барабанил пальцами по столу.

— Перестань стучать, — сказала Клава Ивановна, — и так стучит в голове.

Иона Овсевич на секунду перестал, потом опять возобновил, потому что нервы требовали разрядки.

Ефим вдруг поднялся, сказал, что ему пора идти, и направился к дверям, Клава Ивановна успела в этот раз своевременно остановить:

— Куда тебе надо идти?

Иона Овсевич был недоволен, что Клава Ивановна остановила: надо было дать возможность уйти, но не оставлять одного, а проконтролировать.

Через пять минут Ефим вторично поднялся и заявил, что он хочет к себе домой, пусть ему вернут ключи. Нет, очень ясно ответил Иона Овсевич. Ключи не вернут: квартира, которая раньше была его, Ефима Граника, теперь не его, а майора Бирюка, в данное время он со своей частью стоит в Берлине, а семья проживает здесь.

Хорошо, сказал Ефим, пока думали, что Граник мертвый, он не возражает, майор Бирюк мог жить в его комнате, а теперь Граник вернулся, и пусть уйдут, он хочет к себе домой.

— Ефим, — Иона Овсевич поднялся со своего стула, — сколько ты ни будешь повторять одно и то же, реальное положение от этого не изменится. Тебя освободили из лагеря по амнистии, в связи с тридцатой годовщиной Октября. Это во-первых, а во-вторых, доказывать, как должно быть, лишь на том основании, что так было, в данном случае неуместно. И в-третьих,

можно только восхищаться, как хорошо у тебя начинает работать память, когда речь заходит о квартире.

Ефим зажмурил правый глаз, прикусил губу, на лице застыла улыбка.

— Перестань строить гримасы, — рассердился Иона Овсевич, — ты всегда был на это великий мастер.

Полина Исаевна, за спиной у Ефима, сделала мужу знак, чтобы не приставал, человек в таком состоянии, но Иона Овсевич попросил ее лежать спокойно и не вмешиваться не в свое дело.

— Дегтярь, — обратилась Клава Ивановна, — я так думаю, на сегодня хватит: у бедного Фимы и так достаточно впечатлений. Пусть немножко отдохнет.

Реплика Клавы Ивановны была того же сорта, что из уст Полины Исаевны, Иона Овсевич нахмурился, но этим ограничилось: мадам Малая уже встала, взяла Ефима за руку и пошли домой.

С жильем для Граника, как можно было предвидеть с самого начала, получилась целая морока. Первые несколько дней на квартире у Клавы Ивановны он еще как-то держал себя в рамках, потом взял себе привычку подниматься среди ночи, шарил по стульям, под кроватью и сообщал, что идет прогуляться по городу. У Клавы Ивановны, пока он возвращался с дурацкой ночной прогулки, чуть не выскакивало от страха сердце, а много ли человеку в ее возрасте надо.

Дегтярь вообще не одобрял всей этой возни с Граником, а теперь прямо сказал, хватит нянчиться, пусть устраивается на завод и получит место в общежитии. А если Одесса после войны перестала ему нравиться, он имеет полный простор от Черного моря до Белого и Охотского.

Эти слова Иона Овсевич передал через мадам Малую, но не было уверенности, что она вручит адресату, и он сам лично

повторил Ефиму. Тот тихо выслушал, на лице застыла улыбка, как будто человек натянул маску, и опять потребовал ключи от своей комнаты, иначе нельзя открыть двери, а ломать топором он не хочет.

Иона Овсеич попросил Ефима не угрожать, Клава Ивановна вдруг засмеялась и своим глупым смехом свела на нет всю серьезность.

— Малая, — прямо побелел от злости Иона Овсеич, — Малая, я тебе делаю очень серьезное предупреждение! А если вам так смешно и весело, разберитесь сами, у меня нет времени заниматься пустяками.

Клава Ивановна с Ефимом вернулись домой, среди ночи он поднялся для очередной прогулки, она ни на секунду не сомкнула глаз и прислушивалась к каждому звуку с улицы, десять раз давала себе слово, что это конец, больше терпеть не будет, пусть устраивается как знает, и тут ей пришла в голову мысль насчет форпоста: в свое время Ефим вложил в него столько труда, что не меньше Чеперухи имеет здесь право на временный угол. В полной темноте Клава Ивановна отчетливо видела сияние, как небо, слова: **МЫ РОЖДЕНЫ, ЧТОБ СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ** — на какой-то миг сильно защемило сердце, но в целом было хорошее чувство, ибо появился, наконец, какой-то выход.

Первый разговор Клава Ивановна имела со старым Чеперухой. К предложению насчет того, чтобы выделить Ефиму угол, Иона отнесся двояко: с одной стороны, человек должен иметь крышу, тем более жилец нашего дома, принимал активное участие в постройке форпоста, с другой стороны, живет семья, двое маленьких детей, только что вынесли мусор и навели порядок, теперь начинай все сначала. Пусть решает сам Зиновий.

Молодой Чеперуха задумался буквально на минуту и отве-

тил, да, надо выделить человеку угол, и сам предложил план небольшой перестройки — сделать из одного окна дверь, а вместо верхней филенки, чтобы проходил свет, вставить стекло.

Клава Ивановна была счастлива, что так быстро и легко все уладилось, но тут встали на дыбы обе женщины — бабушка Оля и Катерина. Оля была в принципе против соседства с Граником, от которого не известно, чего ожидать, надо еще поговорить с докторами, а Катерина открыто угрожала обратиться в райисполком, поскольку хотят нарушить утвержденный проект, и тогда их всех выкинут отсюда.

Зиновий говорил Катерине, что она не посмеет идти на такой шаг, та, в ответ, называла его дурачком, которому писают в глаза, а он думает, Божья роса.

Марина Бирюк, хотя ее дело было сторона, если не считать того, что она с семьей давным-давно переселилась в пустую квартиру Граников, взялась подзуживать Иону Чеперуху, которого раньше принимала за мужчину, а теперь оказалось, всем парадом в семье командует сноха. Иона отщучивался, что лучше выиграть по золотому займу даже десять тысяч рублей, чем получить в соседи одного Ефима Граника, но в словах Марины, конечно, была какая-то справедливость: полжизни прожили с человеком бок о бок, а тут эта чалдонка Катерина задает тон и хочет сделать по-своему. Правда, она не одна, а держится за руки с Олей, но это не меняет картины.

Через неделю Зиновий добился от своей Катерины согласия, но при одном условии: пусть Граник побегает в Сталинский райсовет, как бегали они, и принесет разрешение прорубить вместо окна дверь, а с простенком уже сами что-нибудь придумаем. Зиновий принял это условие и, в свою очередь, выдвинул новое дополнение: временно поставить ширму, вдвоем с Граником они собьют на всю ширину комнаты, а выходить и заходить, пока стоят теплые погоды, можно через окно, так что

вообще никто никого не будет тревожить. Катерина представила себе, как этот малохолый Граник станет прыгать через окно, и опять зафордыбачила, а Зиновий объяснил, что прыгать не придется: внутри и снаружи они поставят по три-четыре ступеньки.

— Слушай, Зиновий, — скривилась Катерина, — вы, одесситы, сильно ловкие, думаете, хитрее всех.

— Что ты имеешь в виду? — глаза Зиновия сделались нехорошими, с зеленым огоньком.

— А ничего, — сказала Катерина, — крепко держитесь друг за дружку.

На этот раз Катерина, хотя метила в яблочко, посадила, как говорится, в молоко: товарищ Дегтярь, такой же одессит, как Граник и Чеперуха, не только не поддержал нового проекта, но со всей ясностью предупредил, что никакого передела форпоста не допустит. Если Зиновий Чеперуха хочет просто выделить Гранику угол, это его дело, а всякие другие варианты можно рисовать лишь на бумаге.

Клава Ивановна сначала поспорила с Дегтярем, но потом должна была согласиться: новая стена и новая дверь в форпосте будут означать, что там уже две семьи и, следовательно, горсовету, чтобы вернуть помещение детям, придется выделить две квартиры.

На Привозе, в Щепном ряду, Зиновий купил четыре листа фанеры и дюжину реек. Товар нельзя было держать на виду, милиция внимательно следила, и надо было идти за хозяином на Водопроводную, недалеко от Чумки.

Зиновий остался во дворе со своей коляской, Ефим поднялся на третий этаж, там женщина вынесла ключ от чердака, но отдала не сразу, а посмотрела сперва вниз и увидела тележку инвалида. Хозяин назвал ее дурой, постучал пальцем по виску, она замычала в ответ, видимо, глухонемая, и перегну-

лась через подоконник, чтобы удобно было наблюдать за двором.

Фанера и рейки лежали под тряпьем, сверху стояла клетка с кроликами. Ефим, когда сняли клетку, присел рядом, взял одного на руки, зажмурил глаза и стал тереться об него щеками, лбом, подбородком. Хозяин отложил товар и велел вернуть кроля на место, а то будут так долго тереться, что последние волосы выпадут, Ефим провел рукой по голове, улыбнулся и сказал: "Мне уже не страшно".

— А я не за тебя боюсь, — ответил хозяин. — Давай сматывайся, часы даром стучат.

Рейки привязали к коляске проволокой, чтобы не придиралась милиция. Фанеру Ефим понес в руках, но было неудобно, через каждые двадцать шагов приходилось останавливаться, пока не догадались переложить на голову. Светило яркое солнце, Ефим сказал, теперь у него зонтик больше, чем у китайского императора, и все вокруг могут завидовать. Зиновий засмеялся: вечная история — когда у человека все получается чересчур гладко и легко, он обязательно начинает заноситься.

Дома, однако, оказалось, не все так гладко и легко: со стороны Катерины и бабушки Оли опять возникли препятствия, обе в один голос заявили, что фанера и рейки — это целая стена, а не ширма. Кроме того, они выставили новое возражение: если во дворе все такие добрые, почему именно Чеперухи должны отдать Гранику кусок своей квартиры! Зиновий пытался перевести все в шутку и напомнил своей Катерине: она сама говорила, что одесситы сильно хитрые и держатся друг за дружку. Где же логика?

Старый Чеперуха увел свою Олю домой, Катерина осталась одна, без поддержки, и вдруг горько заплакала: почему, ну, почему, она не имеет права, как все другие люди, пожить просто по-человечески, а беспрерывно треплют со всех сторон нервы!

— Катя, — Зиновий обнял за плечи и поцеловал, — разве нам хуже и труднее, чем другим? Посмотри на Ефима Граника, посмотри на Тосю Хомицкую, посмотри на Дину, посмотри на Адю Лапидиса, кому труднее!

— Это не доказательство, — сказала Катерина, — ты был на войне, и твой отец был на войне, и я была. И хватит, не хочу больше слышать, а то за всю жизнь не расплатимся.

Вечером, когда сели всей семьей за стол, бабушка Оля сказала по адресу Ефима Граника: пока он прятался в плену, немцы расстреляли семью и маленьких детей. А Советская власть поспешила освободить его досрочно и отправить в Одессу, на нашу голову.

— Закрой свой рот! — взорвался Иона. — Она судит, она много понимает!

Перегородку взяли на петли, чтобы при первой необходимости — комиссия или какая-нибудь другая проверка — можно была в два счета сложить и убрать.

Дина Варгафтик подарила Ефиму железную кровать, которая очень подошла по ширине: сбоку оставалось ровно столько места, сколько надо для прохода. На первых порах поверх кровати положили старые ватники и куски тряпья, аккуратно зашитые в бязевый мешок, так что получилось не хуже матраца с пружинами и морской травой. Сам Ефим говорил, мягко, как на перине, утром не хочется вставать. Возле окна поставили табурет и ведро с водой на случай, если ночью захочется пить, а мыться и постирать можно будет возле дворового крана, до которого десять шагов. Многие жильцы открыто завидовали: человек каждый день имеет под боком целое море воды.

Степа отрезал Ефиму кусок резинового шланга, чтобы надевать на кран, струя вылетала под большим напором и получалась настоящая процедура, как душ Шарко в знаменитой

водолечебнице, бывшей доктора Ясиновского, на улице Свердлова. Иногда Степа сам выходил рано утром, когда двор еще только просыпался, и обливались вдвоем с Ефимом, как маленькие дети.

С питанием у Ефима было не все благополучно: хлебную карточку могли дать либо через производство, либо, согласно прописке, по месту жительства, а ни то, ни другое он не удостоился провести в жизнь. Правда, катастрофы здесь не было, поскольку Котляры, Тося Хомицкая, Чеперухи и сама Клава Ивановна хотя бы раз в неделю приглашали Граника к столу. Кроме того, если соседи во дворе просили помочь по хозяйству, Ефим не отказывал, и люди тоже старались не остаться в долгу.

Иона Овсеич терпеливо ждал, когда кончится эта благотворительность, но неожиданно нагрянула милиция с проверкой паспортного режима и, счастье, что успели предупредить Ефима, он незаметно вышел за ворота, а то дело не ограничилось бы одними словами.

— Малая, — Иона Овсеич прямо кипел от возмущения, — теперь ты сама видишь, куда ведет твой либерализм! Даю тебе три дня на оформление прописки и трудоустройство Граника, иначе я сам вызову милицию и всей компанией получите по заслугам.

В Сталинском райотделе милиции, куда Клава Ивановна пришла вместе с Ефимом и паспортисткой, потребовали справку из исполкома о наличии жилплощади.

— Товарищ, — улыбнулась Клава Ивановна, — вы, наверно, здесь новый. Моя фамилия Малая, я несу полную ответственность, можете позвонить лично Дегтярю в партбюро, он вам подтвердит.

Товарищ ответил, никуда звонить он не будет, ни Иванову, ни Петрову, ни Дегтярю, а пусть принесут справку из исполко-

ма, в противном случае, через сорок восемь часов пойдет другой разговор.

Хотя площадь бывшего форпоста позволяла, Сталинский исполком отказался выдать справку, поскольку право на проживание было, в порядке исключения, предоставлено офицеру, инвалиду Отечественной войны Зиновию Чеперухе и его жене, тоже фронтовичке. А что касается Граника, который освобожден по амнистии, пусть идет на завод и добывается места в общежитии.

В ответ Клава Ивановна приводила трагические факты из жизни Ефима Граника, у которого погибла вся семья, сам он сидел в гитлеровском концлагере, а ей на это опять повторяли: пусть идет на завод, в будущем, если проявит себя с хорошей стороны, можно будет поставить на квартирный учет, а сегодня пусть просит место в общежитии.

— При чем тут общежитие, — потеряла терпение Клава Ивановна, — у человека есть угол, где жить, а место пригодится другому! Ему от вас ничего не надо, ему надо только разрешение.

Клаве Ивановне объяснили, что она мешает работать, а за дверью ждут люди, которые отпросились с производства. Пусть идет в горсовет и напишет жалобу, что Сталинский райисполком отказал в прописке ее Фиме Гранику.

Сгоряча Клава Ивановна дала обещание написать жалобу не только в горсовет и Верховный Совет, а прямо в Кремль, товарищу Сталину, но по дороге домой мысли сами повернули в другую сторону, она вспомнила про Дину Варгафтик, которая живет одна и, учитывая жилплощадь, имеет полное право прописать у себя человека. Ефим немножко отставал, на бледном лице держалась обычная улыбка, Клава Ивановна велела ускорить шаг и сказала, пусть уберет свою дурацкую улыбку, а то люди могут подумать черт знает что.

Дина заявила, она хотела бы помочь Ефиму, но боится: во-первых, люди будут говорить, что здесь какая-то махинация, во-вторых, поскольку Ефим получит прописку, будет считаться, что он обеспечен квартирой и, когда Чеперухи выедут из форпоста, он на самом деле переселится к ней.

Во-первых, пошутила в ответ Клава Ивановна, еще надо спросить, захочет ли сам Ефим, уже сейчас он крутит носом, во-вторых, можно оформить временную прописку, которая не дает права на жилплощадь. А через год-два вопрос с квартирами вообще станет легче.

На временную прописку Дина согласилась. Она пошла на этот шаг во имя памяти о своем Грише, который готов был снять с себя последнюю рубашку и отдать, лишь бы другому было теплее.

— Ефим, — обратилась Клава Ивановна, — что ты сидишь, как засватанный: поблагодари женщину и поклонись в ноги.

Через три дня милиция поставила у Ефима в паспорте свой штамп с пропиской сроком на шесть месяцев.

Теперь Клава Ивановна могла с чистой совестью зайти к Дегтярю и рапортовать, что Ефим Граник опять, как было до войны, полноправный жилец в нашем дворе.

— Хорошо, — похвалил Иона Овсеич, — первый пункт ты выполнила. А как насчет трудоустройства?

Насчет трудоустройства Клава Ивановна ответила, что везде требуются люди, но не надо слишком толкать Ефима в спину, пусть еще немного отдохнет в привычной обстановке, среди людей, с которыми прожил всю жизнь.

— Ой, Малая, — пожурил Иона Овсеич, — ты не хочешь понять, что только на работе человек может сохранить лицо, а без работы человек — не человек.

Полина Исаевна тоже была того мнения, что в данном случае

Малая допускает ошибку: пусть ей вернут хотя бы половину здоровья, она будет дневать и ночевать в своей школе.

Нет, стояла на своем Клава Ивановна, здесь нельзя сравнивать: у Ефима особый случай, и нужен особый подход, тем более, что человек получил такую нагрузку на психику.

Дегтярь улыбнулся: давайте вообще отправим его на курорт, а потом, если будет настроение, попросим немножко поработать.

— Овсеич, — вздохнула Клава Ивановна, — у каждого свой характер: мне, когда я смотрю на Ефима, хочется плакать.

— Старость, — сказал Иона Овсеич, — Малая, это — старость.

Примерно через неделю Ефим впервые сам заговорил про маленькую Лизу. Клава Ивановна повела его к Хомицким, чтобы вместе решить, как быть дальше: оставить девочку в деревне еще на какой-то срок, пусть подрастет, за это время легче будет подготовить ребенка и объяснить действительное положение вещей, или побыстрее организовать переезд к отцу. У Ефима на глазах выступили слезы, он опять спросил про Осю и Хилю, когда их вернут ему, Клава Ивановна только покачала головой и продолжала обсуждать вопрос насчет маленькой Лизы.

Степа предложил, чтобы Ефим с Тосей поехали в село, там поговорят с девочкой, может, она сама не захочет переходить. Кроме того, где они будут жить и кто будет за ребенком ухаживать?

— Степан прав, — сказала Клава Ивановна.

Тося заявила, пусть не выдумывают трудностей, она сама будет смотреть, а главное здесь — резкая перемена обстановки для ребенка. Если бы знали, что Ефим живой, она давно бы забрала Лизочку в Одессу, теперь бы не сидели-рядили.

— Тося, — остановила Клава Ивановна, — жизнь идет вперед, обратно хода нема, и не будем строить планы на вчера: если бы да кабы.

На минуту стало тихо, слышно было, как Адя играет на пианино, во дворе Лесик и Зиночка Бирюк в два голоса пели про дочурку, любимую песню инвалидов, которые ходят по трамваям и просят милостыню: "А внизу под письмом каракульки, сразу видно, что почерк другой, это пишет родная дочурка, и зовет она папу домой!" ..

Ефим прислушивался, на губах застыла улыбка, Тося первая нарушила тишину и сказала, что завтра поедет к сестре, провожатых не надо.

В субботу поздно вечером маленькую Лизу привезли в Одессу, дали на ночь стакан молока, леденец и уложили спать на одной кровати с тетей Тосей. Утром, когда зашел папа и хотел поцеловать, девочка отвернулась и сказала тете Тосе, что этот дядя ей не нравится, пусть уйдет.

Ефим немножко смутился, потом опять протянул руки и объяснил:

— Лизочка, я же твой родной папа, а ты моя родная дочка.

Девочка не ответила, прижалась к тете Тосе и повторила, что этот дядя ей не нравится, она хочет обратно домой — к папе и маме.

— Лизочка, — Ефим сильно прижал кулаки к подбородку, побелели косточки, — если ты хочешь к своему папе, так иди ко мне! Тося, Степан, объясните ей!

Ефим прикусил нижнюю губу, в глазах застыла боль, девочка расплакалась, хотела спрятаться за Тосей, а та, наоборот, старалась отойти в сторону.

Пришла Клава Ивановна, в протянутой руке она держала петушка на палочке и, прежде чем отдать, спросила, узнает Лиза бабушку или не узнает. Лизочка внимательно смотрела, видно было, что вспомнила, дядя Степа засмеялся и ответил за нее:

— Узнает. Такую бабушку один раз увидишь — на всю жизнь.

— Степан, — погрозила сахарным петушком Клава Ивановна, — ты нам не порти ребенка.

Пока Лизочка сосала своего петушка, Ефим стоял возле дверей и боялся подойти ближе, чтобы опять не испугать.

— Лизочка, — обратилась Клава Ивановна, — вот стоит твой папочка. Когда ты была еще совсем маленькая, папу забрали на войну, ты не можешь помнить. А теперь подойди к нему, крепко обними за шею и поцелуй.

Ефим сделал шаг навстречу, Клава Ивановна сказала, пусть стоит на месте, к нему не обращались, взяла девочку за руку, но та ухватила за Тосину юбку, и никакими силами нельзя было оторвать. Тося незаметно сделала знак, чтобы перестали теребить и громко попросила Лизочку одеваться: сейчас они вдвоем пойдут на Привоз, а возле Привоза — зверинец. Клава Ивановна спросила, возьмут ли они с собой бабушку, Тося ответила, как захочет Лизочка, а Лизочка покачала головой: нет.

— Я думала, ты добрая девочка, — не на шутку обиделась Клава Ивановна, — а ты дуешься, как твоя покойная мама.

Насчет покойной мамы у Клавы Ивановны вырвалось совершенно случайно, но было уже поздно, девочка сильно расплакалась, Ефим вдруг подбежал, схватил ребенка на руки, прижал головой к щеке и сам заплакал. От полной неожиданности Лизочка забыла, что чужой дядя, и обняла за шею. Ефим зажмурил глаза, раскачивался из стороны в сторону, вперед и громко стонал.

Тося отвернулась к окну, плечи сильно вздрагивали, Клава Ивановна закрыла лицо руками. Степа тоже приуныл, два или три раза начинал ходить по комнате, потом постучал в окно, как будто просит разрешения войти, и сказал, пора остановиться, а то скоро наводнение будет.

Лизочка немножко успокоилась, попросила, чтобы ее опустили на пол, подошла к тете Тосе и напомнила про зверинец: надо быстрее собираться, а то будет поздно и закроют. Клава Ивановна вытерла слезы и тоже сказала, надо побыстрее, звери любят рано ложиться спать, когда на дворе еще светло.

Женщины ушли, мужчины остались одни в квартире, Степан поставил на стол бутылку и велел Ефиму сбегать вниз за Чеперухой. Через три минуты пришли оба, у Ионы брюки оттопыривались в карманах, почти как галифе.

Степа налил в стаканы до ободка, дал команду по коням, и пусть нам всем будет хорошо, чтобы никогда не знали горя, а наши враги нехай подохнут. Потом выпили за Ефима, у которого начинает восстанавливаться семья, потом за встречу, потом просто так — наливали, опрокидывали, закусывали огурцом и кусочками сала. Сало Иона принес из терапевтической клиники, где лежат тяжело больные с печенью и камнями, которым нельзя жирного.

На столе осталась одна порожняя посуда, Иона предложил прогуляться на Новый базар, в мясном корпусе есть хорошее вино из Молдавии, закрыли двери и пошли. По дороге Ефим рассказывал, как в концлагерь приезжали Гитлер и Риббентроп, они были от него на расстоянии, как сейчас Степа с Ионой, выбрали несколько человек и повели в дуборезку. У Гитлера и Риббентропа сбоку висели кортики, вместо рукоятки был фашистский знак, этими кортиками они срезали у людей кожу, особенно любили с татуировкой, — на портфели, на сумки, на кошельки.

В корпусе взяли по стакану, пошло неплохо, на Баранова, в колхозном ларьке, рядом с кузней, Иона заказал еще по стакану, но Ефим вдруг начал буянить, бросился на землю, цеплялся людям за ноги и орал на всю улицу, пусть его режут на

месте, а он больше никогда не встанет. Люди хотели помочь, но Степа с Ионой сами подняли, перенесли на деревянную скамейку, заложили ему два пальца в рот и повернули голову набок, чтобы не попало на одежду.

Когда Ефим пришел в себя и мог сам держаться на ногах, вернулись опять в корпус. Иона вспомнил вино, какое было до войны в погребке на Пушкинской, теперешнее даже нельзя сравнить, Степа сказал, что вообще продукты сильно изменились, а некоторые совсем потеряли вкус: до войны был белый хлеб, два рубля семьдесят за кило, на него можно было сесть, потом все равно подымался. Колька любил делать опыты, Тося давала ему за это полотенцем по шее, а он смеялся.

— Нема моего Кольки! — Степан остановился посреди квартала, заплакал, вытер слезы и пошли дальше.

Насчет перемены продуктов, а также климата, Иона высказал предположение, что от снарядов, бомб и пожаров в воздухе скопилось много газов, которые незаметно пропитывают землю, дома и все остальное.

— Нема моего Кольки, — Степа опять остановился, закрыл лицо руками, Ефим стоял рядом и топал ногами, как заводной.

Дома, когда вернулись, Иона и Степа получили хороший нагоняй, особенно за Ефима, который потерял всякий человеческий вид. Катерина помогла ему подняться на ступеньки, открыла окно и уложила в постель. Солдатские ботинки, на пару номеров больше, чем надо, сами снялись с босых ног. Катерина поставила их возле кровати, вышла и захлопнула за собой окно с такой силой, что можно было удивляться, как не вылетело стекло.

На другой день Иона Овсеич имел деловой разговор со Степаном Хомицким. Не вдаваясь в подробности, поскольку до эскессов вчера не дошло, Иона Овсеич обратил главное внимание на Ефима Граника, который своим поведением и

образом жизни, независимо от того, хочет он или не хочет, создает нездоровую атмосферу. А люди есть люди: одному кажется, что совесть требует помочь Гранику, другой оглядывается на годы, которые прожили вместе, третьему — просто жалко. Но что получается на практике? На практике получается: человек нигде не работает, иначе говоря, тунеядец, а может выпить и погулять с купеческим размахом. За чужие, конечно, деньги.

Степа сказал, купеческого размаха не было, но надо было учесть, что Ефим сильно ослабел, а не учли, и здесь главная вина падает на него и Чеперуху.

— Не надо, — возразил Иона Овсеич, — не надо брать на себя больше, чем есть. Я тебе скажу откровенно: до сих пор для меня вообще остается загадкой, какой ценой еврей мог сохранить жизнь в условиях гитлеровского концлагеря.

Степа напомнил историю, как Ефима приняли за татарина. Иона Овсеич махнул рукой, он уже про это слышал, и поделился мыслями насчет странной психологии бывшего лагерника, которому, с одной стороны, выгодно делать вид, что у него с мозгами не все в порядке, а с другой, хватает ума ловко пользоваться сочувствием окружающих.

Степан сказал, что никакой ловкости не видит, просто человек немножко причмеленный от всех своих переживаний.

— Просто, да не просто! — провел пальцем перед собой Иона Овсеич. — Когда у человека сильно хромает совесть и кое-что из прошлого надо забыть, очень удобно такое поведение, как у Ефима Граника.

— Овсеич, — Степан положил руки на стол, ладони сплошь в рыжих и черных мозолях, — а у тебя на его месте, думаешь, другое поведение было бы?

Иона Овсеич немножко обиделся и сказал, что сравнение крайне неудачное, однако попросил Степана хотя бы так, ради

голого интереса, присматриваться к Гранику: случайное слово, взгляд, мимика могут дать порой больше, чем автобиография на целый лист. Лишнее время и силы для этого не потребуются, тем более, что Тося берет маленькую Лизу к себе, и Ефим будет заходить к Хомицким регулярно. А тогда сравним и посмотрим, кто был прав.

— Овсеич, — нахмурился Степан, — ты из меня филёра не делай. Я водопроводчик, а не филёр, я не подхожу.

— Филёр? — Иона Овсеич сощурил глаза. — Можно только удивляться, как тебе пришло в голову такое слово.

В следующее воскресенье Тося, Ефим и Лизочка пошли втроем смотреть картину про Тарзана, которую показывали в кино имени Уточкина. Лизочка так громко смеялась, что соседи несколько раз просили уговорить ребенка, а Ефим тут же давал отпор и обещал вызвать контролера, если не прекратят болтовню. Тося шептала ребенку по секрету, что папа сильный, как Тарзан, и можно не бояться. Лизочка одной рукой держалась за тетю Тосю, другой — за папин рукав, и не отпустила до конца картины.

После кино гуляли в Городском саду. Лизочка выпила два стакана сладкой воды кюрасо за четыре рубля сорок копеек, потом пошли на Приморский бульвар, в Воронцовском переулке купили у бабушки кулек семечек и лузгали всю дорогу.

С Потемкинской лестницы хорошо был виден весь порт от Ланжерона до Лузановки, стояло много пароходов, краны поднимали ящики в воздух, на несколько секунд замирали, поворачивались и опускали на землю. Ящики, хотя издали казались маленькими, на самом деле были очень большие: грузовики, когда проезжали рядом, были в два раза меньше.

— Тося, — обратился Ефим, — вы не представляете себе, сколько надо масляной краски, чтобы все это покрасить!

Человек в люльке красил мачту, дул слабый ветерок, иногда в лицо, иногда чуть сбоку, Ефим сказал, такую работу, целый день на свежем воздухе, он бы сам делал с удовольствием. Ради Бога, ответила Тося, пусть идет на судоремонтный завод или в порт, там всегда найдут работу.

— Лизочка, — улыбнулся Ефим, — ты бы гордилась, что твой папа красит пароходы?

Лизочка повернулась лицом в сторону Ланжерона, солнце светило прямо в глаза, и сказала, что хочет покататься на пароходе. Тося ответила: когда папа будет сам красить пароходы, она сможет кататься, сколько захочет. Нет, покачала головой Лизочка, она хочет сейчас, потом ей не надо.

Девочка жмурилась от солнца, татарские глаза блестели, как две лакированные полосы, Тося крепко обняла ее, вздохнула и сказала: точь-в-точь папины.

Ефим тихонько запел: "Я не папина, я не мамина, я на улице росла — меня курочка снесла".

— Лизочка, — улыбнулась тетя Тося, — тебя курочка снесла?

Когда вернулись домой, Ефим попросил лучшую, какая сохранилась, Колькину фотографию: он нарисует масляными красками большой портрет.

Аня Котляр сделала Лизочке на день рождения подарок — бумазейное платье, шерстяные рейтузы и красную шапочку. Получилось почти как в сказке, Ефим сделал из картона морду волка, надел на голову, рядом присел со своим вязаньем бабушка Малая, и теперь было уже не почти, а точно. Тося пригласила Лесика и Зиночку Бирюк, Марина дала на весь вечер свой патефон с пластинками из довоенного времени: "В парке Чаир распускаются розы, в парке Чаир расцветает миндаль, пляшут метели в полярных просторах, снится веселая звонкая даль".

Оля Чеперуха поднялась со своими внуками Гришей и Мишей на третий этаж к Тосе, чтобы послушать музыку, от которой щемит сердце, как будто тебе только двадцать лет. Зина и Лизочка не отходили от мальчиков, говорили им "агу, агу!", удивлялись, какие они маленькие, можно подумать, не настоящие, и просили поддержать.

— Дети, — обратилась Клава Ивановна, — дорогие мои дети и внуки, бабушка Малая хочет, чтобы вы всегда были счастливые, она желает вам больше, чем самой себе. Лизочка, Зина, подойдите к бабушке, сядьте на колени и обнимите.

Лесик отказался, так и не смогли уговорить, а девочки сделали, как просят, Клава Ивановна закрыла глаза, возле переносицы, с обеих сторон, выступили слезы.

— Лизочка, — сказала бабушка Оля, — правда, у нас в Одессе гораздо интереснее, и ты уже никогда не захочешь обратно в Граденицы?

Все ждали ответа. Лизочка подошла к тете Тосе и спросила, почему папа с мамой так долго не приезжают за ней. Ефим переводил взгляд с одного на другого, на лице застыла улыбка, Клава Ивановна громко вздохнула и велела Ефиму проснуться, а не спать на ходу с открытыми глазами, до ночи еще далеко.

Поставили пластинку с песней из картины "Светлый путь", женщины и мужчины пели так дружно, с таким чувством, что хотелось выйти на улицу, стать в строй и шагать, шагать, шагать, Клава Ивановна не выдержала первая, затопала на одном месте ногами и подхватила припев:

Нам нет преград ни в море, ни на суше,

Нам не страшны ни льды, ни облака!

Пламя души своей, знамя страны своей

Мы пронесем через миры и века!

Пластинка была с трещиной, когда иголка ударялась, полу-

чался щелчок, но это никому не мешало, и ставили еще три раза, чтобы дети могли выучить слова и запомнить.

Лесику и Лизочке, когда бабушка Малая начинала петь, делалось так смешно, что не могли выговорить ни слова, Зиночка сердилась на них и громко объясняла, как это некрасиво — смеяться над старенькими. Потом все вместе дали Клаве Ивановне обещание выучить песню, только не сейчас, а в другой раз, потому что сейчас им хочется во двор.

— Дети, — бабушка Малая закрыла лицо от ужаса, — как вам не стыдно!

Когда она пришла в себя, детей в комнате уже не было, Тося Хомицкая смеялась и оправдывалась, что сама не успела заметить.

Оля Чеперуха качала головой:

— Вы смеетесь, Тося, а прежние дети, ваш Колька и наш Зюнчик, были другие: если Клава Ивановна сказала, это был закон.

Мадам Малая тоже качала головой, в глазах была сильная усталость, просила еще раз поставить пластинку "Нам нет преград ни в море, ни на суше", она хочет вспомнить все слова, а когда кончилась, махнула рукой и горько улыбнулась: годы берут свое, и никто не повернет обратно.

Со следующего понедельника Ефим приступил к работе маляром на судоремонтном заводе. Когда в отделе кадров посмотрели паспорт и увидели, что прописка временная, сказали: ничего, придет срок — продлим. Все документы приняли без волокиты и разговоров, вторично пришлось переписывать только автобиографию: просили как можно подробнее, хотя бы на страничку-полторы, расшифровать последние пять лет жизни, Ефим сам хорошо понимал, что так надо, поскольку завод прямо на территории порта, полно иностранцев, люди разные — где лицо, где маска, сразу не разберешь.

Вечером Клава Ивановна два раза заходила к Дегтярю и не заставала, пришлось подняться в третий раз, было уже около одиннадцати. Иона Овсеич сильно устал, конец квартала, а отдел снабжения прошляпил, не сумел своевременно обеспечить сырьем, с утра заседало партбюро, начальнику отдела дали строгача, но раскройный цех фактически весь день был на простое, завтра надо посылать толкачей в Киров и Осташково.

— Дегтярь, — сказала Клава Ивановна, — зато я принесла тебе сегодня приятное известие. Угадай.

Иона Овсеич не захотел гадать: если угадаешь, будет еще приятнее, а если не угадаешь — может пропасть все удовольствие. Слишком большой риск.

— Ладно, — уступила Клава Ивановна, — я сама скажу: Ефим Граник поступил маляром на судоремонтный завод, и никто не нажимал. Кто же был прав — ты или я?

Иона Овсеич ответил, что в данном случае не важно, кто был прав, важно другое: какие сведения о себе сообщил Ефим Граник в отделе кадров.

— Что значит — какие? — удивилась Клава Ивановна. — Ефим не такой, чтобы выдумать себе новую автобиографию.

Иона Овсеич лукаво прищурил глаз:

— Малая, а ты уверена, что хорошо знаешь его старую автобиографию за последние пять лет, начиная с сорок второго года? Еврей, если ему грозил плен у гитлеровцев, мог иметь только один выход — застрелиться. А если он не застрелился и вышел живой из фашистского концлагеря, так одно из двух: либо сверхъестественное везение, а в сверхъестественное никто из нас не верит, либо милость врага за какие-то особые заслуги.

Особые заслуги, пожала плечами Клава Ивановна, откуда к Ефиму такая хитрость: он еще до войны был со странностями, весь двор любил посмеяться.

— Да, — подтвердил Иона Овсеич, — но с другой стороны, три года подряд простачок выдает себя за татарина, и коварный, лютый враг остается в дурачках. Где же здесь логика? Помогите мне, мадам Малая.

Клава Ивановна ответила, что помочь не может, но чувствует правду сердцем, кроме того, есть еще одно доказательство: Ефима освободили из лагеря, выдали паспорт и разрешили вернуться в Одессу.

— Малая, — сказал Иона Овсеич, — мы еще слишком доверчивы и гуманны. Слишком.

Из первой получки Ефим больше половины отдал на Лизочку. Тося говорила, что столько не надо, дитя кушает, как птичка, но Ефим привел свои объяснения: ему надо не один год работать, чтобы хоть немножко рассчитаться за ребенка.

— Фима, — не на шутку обиделась Тося, — если я еще раз услышу, мы будем смертельные враги.

Вечером, накануне Покрова, Тося одела Лизочку в нарядное платье, сверху легкое пальто с капюшоном, взяла за руку и вместе пошли в Успенскую церковь. У главного входа, с улицы Советской Армии, собрались тысячи людей, пробиться внутрь не было никакой возможности, пришлось обходить через улицу Кирова в Успенский переулок. Тося остановила Лизочку, вынула из-под платица медный крестик с цепочкой, поднялась по ступенькам к боковой двери и прижалась у стены: здесь меньше толкали и чувствовался свежий воздух с улицы. На большой люстре горели свечи, язычки наклонялись в разные стороны, каждый сам по себе, Лизочка внимательно следила и старалась угадать заранее, куда — один, куда — другой. Иногда получалось правильно, иногда неправильно, Лизочка спросила у тети Тоси, почему язычки все время двигаются, а не горят ровно вверх, как в лампе, тетя Тося сказала, дуют сквозняки. Нет, покачала головой Лизочка, когда сквозняк — свеча гаснет,

а здесь горит. В Беляевке, в церкви, тоже горели, а дома, если откроешь дверь и окно, сразу гаснет. Лизочка немножко подумала и сама объяснила: в церкви пролетают ангелы, машут крылышками и язычки тянутся за ними.

Старушка, которая стояла рядом и слышала объяснение, назвала Лизочку умницей и погладила по голове, а тетя Тося опять повторила, что с разных сторон дуют сквозняки, и ангелы тут ни при чем.

На другой день Лизочка рассказала бабушке Малой, как ходили вчера в церковь, там летали под потолком ангелы, одного она успела заметить.

— Не болтай глупости, — рассердилась бабушка Малая, — ангелов на свете не бывает.

С Тосей у Клавы Ивановны получился большой и неприятный разговор: во-первых, кто разрешил водить ребенка в церковь, когда рядом живой отец и ничего не знает, во-вторых, если ставить вопрос формально, почему надели крестик и повели девочку в церковь, а не в синагогу, хотя не надо ни туда, ни сюда.

Насчет крестика Тося сообщила, что надели еще в сорок втором году и была только польза, девочка осталась живая, здоровая, а церковь или синагога — разница небольшая, Бог один на всех.

— Дура, — Клава Ивановна затрясла кулаком у Тоси перед носом, — гитлеровцы делали все от имени Бога: убивали от имени Бога, сжигали от имени Бога, душили грудных детей газом — тоже от Бога! А где были Его глаза, когда твой сын, который рисковал своей жизнью, чтобы спасти чужого ребенка, должен был погибнуть от пули Гитлера!

Тося не отвечала, опустила голову, Клава Ивановна потребовала, чтобы она смотрела ей прямо в глаза и не пряталась.

— Смотри мне прямо в глаза! — второй раз потребовала Клава Ивановна.

— Что вы хотите? — Тося подняла голову, глаза были желтые, как морской песок. — Что вы хотите от моей души! Я ничего не знаю, ничего не понимаю, мне ничего не надо — отстаньте, ради Бога, отстаньте!

Клава Ивановна подошла к окну, на улице гуляли беззаботные люди, весело смеялись и получали полное удовольствие от жизни: октябрь стоял такой теплый, как будто вернулось лето.

Ефим, когда узнал, что Лизочка ходила с Тосей в церковь, проявил полное равнодушие, только сказал, чтобы сняли крестик. Лизочка заупрямилась и не соглашалась ни за что на свете, тетя Тося просила по-хорошему, приказывала, грозила, но без результата.

Ночью, Лизочка крепко спала и не могла слышать, Тося осторожно подняла головку, сняла цепочку и спрятала. Первый день прошел так, а на второй Лизочка подошла к тете Тосе, заплакала и призналась, что потеряла крестик.

— Вспомни, где ты игралась, и поищи, — сказала тетя Тося.

Лизочка целое утро искала по всей комнате, в коридоре, во дворе, возле ворот, но нигде не было. Тетя Тося два раза выходила, помогала искать и говорила, хватит, когда-нибудь сам найдется. Лизочка попросила, чтобы купили другой, а отыщется старый — можно будет продать. Тетя Тося дала обещание, но потом объяснила, что на всю Одессу один мастер и придется долго ждать. Ничего, сказала Лизочка, подождем.

До конца недели у Тоси была тяжесть на сердце, как будто прижали спереди и сзади гирями. Клава Ивановна укоряла, напрасно она так переживает, но от этих укоров делалось только хуже.

— Малая, — сказал Иона Овсеич, — в этот раз ты справилась.

Ордена, правда, мы тебе не обещаем, но на доске почета место найдется.

Когда Тося немножко повеселела и опять разговорилась, Клава Ивановна сама почувствовала облегчение, на целый день взяла Лизочку и пошли гулять к морю. В Аркадии съели два пирожка с мясом, выпили по стакану вишневой косточки, все вместе десять рублей, и купили детскую книжку: на следующий год — в школу, пора уже готовиться.

Вечером зашли в гости к Котлярам, Клава Ивановна попросила Адю, который теперь уже студент консерватории, показать Лизочке, как надо играть на пианино.

— Адя, — Иосиф сидел на своем табурете с подпиленными ножками и делал набойки к женским туфлям, — покажи и пусть она сама попробует своими пальцами. Но сначала проверь, какой у нее слух.

Иосиф объяснил Клаве Ивановне, что существуют два совсем разных слуха, абсолютный и музыкальный, но люди всегда путают. Например, можно иметь обыкновенный музыкальный слух и быть первоклассным пианистом и, наоборот, иметь абсолютный слух, но не сыграть самую простую гамму.

— В чем же разница? — спросила Клава Ивановна.

— Пальцы, — сказал Иосиф, — все зависит от того, какие у тебя пальцы. Адя, покажи бабушке Малой, чтобы она видела. С такими пальцами надо родиться, их за деньги не купишь. Малая, я тебе говорю, он еще прославит наш двор на весь мир.

Адя попросил дядю Иосифа успокоиться, слишком много слов, в ответ Котляр горько скривил губы и вздохнул:

— Глупенький, будь здоров, хорошо учись, а мне лично ничего не надо. Все для тебя.

Адя выстукал пальцем несколько тактов, Лизочка повторила за ним, потом попробовали на пианино в четвертой октаве, первой октаве и субконтроктаве. Когда пробовали в субконтр-

октаве, Лизочка смеялась, потому что звуки были такие, как будто мычит корова или топает в лесу громадный медведь.

Через полчаса пришла из своей больницы Аня. У нее был сегодня на редкость удачный день: один больной с Заставы, которого выписали домой, обещал полтора кило козьего жира, говорят, очень помогает легочникам. Она забежит только на минутку к Полине Исаевне, чтобы сообщить, и вернется.

Адя сыграл "Елочку", "Чижик-пыжик", "Фонарики-сударики", дядя Иосиф подпевал, Клава Ивановна размахивала руками, как дирижер в театре. Лизочка громко смеялась и требовала еще.

Аня вернулась заметно расстроенная. Иосиф спросил, в чем дело, но ответа не получил, и сам догадался, наверно, у Дегтярши опять неважно со здоровьем. Клава Ивановна горько вздохнула, велела Лизочке сказать Аде спасибо, и попрощались.

У Иосифа набралось много заказов, он засиделся до двух часов и вынужден был кончать при керосиновой лампе. После двенадцати, чтобы не тревожить соседей, приходилось работать только иглой, дратвой и резиновым клеем. Швы на латках требовали большой аккуратности, особенно женская обувь, Иосиф сильно напрягал зрение, болели глаза, затылок наливался тяжестью, шея делалась, как будто деревянная.

Иосиф поставил будильник на пять часов, в шесть уже надо выходить на завод, привел в порядок протез, чтобы утром не терять время, выкурил сигарку, немножко удовольствия, хотя на ночь будоражит нервы, и лег.

— Иосиф, — окликнула через минуту Аня, — ты спишь?

Иосиф засмеялся и сказал: если ему хотят дать сто рублей, так не спит, а если у него хотят взять, так спит.

— Сегодня вечером, — прошептала Аня, — когда я зашла к Полине Исаевне и обещала достать для нее кило козьего

жира, Дегтярь посмотрел на меня такими глазами, что мне стало нехорошо.

— Дальше, — сказал Иосиф.

— Потом он повернулся боком и спросил: терпение советской власти имеет где-нибудь край или Котляр думает, края нет?

— Что ты ответила?

— Я ответила, мы не делаем ничего такого, чтобы надо было об этом думать или ставить вопрос.

— Правильно.

— Потом он сказал: за хлеб-соль для больной Полины Исаевны спасибо, и отдельное спасибо за анекдоты, которые распространяет Иосиф Котляр.

— Какие анекдоты? — Иосиф повернул голову, свет луны бил прямо в глаза, из трубы на крыше, через дорогу, подымались клубы дыма, сначала круглые, пухлые, потом вытягивались в длину и уходили в небо. — Какие анекдоты?

— Боже мой, — застонала Аня, — он еще спрашивает! Сколько раз я просила и повторяла: язык без костей. Болтает, вечные шутки-прибаутки, как будто он один на свете.

— Подожди, — остановил Иосиф, — приведи мне конкретно, что я болтал и где.

— Бедный Адя, — заплакала Аня, — его папочка Ваня имел язык без костей, а теперь этот. Черт с тобой, если тебе не жалко ребенка, без тебя проживем.

— Я еще не в гробу, — сказал Иосиф, — не надевай мне белые тапочки. А на твоего Овсейча я уже один раз положил с прибором и еще десять раз положу.

— Ишак, — горько засмеялась Аня, — старый ишак, он хорится перед собственной женой.

Иосиф рассердился:

— Я понимаю, тебе нужен был такой муж, как Овсейч, чтобы

чахоточной жене круглые сутки читать лекции, а кусочек масла и яичко пусть принесут соседи.

— Вот, — обрадовалась Аня, — повтори еще раз и громче, чтобы вся Одесса услышала, а потом будешь требовать, чтобы я тебе конкретно привела, где ты болтал и что.

— Дура, — опять рассердился Иосиф, — никто не запрещает человеку пошутить и посмеяться над соседом, от шутки не умирают.

— Боже мой, — застонала Аня, — запрещают, не запрещают, надо же понимать, какое сейчас время и с кем шутить!

— Аня, — засмеялся Иосиф, — я тебе расскажу интересный случай. Сидят в ДОПрЕ двое, Франц и Шванц, Франц спрашивает: "За что ты сидишь?" А Шванц ему отвечает: "За то, что я плохо бегаю". Франц сильно удивился: "Уж и за это садят?" Шванц ему объясняет: у них с соседом тонкая стена, слышно каждое слово, о чем говорят, и сосед первый прибежал, куда следует. "Дурак, — зареготал Франц, — а ты в это время кушал горох и ждал". Шванц обиделся и сказал, что он не дурак, наоборот, он побегал первый, но сосед лучше бегают и перегнал его.

В Адиной комнате заскрипела кровать, как будто человек сильно ворочается или трясется от смеха. Вот, прошептала Аня, мальчик слышит каждый шорох, хотя стена капитальная и дверь плотно закрыта, соседи, наверное, тоже слышат. Иосиф сказал, ему плевать на соседей, пусть боятся те, кому Советская власть стоит поперек горла, а Котляр отдал за нее все самое дорогое, что имел.

— Иосиф, — Аня перешла на диван к мужу, — поклянись моим здоровьем, что ты больше не будешь болтать языком, где попало.

Нет, категорически ответил Иосиф, если человек дает такую клятву, получается, что есть причина, и он на самом деле бол-

тает лишнее. Аня крепко прижалась, обняла за шею и продолжала настаивать, но Иосиф снова отказал и повторил, что хорошо знает свои права и никто его не запугает. А насчет Вани Лапидиса она привела неудачный пример: во-первых, было десять лет назад, в тридцать седьмом году, во-вторых, нет дыма без огня — даром человека не могли взять.

После Октябрьских Иона Овсеич в разговоре с Малой, Степой Хомицким и другими соседями ненароком обронил: он не будет сильно удивлен, если еще до Нового года партия и правительство примут решение об отмене карточной системы, то есть свободной продаже хлеба и других продовольственных товаров для всего населения.

Иосиф Котляр обсуждал новость со своей Аней и попутно объяснял, что легко принять решение, но реализация требует крепкой материальной базы, а сельское хозяйство еще не успело залечить раны от войны и хромает на обе ноги. Кроме того, выступление Черчилля в американском городе Фултон показывает, как мы должны крепить оборону и быть всегда начеку, а это пожирает столько денег, что хватило бы на два сельских хозяйства.

Аня качала головой: если бы американцы видели хоть четверть того, что видели мы, они бы выгнали этого Черчилля еще до того, как он открыл свой рот. Черчилль, возмущился Иосиф, вроде вся загвоздка в одном Черчилле! А доктрина Трумэна, а план Маршалла, а Уолл-стрит!

Накануне выходного Аня занесла Полине Исаевне крестьянский калачик и стакан сметаны. Пока та отламывала по кусочку и окунала в сметану, гостя сама завела разговор на экономические темы. Иона Овсеич пришел с работы, успел услышать вторую половину дискуссии и поинтересовался, из какого источника Анна Котляр черпает сведения, что все деньги у нас уходят на военный бюджет, если по данным Госплана СССР

на оборону расходуется, примерно, одна пятая часть, а львиная доля — на промышленность и сельское хозяйство, причем ежегодный прирост сельского хозяйства в текущей пятилетке запланирован не меньше, чем на семнадцать процентов?

Аня призналась, что даже не имела представления, как много денег уходит у нас на сельское хозяйство и какой быстрый рост предусмотрен пятилетним планом, захотела узнать новые подробности, но Иона Овсеич сказал, что экономучебой займется в другой раз, а сейчас вернемся к вопросу: где тот грязный источник, из которого она почерпнула свои сведения о распределении капиталовложений в нашем народном хозяйстве?

— Что значит грязный? — возмутилась Аня, лицо сильно побледнело, губы сделались синие, как на морозе.

Полина Исаевна объяснила за мужа, что он просто говорит с ней откровенно, как с близким человеком, и ничего плохого в данном случае не думал, напрасно Аня разволновалась, но Иона Овсеич попросил жену не расписываться за грамотного и повторил свой вопрос насчет грязного источника. Больше того, добавил Иона Овсеич, можно только удивляться, какое поразительное единодушие у Котляров с таким лакеем плутократии, как лейборист Клемент Эттли: тот говорит, что Советская Россия все отдает на военные цели, поэтому, дескать, мало уделяет мирной экономике для народа, и наши дворовые экономисты повторяют за ним буквально слово в слово! И это в то время, когда товарищ Сталин лично дал ответ Клементу Эттли: мистер Эттли ничего не смыслит в экономической науке, но зато хорошо набил руку в антисоветской пропаганде.

Иосиф, когда жена передала ему весь разговор и сравнения, хватил своим сапожным молотком по железной лапе с такой силой, что задзеленькали стеклянные трубочки на люстре. Адя сидел в другой комнате, писал конспект по основам марксиз-

ма-ленинизма и от этого звука весь передернулся, как будто через тело пропустили ток.

Потом Иосиф поднял крик и стал требовать от жены, чтобы она немедленно пошла к своему Овсеичу и предупредила: Котляр не Лапидис, его на рачка не возьмешь. Котляр потерял ногу в гражданскую войну, когда Советская власть висела на волоске. В сорок четвертом Иосиф Котляр отдал своих сыновей на фронте, больше ему терять нечего, и пусть Дегтярь закроет свой поганый рот, если хочет жить!

Зашел Адя, обнял дядю Иосифа за плечи и просил успокоиться, но от этой просьбы дядя Иосиф раскричался еще громче, кавалерийский голос можно было услышать через все стены и во дворе наверняка слышали.

— Иосиф, — Аня изо всех сил прижимала ладони к щекам и умоляла взять себя в руки, — Иосиф, не лей воду на мельницу.

— Мне плевать на его мельницу, — заорал в ответ Иосиф, — и пусть лучше твой Овсеич возьмет свои слова обратно, иначе будет такое, что еще мир не видел!

— Ой, какой глупый человек, — Аня сидела на стуле и раскачивалась, — недаром говорят, язык мой — враг мой.

— Жена, — наконец, немного успокоился Иосиф, — четыре года ты воевала на фронте, получила инвалидность на всю жизнь, так объясни мне: откуда в тебе такая осмотрительность и осторожность? Почему ты постоянно должна оглядываться на какого-то Дегтяря?

— При чем здесь оглядываться! — громко сказала Аня. — Просто большое уважение к человеку, который всю свою жизнь отдает другим и ничего не требует взамен.

— Ничего? — удивился Иосиф.

— Ничего, — повторила Аня.

— Значит, — скривился Иосиф, — твое уважение и то, что ты Овсеича слушаешься больше, чем собственного мужа, а его

мнение для тебя главное, чем мое, — это, по-твоему, равным счетом ничего?

Адя засмеялся и сказал: из дяди Иосифа может выйти софист не хуже самого Сократа, который с таким мужеством стоял за истину, что в конце концов должен был по собственной воле принять смертельный яд.

— Ципун тебе на язык! — схватилась Аня. — Иди в свою комнату, садись делать уроки.

Адя ответил, что сейчас он как раз готовится к практическим занятиям по краткому курсу, завтра семинар, а преподаватель требует от студентов, чтобы приводили примеры об антагонистических и неантагонистических противоречиях из окружающей жизни.

— Ты не умничай, — рассердилась Аня. — Тебе дали учебник, дали книжку, а приводить собственные примеры будешь, когда сможешь сам зарабатывать на жизнь и заведешь свою семью.

Нет, покачал головой Адя, преподаватель требует на каждом семинаре факты из конкретной действительности, так что откладывать нельзя.

Иосиф целиком поддержал Адю и сказал, что он прав на тысячу процентов: пусть думают своими мозгами, а не ждут, пока будут пережевывать папа с мамой.

— Так, так, — подтвердила Аня, — давай сбивай мальчика с дороги, тебе недостаточно, что ребенок один раз остался сиротой.

После этих слов Аня спохватилась, Адя наклонил голову, как тот упрямый бычок, и злыми глазами смотрел исподлобья.

— Ребенок! — подмигнул Иосиф. — Какой он ребенок: здоровый буц — ему уже пора скоро своих детей делать. Дитя, подойдите ближе.

Адя подошел, дядя Иосиф крепко обнял, потрепал за чуб и сказал: тут один человек, живет на Большой Арнаутской,

угол Ленина, продает мотоциклетку, немецкая марка "Цундап", надо зайти посмотреть. У студента найдется свободная минута, чтобы заглянуть вместе?

— Как тебе нравится! — возмутилась Аня. — Он спрашивает у него, а у меня ты спросил?

— Тебе тоже нужна мотоциклетка? — удивился Иосиф. — Пожалуйста, купим две и спаруем, будет, как у хорошей кобылы, четыре ноги.

С мотоциклетом сложилось так удачно, как будто сам Бог подсказал: накануне Дня Сталинской Конституции Иосиф принес человеку деньги, а буквально через неделю правительство издало постановление об отмене карточной системы и денежной реформе — один новый рубль за десять старых. Человек с гвалтом прибежал во двор, требовал мотоцикл обратно, многие соседи взяли его сторону и тоже требовали, чтобы Котляр вернул мотоцикл, иначе получается просто грабеж, но Иосиф предлагал всем недовольным обратиться в центральную прачечную — там круглосуточно принимают жалобы. Больше всех кипела Дина Варгафтик, называла Иосифа жуликом и низкой сволочью, но сама же объясняла, что ничего удивительного здесь нет: деньги всегда шли к деньгам — так было и так будет.

В воскресенье собрались в большом коридоре на втором этаже, Иона Овсич сердечно поздравил всех жильцов с денежной реформой и отменой карточной системы — новым крупным шагом по пути роста благосостояния и дальнейшего подъема. Несмотря на то, что в годы войны враг всячески пытался подорвать нашу экономику, фабрикуя в огромных количествах фальшивые советские денежные знаки, и способствовал тем самым временному оживлению на бывшей оккупированной территории черного рынка и спекуляции, партия и правительство, в интересах рабочего класса, колхозного

крестьянства, а также всех трудящихся, сделали все необходимое, чтобы сохранить на прежнем, довоенном уровне заработную плату и цены на товары широкого потребления и, одновременно, сочли возможным произвести обмен денег в соотношении десять старых рублей за один новый рубль. Здесь не надо быть большим математиком, чтобы посчитать: тот, кто живет на свои трудовые доходы, при обмене практически ничего не теряет и, наоборот, всякого рода спекулянты, дельцы и барыги теряют тем больше, чем больше они наворовали.

Советский народ ответил глубокой благодарностью на новое проявление заботы партии и правительства, однако нашлись и такие, в том числе у нас во дворе, которые лезли из кожи вон, чтобы урвать как можно больше не только у частных граждан, но и у государства, и в самые последние дни, накануне реформы, ухитрились вложить свои капиталы в сберкассу, где первые триста рублей менялись один к одному, а последующие три тысячи — на льготных условиях.

— Анна Котляр, — Иона Овсеич демонстративно отвернулся, — можешь поднять голову, мы на тебя не смотрим.

Люди засмеялись, потому что все получилось как раз наоборот: до этого Аня держала голову ровно, а теперь, когда Иона Овсеич отвернулся, действительно опустила.

— Товарищи, — Иона Овсеич прищурил глаз, руки сложил на животе, чуть-чуть играли пальцы, — я думаю, дадим слово Анне Котляр, послушаем, что она хочет сказать нам.

Аня, наконец, подняла голову и сказала, что никаких денег накануне реформы они в сберкассу не заносили, ибо не могли знать заранее, какие там будут условия, льготные или нельготные, кроме того, в сберкнижке стоит число, когда принят последний вклад, и она не делает из этого тайны: пожалуйста, кто хочет убедиться, может посмотреть.

Иона Овсеич поблагодарил за полную откровенность и дове-

рие, но при этом подчеркнул, что имеется закон о тайне вкладов и нарушать никто не позволит. Ну, а если к тому же учесть, что существует такой вид вклада, как на предъявителя, когда имя остается в секрете от самой сберкассы и даже государства, стало быть, можно иметь и две, и три, и пять книжек, следует только удивляться, за каких простачков принимают нас Котляры, добровольно соглашаясь на ревизию и контроль.

Аня сказала, она клянется жизнью, что говорит всю правду, а в сберкассе они действительно заходили, но не для того, чтобы положить деньги, а наоборот, снять: как раз купили Аде мотоциклет, и надо было уплатить.

Иона Овсеич улыбнулся: чтобы один раз взять деньги, наверно, достаточно один раз зайти, а если заходят три или четыре раза, причем, в разные кассы, поневоле складывается другая картина.

— Мало сказать, другая! — подхватила Дина Варгафтик.

Многие согласились с Диной и поддержали, а Зиновий Чеперуха, хотя отец и жена удерживали с обеих сторон, вдруг набросился на нее, как уличный хулиган, обругал ни за что ни про что и потребовал, пусть приведет конкретные факты, в противном случае, Котляр имеет законное право привлечь ее к ответственности за клевету и шантаж.

— Молодой человек, — вежливо остановил Иона Овсеич, — по-моему, вы ошиблись адресом: это меня надо привлечь к ответственности, поскольку я первый поднял вопрос.

— Да, — нахально ответил Зиновий, — и вас вместе с ней, чтобы не пачкали человека грязью и не шельмовали!

— А если мы найдем свидетелей и докажем, — Иона Овсеич ударил кулаком по спинке стула, — какую песню тогда вы запоете!

— А вы сначала найдите свидетелей! — совсем обнаглел Зиновий.

— Нет, — стоял на своем Иона Овсеич, — отвечайте прямо: какую песню вы запоете, если компетентные органы вскроют, кого Зиновий Чеперуха взял под защиту, и установят причину такого загадочного единодушия?

— Товарищ Дегтярь, а чего страшать? — Марина Бирюк поднялась со своего стула, каштановые волосы были распущены, как у немецкой артистки Марики Рокк, из картины "Девушка моей мечты". — Все во дворе видят, как живут Чеперухи, и страшать не надо. А насчет Котляра я лично не знаю, чтобы он спекулировал или делал махинации. Человек сидит восемнадцать часов в сутки и хорошо зарабатывает. Ну, и на здоровье, кто завидует, пусть тоже поищачит, а мерить воду руками — нехай дурень меряет.

В коридоре стало тихо, один Фима Граник хихикнул в свой кулак, люди с удивлением смотрели на него и пожимали плечами, а он вдруг совсем развеселился и обратился с просьбой ко всем присутствующим и отсутствующим, ответить ему на простой вопрос: сколько ножки у сороконожки?

— Ефим Граник, — топнул Иона Овсеич, — свои малохолные шутки будете показывать в другом месте, а здесь вас видят насквозь!

— Не оскорбляйте меня, — закричал Ефим, — я не боюсь, я никого на свете не боюсь, и не рычите на меня, как лютый волк! Я сам хорошо умею рыкать.

— Фима, — обратилась Клава Ивановна, — сядь и успокойся, а то люди могут нехорошо подумать.

Иона Овсеич призвал товарища Малую к порядку и предложил не вмешиваться, когда ее не просят. А что касается реплики Ефима Граника, мы даем обещание вернуться к ней в более подходящее время и более подходящем месте.

Ефим в упор смотрел на товарища Дегтяря, качал головой и шевелил губами, как будто разговаривает сам с собой, но

так, чтобы другие тоже видели и могли угадать слова. Степа Хомицкий первый угадал, весело погрозил пальцем и напомнил Ефиму детскую присказку: за мать — кости ломать. Люди засмеялись, а Иона Чеперуха вдруг, ни с того ни с сего, предложил лично товарищу Дегтярю и всем остальным соседям анодированные кольца для столовых салфеток и пуговицы для кальсон, количество неограниченное. Клава Ивановна сказала, столовые салфетки теперь не в моде, так что кольца можно сдать прямо в утильсырьё, пять рублей за тонну.

Ладно, ответил Иона, салфетки вышли из моды, но пуговицы для кальсон еще в моде: в последний день перед реформой он купил на триста рублей и согласен уступить за полцены.

— Иона, — откликнулась Марина Бирюк, — можно взять за полную цену, но где найти столько мужиков!

— Фи, какая гадость, — скривилась Ляля Орлова.

Чеперуха схватился за голову, видно было, что человек прогорел на своей коммерции до последней нитки и только теперь осознал, люди вокруг сочувственно вздыхали, но помочь ничем не могли: пуговицы для споднего не такая вещь, чтобы делать запас вперед на двадцать лет.

— Иона Чеперуха, — одернул товарищ Дегтярь, — прекратите свой балаган и не мешайте нам работать!

— Овсеич, — обиделся старый Чеперуха, — я тебя уважаю, на улице я первый снимаю картуз, но не надо лишний раз садиться на голову.

— Иона Чеперуха, — повторил товарищ Дегтярь, — прекратите свой балаган и не мешайте нам работать.

Катерина, хотя до этой минуты сидела спокойно, неожиданно заступилась за свекра, которого оскорбляют в присутствии родного сына, инвалида Отечественной войны, и всех соседей.

— Садитесь на свое место, Тукаева-Чеперуха, — приказал Иона Овсеич, — я не давал вам слова.

— Он не давал! — глупо засмеялась Катерина. — Я у него сильно спрашивать буду.

Иона Овсеич сделался бледный, пальцы дрожали, Клава Ивановна прикрикнула на Катерину и обратилась к Зиновию, чтобы приказал своей жене немедленно извиниться, а если она такая бесстыжая, пусть сам извинится за нее.

Не надо, остановил Иона Овсеич, пусть высказывается до конца, каждый имеет право говорить, что думает, невзирая на личности.

Ефим Граник, про которого все забыли, без спроса поднялся, вышел на середину, стал мотать головой, как лошадь, в разные стороны и быстро шевелить губами. От полной неожиданности люди оцепенели, а когда пришли в себя, Ефим уже сел на место, и Степа Хомицкий первый дал объяснение:

— Один высказался. Следующий.

Многие ожидали, что сейчас Иона Овсеич рассердится по-настоящему и примет меры, но все обошлось довольно мирно.

— Неплохая пантомима, — сказал Иона Овсеич, — видимо, артист тщательно отрепетировал и только ждал подходящего момента.

Ефим поднял голову, секунду смотрел на товарища Дегтяря, потом обвел всех остальных, глаза были усталые, такие печальные, что щемило от жалости сердце, Клава Ивановна сказала, пусть идет на улицу, подышит свежим воздухом, но Иона Овсеич запретил и потребовал от Малой, чтобы не устраивала здесь богадельню.

В три часа ночи к Ионе Овсеичу приехала скорая помощь: врач констатировал приступ стенокардии, предлагал госпитализировать, но больной отказался наотрез. Смотрите, сказал врач, сделал у себя отметку и попросил больного собственноручно расписаться, что от предложенной ему госпитализации отказался.

Полдня Иона Овсеич пролежал в постели, выпил стакан сладкого чаю, намазал кусочек хлеба сливочным маргарином, подождал, пока Полина Исаевна уйдет в свою школу, оделся потеплее и отправился на фабрику.

Полина Исаевна вернулась в девять-четверть десятого. В квартире было темно, тишина, как в погребке, она включила свет, бросилась к телефону и чуть не умерла от страха, пока дозвонилась в партбюро и слышала голос своего Дегтяря.

Минут через десять зашла Клава Ивановна и привела с собою Аню Котляр, чтобы сделать сердечнику укол камфоры на ночь. Полина Исаевна налила гостям чай из термоса, просила немного подождать и сказала про своего Дегтяря, что горбатого могила исправит.

— Можно позавидовать, — вздохнула Аня, — человек не боится смерти.

— Шмерти! — нарочно прошамкала Клава Ивановна. — Ему просто не хватает времени, чтобы о ней думать.

Полина Исаевна еще раз позвонила по телефону и получила твердое заверение от больного, что уже надевает пальто. Аня поставила коробочку со шприцем на примус, сделали самый медленный огонь, но пришлось дважды доливать воды, пока, наконец, не увидели больного собственной персоной.

— Разбойник, — набросилась Полина Исаевна, — он думает, его здоровье и жизнь — это его собственность! Нет, у тебя есть законная жена. Ты помнишь, что у тебя есть законная жена!

Иона Овсеич развел руками: у царя Соломона было семьсот жен, он мог забыть, а такие бедняки, как Дегтярь, не забывают.

— Разбойник, — сказала Полина Исаевна, — сядь на кушетку и засучи рукав, чтобы тебе могли сделать укол.

Иона Овсеич ответил, что лично ему укол не нужен, но, поскольку большинство за, он вынужден подчиниться.

Аня слегка помассировала руку, которая одна кожа да кости, смазала иодом и вмиг загнала иглу.

— Не очень больно? — спросила она.

Иона Овсеич удивился: уже? Аня улыбнулась и сказала, если бы все пациенты были такие, она бы имела круглосуточный санаторий, а не больницу.

— Дорогая сестричка, — пошутил в ответ Иона Овсеич, — со своей стороны, я должен был бы особо отметить золотые руки, которые обхаживают всю мою семью, но получится, что кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку, и потому я молчу.

Клава Ивановна невольно хлопнула в ладоши: надо иметь голову Дегтяря, чтобы так ловко дать и передний и задний ход в одно время!

Рано утром, было еще темно, люди только что проснулись и готовились на работу, пришла милиция с проверкой паспортного режима. Дворничка Лебедева в первую очередь повела к Зиновию Чеперухе. Ефим Граник как раз открыл свое окно и собирался выйти. Милиционер приказал воротиться назад и предъявить документы, Ефим ответил, что опаздывает на завод, пусть проверяют без него, но милиционер взял крепко за руку и вторично попросил воротиться.

Листая паспорт, милиционер внимательно осматривал пустые странички, где не было записей, укоризненно качал голову, Зиновий с Катериной стояли рядом и ждали.

— Значит, Граник Ефим Лазаревич, — вздохнул участковый, — живешь в одном месте, а прописан — в другом. Так?

— Товарищ участковый, — Ефим застенчиво улыбнулся, — я просто зашел сюда в гости, а вообще живу по месту прописки.

Милиционер посмотрел на хозяев, на дворничку Лебедеву, в глазах появилась лукавинка, и предложил всем кагалом

подняться наверх, где Ефим Лазаревич не случайный гость, а законный жилец.

— Товарищ начальник, — Ефим опять улыбнулся, но уже без прежней застенчивости, такой симпатичный попался милиционер, — дозвольте рядовому Гранику отбыть на завод!

Участковый не ответил ни да, ни нет, присел на табуретку, вынул из полевой сумки чистый лист бумаги и сказал дворничке:

— Будем составлять протокол.

— Слушай, сержант, — обратился Зиновий, — человек вернулся в Одессу, семью расстреляли, хату заняли, я — фронтовик, жена — фронтовичка, дали на время человеку угол, а прописка — в другой квартире. Так сложилось.

Участковый кивал головой, заполнил лист наполовину, перечитал про себя, потом вслух, чтобы каждому не тратить время в отдельности, и попросил расписаться. Паспорт Граника положил в сумку, поднялся и велел дворничке проводить в следующую квартиру.

По дороге Феня Лебедева клялась своей жизнью и здоровьем дочки, что первый раз узнала про эти подлые гешефты, а раньше и в голову не могло прийти. Ну, и жильцы, ну, и люди — одна банда.

Клава Ивановна взяла с каждого слово, что не будут рассказывать Ионе Овсичу, у человека без того спазмы в сердце, сама ходила в паспортный стол, к начальнику милиции, в Сталинский райисполком. Дело уладилось за какие-нибудь три дня, а сто рублей штрафа за нарушение паспортного режима — это вообще не стоило выведенного яйца: Ефим положил на стол половину, остальные добавили Зиновий, Тося Хомицкая, Аня Котляр и сама Клава Ивановна. Марина Бирюк, хотя никто не обращался, по собственному почину дала пять рублей.

Все дни, пока улаживали дело, Дина Варгафтик тысячу раз

клялась памятью своего Гриши, пусть ее озолотят, больше она не будет такой дурой, чтобы подставлять голову ради чужого счастья.

В воскресенье вечером, Полина Исаевна сидела дома и пекла пирог с повидлом к Новому году, Иона Овсевич пригласил к себе Клаву Ивановну и сказал:

— Малая, первый раз, начиная с двадцать четвертого года, ты меня обманула.

При чем здесь обман, Клава Ивановна хлопнула себя рукой по колену, просто у Дегтяря столько забот, что без того хватает.

— Малая, — повторил Иона Овсевич, — первый раз, начиная с двадцать четвертого года, когда тебя выдвинули в актив, ты меня обманула. Малая, кому я могу теперь верить?

Клава Ивановна опять хлопнула себя, но ответить не успела, позвонила дворничка Лебедева и прямо с порога, лицо бледное, как стена, голова трясется, сказала шепотом:

— Котляра берут. Черный ворон приехал. Котляра берут.

Клава Ивановна и Полина Исаевна остались сидеть на месте, словно напал столбняк, Иона Овсевич подошел к окну и посмотрел вниз: у ворот стоял темно-синий автофургон, шофер натягивал на радиатор капот, чтобы не стыл на морозе.

VII

На площади Советской Армии, в том месте, где берут свое начало три улицы — Горького, Толстого и Подбельского, — город получил хороший подарок: стеклянную карту таких огромных размеров, какие бывают только в сказках. На карте были отмечены главные пункты Великих строек коммунизма, которые, наряду с лесонасаждениями, вошли в общий гранди-

озный, невиданный еще в истории, план преобразования природы. Главные реки, каналы и водохранилища были нарисованы такой яркой лазоревой краской, что даже настоящее море не могло идти с ними в сравнение. Вечером, когда стемнело, на берегах загорелись красные звезды — будущие гидростанции с годовой выработкой в миллиарды киловатт-часов электроэнергии. Немного позади, примерно в двух метрах, поставили плетеное кресло из железобетона, в кресле, положив руки на подлокотники, сидел товарищ Сталин и задумчиво смотрел вдаль.

Вокруг карты целый день, с утра до самого вечера, гоняли на велосипедах дети, молодые мамы, чтобы внести немножко порядка, устраивали соревнование, кто раньше объедет, снимали победителей с велосипедов и высоко поднимали в воздух. На несколько минут движение останавливалось, страсти утихали, люди аплодировали победителям, потом все повторялось сначала.

Спустя несколько дней, рядом с картой была оборудована станция детской дороги, которую обслуживал фургон с двумя пони в упряжке. Фургон был желтый с большими красными солнцами на боку.

Клава Ивановна, когда первый раз увидела эту красоту, предложила в обязательном порядке провести экскурсию всем двором, а то каждый в отдельности растратит свое время на всякие пустяки и для самого главного уже не хватит. Иона Овсеич улыбнулся: Малая хочет, чтобы все люди смотрели на мир ее глазами. Клава Ивановна ответила, она ничего не хочет, она просто хочет, чтобы люди получили удовольствие и увидели воочию, как планы превращаются в жизнь.

Иона Овсеич опять улыбнулся и сказал: хорошо, пусть Малая попробует организовать экскурсию и поведет весь двор

на Соборную площадь, то есть Советской Армии, а экскурсовода он берет на себя. Имеется только одна-единственная просьба — предупредить хотя бы за день.

Через неделю Клава Ивановна зашла к Дегтярю и признала, что он был прав: все соседи, когда она им предлагала экскурсию на площадь Советской Армии, смеялись, как Ваньки-рутютю, и отвечали, что на Соборную площадь ходят гулять, а с экскурсией надо ехать в Крым, на Кавказ или в Ленинград, где стоит крейсер "Аврора".

— Малая, — покачал головой Дегтярь, — они по-своему правы, и если мы не нашли к ним дорогу — это наша вина.

— Моя, ты хочешь сказать, — подхватила Клава Ивановна. — А я тебе отвечаю: надо было не уговаривать, а пройти со списком по квартирам, указать день, час, и пусть каждый распишется против своей фамилии.

— А потом, — Иона Овсеич прищурил правый глаз, — пригласить милиционера, построить весь двор парами, пусть возьмутся за ручки, и повести.

Клава Ивановна полминуты молчала, тяжело вздохнула и сказала: хорошо, она старая дура, она уже ничего не понимает, но надо же с людьми работать. Или, может быть, уже не надо с людьми работать?

— Малая, — Иона Овсеич смотрел в упор, глаза были печальные, — три года назад, когда стоял вопрос, форпост или квартира для Чеперухи, мы допустили преступное малодушие, и сегодня нам негде собраться и открыто, по душам, поговорить с людьми. Это можно было предвидеть.

Да, пожала плечами Клава Ивановна, Дегтярь предвидел, но кто мог думать, что затянется на три года.

— Малая, — прошептал Иона Овсеич, — затянется больше, чем на три года.

Клава Ивановна тихо застонала: три года! Ефим Граник

по-прежнему уютится в своей каморке, а его Лизочка живет у чужих людей.

— При чем здесь Ефим, при чем здесь Лизочка! — рассердился Иона Овсевич. — С людьми надо сегодня работать в десять раз, в сто раз больше, чем вчера, а условия нам никто создавать не будет — мы сами должны создавать себе условия.

Иона Овсевич поднялся, засунул большой палец под борт пиджака и стал быстро ходить из угла в угол.

— Малая, — сказал Иона Овсевич, — слушай меня внимательно. Сейчас ты зайдешь к Ефиму, и пусть при тебе напишет объявление, что на выходной день назначается воскресник по благоустройству двора. Детали наметим потом, а сейчас не откладывай в долгий ящик. Объявление надо написать красиво: в одном углу каштан, в другом — акация, а на самом верху елочка, как возле кремлевской стены. Кто имеет дома лопату, топор, пусть принесет, а кто не имеет, надо где-нибудь занять.

На другой день в подъезде повесили объявление, в воскресенье рано утром дворничка Лебедева зашла к каждому в отдельности и напомнила еще раз. Старый Чеперуха поехал двенадцатым номером трамвая в Валиховский переулок, где возле большой анатомки стоял в конюшне Мальчик, запряг его и направился в питомник за саженцами: Иона Овсевич договорился заблаговременно, через Сталинский райисполком, и теперь надо было только забрать.

В девять-полдесятого люди собрались во дворе, Иона Овсевич поздоровался, спросил, как спалось, и всем, кто не доспал, дал гарантию, что после работы на свежем воздухе доберут с лихвой. Катерина засмеялась и сказала, дай Бог нашим бабам свое получить, Марина Бирюк тоже засмеялась, а остальные слушали молча и ждали.

— Товарищи, — обратился Иона Овсевич, — мы все здесь грамотные, и не нужно лишний раз объяснять, что преобразо-

вание природы, котороехватило всю страну от края и до края, касается не только тех, кто проживает в условиях сельской местности, но непосредственно затрагивает и нас с вами, то есть город. Пройдитесь по Александровским садикам на проспекте Сталина, и вы за голову схватитесь, сколько каштанов валяется зря на земле в то время, когда эти бесценные семена должны дать побеги молодым деревьям, а те, в свою очередь, защитят нас от степного суховея, прочистят наши легкие и укроют от палящего солнца в знойный день.

— А с гипертонией, — крикнула Клава Ивановна, — вообще нельзя сидеть на солнце!

Иона Овсеич одобрительно кивнул головой и сделал рукой знак, чтобы его не перебивали.

— Пройдитесь в парке Шевченко, — Иона Овсеич погрозил пальцем, — и вы своими глазами увидите, как могучий дуб, этот царь степей, роняет на траву свои желуди, которые у нас на Одессине дороже золота, а многие дети даже не знают, какой они имеют внешний вид!

Степа Хомицкий засмеялся:

— А ты спроси у нас, кто здесь видел живого желудя?

— Твоя правда, Степан, — горько улыбнулся товарищ Дегтярь, — но, как говорится, так было — так больше не будет! Народ — хозяин в своем доме, и всякому терпению приходит конец. Сегодня мы собрались на свой воскресник, который лишь маленькая частица, незаметный винтик в общесоюзном плане преобразования природы. Сто двадцать тысяч га государственных лесополос плюс шесть миллионов га совхозно-колхозных лесополос, плюс тридцать миллиардов штук лесопосадочного материала — такова картина по стране!

Клава Ивановна и Степа Хомицкий ударили в ладони, за ними товарищ Дегтярь и все остальные. Лизочка Граник и Лесик Бирюк со своей сестричкой Зиной закричали громкое

пионерское ура, маленькие Гриша и Миша, которые до этого крепко держались за юбки мамы Кати и бабы Оли, тоже закричали ура и вдруг побежали наперегонки вокруг двора.

Люди на минуточку забыли, для чего они здесь собрались, сами увлеклись и стали подстрекать детей, чтобы перегнали один другого. Лесик, Зина и Лизочка сделали вид, будто хотят поймать мальчиков, но на самом деле успели обежать двор три раза, пока взрослые не остановили.

— Дорогие наши мамы, — низко поклонился Иона Овсеич, — спасибо вам за таких детей: как говорится, лиха беда начало. А теперь, товарищи, за работу!

Дворничка Лебедева принесла ведро известки, новый квач и отдала прямо в руки товарищу Дегтярю. Первый круг, где будут садить дерево, Иона Овсеич нарисовал сам, но сразу было видно, что квач держала не рука художника, и попросили Ефима Граника.

— Ефим Лазаревич, — обратился товарищ Дегтярь, — народ хочет вернуть тебе свое доверие. Справишься или маловато силенок? Если маловато, поможем.

Люди понимали, что товарищ Дегтярь шутит, но лицо было такое серьезное, что сам Ефим немножко смутился и просил один-два круга на пробу. Можно было не сомневаться, что получится хорошо, на деле же получилось еще лучше, точнее чем циркулем, Иона Овсеич засмеялся и сказал:

— Я нарочно хотел испытать тебя, а ты сразу повесил нос. Надо больше верить в свои творческие силы, особенно, когда рядом столько друзей.

Граник ответил, что он целиком верит в свои творческие силы, пока работает наедине и никто не мешает, а когда говорят под руку, он всегда немножко теряется.

— Товарищи, — весело нахмурился Иона Овсеич, — получается, наш художник боится коллектива и критики, а мы считаем

наоборот, что коллектив и критика помогают художнику. Кто же из нас прав?

Степа Хомицкий откликнулся раньше всех: не надо задавать людям вопросы, на которые давно есть ответ, иначе могут передумать.

— Степан, — погрозил пальцем Иона Овсевич, — с подобными мыслями ты можешь остаться один, в полной изоляции.

Когда закончили разметку и ломачи стали поднимать гранитные плиты, чтобы освободить место для деревьев, во двор заехал Иона Чеперуха с таким шумом, как будто за ним тянулся обоз на тысячу подвод. Он привез дюжину саженцев, в том числе два абрикоса. Кроме того, он привез привет от Ани Котляр, которая стояла возле тюрьмы на Люстдорфской дороге и держала передачу для своего Иосифа. Когда заберут передачу, она сразу вернется домой и просит, чтобы воскресник без нее не начинали.

Ефим Граник засмеялся, как дурачок, уронил квач в ведро и забрызгал известкой всех, кто стоял рядом.

— Чеперуха, — рассердился Иона Овсевич, — ты уже успел выпить спозаранку, а люди ждут и тратят даром свое золотое время!

— Спозаранку! — возмутился Чеперуха. — Когда я сделал остановку на Привозе, солнце уже перешло на Овидиопольский шлях, и колхозники уговаривали меня, как родного батьку, чтобы я помог им подбросить корзины с вокзала. А я отвечал: "Дорогие дети, дорогие сукины сыны, у меня сегодня большой день в жизни — воскресник по благоустройству собственного двора, и руководит лично товарищ Дегтярь". А эти темные люди даже не слышали про товарища Дегтяря.

— Чеперуха, — Иона Овсевич заметно побледнел, — перестань болтать!

— Овсевич, — закричал старый Чеперуха, — ты думаешь, я им

смолчал? Нет! Я сказал им: "Сукины сыны, поезжайте на Соловки, найдите куркулей, которые пили кровь из вашего батки, они вам втолкуют, кто такой товарищ Дегтярь!"

Люди с интересом смотрели на старого Чеперуху, который совсем разошелся и потерял всякое чувство меры, а Марина Бирюк нарочно еще подзуживала его и сама смеялась, как ненормальная.

— Товарищ Бирюк, — в конце концов вынужден был одернуть Иона Овсеич, — объясните нам, что вам здесь так смешно, и мы будем смеяться вместе с вами!

Марина Бирюк пожала плечами и ответила, что сама не знает, откуда на нее напал такой смех, и засмеялась еще сильнее. Другие, в том числе Клава Ивановна, тоже стали трястись, как в кукольном театре, вроде одновременно дергали за веревочку. Одна Дина Варгафтик осталась в стороне и сказала про Марину, что та ржет, как глупая кобыла на жеребца.

Марина пропустила эти слова мимо ушей, а старый Чеперуха обиделся и потребовал, чтобы Дина уточнила, кто здесь жеребец, ибо Мальчик уже давно мерин, или, говоря по-медицинскому, кастрированный.

— Чеперуха, — Иона Овсеич прищурил глаз, — я вижу, старый груз опять просыпается у тебя внутри и просится наружу.

— Овсеич, — сладко зажмурился Чеперуха, — у меня нет старого груза, у меня вообще нет груза. Но когда люди вспоминают лучшие годы своей жизни, почему тебе не порадоваться и не посмеяться вместе со всеми, пусть даже наш смех глупый.

Товарищ Дегтярь на две-три секунды призадумался и ответил: в этих рассуждениях есть доля правды, но это та самая доля, которую готова использовать ложь, чтобы показаться правдой, а иными словами, наглая демагогия, и здесь уместно потолковать особо.

Люди немного растерялись — начали, как говорится, за здра-

вие, а кончили за упокой, — Степан вышел вперед и объявил, что имеет встречное предложение: с Чеперухой поработать в индивидуальном порядке, а сейчас команда — всем по коням!

— Нет, — остановил товарищ Дегтярь, — а я думаю, раньше доведем разговор до конца!

— А я думаю, — вдруг встряла Катерина, — хватит языками чесать, и если пришли благоустраивать, так давайте благоустраивать.

Адя Лапидис, который стоял в сторонке с ломом в руках, высоко поднял его и с размаху опустил. Лом сильно задел угол гранита, полетели искры, дети закричали ура и просили повторить.

— Уберите детей, — приказал Иона Овсеич, — здесь опасно!

Мамы отправили детей домой, но через пять минут пришлось вернуть обратно: Клава Ивановна организовала отдельную бригаду для сбора каштанов в садике на проспекте Сталина, построила всех на работу, Гриша и Миша замыкающие, дала команду "шагом марш!" и сама запела:

А ну-ка, девушки, а ну, красавицы!

Пускай поет о нас страна,

И звонкой песнею пускай прославятся

Среди героев наши имена!

Дети в такт размахивали руками и громко чеканили шаг, но голосов не было слышно, хотя все открывали рты на совесть, по-солдатски.

— Бригада, — возмутилась Клава Ивановна, — почему молчишь! Подхватывай!

Все пути открыты нам на свете,

Свой поклон приносит нам земля,

Растут цветы, и радуются дети,

И колосятся тучные поля!

Клава Ивановна опять дала команду "подхватывай!", но

никто не подхватил, тогда она остановила бригаду и предупредила, что дальше не сделаем ни шагу, пока дружно не запоем.

— Бабушка Малая, — сказал Лесик Бирюк, — мы не знаем эту песню.

— Эту песню? — остолбенела Клава Ивановна. — Вы не знаете эту песню! Кто у вас учитель пения? Кто у вас в школе завпед?

Пока Лесик вспоминал, кто у них в школе завпед, маленький Гриша вышел из строя и сказал наизусть стихи, которые учили в детском саду:

Я на вишенке сижу,
Не могу накушаться,
Дядя Сталин говорит:
Надо маму слушаться!

— Молодец! — похвалила Клава Ивановна. — Маленький, да удаленький. А вы, женихи и невесты, будете у меня собирать каштаны и петь до тех пор, пока не запомните назубок.

Дети пели и подбирали с земли каштаны, потом Лесик залез на дерево, хорошо потрянул, и земля покрылась зелеными иглами, как огромный морской еж. Клава Ивановна объявила отдельное соревнование между старшими и отдельное между Гришей и Мишей. Пока было много каштанов, мальчики соревновались мирно, потом начали бросаться один на другого из-за каждого каштана и, наконец, подрались по-настоящему, Миша старался ударить Гришу в глаз, а тот схватил его обеими руками за воротник и тянул изо всех сил к земле.

— Шибеники! — кричала Клава Ивановна. — Так не ведут соревнование, так ведут себя одни агрессоры!

Братья продолжали драчку, как будто оба оглохли, и Клава Ивановна вынуждена была принять решительные меры: Мишу прикрепила к Лесику, а Гришу — к себе, без права подходить друг к другу. Три или четыре раза братья пытались опять по-

даться, но ответственные были начеку и своевременно пресекали.

До обеда собрали два ведра, не считая карманов, которые были у всех набиты до отказа. Лесик взял ведро, чтобы отнести во двор и опорожнить, но в это время пришли мамы и сказали, что пора по хатам и так полдня, как корова языком слизала.

Гриша и Миша, когда мама Катя держала их за руки и переходили через дорогу, вдруг вырвались и побежали обратно в садик. С улицы Розы Люксембург как раз повернул грузовик, и это большое счастье, что шофер успел затормозить. В первую секунду Катерина обомлела, потом схватила обоих за уши и дала честное слово, что оторвет навсегда. Клава Ивановна целиком взяла сторону детей, которые в сто раз сознательнее своей мамы и не считают работу на воскреснике по минутам.

— Старый склероз! — громко, на всю улицу, закричала Катерина. — Ты не натравливай детей на отца и мать, а то мы тоже умеем натравливать!

Клава Ивановна побелела, как полотно, сильно затряслась голова, Марина Бирюк пожала плечами и сказала, нема от чего расстраиваться.

— Да, да, — повторяла Клава Ивановна, по щекам текли слезы, — нема из-за чего, просто я старая глупая женщина.

Лесик, которого назначили командиром, построил бригаду, и с песней "А ну-ка, девушки, а ну, красавицы!" направились домой.

Во дворе работу сделали наполовину, Иона Овсевич уговаривал потрудиться еще пару часов, но женщины отвечали, что дома тоже само не жарится и не стирается, а воскресенье — один раз в неделю.

— Товарищи, — потерял, наконец, терпение Иона Овсевич, — я приказываю вам остаться и довести до конца: мы не для кого-то, мы для самих себя работаем!

Женщины ушли, мужчины остались одни, старый Чеперуха запряг своего Мальчика, потому что надо было засветло поставить в конюшню, почистить и покормить.

— Овсеч, — сказал Степа Хомицкий, — какие у тебя могут быть претензии? Люди пришли, сколько могли поработали, а ты хочешь, чтобы все были, как Дегтярь.

— Степан, — у Ионы Овсеича на лице было страдание, как будто сильно болело внутри, под ложечкой, или само сердце, — я ничего не хочу, но вспомни сам, как было в тридцать седьмом году, когда мы строили для наших детей форпост.

Во двор зашел Зиновий Чеперуха: целый день, с утра, он просидел в библиотеке и готовил курсовой проект по электротехнике. Последний срок истек еще две недели назад, но весь месяц у них на заводе Кирова была такая запарка, что не оставалось времени даже развернуть тетрадь.

Иона Овсеч окликнул Зиновия и просил постоять немного со стариками. Чеперуха стал оглядываться во все стороны и спросил, где старики, он лично не видит.

— Зиновий, — Иона Овсеч подошел, положил руку на плечо, — помнишь, как мальчики из нашего двора, ты, покойный Колька, покойный Ося, помогали папам и мамам строить форпост?

Зиновий ответил, что хорошо помнит, но при этом немножко насторожился.

— Не волнуйся, — успокоил его Иона Овсеч, — никто не посягает на твою жилплощадь. Мы вспомнили просто так, к случаю.

— Все ясно, — догадался Зиновий. — Сегодня люди из нашего двора бросили работу на полдороге и разошлись. Боже мой, так давайте засучим рукава и закончим сами!

— Зиновий, — горько усмехнулся товарищ Дегтярь, — разве в этом суть?

— Остановите колокола! — Зиновий выставил руки вперед ладонями. — Люди со стороны могут подумать, в доме покойник, а на самом деле все живы, здоровы, кромсают мать-землю.

Зиновий поднял лопату, вонзил в грунт и срезал такой пласт, что можно было только удивляться.

Клава Ивановна пришла в восторг:

— У тебя сила, как у твоего папы двадцать лет назад!

Зиновий сказал, надо полагать, еще больше, потому что руки и костыли заменили ему правую ногу, а этой ногой, когда играли в футбол, у него был удар, как у знаменитого Злочевского из одесского "Динамо", который чуть не убил турецкого голкипера.

Катерина услышала голос мужа и крикнула в окно, чтобы немедленно шел обедать, иначе остынет, а третий раз греть не будет. Потом за папой пришел Гриша, потом Миша, но оба остались во дворе и помогали работать. Катерина окончательно рассердилась, забрала детей и пожелала мужу, чтобы у него был такой катар, какой он сам заслужил.

— Язва сибирская! — засмеялся вдогонку Зиновий. — Еще пять минут, — смотри на часы.

Получилось не пять, а десять раз по пять. Аня Котляр оставила передачу для Иосифа и успела вернуться во двор, когда начали яму для последнего саженца и выбрали камни с участка под клумбу. Ефим Граник с Адей насыпали ведрами землю, чтобы получился красивый добротный холм, а не куций, как могила, Аня тоже взяла ведро и без лишних напоминаний включилась в работу.

Зиновий спросил, как здоровье мужа, Аня махнула рукой и наклонилась, чтобы набрать побольше земли.

— Аннушка, — шепнула на ухо Клава Ивановна, — три года уже позади, почти половина, а вторая половина всегда проходит быстрее.

Иона Овсейч, когда затеяли разговор про Иосифа Котляра, отошел в сторону, потом начал внимательно осматривать саженцы и понемножку раскачивать, чтобы проверить, прочно ли сидят в земле.

Саженцы держались так крепко, как будто уже пустили глубокие корни, Иона Овсейч улыбнулся, громко хлопнул в ладони и сказал:

— Года через три мы будем у себя во дворе иметь такой сад, что с Большого Фонтана приедут перенимать опыт.

Аня опорожнила ведро, немножко притоптала клумбу и вдруг залилась слезами.

— Тихо, тихо, — просила Клава Ивановна, обнимая Аню за плечи, — люди вокруг смотрят и все видят.

— Видят, — шептала Аня, — ну, и пусть видят, мне уже все равно: Иосифа переводят куда-то на Волгу, а может быть, еще дальше. Здесь я могла иногда сделать ему передачу — фрукты, овощи, кусок туалетного мыла, — а там он будет совсем один среди уркаганов, воров, уголовников.

Адя срезал лопатой неровные края клумбы, Иона Овсейч молча наблюдал, потом вдруг повернулся и громко сказал:

— Котляр, мы просим вас по-хорошему прекратить эти разговоры. Каждый находится там, где он заслужил. Вашего мужа предупреждали своевременно, и не один раз предупреждали.

— О чем, — качала головой Аня, — о чем вы его предупреждали, товарищ Дегтярь?

— Вы хотите, чтобы мы уточнили? Можно уточнить, — сказал Иона Овсейч.

— Да, — вдруг выскочил Адя, — мы хотим, чтобы вы уточнили, почему раньше, когда трудно было с продуктами и вашей Полине Исаевне каждый день подносили, вы затыкали уши пальцами и закрывали глаза, а когда отпала необходи-

мость, внезапно прозрели и слышали, что Иосиф Котляр рассказывает всякие анекдоты!

— Молокосос! — Иона Овсеич весь затрясся. — Слишком хорошо узнаю Ивана Лапидиса — одна порода! Завтра же позвоню твоему декану в консерваторию, ты уже не мальчик — ты несешь полную ответственность за все свои слова. Зиновий немножко старше тебя, успел потерять на фронте ногу, а тебя народ кормит, поит и платит свои кровные деньги, чтобы ты мог учиться в вузе и заодно вести свою подлую пропаганду, как грязный космополит.

— Вы не имеете права упрекать! — Адя буквально налился кровью. — Я не виноват, что у меня нет папы и мамы! Во время войны я работал на заводе и делал снаряды, все знают. И не думайте, что я испугаюсь ваших ярлыков: вы сами грязный космополит!

— Адя, — замахала руками Клава Ивановна, — замолчи, я прошу тебя, закрой свой рот!

— Малая, — одернул Иона Овсеич, — не встречай: пусть этот беспачпортный бродяга покажет свое нутро до конца!

Соседи открыли окна и выглянули во двор. Иона Овсеич провел перед собой рукой и сказал: очень хорошо — пусть услышит весь двор.

— Адька! — Зиновий схватил своими железными пальцами за локоть. — Уходи домой!

— Отпусти! — дернулся Адя и неожиданно расплакался, как маленький мальчик. — Я его убью сейчас!

— Дорогой хичник! — Зиновий сделал страшные глаза. — Скушайте раньше меня: я не могу видеть, как льется чужая кровь.

На секунду воцарилась тишина, первый нарушил Ефим Граник.

— Артист! Зиновию надо было учиться на артиста, а он учится на инженера.

Потом зашумели остальные, Адя стоял жалкий, с опущенной головой, Иона Овсеич осмотрелся вокруг, мадам Малая объявила, что работа на воскреснике закончена — можно идти по домам.

— Да, — подтвердил Иона Овсеич, — вы хорошо сегодня потрудились, товарищи, и заслужили законное право на отдых.

Ефим притворился, что не понимает:

— Какой отдых? У меня лично завтра понедельник.

Поздно вечером Аня зашла к Дегтярям узнать, как здоровье Полины Исаевны: она теперь работает в больнице на полторы смены, и даже некогда провести больную соседку, которая в свое время сделала ее человеком и дала профессию. Чем бы она сегодня была без профессии? Нуль без палочки, как многие другие женщины: сидят дома и варят своим мужьям суп.

Полина Исаевна чувствовала себя неважно: слабость такая — дай Бог нашим врагам. В прежние годы она жаловалась на своего Дегтяря, что он уделяет ей мало внимания, а теперь она может прямо при нем сказать: золотой человек, золотой муж, если он столько терпит ее.

— Полина, — насутился Иона Овсеич, — я прошу прекратить неуместные разговоры.

— Товарищ Дегтярь, — вежливо обратилась гостя, — я позволю себе вмешаться: если жена хочет поблагодарить своего мужа, кто может отнять у нее право? По-моему, это приятнее, чем ссориться. Мы с Иосифом тоже иногда гиркались, но теперь я себе дала слово, что больше никогда не повторится.

— Уважаемая, — перебил Иона Овсеич, — я бы просил не делать меня собеседником, когда вам хочется поговорить про своего мужа.

Аня опустила глаза, вздрогнули губы, могло показаться, что вот-вот она заплачет, но на самом деле это было обманчивое впечатление — из-за старого ранения в челюсть.

— Кроме того, — продолжал Иона Овсеич, — я отлично понимаю цель вашего визита: вы пришли убедить меня, что ваш Адя — еще совсем маленький мальчик, дурачок, который сам не дает себе отчета, что говорит. Или, может быть, я ошибаюсь?

— Да, — совсем не к месту вдруг обрадовалась Аня, — да, товарищ начальник, вы ошибаетесь: если Адя узнает, что я здесь, у вас в доме, он не захочет больше меня знать! Он возьмет ящик с дустом и обсыпит всю мою квартиру! Этот мальчик слишком много потерял, он уже не боится терять!

— Уходите! — Иона Овсеич встал и показал пальцем на двери. — Уходите отсюда, пока вам дается такая возможность.

— Боже мой, — заломила руки Полина Исаевна, — что здесь делается! Иона, Аня, я прошу вас: не надо! Не надо!

— Нет, — грубо ответила Аня, — надо! Это вы ему скажите спасибо за все, это он вас довел до такого состояния!

— Дура, — закричал Иона Овсеич, — дура набитая! У женщины туберкулез, уже пятнадцать лет, а она меня обвиняет!

Ночью у Ионы Овсеича схватило сердце: обычно он чувствовал заранее — боль под лопаткой, в локте, в мизинце, — а в этот раз полная неожиданность. До самого утра он глотал валидол, клал на грудь горчичники, Полина Исаевна клялась своим здоровьем и своей жизнью, что он полежит хотя бы день, хотя бы полдня, а Иона Овсеич, как только по радио объявили семь часов, закипятил себе чай, выпил стакан без заварки, танин сильно возбуждает нервную систему, съел один кусочек хлеба с колбасой, другой завернул в газету и вышел.

Придя на фабрику, он тут же позвонил жене, предупредил, что весь день будет в бегах по цехам и телефонировать ему в партбюро не имеет никакого смысла.

Вечером Иона Овсеич вернулся домой совсем разбитый, под глазами огромные синие мешки, жилы на лбу надулись, как будто перетянули жгутом.

— Самоубийца, — сказала Полина Исаевна, — я не хочу иметь на своей совести смерть мужа. Я напишу в райком, пусть назначат медкомиссию и силой положат тебя в больницу.

— Полина, — с трудом улыбнулся Иона Овсеич, — силой могут положить только в сумасшедший дом.

В десять — начале одиннадцатого, никто уже не мог ждать гостей, постучал Адя Лапидис.

— Товарищ Дегтярь, — сказал Адя, — я прошу вас выйти на минуту: мне надо с вами поговорить.

— Тебе надо поговорить? — Иона Овсеич машинально отступил назад, ближе к свету. — Говори здесь: мне незачем выходить.

Адя на секунду задумался, сделал шаг к столу, опустил голову, как бычок, и тихо сказал:

— Сегодня меня вызвал декан и предупредил: если сигнал, который они получили, подтвердится, я буду исключен из консерватории.

— Интересно! — Иона Овсеич прищурил правый глаз. — А почему, собственно, ты обращаешься ко мне? Декан называл мое имя? Или ты ждешь от меня поддержки?

— Нет, — Адя положил руки на спинку стула, длинные худые пальцы сильно дрожали, — я не жду от вас поддержки. Я хочу, чтобы вы сказали ему правду.

— Адя, — возмутилась Полина Исаевна, — ты не отдаешь себе отчета, что говоришь!

— Я хочу, — с трудом, как будто не хватало воздуха, повторил Адя, — я хочу, чтобы вы сказали ему правду.

— Спокойно, — сказал Иона Овсеич, — спокойно. Среди ночи ты пришел ко мне домой, я не знаю, что ты прячешь в

кармане, и в присутствии моей жены, с которой мы прожили тридцать лет, угрожаешь мне? Вон, сукин сын, вон отсюда!

Иона Овсеич схватил табурет, поднял высоко над головой, Адя машинально присел и ударился подбородком о спинку стула, изо рта от уголков потекли две струйки крови.

Полина Исаевна закрыла ладонями лицо, потом вскочила, окунула полотенце в ведро и хотела приложить Аде ко рту, но он вытер рукой, вся наружная сторона была в крови, посмотрел на Иону Овсеича такими глазами, что сделалось жутко, и вышел.

— Боже мой, — Полина Исаевна бегала вокруг стола, прижимая пальцы к вискам, — что теперь будет, что теперь будет!

— Ничего не будет. Перестань паниковать, — приказал Иона Овсеич.

— Он выбил себе все зубы и скажет, что оборонялся от Дегтяря! — не могла успокоиться Полина Исаевна. — И меня потребуют в свидетели. Аня Котляр делает нам уколы, а ее Адя уходит от нас весь в крови. Что будет!

— Перестань паниковать! — повторил Иона Овсеич. — Всю жизнь я с тобой нянчусь, всю жизнь я имею дело с больницами и докторами, потому что моя жена хворает на легкие, на сердце, на голову, на черт знает что! А все от расхлябанности и распушенности, вместо того, чтобы держать себя в руках!

Полина Исаевна присела на кровать, закрыла глаза, из-под век текли слезы, Иона Овсеич присел рядом, погладил по спине и сказал, что чересчур погорячился, у каждого бывает, тем более, он уже давно не парубок и не те силы. А насчет Лапидиса нет оснований беспокоиться: Адя не такой человек, чтобы переворачивать вверх ногами и врать в свою пользу. Можно ругаться, даже сама Аня об этом не будет знать.

Иона Овсеич оказался абсолютно прав. Больше того, буквально через день-два Адя, по собственной глупости, дал

дополнительные материалы против себя: в комитете комсомола и деканате узнали, что он ведет среди студентов разговоры в защиту профессора Рабиновича, которого на собраниях и в газете "Большевистское знамя" критиковали за космополитизм, и теперь, по требованию профессоров и преподавателей, сняли с работы.

Во двор приходил парень из консерватории и сообщил Ане Котляр, что Адя висит на волоске, уже готов приказ, осталось только подписать, исключить его на год и послать на какую-нибудь тяжелую физическую работу, но декан предлагает исключить условно, тоже на год, так как Лапидис — круглый сирота, в годы войны работал на военном заводе токарем. Но насчет военного завода никакой справки нет, Аде говорят, чтобы выслали подтверждение, а он отвечает, что никуда писать не будет: не верят — не надо.

Аня побежала немедленно к мадам Малой, та — к Дегтярю, передала всю историю и развела руками:

— Ну, как тебе нравится этот идиот!

— Идиот? — удивился Иона Овсеич. — Нет, Малая, ошибаешься: здесь четкая позиция и линия.

Клава Ивановна отмахнулась:

— Какая может быть линия у человека, который в свои двадцать лет еще остается ребенком. Дегтярь, ты должен помочь ему.

— Малая, — рассердился Иона Овсеич, — или ты притворяешься или в самом деле от старости у тебя полное размягчение мозга!

Клава Ивановна, тайком от Ади, сама написала на завод, где он работал во время войны токарем, чтобы прислали справку и обязательно заверили гербовой печатью. Но, пока письмо пришло на Урал, а оттуда прибыл ответ в Одессу, Адя своим упрямством восстановил против себя всех, в том числе декана, кото-

рый теперь тоже присоединился к мнению, что студенту Лапидису следует хотя бы год постоять у станка, в кадровом рабочем коллективе, а потом, в зависимости от результатов, можно будет опять вернуться к вопросу насчет учебы в консерватории.

Зиновий устроил Адю у себя на заводе Кирова, сначала учеником, но уже через полтора месяца ему дали разряд и перевели на самостоятельную работу. Такие быстрые успехи никого не удивляли, потому что у токаря и у пианиста много общего: и здесь, и там нужны особенно чуткие пальцы.

Да, повторяла вслух Клава Ивановна, токарь-пекарь, это теперь в моде, но что будет у Ади с его руками?

Иона Овсеич до глубины души возмущался подобными настроениями, которые у нас в Одессе насаждают всякие толстые мамы, водя за ручку своих толстых детей в музыкальную школу Столярского. Какие толстые мамы, возмущалась в ответ Клава Ивановна, Адя вообще вырос без мамы, без папы, надо еще удивляться, что он не стал беспризорником и вором!

— Малая, — потерял всякое терпение Иона Овсеич, — мы с тобой живем в одном дворе тридцать лет, но я начинаю думать, что про человека нельзя говорить с полной уверенностью, пока ему остается впереди хотя бы один день!

Клава Ивановна обиделась: народ правильно подметил — умный, умный, аж дурак!

— Малая, — Иона Овсеич погрозил пальцем, — мещанская стихия имеет еще свои корни в каждом из нас, и дай ей только хорошее удобрение, она расцветает таким пышным цветом, что темно в глазах станет.

— Тебя послушать, — цеплялась за свое Клава Ивановна, — получается, сегодня мы от коммунизма дальше, чем пятнадцать

лет назад, когда никто еще не думал ни про план преобразования природы, ни про великие стройки коммунизма.

— Малая, — Иона Овсейч наклонил голову, холодные глаза смотрели исподлобья, — от больших успехов мы делаемся добренькие и благодущные, а благодущие и бдительность никогда не ходили в одной упряжке: или — или!

Наконец, Клава Ивановна сдала назад: здесь она согласна. Но тогда встает другой вопрос: мы разбили Гитлера, мы разбили его фактически сами. Америка и Англия сбоку припека, кого же еще на свете мы можем бояться? Пусть Дегтярь отвечает ясно, без философии.

— Хорошо, — сказал Иона Овсейч, — я тебе отвечу, как ты просишь, без философии. Во время Первой мировой войны, за четыре года, Англия, Франция, Россия и Америка, вместе взятые, потеряли убитыми три миллиона человек, а от маленького микробчика испанки, которого никто своими глазами не видел, за два года в одной лишь Европе умерло больше трех миллионов.

— Ну и что! — сказала Клава Ивановна. — Это не пример.

— Нет, — хлопнул по столу Иона Овсейч, — это классический пример, как невидимый враг в десять раз, в сто раз опаснее видимого!

— Подожди, — остановила Клава Ивановна, — а при чем здесь наш Адя Лapidис?

— При чем? — с гневом повторил Иона Овсейч. — А при том, что простая, ясная дорога его не устраивает, что за пазухой, если там еще нет камня, место уже приготовлено. Спроси у Хомицкого, спроси у Зиновия, спроси у Дины Варгафтик: надо сегодня, сейчас, письменно поручиться за твоего Адю — они готовы? А ты сама готова?

Клава Ивановна пожала плечами: а почему надо ручаться — Адя еще не разбойник с большой дороги!

— Малая, — скривился Иона Овсеич, — не прикидывайся дурочкой: я по глазам вижу, ты меня хорошо понимаешь.

Дегтярь был прав: Клава Ивановна действительно хорошо понимала, тем более, что весь двор в один голос удивлялся, как Адя Лапидис, такой взрослый парень, с неплохой головой, сам себе напакостил. Человеку русским языком объясняют, что белое — это белое, а он, наперекор всем, твердит, нет, белое — это черное.

Аня Котляр, когда прошла первая боль и обида, тоже разозлилась на Адю и каждый день вспоминала ему украинскую поговорку насчет горького хрена: видели дурные глаза, что покупали — ешьте!

Один Ефим Граник сохранял свое веселое настроение и объяснял всем жильцам и соседям, что такой оборот может пойти Аде только на пользу, ибо артисты и музыканты, чем они глубже в гуще народа, тем для них лучше.

В субботу вечером, выкроив свободную минуту, Иона Овсеич зашел в гости к Зиновию. Катерина, по старому русскому обычаю, низко поклонилась, сказала, милости просим, накрыла на стол и поставила посредине графинчик.

— Катерина, — Иона Овсеич аппетитно почмокал губами, — я вижу, у тебя есть неплохой подход к начальству.

— Ой, не скажите, — махнула рукой Катерина, — до ваших одесситок мне еще далеко, как от нашего Байкала до Черного моря.

— Удачное сравнение, — похвалил Иона Овсеич, — но при теперешней технике это расстояние можно покрыть за сутки.

Зиновий наполнил стопки до краев, Иона Овсеич половину из своей отлил обратно в графин, Катерина возмутилась и сказала, что гость не желает полного счастья этому дому, но гость метко ответил, что не всяко лыко в строку.

— Ладно, — Зиновий поднял перед собой стопку, — чтоб наши дети не боялись паровоза.

— Подожди, — остановил Иона Овсеич, — я хочу предложить встречный тост: пусть этот дом, его хозяева и дети имеют все удобства по последнему слову современной науки и техники!

Зиновий, вместо того, чтобы опрокинуть стопку, провел перед глазами рукой, как будто прогоняет наваждение, Катерина успела опорожнить, но быстренько наполнила опять. Теперь выпили все вместе. Иона Овсеич отрезал себе кусочек огурчика, положил сверху на бутерброд, откусил, хорошо прожевал, вытер губы ладонью и попросил хозяина, если не трудно, напомнить архитектуру бывшего форпоста, поскольку гость давно уже не был и маленько призабыл. Зиновий продолжал сидеть на месте и ответил, что предоставляет товарищу Дегтярю полную свободу действий: он сам может простукать стенку, заглянуть в каждый угол и в любой шкаф.

Иона Овсеич нахмурился, но мандат принял и встал из-за стола. Осмотрев обе комнаты, он остановился возле крана, проверил ногой цементную кладку под раковиной, выпустил немножко воды, поинтересовался, как функционирует ревизия, и обратился к хозяйке с вопросом: не будет ли она сильно протестовать, если он войдет с ходатайством в жилкоммунотдел Сталинского райсовета, чтобы разрешили установить в этой квартире санузел?

— Товарищ Дегтярь, — всплеснула руками хозяйка, — чтоб вы мне тысячу лет были живы и здоровы, а когда придет последний день Чеперухи-правнуки будут идти за вами в первом ряду.

— Катерина, — пригорюнился Иона Овсеич, — места в первом ряду уже заняты, но если ты возьмешь на себя функции распорядителя, я думаю, можно будет переиграть.

Катерина ответила, что это невозможно, ибо товарищ Дегтярь в сто раз нужнее людям, чем она, и медицина найдет способ продлить его годы. Иона Овсеич поблагодарил на теплом слове, Зиновий молча наблюдал и морщил свой лоб, как будто плохо понимает, что происходит у него в доме.

— Зиновий, — обратился Иона Овсеич, — у тебя вид, как у того дьячка: надо читать мирянам псалтырь, а он не может отличить, где еры, а где ять.

Катерина подмигнула и сказала, что она знает причину. Товарищ Дегтярь приложил ладонь к уху и попросил, чтобы ему тоже сообщили по секрету: Зиновий посмотрел на жену недобрыми глазами, та рукой запечатала себе рот и промычала, как глухонемая.

— Ладно, — снова пригорюнился Иона Овсеич, — я тебе сам скажу, Зиновий, ты думаешь, что Дегтярь пришел к вам с хитростью и строит козни, как бы выселить Чеперуху из форпоста. Не в обиду тебе будь сказано, люди имеют привычку мерять каждого на свой аршин, хотя и сами не сознают.

Зиновий ответил, надо полагать, Дегтярь не делает для себя исключение.

Катерина громко закричала "фу!" и сказала про своего мужа, что у дурака и шутки дурацкие. Иона Овсеич покачал головой: Катерина зря нападает, тем более, что в словах Зиновия есть доля правды. И все-таки это удивительно: гость приходит в дом, приносит хорошую новость, а монету берут на зуб и пробуют, не фальшивая ли. Значит, опять позволил себе бестактность Зиновий, бывали случаи, когда совали фальшивую.

— А я, — сказала Катерина, — верю товарищу Дегтярю, как себе самой. Еще больше.

— Ладно, — подбил итог Иона Овсеич, — цыплят по осени считают. Через неделю встретимся. А в эти дни пусть кто-нибудь сидит дома, могут наведаться гости из жилотдела.

В четверг, бабушка Оля оставалась одна с внуками, пришла депутат из Сталинского райсовета и с ней техник домохозяйства. Техник объяснил, какие трудности могут встретиться при укладке канализации, поскольку в подвале по соседству расположены промтоварные склады, но депутат с ходу ответила ему, что здоровье человека для нас дороже, чем тысяча тюков хлопчатки и габардина, тем более в доме дети. Бабушка Оля подвела к депутату обоих внуков и велела сказать тете октябринское спасибо. Миша сказал, а Гриша не захотел — на том основании, что они еще не октябрюта и даже в старшей группе еще не все октябрюта.

— Молодец, — депутат погладила Гришу и ласково потрепала за ухо, — надо быть всегда принципиальным.

Техник заявил, что ему необходимо спуститься в подвал, и тогда он сможет дать более конкретное заключение, но сегодня уже поздно.

— Товарищ депутат, — возмутилась бабушка Оля, — что он морочит голову! На этом месте при Николае и в первые годы Советской власти была дворовая прачечная, потом построили для детей форпост, куда же могла деваться канализация?

Техник ответил, что в древнем Риме тоже была канализация.

— Хабарник, — закричала бабушка Оля, — он хочет, чтобы ему дали на лапу, а этого он не хочет!

Оля поднесла технику кукиш под самый нос, депутат засмеялась и просила успокоиться. Техник предупредил товарища депутата, что в последний раз ходит с ней по таким делам, а заключение пусть сама пишет: он не будет брать на себя ответственность.

— Послушайте, — рассердилась депутат, — я прошу разговаривать со мной другим тоном!

Техник ответил, что другого тона не будет и он напишет докладную на имя председателя райисполкома.

— Какую докладную? — оторопела депутат.

— Что лезете не в свои дела и настраиваете людей, — нахально объяснил техник.

— Хабарник, — от сильного волнения Оля Чеперуха побелела, — как ты разговариваешь с депутатом, она с тобой свиней не пасла.

Техник пропустил оскорбительные слова мимо ушей и поставил в известность товарища депутата, что без согласия горпромторга никакой канализации здесь проводить не будут, а горпромторг даст согласие после дождичка в четверг.

— Не слушайте его, — заломила руки бабушка Оля, — я здесь живу тридцать пять лет: дом принадлежал полковнику Котляревскому, спросите у мадам Малой, на этом месте находилась прачечная, потом прачечную переделали в форпост, чтобы дети имели где играть, а после войны форпост переделали в квартиру, и теперь здесь живет мой сын. Он потерял на фронте ногу, жена тоже была на фронте, кроме того, двое маленьких детей. Гриша, Миша, подойдите к тете — пусть она хорошо на вас посмотрит. Товарищ депутат, вы не представляете себе, какие это золотые дети!

Товарищ депутат сказала, что все дети для своих родителей и бабушек самые лучшие на свете, но не надо закатывать истерики, а то действительно получается неприглядная картина.

— Что же вы решили? — бабушка Оля прижала к себе внуков и невольно остановилась у дверей, как будто загораживала выход.

— Мы ничего не решили, — спокойно объяснила депутат, — и вообще я не решаю, а только докладываю на исполкоме, но сначала должен дать свое заключение специалист.

— Значит, опять он? — бабушка Оля показала пальцем на техника. — А без него Советская власть не может шагу ступить?

— Не волнуйтесь, — сказала товарищ депутат, — у нас в Советском Союзе есть законы и все будет по закону.

Зиновий, когда узнал, как проходило обследование, немедленно побежал к Ионе Овсеичу и прямо заявил, что здесь дело уже не в личном интересе, а в принципе, и он будет писать непосредственно на имя первого секретаря обкома.

— Пиши, — ответил Иона Овсеич, — пиши, но раньше хорошо подумай, есть у техника настоящие козыри или он только берет на Бога, как некоторые другие спецы его профиля.

Зиновий возмутился: откуда настоящие козыри, если в комнате стоит кран с отливом и само собой понятно, что там, где прачечная, там и канализация!

— Чудак, — улыбнулся товарищ Дегтярь, — а где у тебя доказательства, что канализация была проведена по всем правилам, тем более почти сто лет назад? А во-вторых, где доказательства, что за такое время она сохранилась и сегодня пригодна для эксплуатации?

— Подождите, — вернулся к прежнему Зиновий, — но у меня же сегодня стоит кран с отливом!

— Тот факт, что есть, — опять улыбнулся Иона Овсеич, — это еще не доказательство, что так и должно быть.

Зиновий задумался, громко вздохнул и спросил, что же конкретно предлагает товарищ Дегтярь.

— О, — Иона Овсеич хлопнул ладонью по столу, — наконец, я слышу голос мужчины. Перво-наперво прикрути форсунку, а дальше мы будем ходатайствовать, чтобы коммунотдел прислал квалифицированного специалиста, который имеет все полномочия дать окончательное заключение. Ты меня понял?

Зиновий минуту молчал, потом протянул Ионе Овсеичу руку и сказал, что в прошлом он бывал иногда не совсем справедлив к товарищу Дегтярю, но больше это не повторится.

— Горячий человек, — укоризненно покачал головой Иона

Овсеич, — я больше не хочу слышать от тебя таких слов: ты всегда поступал, как подсказывала тебе твоя совесть. И когда ты помог Аде Лапидису устроиться на завод Кирова, чтобы он был всегда перед глазами, тебе тоже подсказала твоя рабочая совесть.

Иона Овсеич внимательно смотрел на Зиновия, как будто давно в последний раз виделись и немножко призабыл, потом поинтересовался, поскольку уже зашел разговор, как складываются у Ади отношения на заводе: с коллективом, с отдельными рабочими, какие поднимаются вопросы, что говорят про начальство, про кино, про книги. Зиновий ответил, что они с Адей работают в разных цехах и практически почти не видятся, но если Иона Овсеич хочет знать подробности, надо связаться с комитетом комсомола и цехкомом.

Иона Овсеич взял Зиновия за руку, выше локтя и велел уточнить, кто должен связаться: он или это сделает сам Зиновий?

Зиновий сказал, что ему связываться с комитетом и цехкомом незачем, поскольку его без того хорошо знают там и в случае надобности сразу найдут, а товарищу Дегтярю, если будет нужно, ничего не стоит поднять трубку и позвонить на завод.

Иона Овсеич заложил большой палец под борт тужурки, склонил голову набок и попросил разрешения задать один вопрос, а именно: почему, когда речь идет о сооружении в бывшем форпосте, где теперь квартира Зиновия Чеперухи, санузла, Дегтярь ни на минуту не задумывается о трудностях и берет на себя все заботы, а Зиновий Чеперуха, молодой, полный сил и энергии, в ответ на обращение того же Дегтяря, не желает помочь и позаботиться о судьбе своего младшего товарища, в данном случае Ади Лапидиса, в его же собственных интересах.

Зиновий поправил руками свой протез, немножко ослабил ремни, сделал движение, как будто хочет встать из-за стола, но остался на месте и сказал, что за откровенность надо платить откровенностью, а именно: всю свою жизнь в этом доме он бегал в дворовую уборную, и ничего, здоровья не потерял, его сыновья тоже могут побегать, но за личный туалет, даже с ванной, пусть Дегтярь зарубит у себя на носу, их папа никогда не станет сексотом.

Иона Овсеич побледнел, потом сделался красный, как вареный рак, видно было, что человеку трудно дышать, пришлось расстегнуть воротник, и набросился на Зиновия:

— Горячий человек, ты просто сошел с ума и тебе надо немедленно на Слободку! Откуда в твоей башке могла появиться такая мысль? Откуда! Больше на эту тему ты не услышишь от Дегтяря ни одного слова. А насчет санузла, и даже с ванной, как было сказано, у тебя не было заботы и не будет впредь, потому что рядом живет старый дурак Дегтярь, который двадцать пять лет назад держал маленького Зюнчика на руках, и тот в благодарность засикал ему новый шевиотовый костюм.

Зиновий смотрел молча, в глазах была растерянность, Иона Овсеич протянул руку и сказал:

— Дай пять! Но если ты еще раз повторишь подобные слова, больше я тебя не знаю. И не подходи ко мне.

В субботу из коммуналки пришел инженер, в этот раз один, без депутата, за десять минут осмотрел помещение и велел, чтобы с понедельника после обеда кто-нибудь из семьи заглянул в исполком, а начинать работу можно хоть сегодня. Зиновий открыл сервант, достал графинчик, внутри плавали апельсиновые и лимонные корки, но инженер наотрез отказался и объяснил, что у него обострение язвы.

— Хорошо, — уступила Катерина, — по одной стопочке при язве можно. Я беру на себя.

На другой день рано утром Чеперуха уже стоял со своим Мальчиком в Щепном ряду, вокруг крутились разные люди, интересовались, какой нужен товар, долго ничего подходящего не было, наконец, появились двое, велели заехать с ними в Ватманский переулок, вынесли почти новый бачок, полный комплект для душа, а с унитазом просили пару дней потерпеть.

Когда Иона вернулся домой, Степан Хомицкий с Зиновием закончили разметку и ломом выдалбливали дырку в полу, чтобы можно было пропустить трубу в подвал, где проходила канализация. После обеда Степан предупредил Лялю Орлову, Дину Варгафтик и всех других, кто жил в этом флигеле, чтобы не пользовались до утра отливами, потому что надо установить новый тройник и канализация получится временно открытой. Люди возмутились и побежали к товарищу Дегтярю жаловаться: мало того, что Зиновий со своей Катериной забрали у наших детей форпост, мало того, что этому сыну тачечника строят ванную, как будто он знаменитый Филатов или какой-нибудь генерал, другие еще должны ради его удобств страдать!

— Дорогие товарищи, — удивился Иона Овсевич, — почему вы обращаетесь ко мне? Я могу вмешиваться, если делается не по закону, но данный случай как раз не подходит. А если вас не устраивает техническая сторона дела, вы можете потребовать от Чеперухи, чтобы он приостановил работы и вел свое строительство без помехи для других.

Дина Варгафтик с Лялей сделали, как советовал товарищ Дегтярь, и предупредили Зиновия, что сию минуту во дворе будет вся наша милиция, если Чеперухи не прекратят свое самоуправство. Катерина, хотя к ней не обращались, засмеялась Дине прямо в лицо и назвала ее долгоносиком, а Ляле Орловой сказал такие слова, что при людях стыдно повторить.

Дина схватилась за голову и потребовала от Ляли, чтобы та немедленно подала в суд за оскорбление, она будет свидетелем. Ляля заплакала и объяснила соседям, что первый раз в жизни слышит такие выражения, словно здесь красный фонарь, а не интеллигентный двор.

Зиновий взял Катерину за плечи, захлопнул дверь, сам остался снаружи и просил у женщин извинения. Ляля вытерла слезы и сказала, что она не злопамятная, Дина начала кусать пальцы и вспомнила своего Гришу, за которым она была, как за каменной стеной, а теперь любой встречный-поперечный может оскорблять ее и насмехаться. Зиновий ответил, что никто не насмехается, просто у каждого есть нервы, и не надо лишний раз дразнить.

— Вот как, — Дина вмиг успокоилась и перестала кусать свои пальца. — Значит, твоя Катерина не насмехалась, а ты извинился перед нами, вроде мы просто дуручки. Да, ты прав, мы действительно дуручки, если могли хоть на минуту поверить тебе и принять за чистую монету! Ляля, оставайтесь здесь, а я немедленно иду за милицией.

Дина повернулась и успела сделать несколько шагов в сторону подъезда, но неожиданно из парадного вышли Иона Овсеич и Степан Хомицкий.

— Что за шум, а драки нет! — весело спросил Иона Овсеич.

Дина закричала, чтобы никто не смел к ней прикасаться и задерживать: она приведет милицию, и пусть милиция разберется, кто в нашей стране дал право насмехаться над одинокими женщинами, тем более, все хорошо знают, что ее Гриша положил свою голову на фронте!

— Успокойся, — Иона Овсеич взял Дину за руку и похлопал, — позволь мне сказать слово.

Дина ответила, что она успокоится лишь на том свете, а здесь пусть никто не прикасается к ней и не трогает.

— Успокойся, — повторил Иона Овсеич и опять похлопал. — Во-первых, ты не пойдешь в милицию: мы не будем позорить наш двор на весь город. Во-вторых, неужели без посредника вы не можете сами договориться между собой, обязательно надо вмешивать Дегтяря?

Дина показала пальцем на Зиновия и просила повторить в присутствии товарища Дегтяря, какую грязь его Катерина вылила Ляле на голову, хотя наша Ляля живет в Одессе с самого рождения, а эту Катерину три года назад привезли из глухой тайги, где даже не слыхали про Одессу.

Иона Овсеич велел немедленно прекратить этот бедлам, предупредил, что не допустит никаких дразг и требует от соседей, чтобы жили в мире и дружбе, как подобает советским людям, и не трепали друг другу нервы по пустякам.

— Хороший пустяк! — хлопнула себя по ляжкам Дина. — Зачем же вы сами посылали меня за Лялей, чтобы мы заставили Чеперуху остановить работы?

— Я посылал? — удивился Иона Овсеич.

— Нет, — истерически захотала Дина, — нас посылал дюк Ришелье! Ляля, повторите ему!

Ляля пожалала плечами, а товарищ Дегтярь категорически потребовал от Дины Варгафтик, чтобы она не перевирала слова, ибо он с предельной ясностью объяснил и ей, и Орловой, что вмешиваться не будет, а пусть соседи сами разберутся между собой.

— Но я хочу получить ответ, — цеплялась за свое Дина, — вы посылали нас к Зюнчику или не посылали?

— Слушай, Варгафтик, — Иона Овсеич с силой выдохнул воздух, — не занимайся провокацией! Я вам дал совет, как лучше между собой разобраться, а ты пришла к Зиновию скандалить и еще привлекла на свою сторону Орлову.

Ляля Орлова, хотя товарищ Дегтярь лично к ней в данном

случае не обращался, подтвердила, что им действительно дали только совет, а не посылали в прямом смысле этого слова.

— То есть, — Иона Овсеич поднял палец и провел в воздухе черту, как маятник, туда и обратно, — хотите идти — идите, не хотите — не идите. И кстати, Варгафтик, следуя по твоим стопам, мы могли бы вспомнить историю, как в свое время ты оформила на себя липовую прописку Ефиму Гранику.

— Липовую? — Дина буквально побурела. — Да, липовую, но весь двор знает, что я просто хотела Ефиму помочь, а выгоды никакой не имела, кроме неприятностей.

— Просто, да не просто, — Иона Овсеич наклонил голову вперед и немного набок. — Завтра в качестве народного заседателя, я как раз буду слушать аналогичное дело о барышах за липовую прописку.

— Люди, он с ума сошел! — закричала Дина. — Что вы молчите, как каменные: вы знаете всю правду, что же вы молчите, как каменные!

Ляля Орлова сказала, что ей пора домой, и дала обещание до утра не пользоваться отливом. Степан взял шведский ключ, тройник, болты и спустился в подвал, а Иона Овсеич попросил Зиновия повести его в квартиру и ознакомить, как идет строительство.

За один неполный день была проделана такая работа, что оставалось только удивляться. Товарищ Дегтярь похвалил, но при этом напомнил: заботясь о темпах, мы иногда забываем о качестве. Зиновий ответил, что у них на заводе Кирова вопрос поставили так: сначала — качество, а потом — темпы. В результате, получилось и качество, и темпы. А у себя дома, какой дурак будет делать хуже, чем на заводе.

Зиновий улыбнулся и объяснил, что это, конечно, только шутка, Иона Овсеич ответил, не надо оправдываться, он пони-

мает шутку, и вспомнил к слову, какое глупое подозрение стукнуло Зиновию в голову, когда в прошлый раз зашел разговор про Адю Лапидиса. Хотя сегодня, если говорить по существу, практика полностью подтвердила, что Дегтярь таки был прав: Лапидис своей болтовней уже привлек внимание не только у себя в цеху.

Зиновий ответил, что Дина Варгафтик полчаса назад тоже болтала много лишнего, но каждый хорошо понимает: болтовня — это болтовня.

Иона Овсеич покачал головой: болтовня болтовне рознь, но, независимо от этого, мы должны помнить, что критиканские настроения с неба не падают, они созревают в душе, как в теплице, и когда им становится там слишком тесно, они выбрасывают наружу свой ядовитый язык — клаци, бац, и зараза пошла дальше!

— Дорогой мой, Чеперуха, — Иона Овсеич пристально посмотрел в глаза, — ты был на фронте, и я не должен тебе объяснять, что такое зараза. Если требовала обстановка, выводили в поле, ставили к стенке, и не всегда имели в кармане решение суда или трибунала.

Нет, сказал Зиновий, он лично не знает ни одного случая.

Иона Овсеич задумался, машинально открыл кран, потекла вода, сначала толстой, как жгут, струей, потом все тоньше и тоньше, пока совсем не прекратилась, Иона Овсеич тяжело вздохнул: вот так и человеческая жизнь, но в молодости об этом не думаешь — смерть так далеко, что не представляешь себе, как этот мир может существовать без тебя.

Да, подтвердил Зиновий, сколько лет прошло, а он до сих пор чувствует свою ампутированную ногу, и по ночам, особенно перед рассветом, болят пальцы: во сне он делает массаж и ставит ногу в горячую воду.

В коридоре на втором этаже Клава Ивановна запела свою любимую песню: "А ну-ка девушки, а ну, красавицы!".

— Малая сильно постарела, — сказал Иона Овсеич. — Иногда она совсем, как ребенок. Многие годы, начиная с двадцать четвертого, я мог на нее уверенно опереться.

Зиновий улыбнулся: он вспомнил отчетливо, будто лишь вчера было, как мадам Малая требовала от Оськи Граника, чтобы он под салютом дал пионерское слово, что больше никогда в жизни не будет ходить в церковь, синагогу и костел. И Оська сдержал свое слово: от Клавы Ивановны никто не мог спрятаться или убежать.

— Послушай, Зиновий, — у Ионы Овсеича были печальные глаза, веки заметно набрякли, — старая гвардия постепенно вымирает. Это закон жизни, и тут ничего не поделаешь. Когда выбывает солдат, на его место должен стать другой. Зиновий, у нас во дворе не то настроение, я чувствую тревогу за людей и не могу по ночам спать. Нужно создать новый актив — из молодых, сильных и здоровых. Я хочу, чтобы ты стал во главе. Я дам тебе рекомендацию в партию.

Из крана опять потекла вода, внизу, в подвале, Степан ударил три раза по трубе, чтобы немедленно закрыли; Зиновий среагировал сразу после первого удара, но повернул ручку с такой силой, что в трубе заскрежетало.

— Это я виноват, — сказал Иона Овсеич, — забыл закрыть, ты не сердчай на старого Дегтяря.

Зиновий пожал плечами: не о чем говорить. А насчет актива следует подумать, но одно он может сказать сразу: вожак из него не получится, к этому надо иметь вкус от рождения.

— Дорогой Зиновий, — Иона Овсеич погрозил пальцем, — отбрось свою маскировку, Дегтярь уже достаточно насмотрелся и чует запах за версту.

Минуту стояли молча, Зиновий вспомнил, что через три

дня надо сдать курсовую работу, а времени осталось в обрез. Иона Овсеич прищурил правый глаз: гость сделал свое дело — гость может идти, другими словами, хозяин имеет теперь квартиру со всеми удобствами и этот настырный Овсеич больше не нужен. Угадал?

Зиновий сказал, не совсем, Иона Овсеич дружески похлопал по плечу и похвалил за откровенность.

Клава Ивановна распахнула настежь свое окно и запела громко, как пионеры в строю:

— А ну-ка, девушки, а ну, красавицы,
Пуškai поет о нас страна,
И звонкой песнею пускай прославятся
Среди героев наши имена!

Поздно вечером приехал полковник Ланда вместе со своей Гизеллой, которая последние три года больше разъезжала с мужем, чем сидела в Одессе. Иона Овсеич зашел буквально на одну минуту, чтобы позжать товарищу полковнику руку и поздравить с окончательным возвращением в родные пенаты, но, вместо рукопожатия, крепко, по-солдатски, обнялись и расцеловались.

— Овсеич, — громко сказал полковник и потянул Дегтяря ближе к свету, — годы тебя не берут, наоборот, ты делаешься все моложе.

Иона Овсеич улыбнулся: когда полковник открыто завидует капитану, в этом есть что-то настораживающее.

— Овсеич, — засмеялся полковник, — у меня такое чувство, как будто на дворе сейчас тридцать шестой год и Дегтярь зашел, чтобы позвать доктора Ланду на строительство форпоста.

— Ты ошибся на один год, — сказал Иона Овсеич, — форпост строили в тридцать седьмом году.

Полковник без разговоров принял поправку и удивился, что мог допустить такую ошибку, Иона Овсеич ответил, что

нет оснований удивляться, наша память довольно часто подводит, и не у одного доктора Ланды. Полковник хотел объяснить, что Дегтярю, который с сорок четвертого года сидит безвыездно в Одессе, легче было запомнить, но махнул рукой, вынул из чемодана бутылку, разлил в три рюмки и сказал:

— За нашу родную прекрасную Одессу!

— И чтобы память до ста лет была, как у молодых! — добавил Иона Овсеич.

Когда гость ушел, Гизелла спросила у мужа, что тот имел в виду своим дополнением, но полковник Ланда опять махнул рукой.

— Я его не люблю, — Гизелла вся съежилась, как будто сильно озябла. — Я его никогда не любила.

Через два дня во двор заехал грузовик с контейнером. Полковник Ланда разгружал вместе с рабочими, и соседи говорили, что другой на его месте только наблюдал бы и давал указания, но зато жена, слава Богу, палец о палец не ударит.

— Ляля, — просила Дина Варгафтик, — посмотрите на эту красавицу. Я вас умоляю, посмотрите на эту красавицу — за что людям так везет!

— Диночка, — Ляля сладко зажмурила глаза, — по внешнему виду не всегда можно судить.

— Ой, — застонала Дина, — людям везет, а наши мужья гниют на чужбине и даже адреса не оставили, где искать могилу.

Ефим Граник, хотя никто не просил, сам взял четыре стула и понес наверх. В комнате он остановился посередине, со стульями в руках, и стоял неподвижно, пока доктор Ланда не велел поставить на пол.

— Я здесь не был пятнадцать лет, — Ефим закрыл глаза, губы кривились и дергались. — Вы помните, доктор Ланда, как мы сносили вниз пианино, а ваша супруга бегала вокруг и боя-

лась, что мы разобьем в щепки? А мы просто хотели немножко напугать. Ради шутки.

Полковник Ланда подошел к гостю, обнял и дружески похлопал по плечу.

— А, — заплакал Ефим, — если бы вы знали, доктор Ланда, как мне горько на душе!

— Перестаньте, — сказал полковник Ланда, — перестаньте плакать, Граник.

Во дворе Лизочка громко звала папу, Ефим вытер слезы и объяснил, что обещал дочке пойти на вечерний сеанс в кино, она еще никогда не была на вечернем сеансе, а ему сейчас хочется в кино, как доктору Ланде на танцплощадку.

— Ефим Лазаревич, — командирским голосом сказал полковник Ланда, — вашей Лизе не нужен папа, у которого на глазах слезы, а на душе всегда горько.

— И вообще, — улыбнулся Ефим, — стране требуются строители, а плакальщики ей не требуются.

Пришла Клава Ивановна. Она объяснила, что в квартире надо навести порядок, а Гизелла одна не в силах. На деле, однако, получилось, что лишний человек создавал только лишние помехи, сам полковник сто раз благодарил мадам Малу за помощь, с трудом усадил ее на диван и дал в руки свежие болгарские журналы, чтобы она могла посмотреть картинки. Пять минут Клава Ивановна сидела спокойно, потом сказала, что болгар она хорошо знает и без журналов, под Одессой были целые болгарские села, и взялась переставлять вазоны с тумбочек на подоконник.

— Послушайте, — обиделась Гизелла, — у себя в доме я, кажется, хозяйка.

— Гизелла, — ответила мадам Малая, — не болтай и делай, как тебе говорят.

Полковник Ланда, вместо того, чтобы поддержать жену,

вдруг начал хохотать, как будто рассказали соленый солдатский анекдот, Гизелла окончательно обиделась и предупредила, что уйдет из дому, если она здесь лишняя.

— Почему лишняя? — пожала плечами Клава Ивановна. — Можешь остаться, тебя никто не гонит.

У Гизеллы сделались холодные и злые глаза, но в этот раз она себя сдержала, сказала мадам Малой спасибо и переставила цветы с подоконника на тумбочки.

— Ланда, — возмутилась Клава Ивановна, — что у тебя в доме творится: она решает все по-своему, а ты сидишь, как жених на чужой свадьбе!

Полковник беспомощно развел руками, мадам Малая вдруг схватила его, прижала к себе, велела Гизелле сесть за пианино, сыграть "Рио-Рита", а они вдвоем потанцуют.

У хозяйки был такой вид, как будто она не знает, что раньше, плакать или смеяться, Клава Ивановна с полковником Ландой успели уже сделать два тура, оба зажмурили глаза от удовольствия, и тогда Гизелла взяла аккорд, еще один, и заиграла так, как не играли лучшие таперы на немых картинах в кино "Ударник", теперь имени Горького.

На музыку пришли Дина с Лялей, они тоже хотели потанцевать, но полковник Ланда был один, и мадам Малая никому не уступала его.

— Ланда, — Клава Ивановна через каждые три па поднимала руки вверх и щелкала пальцами, как молодая испанка, — я еще доживу, когда ты будешь генералом!

Дина Варгафтик танцевала с Лялей, и обе восхищались Гизеллой, которая своей музыкой может в один прием всех околдовать. Ляля сильно запрокинула голову, вроде ее пытаются поцеловать, а она уклоняется, складки на шее почти совсем разгладились, и Дина сказала, что при этой шее можно еще

поспорить с теперешними девчонками, у которых кожа, как сухая кора, такие они тощие.

Гизелла играла "Брызги шампанского", "Любимый вальс", "Кариока", Дина, ни с того, ни с сего заплакала, а Ляля все время улыбалась и брови были высоко подняты, как у гимназисточки.

Когда сделали передышку, Клава Ивановна крепко поцеловала Гизеллу и сказала всем:

– Дети мои, если бы вы знали, какие вы мне все родные!

Потом танцевали еще несколько раз "Рио-Рита" и "Брызги шампанского", а в заключение Гизелла сыграла "Челиту", которую Клава Ивановна от начала до конца спела словами.

– Клавочка Ивановна, – захлопала в ладони Ляля, – вы же еще совсем невеста!

– Да, – подтвердила Клава Ивановна, – и скоро буду совсем девочка в беленьких тапочках, с ручками на животе.

Дина Варгафтик возмутилась: глупые разговоры, Клава Ивановна еще всех нас переживет! Не надо, нахмурилась Клава Ивановна, это никому не надо, пусть все идет, как должно идти.

Когда гости разошлись, и остались вдвоем, Гизелла сказала своему мужу, полковнику Ланде: удивительно, как эти простые люди цепляются за прошлое. Полковнику не понравились слова жены, и он отметил, что она со своими манерами тоже цепляется за прошлое, которое еще дальше, чем прошлое этих простых людей. Гизелла обиделась и заявила мужу, что он такой же кровный сын этого двора, как и его соседи.

В середине недели Зиновий Чеперуха кончил строительство у себя в квартире и послал Гришу с Мишей к товарищу Дегтярю и мадам Малой, чтобы те зашли на несколько минут. Клава Ивановна не заставила себя ждать, а Иона Овсеич передал

через мальчиков, что не имеет ни минуты свободного времени: если дела позволят, он заглянет завтра вечером.

— Зиновий, — сказала Клава Ивановна, — ты не должен обижаться: наш Дегтярь работает за десятерых.

На другой день Иона Овсеич позвонил Чеперухе на завод имени Кирова и просил, когда тот будет возвращаться со смены домой, чтобы завернул к нему на фабрику, он будет ждать у себя. С утра стоял густой туман, через каждые пять секунд на море выл звуковой маяк, у Зиновия сильно ныла культия, и от большого напряжения набрякли руки, но, поскольку договорились, сразу после смены на своей инвалидной коляске он подъехал к обувной фабрике. На проходной его ждал готовый пропуск, коляску пришлось оставить на улице, вахтер обещал посмотреть.

Когда Зиновий зашел в партбюро, сидели люди из цехов, товарищ Дегтярь просил на минуту извинения, чтобы закончить с ними разговор. Речь шла о подготовке к республиканской промышленной выставке, Иона Овсеич, в присутствии главного инженера, поименно отбирал лучших модельеров и мастеров для изготовления образцов, а начальников цехов предупредил, что за каждый экспонат будут отвечать своей головой. Начальники не возражали, наоборот, они сами подчеркивали, что никакой скидки на качество сырья или сжатые сроки никто не допустит, и смотрели при этом на Зиновия, который внимательно слушал весь разговор. Модельер, выступивший последним, даже прямо обратился к Зиновию и твердо обещал, что наши художники обуви не подкачают и постараются, как для Парижа. Иона Овсеич сделал замечание, поскольку в его сравнении дал себя знать гнилой душок низкопоклонства перед иностранщиной, и привел известный факт, что наша русская обувь еще до революции котирировалась на международном рынке, а знаменитые остоши из города Осташкова и женский

сапожок широко бытовали на Руси, когда в Европе об этом еще не имели представления. Модельер немножко поежился, но признал допущенную оплошность и, в свою очередь, привел широко известный факт насчет той же Франции, где бедные слои населения издавна практиковали деревянную обувь, называется сабо, об этом даже писал в своих рассказах Мопассан, которая, как две капли воды, повторяет наши старинные лапти, только без задника и боковых. Пример с лаптями Иона Овсеич признал удачным и, поскольку уже затронули данный аспект, сослался на такие древние города, как Рязань и Козельск, где плетение лаптей достигло уровня подлинного искусства.

— Однако, — подбил окончательно итог Иона Овсеич, — лапотная Россия канула в далекое прошлое, и это надо понимать со всей ясностью.

Затем, без паузы, товарищ Дегтярь обратился к Зиновию Чеперухе, передовику завода имени Кирова, и поинтересовался, как у него лично с бытом: полностью закончили строительство ванной и туалета или есть недоделки и требуется еще помощь?

Вопрос, как он был поставлен товарищем Дегтярем, застиг Зиновия немножко врасплох, ибо только накануне вечером Гриша и Миша приглашали товарища Дегтяря на ужин, чтобы отметить окончание строительства.

— Зиновий, — радушно улыбнулся Иона Овсеич, — ты молчишь, и люди могут подумать, что они здесь лишние. А здесь все свои.

В ответ Зиновий тоже улыбнулся и повторил товарищу Дегтярю вчерашнее приглашение отметить окончание строительства.

— Да, — спохватился Иона Овсеич, — надо ввести присутствующих в курс дела, а то мы начали с другого конца. Товари-

щи, Зиновий Чеперуха, которого вы видите перед собой, до войны, вместе с матерью и отцом, отец простой одесский биндюжник, занимал небольшую комнатуху, а все удобства, как сами догадываетесь, располагались в общем дворе.

Главный инженер, а за ним начальники цехов и сам герой дружно засмеялись, Иона Овсеич поднял перед собой ладонь, просил успокоиться и продолжал:

— А сегодня, на пороге второй послевоенной пятилетки, Зиновий Чеперуха имеет отдельную, изолированную квартиру со всеми удобствами: своя вода, свой туалет, свой душ, короче говоря, все, о чем раньше можно было только мечтать.

Начальники цехов, один за другим, поднялись, пожали Зиновию руку, а художник-модельер по секрету спросил у гостя, какое отношение к этому имеет наш товарищ Дегтярь. Зиновий, в ответ, задал встречный вопрос: а какое отношение художник-модельер имеет к своим моделям?

— Стоп! — остановил Иона Овсеич. — Никто из нас не делает больше, чем должен, и давайте не будем возвращаться к этому.

Несмотря на запрет, начальник заготовочного цеха все-таки попросил товарища Дегтяря, чтобы тот объяснил людям, как у него, который круглые сутки не выходит с фабрики, выкраивается еще время, чтобы вникать в нужды двора и заботиться о своих соседях.

— Товарищи, — Иона Овсеич хлопнул ладонью по столу, — я уже один раз просил не возвращаться к этому вопросу, и не будем повторять.

Когда остались вдвоем, Иона Овсеич минуту помолчал, подошел к окну, которое выходит на фабричный двор, как раз закончилась смена, рабочие, среди них особенно много женщин, повалили толпой, и сказал с волнением в голосе:

— Какой у нас удивительный рабочий класс! Какие люди!

Сколько бы мы ни отдавали им, все равно мало, все равно мы всегда у них в долгу.

Небольшой ужин, который хотел устроить Зиновий, Иона Овсеич просил перенести на субботу, перед выходным, потому что сегодня у него совещание в райкоме, а повестка дня такая, что дай Бог закончить и успеть на трамвай. Кстати, вспомнил Иона Овсеич, на ужин надо бы пригласить Хомицкого, Ланду, Марину Бирюк, вместе с Дегтярем и Малой получится пять человек, пожалуй, хватит. Неплохо было бы и представителя из Сталинского жилкоммунотдела, но это Зиновий пусть сам решает.

Кроме тех, кого перечислил товарищ Дегтярь, Зиновий пригласил еще Ефима Граника, Лялю Орлову, Дину Варгафтик и Аню Котляр с Адей. Насчет Ани Котляр и Ади у Катерины были сомнения, хотя она лично против них ничего не имеет, а бабушка Оля пошла еще дальше и прямо заявила, что товарищу Дегтярю это не может понравиться. Зиновий сверкнул глазами, закричал: "Прекратите свои бабские штуки!" — и на том поставили точку.

Иона Овсеич, когда увидел, сколько собралось гостей, сказал, тут надо будет полдня только для того, чтобы со всеми поздороваться, и пожал каждому в отдельности руку. Старый Чеперуха сделал товарищу Дегтярю комплимент от всей души, что рука у него крепкая, как двадцать пять лет назад, как будто время не имеет над ним власти.

— Матерый комплиментщик! — погрозил пальцем товарищ Дегтярь и крепко обнял Иону Чеперуху.

Доктор Ланда, который принес с собой немецкую "Лейку" с магниевой вспышкой, просил Дегтяря и Чеперуху на секунду задержаться и не двигаться. Когда раздался щелчок и можно было опять двигаться, Иона Овсеич обратился к полковнику Ланде с убедительной просьбой, чтобы в его объектив попадали

такие люди, как потомственный транспортник Иона Чеперуха, мастеровой Степан Хомицкий, старейшая активистка и общественница Клава Малая, жена кадрового офицера, кавалера Золотой звезды Марина Бирюк, а Дегтярей надо фотографировать поменьше.

— Овсеич, — ответил полковник Ланда, — успокойся; тебе просто повезло — ты как раз стоял рядом с потомственным транспортником Ионой Чеперухой, но на фотографии я могу тебя отрезать.

Люди весело засмеялись, Иона Овсеич тоже улыбнулся, но дал понять, что хорошая шутка должна хорошо знать свое место.

Старый Чеперуха напомнил дорогим гостям, что пора за стол, а то горилка выдыхается, люди стали отодвигать стулья, но Иона Овсеич поднял руку и громко сказал:

— Товарищи, я думаю, среди нас голодных нету, мы пришли не кушать и пить, а чтобы поздравить нашего соседа, фронтовика Зиновия Чеперуху, который родился и вырос в этом дворе, со вторым новосельем!

Иона Овсеич, а за ним все остальные ударили в ладони и попросили хозяина показать квартиру, которая настолько изменилась, что, хотя находилась на месте старой, но была на нее похожа, как день на ночь.

Зиновий открыл дверь туалета с желтой, под слоновую кость, пластмассовой ручкой, просил заходить по трое, чтобы не создавать тесноты, пустил воду из крана, из душа, потянул цепь бачка, в унитазе запенилось, забурлило, как будто ударили в упор из пожарного шланга, а через пару минут, когда зашли следующие трое, бачок был опять полный и, только потянули цепь, опять запенилось и забурлило.

— Счастливые люди! — открыто позавидовала Ляля.

— Не горюй, Орлова, — подмигнул Иона Овсеич, — сегодня у Чеперухи, завтра — у тебя, а еще день — и у Дегтяря будет.

Доктор Ланда опять щелкнул своим фотоаппаратом, магниевая вспышка получилась в этот раз такая яркая, что Дина Варгафтик зажмурила глаза и долго не могла открыть.

— Ланда, — обратился Иона Овсеич, — надо будет сделать два экземпляра; один мы сохраним для наших детей, когда построим новый форпост.

Дина Варгафтик открыла, наконец, глаза и просила доктора Ланду переснять, потому что она получилась слепая и дети будут смеяться. Доктор объяснил, что она зажмурилась уже после вспышки, но Дина никак не хотела слышать и пришлось пойти на уступку, Зиновий опять открыл кран, душ, дернул за цепочку, вода ринулась с грохотом, люди повернулись лицом к аппарату, смотрели прямо в объектив и радостно улыбались.

За столом товарищ Дегтярь предоставил первое слово Чеперухе-старшему, отцу нашего дорогого именинника, старожилу Одессы, который застал еще своего деда, а тот еще помнил Пушкина, когда поэт здесь жил в ссылке, ходил по улицам и прислушивался к голосу народа.

— Дорогие соседи, — Иона держал перед собой стопку, от волнения сильно дрожала рука, — товарищ Дегтярь только что вспомнил моего деда, который жил в нашей Одессе при Пушкине, но что хорошего он знал в своей жизни! Ничего, ровным счетом ничего: моему родному папаше он оставил пару тощих коней, а папаша оставил мне тачку или, проще говоря, два колеса с оглоблей, а за лошадь должен был стать уже Иона, его родной сын, короче, я сам. А сегодня мой Зиновий кончает на инженера, имеет жену с образованием и государство выделило ему отдельную квартиру со всеми удобствами, то есть своя вода, свой душ, свой туалет. Я вас спрашиваю: что еще человеку надо? Когда я был маленький мальчик, моя покойная

мама давала мне на праздники пять копеек и посылала в баню Исаковича на Преображенской улице, а мой сын и его дети имеют баню у себя дома и могут сидеть, сколько им захочется, и никто на свете не имеет права сказать им: хватит, баня закрывается!

У Ионы на глазах выступили слезы, а гости, наоборот, весело смеялись и требовали, чтобы оратор продолжал свою речь.

— И я думаю, — Иона вытер большим пальцем слезы, — когда папаша придет в дом к своему сыну и захочет тоже взять душ, сын не скажет ему: хватит, баня закрывается!

Старый Чеперуха опять заплакал, Клава Ивановна и бабушка Оля качали головами, а маленькие Гриша и Миша, хотя никто не давал команды, сами побежали к деду, прижались с обеих сторон к ногам и потребовали, чтобы дед выпил свою стопку, а то водка выдыхается. Гости засмеялись еще веселее и громче, Иона Овсеич поднялся со своего места, остальные тоже встали, и предложил самый первый тост за наших детей.

— За наших детей, — повторил Иона Овсеич, — за наше будущее, за мир во всем мире!

Когда немного закусили, Клава Ивановна запела "А ну-ка, девушки, а ну, красавицы", сделала руками знак, чтобы подхватили и начала дирижировать:

Расти, страна, где волею единой
Народы все слились в один народ,
Цвети, страна, где женщина с мужчиной
В одних рядах свободная идет!
А ну-ка, девушки, а ну, красавицы!

Хор получился дружный и звонкий, как будто накануне сто раз репетировали, Иона Овсеич зажмурил от удовольствия глаза, ударял в такт ногой и широко открывал рот, когда начинался припев. Адя Лапидис, по своей привычке, смотрел немножко исподлобья и тоже широко открывал рот, одна Аня

Котляр сидела, как деревянная, и крепко сжимала губы.

Иона Овсеич, хотя глаза были закрыты, хорошо видел, какое у Ани Котляр выражение лица, и ждал, когда эта женщина своим надутым видом перестанет портить людям настроение. Бабушка Оля осторожно подошла сзади, наклонилась, но Котляр, вместо того, чтобы улыбнуться или просто приветливо ответить, еще больше надулась и замотала головой, вроде к ней зря цепляются и докучают. Оля положила ей руку на затылок, а она вдруг захватила обеими ладонями лицо и затряслась, как в истерике.

— Анна Котляр, — спокойно сказал Иона Овсеич, — мы здесь в гостях, а не у себя дома.

Аня продолжала держать лицо в ладонях, как будто не к ней обращаются, товарищ Дегтярь еще раз просил успокоиться и напомнил известную народную поговорку: в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

— При чем здесь монастырь! — встряла Клава Ивановна. — Тяжело заболел ее Иосиф, у него началась гангрена на второй ноге.

Товарищ Дегтярь выпрямился на своем стуле, положил ладони на стол и сказал, что от гангрены в наше время не умирают, а там, где находится сейчас Иосиф Котляр, достаточно квалифицированных врачей и хирургов, не хуже, чем наш доктор Ланда.

Доктор Ланда улыбнулся и подтвердил: не только не хуже, но еще в десять раз лучше. Иона Овсеич прищурил правый глаз, как будто прицеливается, несколько секунд внимательно смотрел на полковника, потом попросил Зиновия, как хозяина дома, поставить для гостей какую-нибудь веселую пластинку, а то некоторые хотят на свадьбе играть панихиду.

Пока Зиновий возился с проигрывателем, Аня отняла

ладони от лица, правая сторона, где было ранение, сделалась совсем синяя и прошептала:

— Ничего, товарищ Дегтярь, я еще дождусь в нашем дворе панихиды, на которой потанцую, как на свадьбе.

— Громче, Анна Котляр, — Иона Овсеич сильно прижался к спинке стула, от сиденья поднялся сухой скрип, — громче, чтобы все могли слышать.

— Боже мой, — заломила руки бабушка Оля, — я же говорила: "Зюня, не надо приглашать ее!" Но разве меня кто-нибудь слушает!

— Жена, — старый Чеперуха ударил кулаком по столу, две бутылки с водкой упали на пол, одна разбилась, — не подымай гвалт на весь мир! У Ани Котляр болит душа, а ты ее гонишь на улицу, как заразную собаку. Мне стыдно, стыдно перед детьми, перед людьми, перед соседями.

— Знаете, что, папа, — вступилась за свекровь Катерина, — свои порядки будете устанавливать у себя дома: здесь нечего срамить. А ходить в гости с камнем за пазухой — это, я не знаю, кем надо быть!

— Дети, — замахала руками Клава Ивановна, — родные мои, перестаньте! Я вас умоляю, перестаньте.

Бабушка Оля взяла Клава Ивановну за плечи и просила успокоиться, Ляля с Диной подали стакан воды и тройчатку, остальные даже не пошевелинулись, как будто ничего не видят и ничего не слышат.

— Зиновий, — обратился Иона Овсеич, — получается какое-то странное зрелище, а хозяин молчит.

Проигрыватель работал вхолостую, Зиновий выключил, осмотрелся, взял со стола графинчик с водкой, подошел к Ане, слышно было, как скрипит протез, налил в два стакана, один подал госте, громко чокнулся, поднял свой стакан вверх и залпом выпил. Марина Бирюк вся встрепенулась и потребова-

ла, чтобы хозяин налил остальным, а кто не захочет, пусть сидит и облизывается. Старый Чеперуха, Степан Хомицкий и Ефим Граник не заставили просить дважды и налили себе сами, полковник Ланда разделил свою порцию пополам с товарищем Дегтярем и сказал:

— Овсеич, даже бочка без вина рассыхается до дна.

Товарищ Дегтярь сидел бледный, на висках сильно вздулись вены, рука лежала на столе возле стопки, как неживая.

— Дегтярь, — обратился старый Чеперуха, — мороз на дворе крепчает.

— Хорошо, — Иона Овсеич поднялся, взял стопку, вытянул вперед руку, — я предлагаю выпить за наше русское радушие и гостеприимство!

Зиновий, пока другие еще допивали, поставил новую пластинку, которую держал специально для гостей, включил через приемник "Балтика" проигрыватель, и люди получили настоящее удовольствие, когда женский голос, не хуже, чем у самой Клавдии Шульженко, запел про Мишку:

Мишка, Мишка, где твоя улыбка,

Полная задора и огня!

Самая нелепая ошибка

То, что ты уходишь от меня.

У Клавды Ивановны с самого утра бегали сегодня по всему телу мурашки, руки-ноги были, как чужие, и Ляля с Диной, когда начались танцы, захватили полковника Ланду в полное свое распоряжение, так что другие женщины, пока полковник сам не пригласил Аню Котляр, не могли даже подступить.

Ляля Орлова весь вечер не уставала повторять, что полковник Ланда, который уже почти генерал, держит себя так просто, словно между ним и остальными нет никакой разницы.

Аня, хотя кавалер во время танца много раз к ней обращал-

ся и пытался завести разговор, с самого начала опустила голову и упорно смотрела вниз, под ноги.

— Мадемуазель, — в отчаянии воскликнул полковник Ланда.

— Перестаньте гипнотизировать меня: я едва держусь, чтобы не пасть перед вами на колени, а вокруг люди и сам товарищ Дегтярь.

Аня улыбнулась, но головы не подняла, наоборот, опустила еще ниже, так что ее волосы теперь щекотали полковнику Ланде подбородок и губы.

— Милая Анна, — совсем тихо прошептал доктор Ланда, — все будет хорошо, поверьте мне, все будет хорошо.

Пластинка была долгоиграющая, с небольшими паузами, и полковник хотел пригласить свою даму на следующий танец, но Зиновий опередил. Катерина смотрела на мужа во все глаза и не могла прийти в себя от удивления: с женой танцевать, так у него полторы ноги, а с другой — так на трех скачет стрекозел.

Когда танец закончился, Аня хотела уйти домой, но Степан и Ефим пристали оба, как банный лист, и загородили проход. Аня совсем растерялась, и Марина Бирюк открыто, на людях, призналась, что умрет от зависти, если эта гордячка не уступит ей хотя бы одного — Ефима или Степана.

— Марина, — подскочил Иона Чеперуха, — зачем вам этот старый хлам, возьмите меня, я лучше!

Нет, стояла на своем Марина, она хочет только Степу или Ефима.

Товарищ Дегтярь внимательно наблюдал за шутливой сценой, которая возникла стихийно, и сказал:

— Можно подумать, здесь собрались какие-то тайные франк-масоны, у которых свой устав, свои цели и свой особенный язык.

— При чем здесь особенный язык? — удивилась Клава Ива-

новна. — Просто у людей хорошо на сердце и они хорошо понимают друг друга.

Ефим выпятил сильно вперед губы, как будто негр из Африки, и закричал гортанным голосом:

— Мир! Дружба! Дружба!

Гости не успели отреагировать, Иона Овсеич выхватил из кармана газету, свернутую в трубку, и со всего размаха хлопнул по столу:

— Перестаньте паясничать, Граник! Мы заплатили за мир своей кровью и не позволим делать из этого шутовские номера на потеху всяким беспачпортным бродягам.

От неожиданности Ефим вздрогнул, губы задрожали, но остались выпяченными сильно вперед, и товарищ Дегтярь приказал:

— Убери свою дурацкую маску — здесь тебе не Америка!

Пластинка закончилась, Зиновий выключил приемник, на минуту воцарилась полная тишина. Первый нарушил старый Чеперуха:

— Овсеич, — сказал он и тяжело вздохнул, — я тебя хорошо понимаю и сочувствую: когда такая женщина, как наша Марина, проходит мимо и не останавливается, надо быть каменным, чтобы тебя не взяла зависть и досада.

— Нет, уважаемый Чеперуха, — Иона Овсеич разрезал пальцем воздух сверху вниз, — сейчас меня как раз волнует другая, и даже не другая, а другие, и ты в том числе. И я хочу, чтобы меня хорошо поняли.

— Не волнуйся, — вмешался в разговор полковник Ланда, — тебя хорошо поняли, но зачем портить людям настроение: тебе не нравится — повернись на сто восемьдесят градусов и гуд бай!

— Гуд бай! — повторил гнусавым голосом, как будто передразнивает, Иона Овсеич. — А я вас попрошу, доктор Лан-

да, как говорит наша русская пословица, не наводите нам тень на плетень!

Адя Лапидис, который за весь вечер не проронил ни одного слова, схватил Аню Котляр за руку и закричал:

— Идемте отсюда, тетя Аня, идемте!

Получилось так неожиданно, что никто не успел остановить: Адя, буквально силой, потянул за собой Аню, Зиновий побежал вслед, но гости уже скрылись за воротами.

Когда Зиновий вернулся, товарищ Дегтярь пристально посмотрел на него и усмехнулся:

— Ну что, хозяин, догнал?

Бабушка Оля громко застонала и поклялась, пусть она не сойдет с этого места, если еще раз устроит вечеринку: только наживать себе врагов, ничего больше!

Наоборот, возразил Иона Овсеич, все стало на свои места, а врагов бояться не надо — пусть они нас бояться.

Полковник Ланда сказал общее до свиданья, вежливо поклонился и вышел. Остальные гости тоже стали прощаться, благодарили хозяев за компанию, за настоящую фаршированную рыбу, скоро совсем разучатся ее готовить, и желали всему дому получить полное удовольствие от собственного душа и туалета.

Иона Овсеич, Малая и Степа Хомицкий вышли втроем. Посреди двора Клава Ивановна машинально остановилась, осмотрелась вокруг и сказала:

— Дегтярь, объясни мне, почему люди не могут жить, как было до войны, почему каждый раз получается что-нибудь не так?

— Малая, — Иона Овсеич медленно поднимал голову, как будто пересчитывает этажи и окна, — ты просто начала забывать. Ты забыла, сколько мы возились с Лапидисом, с Чеперухой, с Граником, с Орловой и с теми же Котлярами. Но в

одном ты права: люди охотнее учились и легче усваивали.

Степан усмехнулся и сказал: молодые были, у молодых память лучше. Ничего, ответил Иона Овсеич, медики правильно говорят: на всякий яд есть противоядие.

Старый Чеперуха, когда разошлись гости, уселся на стуле посреди комнаты, женщины жаловались, что мешает им делать уборку, но он продолжал сидеть на месте и принялся разглагольствовать вслух насчет товарища Дегтяря.

— Дегтярь, — сказал он, — хочет, чтобы все люди радовались, и его можно понять. Возьмем, например, Иону Чеперуху с его женой: ихний сын Зиновий вернулся живой с фронта, имеет двоих детей, кончает на инженера, получил отдельную квартиру, в квартире все удобства, какие только может себе на сегодня представить человек, — почему же не радоваться? Конечно, надо радоваться и говорить нашей советской власти: спасибо тебе, советская власть. С другой стороны, возьмем Дину Варгафтик, которая потеряла единственного мужа и осталась одна на свете, или Аню Котляр, оба сына погибли на фронте, а Иосиф таскает камни где-то в лагере, — попробуй тут радоваться. А наш Дегтярь хочет, чтобы все одинаково радовались и одинаково смеялись.

— Сын, — обратился старый Чеперуха, — скажи, я прав или не прав?

Зиновий ответил, что батя прав на все сто, но чувствуются пробелы в экономическом и философском образовании.

— Сынок, — обиделся старый Чеперуха, — я не люблю, когда ты начинаешь сильно умничать: отвечай прямо — прав я или не прав?

Зиновий повторил, что батя прав на все сто, а на языке политэкономики это звучит примерно так: в социалистическом обществе еще существует известная дифференциация, все люди не могут быть удовлетворены в равной мере, следовательно,

не все одинаково хорошо себя чувствуют. А что касается лично нашего Дегтяря, которому не терпится, чтобы всем было одинаково хорошо уже сегодня, тут надо еще подумать, откуда и отчего такое нетерпение.

— Сынок, — улыбнулся старый Чеперуха, — если ты так хорошо понимаешь, почему же ты не спросил у самого Дегтяря, когда он сидел здесь и вместе с нами выпивал?

Бабушка Оля опять рассердилась и набросилась на мужа:

— Закрой, наконец, свой рот!

Зиновий перебрался со стула на диван, теперь хорошо было видно, какое у него усталое лицо, и бабушка Оля потребовала, пусть немедленно ложится спать, потому что каждый день завод и каждый день институт, а потом еще строительство у себя в квартире — тут надо иметь лошадиное здоровье, чтобы выдержать.

Зиновий закрыл глаза, откинулся головой на спинку, велел отцу сесть рядом и продолжал:

— Ты говоришь, почему я не спросил? А разве Дегтярь признает, что ему не терпится? Наоборот, ему кажется, что все идет слишком медленно. Человек начал до революции и ведет свой счет оттуда. Ему казалось, что цель где-то рядом, вот-вот он увидит своими глазами, а на деле получилось, что требуется гораздо больше времени, чем могли предполагать и рассчитывать до революции. А годы идут, человек спешит, и ему все больше не терпится.

— По-твоему получается, — сделал свой вывод старый Чеперуха, — что чем дальше, тем сильнее Дегтярь будет нервничать.

Что будет дальше, сказал Зиновий, — покажет время.

Иона прижал к себе голову сына, поцеловал в макушку и велел идти спать, но, когда Зиновий уже отстегнул протез, растер культю и начал скатывать подушку валиком, по японскому фасону, он опять вернулся к разговору:

— Зиновий, или ты не досказал, или у меня уже такой склероз, что я плохо понимаю: с одной стороны, мы видим, Дегтярь все делает для людей, а с другой стороны, получается, что его цель для него главнее, чем люди.

— Язык без костей, — закричала бабушка Оля, — оставь в покое ребенка: мало завода, мало института, мало сутками пилить и штукатурить — ему еще надо папу-философа!

Иона тяжело вздохнул, сказал, что теперь Овсейч будет целую ночь сидеть у него в голове, но Оля дала совет, пусть лучше у него в голове сидит Марина Бирюк, а насчет Дегтяря беспокоиться не надо.

— Дура, — ответил Иона, — темный, забитый человек!

— Папаша, — вступила в разговор Катерина, — не тяните резину, идите к себе домой, ложитесь в постельку: до утра все пройдет.

Ночью Дегтярь вызывал к своей Полине Исаевне скорую помощь: приступ астмы был такой сильный, что, казалось, уже конец. Кареты долго не было, Иона Овсейч позвонил вторично и побежал за Анной Котляр. Аня ввела внутривенно кубик эфедрина, больная почувствовала заметное облегчение, перестала хрипеть и мотаться, лишь тихонько стонала. Наконец, приехала карета, доктор сказал, надо госпитализировать, но Полина Исаевна отказалась наотрез: она уже не может ни видеть эти больницы, ни слышать про них.

— Не болтай чепуху, — перебил Иона Овсейч. — Если надо, так надо.

Доктор немного подумал, кивнул в сторону Ани Котляр и сказал: поскольку здесь свой медик, подождем до утра.

Иона Овсейч, когда скорая помощь уехала, прилег, не раздеваясь, на диван. Аня поставила стул возле кровати Полины Исаевны, выключила потолочный свет, зажгла настольную лампочку и положила себе на колени книгу.

— Аннушка, — сказала Полина Исаевна, — зажги большой свет: ты себе испортишь глаза.

Аня взяла Полину Исаевну за руку, погладила и велела спать.

— Аннушка, — прошептала Полина Исаевна, — как твой Иосиф? Здоров?

— Спите, — махнула рукой Аня, — вам надо спать.

Утром радио из Москвы передало новое постановление партии и правительства об очередном снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары. От этого снижения население получило прямой выигрыш в размере семь и восемь десятых миллиарда рублей, не считая того выигрыша, который оно дополнительно получит от снижения цен на колхозных рынках.

У Полины Исаевны на глазах стояли слезы, она говорила, что материально людям становится все лучше и лучше, теперь бы только жить, но где взять здоровье.

— Аннушка, — горько улыбнулась Полина Исаевна, — ты не знаешь, где продается здоровье?

Аня приготовила завтрак для больной, Иона Овсеич сильно торопился и не мог присесть даже выпить стакан чаю. Полина Исаевна сказала, что так, на голодный желудок, он будет гонять, как угорелый, целый день, а годы уже не те.

— Думайте больше о себе, — ответила Аня, — а ваш Дегтярь, слава Богу, на ногах.

Полина Исаевна закрыла глаза, спрятала руки под одеяло, Аня удивилась, как мало места она занимает на своей кровати с никелированными спинками, сердце сжалось в жутком предчувствии, на миг перехватило дыхание и отпустило.

— Аннушка, — вздохнула Полина Исаевна, — я иногда думаю про себя: что хорошего он имел в жизни со мной? Вечно боль-

ная, вечно врачи, скорая помощь, кислород, фтивазид, эфедрин. Другой бы на его месте уже десять раз плюнул и был бы прав.

— Перестаньте, — возмутилась Аня, — я не хочу вас слушать.

— Да, — усмехнулась Полина Исаевна, — со стороны легко возмущаться.

Аня сказала, что у каждого свое, хотела привести в пример Адю, Иосифа, себя, но передумала: у бедной Полины Исаевны собственных камней достаточно на сердце.

В десять часов Иона Овсеич позвонил с фабрики. Аня взяла трубку, несколько секунд держала молча, потом спросила Полину Исаевну, может ли она встать и подойти к телефону, та с большим трудом опустила ноги, надела шлепанцы, тело невольно наклонилось вперед, как у пьяного, и вдруг опять повалилась на подушку.

Иона Овсеич спросил в трубку, почему так долго, Аня ответила, что больная вышла по своим надобностям, а так чувствует себя удовлетворительно. Иона Овсеич сказал, что не может больше вести переговоры, поскольку его ждет комсомольский актив: сегодня обсуждают ход соревнования и почин Лидии Корабельниковой, с московской обувной фабрики "Парижская коммуна", по комплексной экономии сырья и материалов. По предварительным данным, складывается неплохое впечатление, так что пусть больная равняется на наших комсомольцев.

Иона Овсеич засмеялся, просил передать, что из парткома порта товарищи обещали пару кило апельсинов и полдюжину итальянских лимонов, Аня поблагодарила, и разговор на том закончился.

Полина Исаевна тяжело дышала, воздух входил и выходил изо рта с хрипами, щеки то западали, то вздувались, Аня поднесла подушку с кислородом, но больная махнула рукой: не надо, обойдется так.

Аня сказала, что ей пора на работу, и предложила позвать Клаву Ивановну. Нет, покачала головой Полина Исаевна, и стыдно, и обидно: мадам Малая почти на двадцать лет старше. Глупости, возразила Аня, эти старики в сто раз крепче и здоровее нас с вами, пусть посидит.

— Не насилуйте меня, не заставляйте! — вдруг заплакала Полина Исаевна, но быстро взяла себя в руки и велела Ане идти, а то опоздает из-за нее на работу.

Иона Овсевич вернулся с фабрики рано: еще не было девяти часов. Прямо от дверей он подошел к кровати, положил Полине Исаевне на лоб руку и сказал, что температура нормальная, а это уже хороший признак. Хороший, подтвердила Полина Исаевна и вспомнила анекдот про старого доктора, которого вызывали к больному, но доктор так закрутился в этот день, что попал уже к покойнику. Родственники, конечно, плакали, и доктор спросил: как покойный, потел перед смертью? Ему ответили, да, потел, и доктор сказал: это хороший признак, что покойный перед смертью потел.

— Полина, — нахмурился Иона Овсевич, — я не доктор и ты еще не покойница!

Да, ответила Полина Исаевна, она еще не совсем покойница, и хотела продолжить на эту тему, но Иона Овсевич больше не желал поддерживать разговоры про смерть, а предложил, лучше послушать, как сегодня наши комсомольцы и молодежь обсуждали у себя на активе почин московской комсомолки Лидии Корабельниковой. Такого огромного удовольствия, сказал Иона Овсевич, он уже давно не получал. Выступающие делали расчеты с цифрами в руках, а Зина Бондаренко, работает на конвейере, посмотришь со стороны, самая обыкновенная девушка, не побоялась резануть всю правду своим товарищам в глаза: "Мы считаем здесь экономию на килограммы и метры, а надо на граммы и миллиметры, иначе опять получит-

ся: ах, это кусочек, кусочек не в счет!” И самое главное, молодежь сама, никто со стороны не подсказывал, делала вывод, что так и только так мы можем прийти к коммунизму.

Полина Исаевна сказала, что она заранее во всем согласна с этими комсомольцами, но просит говорить потише, а то у нее в голове звон стоит, как будто на колокольне.

— Полина, — опять рассердился Иона Овсеич, — мне совсем не нравится твое упадническое настроение. Немцы, какие они ни есть, придумали одну хорошую поговорку: ”Деньги потратить — ничего не потерять, дух потерять — все потерять”.

Когда Иона Овсеич немного успокоился, Полина Исаевна спросила, где он сегодня обедал и, вообще, обедал ли.

— О, — воскликнул Иона Овсеич, — это для тебя самое главное: работай, чтобы иметь на кастрюлю супа, а потом скушай этот суп, чтобы иметь силы заработать на новую кастрюлю!

Полина Исаевна сказала, так можно перевернуть любое слово и получится, что вообще питаться не надо, и отдыхать не надо, и здоровья не надо, а надо только одно: с утра до ночи круглые сутки работать и вкалывать.

— Вкалывать! — повторил Иона Овсеич. — Мне нравится этот жаргон, особенно в устах учительницы. Не трудиться, не работать, а вкалывать!

Иона Овсеич разжег примус, чтобы закипятить воду для ужина и на ночь в термос: больной может потребоваться грелка, компресс или просто захочется стакан чаю с лимоном. Полина Исаевна сказала, зачем возиться сейчас с керосином, копоть, вонь, шум, надо включить электроплитку, будет на пять минут позже, зато чисто и аккуратно.

Иона Овсеич ответил, что только позавчера в райкоме был как раз об этом разговор, а сегодня по всему городу в каждом подъезде наклеено объявление, чтобы сэкономили электроэнергию. Полина Исаевна сказала, она понимает, но если у че-

ловека экстренный случай: тяжело заболела жена, а он пришел усталый с работы...

— Полина, — перебил Иона Овсеич, — не надо разводить здесь фальшивую демагогию и жалость: если бы я не мог, я бы не делал, а раз делаю, значит, могу.

— Ой, Дегтябрь, Дегтябрь, — громко вздохнула больная.

Иона Овсеич заварил чай, почти целая ложечка на стакан — большая нагрузка для сердца, но зато сразу дает бодрость, — бросил ломтик лимона, чай немного потерял прежний янтарный цвет, и выпил без сахара, в три глотка, как будто сутки мыкался в пустыне.

— Ах, — Дегтябрь громко хлопнул и с силой растер ладони, — люди пьют вино, водку, спирт, а лучше стакана крепкого чая ничего на свете нет!

Полина Исаевна хотела подняться, чтобы поставить на огонь котлеты и макароны, а то ее Дегтябрь будет доказывать, что и в холодном виде вкусно, но в этот раз она ошиблась: он дал обещание сделать все по-людски и просил ее спокойно лежать.

Котлеты были чуточку пережарены, корочка громко хрустела на зубах, Иона Овсеич ел с аппетитом, положил в рот ложку квашеной капусты, захрустело еще громче, больная попросила, чтобы он жевал с закрытым ртом и немного тише.

— Полина, — Иона Овсеич насупился, — кажется, я у себя дома.

Поев, Иона Овсеич положил посуду в горчичный раствор, чтобы хорошо отмывался жир, прополоскал, вытер полотенцем и поставил в буфет. Полина Исаевна умоляла его съесть на десерт один апельсин и клялась своим здоровьем, что он съест, но в ответ Дегтябрь только рассердился и просил оставить это кликушество.

За целый день на фабрике Иона Овсеич не успел развернуть

газету, и сам дал себе оценку: если партийный работник начинает свое утро с того, что не успевает прочитать передовую "Правды", такого надо гнать в три шеи.

— Не грызи себя, — сказала Полина Исаевна, — по-моему, ты можешь написать статью не хуже, чем сам редактор.

Иона Овсевич повернулся спиной к кровати и углубился в чтение. За полчаса он внимательно ознакомился с материалами по вопросам партийной жизни, экономики, а также советского строительства и дошел до четвертой страницы. Тут он высоко поднял брови, губы сами зашевелились, в глазах росло удивление, громко засмеялся и сказал:

— Поразительное происшествие! В Казахстане на дикой тропе встретились два матерых хищника: медведь и тигр. Кто бы, ты думала, победил: конечно, тигр? Ничего подобного! Косолапый его так помял, что тигр испустил дух тут же на месте. Но косолапый тоже получил смертельные раны, и его нашли мертвым в полутора километрах от места сражения.

Дегтярь засмеялся опять и откровенно признался, что из другого источника просто не поверил бы: тигр — это же почти лев, царь зверей!

— Вот тебе, Полина, и царь! — Дегтярь оторвался от газеты и повернул голову.

Полина Исаевна лежала с закрытыми глазами, на лбу разгладились морщины, нос был желтый, свечной, с синевой по контуру, нижняя губа немного отвисла, над ней зияла черная полоса; Иона Овсевич почувствовал сильный удар в сердце, по животу разлился ледяной холод, он на цыпочках подошел к кровати, низко наклонился, прислушался, положил пальцы на лоб: лоб был твердый и круглый, как будто под пальцами голая кость.

— Полина! — закричал Иона Овсевич, голос вдруг осип, — Поленька, родная! Боже мой, что делать? Что делать!

Иона Овсеич подбежал к телефону, пальцы сильно дрожали и несколько раз попадали не туда, пока, наконец, не набралось ноль три.

— Скорая помощь! — закричал Иона Овсеич в трубку. — Давайте быстрее и не мешкайте: человек кончается!

От волнения Иона Овсеич забыл назвать адрес, сердитый женский голос потребовал, чтобы он перестал хулиганить, а то сейчас установят номер телефона и сообщат в милицию, и лишь тогда до него дошло, какая глупая неразбериха получается.

— Миленькая, — признал свою оплошность Иона Овсеич, — я виноват. Ради Бога, быстрее!

— Хорошо, — ответила женщина, — выезжаем: ждите у ворот.

Иона Овсеич спустился вниз, но по дороге вспомнил, что Полина Исаевна остается одна в комнате, поднялся опять вверх и постучал к Ане Котляр. Не говоря ни слова, Аня схватила коробку со шприцами и побежала к Полине Исаевне. Дегтярь на ходу объяснял, что ей сильно плохо, так еще не было никогда, но Аня не слушала, побежала еще быстрее, а у дверей, когда увидела с порога Полину Исаевну, на секунду оцепенела.

— Быстрее, — потребовал Дегтярь, — не стой, как деревянная!

Аня подошла к Полине Исаевне, взяла за руку, пальцами нащупала место, где пульс, закрыла глаза, секунд через десять осторожно положила руку на место, захватила свое лицо ладонями, как тогда на вечеринке у Чеперухи, и вся затряслась.

Иона Овсеич подергал ее за плечо, сказал, что надо позвать доктора Ланду, пока приедет скорая помощь, но Аня ничего не ответила, посмотрела на него черными глазами, как будто одни зрачки, и вышла из комнаты.

Полину Исаевну хоронили на втором кладбище, Люстдорф-

ская дорога, по-новому Черноморская. Были только соседи и два педагога — представители школы, где покойная долгие годы работала учительницей математики. Фабрика предлагала свой духовой оркестр, кроме того, сослуживцы выразили желание находиться в такой день рядом с товарищем Дегтярем и проводить его жену и друга в последний путь, но Иона Овсеич отказался.

Когда вернулись с кладбища, Клава Ивановна, полковник Ланда, Степан Хомицкий и оба Чеперухи зашли к Дегтярю, чтобы, по обычаю, вместе с ним посидеть в доме, из которого хозяйка ушла уже навсегда. Мадам Малая осмотрелась вокруг — фанерный шкаф, зеркало с черными прожилками, никелированная кровать, дерматиновый диван, старомодный буфет, кушетка, на стене репродуктор — покачала головой и сказала:

— Что хорошего она видела в своей жизни? Дети погибли, когда были еще совсем крошки, потом болезни, война, опять болезни, в доме не всегда был кусок хлеба, а она так любила людей, так любила угощать.

Иона Овсеич, глаза еще были набрякшие и красные от слез, внимательно посмотрел на мадам Малую, она сидела на своем стуле, ничего не видела, ничего не слышала, вроде одна в комнате, и тихо стонала.

Потом пришел Ефим Граник: он принес мраморную доску, на которой красивыми золотыми буквами были написаны фамилия, имя, отчество и даты жизни покойной, а внизу, после слова "скорбящий" стояла подпись "И. Дегтярь", как будто сделанная собственной рукой Ионы Овсеича.

Доска понравилась всем, особенно Клаве Ивановне, она даже попросила Ефима сделать ей, уже не долго ждать, точно такую. Ефим печально улыбнулся: мрамор достать можно и золотую краску можно, и написать можно, но где взять такую подпись.

Степан Хомицкий тихо засмеялся:

— Был бы покойник, а подпись найдется.

Полковник Ланда опустил голову, закусил губу и потер пальцами переносицу. Старый Чеперуха сказал, что сходит в магазин за бутылкой: надо выпить на поминку души.

Клава Ивановна посмотрела сердито и провела пальцем в воздухе:

— Чеперуха, я не люблю этого дикарства.

Иона Овсеич сидел неподвижно за столом, глаза то открывались, то закрывались, как будто нападала сонливость, полковник Ланда сказал: "Овсеич, тебе надо отдохнуть", — и попрощался.

Люди поднялись один за другим, Клава Ивановна предложила Дегтярю, чтобы кто-нибудь первую ночь побыл с ним, но он сказал, в этом нет никакой надобности, кроме того, под рукой телефон.

— Товарищ Дегтярь, — покачал головой Ефим, — телефон сам не умеет говорить.

Иона Овсеич не ответил, только похлопал по плечу, поблагодарил всех за внимание, за участие и пожелал спокойной ночи.

Около одиннадцати часов зазвонил телефон: Ляля Орлова, поскольку она зашла по своим делам в аптеку Гаевского, решила узнать, может быть, Ионе Овсеичу тоже что-нибудь нужно.

— Нет, Орлова, — сказал Иона Овсеич, — мне ничего не надо.

Всю ночь напролет Иона Овсеич просидел на стуле у окна: луна, словно сказочный челн, задрала кверху свой нос и застыла на гребне невидимой волны, звезды сияли такой чистотой, что от этой чистоты делалось на душе не по-земному холодно и явственно, как укол иглы, ощущалась ограниченность нашей человеческой жизни — от сих пор до сих. Иона Овсеич вспоминал последний вечер, когда он только что начал читать газету,

и Полина Исаевна была живая, и никому не могло прийти в голову, что смерть уже не где-то за горами, а прямо здесь, рядом — еще минута, еще секунда, и все.

Иона Овсеич потерял глаза: миллионы крошечных песчинок жгли роговицу, хотелось приложить мокрый платок, чтобы ослабить жар, но не было ни сил, ни желания подняться — вот так бы сидеть и сидеть, а минуты и секунды пусть падают себе, как маленькие камешки, в бездонное, безграничное море.

Перед рассветом он немного задремал, и в первое мгновение, когда только открылись глаза, было ощущение, что заснул где-то в чужом доме, хозяева бросили его одного, а сами ушли отсюда навсегда, навечно. Иона Овсеич на какой-то миг почувствовал себя совсем маленьким мальчиком, вспомнил маму, папу, хотя уже много лет про них не думал, потом обернулся, увидел пустую кровать Полины Исаевны и с предельной ясностью осознал, что он не где-то в чужом доме, а у себя, в своем собственном, но за какие-нибудь считанные минуты здесь все круто переменялось и никогда уже не вернется на свое прежнее место.

В семь часов Иона Овсеич включил радио, передавали последние известия: повсеместно, в городах и селах, население обсуждает постановление об очередном снижении цен. Рабочие и колхозники горячо благодарят партию и правительство и, в ответ на заботу, обещают трудиться еще лучше, еще настойчивее, чтобы досрочно выполнить вторую послевоенную, пятую по общему счету, пятилетку. Слесарь ленинградского завода "Электросила" Никита Агашкин, с которым беседовал корреспондент, привел очень интересные цифры: только за счет снижения цен на обувь его семья получит в нынешнем году две лишние пары ботинок или полуботинок.

Иона Овсеич тяжело вздохнул: про новое снижение цен Полина Исаевна успела еще услышать собственными ушами,

но выгода от него и выигрыш ей уже никогда не достанутся.

Воды в кране не было, пришлось взять ведро и спуститься вниз, заодно Иона Овсеич прихватил туфли, чтобы помыть во дворе: земля на кладбище была после дождя мокрая и налипло много грязи. Когда он вернулся, у дверей ждала Ляля Орлова: она принесла бутылку горячего молока, из горлышка подымался пар, и два яйца — одно всмятку, одно вкрутую, потому что не знала, как Иона Овсеич больше любит.

— Орлова, — Иона Овсеич посмотрел прямо в глаза, — я у тебя возьму, просто чтобы ты не обиделась, но это первый и последний раз. Подожди, я перелью молоко в свою посуду и отдам тебе бутылку.

Ляля осталась возле дверей, ей велели зайти, а не ожидать в коридоре, словно какая-то нищенка. Иона Овсеич должен был еще раз повторить свое приглашение, прежде чем Ляля зашла. В комнате, еще с порога, раньше всего она увидела стул, он стоял между кроватью покойной и шкафом, на спинке висела кислородная подушка, на сидении были аккуратно расставлены разные баночки, скляночки и коробочки с порошками.

— Господи, — заплакала Ляля, — это все, что осталось от человека!

На фабрику Иона Овсеич пошел пешком, чтобы по дороге разогнать немного кровь. Утро было солнечное, на деревьях весело чирикали воробьи, домохозяйки со своими бидонами стояли у молочной и громко переговаривались, с бодрой песней шагали на завтрак в столовую курсанты из мореходного училища — все было, как вчера, как позавчера, словно мир оставался без перемен.

— Да, — сказал Иона Овсеич вслух самому себе, — человек умирает, а жизнь идет своим чередом. Полина, Полина!

На фабрике люди старались щадить товарища Дегтяря и не тревожить по пустякам, но за какие-нибудь три дня скопилось

столько вопросов, что при всем желании нельзя было откладывать дальше, и товарищ Дегтярь сам бы первый не позволил. Прежде всего, до сих пор в цехах не провели бесед и собраний по поводу нового снижения цен, и фабком не прочь был свернуть дело, ограничась одной сменой. Откуда могли возникнуть такие настроения, это особый вопрос, который отдельно требовал внимания, а сейчас надо было немедленно ликвидировать прорыв, чтобы люди у конвейера и на рабочих местах не чувствовали себя беспризорными.

Членов партбюро и фабкомовцев, которые в данный момент были на фабрике, Иона Овсеич пригласил к себе, для начала дал хорошую взбучку, пропесочил, затем, поскольку не было ни одной лишней минуты, перешли вплотную к конкретным задачам. Подавленные сознанием своей вины, люди воспряли теперь духом, и через четверть часа каждый отправился на выделенный участок, в оставшееся до обеденного перерыва время подготовил товарищей из числа рядовых рабочих и проинформировал партбюро. Иона Овсеич принимал сведения по телефону и просил, чтобы называли поименно, кто конкретно из рабочих будет выступать и каковы основные тезисы.

Поздно вечером, когда на фабрику пришла третья смена, Иона Овсеич мог, наконец, с чистой совестью позволить себе небольшой отдых. Строго говоря, это был не отдых, а просто передышка, ибо в голове по-прежнему роились мысли и расчеты, но тут уже, как говорится, охота пуще неволи. Во всех цехах, на каждом участке и на каждой смене люди единодушно брали на себя повышенные сокобязательства и обещали пересматривать их, по ходу выполнения, в сторону дальнейшего повышения. Это был настоящий стихийный взрыв, как в годы первой пятилетки, как стахановское и бусыгинское движение, когда люди буквально прыгали выше своей головы и доказывали на практике всяким скептикам, всяким неверам, что ничего невозможного нет.

Сегодняшний день в тысячный раз подтверждал, что надо только своевременно организовать, своевременно поднять людей и направить энергию, и тогда через несколько лет те цифры материально-технической базы коммунизма, которые наметил товарищ Сталин в феврале сорок шестого года, станут нашей реальностью уже в ближайшие четыре-пять лет.

Иона Овсеич невольно вздохнул: опять перед глазами возникла Полина Исаевна, которая так надеялась дожить до этого дня.

От большого напряжения и всех волнений немного кружилась голова, мелькали возле переносицы черные мушки, в ушах вдруг подымался неприятный перезвон, Иона Овсеич вспомнил, что кроме стакана молока и пары яиц, принесенных утром Орловой, сегодня ничего не брал в рот, мысленно сделал себе упрек, но, вместе с тем, было и хорошее чувство — уважение к настоящему человеческому духу, который крепко держит в своих руках вожжи, крепче, чем представляют себе иные доктора и спецы. Может быть, его Полина Исаевна, если бы меньше думала о своих болезнях, тоже была бы сегодня жива.

Среди ночи Иона Овсеич несколько раз чувствовал слабость и неприятные перебои в сердце, но в общем ничего особенного, если учесть нагрузку минувших дней. Наоборот, можно было ожидать худшего.

Утром Ляля занесла новый гостинец: вермишелевую бабку, внутри немного изюма, и кусок настоящей молдаванской брынзы. Иона Овсеич не на шутку рассердился, но, оказалось, что в этот раз не совсем по адресу: вермишелевую бабку Ляля пекла вместе с мадам Малой, а брынзой ее угостила Тося Хомицкая. Ладно, остановил Иона Овсеич, хватит об этом, пусть лучше Орлова расскажет, как их табачники откликнулись на новое снижение цен.

Ляля сказала, что весь коллектив откликнулся дружно,

по-деловому, а ее бригада взяла на себя, сравнительно со всеми, еще дополнительное обязательство: выпускать продукцию только хорошего и отличного качества.

— Стало быть, — сказал Иона Овсеич, — только высший сорт и первый. А это реальные обязательства или дутые?

Ляля сделала большие глаза: почему дутые, они и сейчас дают только высший сорт и первый.

— Только высший и первый? — удивился Иона Овсеич. — В чем же тогда ваши повышенные обязательства?

Ляля развела руками: что значит, в чем! Ведь надо все время бороться, а если не бороться, опять пойдет, как раньше, второй сорт и третий, и просто брак, то есть бригада скатится вниз.

Иными словами, уточнил Иона Овсеич, речь идет о закреплении уже достигнутых рубежей. Ну что ж, можно только поздравить бригадира, который с такой ясностью понимает, что одно дело — достичь рубежей, а другое дело — закрепить их.

За многие последние годы Ляля впервые услышала от товарища Дегтяря откровенную похвалу, у нее даже перехватило дыхание, румянец заалел до самой шеи, но она быстро взяла себя в руки и спокойно ответила, что у нее в бригаде каждая работница понимает не хуже, чем она. Потом Ляля стала рассказывать все по порядку, как, начиная с того момента, когда перед собранием к ним пришел товарищ из партбюро, ее девочки решили взять на себя повышенные обязательства, но Иона Овсеич уже не слушал: он вспоминал недалекое прошлое и удивлялся, какой огромный скачок в своем сознании сделала эта простая женщина, которая причиняла им столько хлопот и одно время чуть не совершила роковую глупость.

— Орлова, — тепло улыбнулся Иона Овсеич, — а ты помнишь...

— Ой, — Ляля закрыла обеими руками лицо, — не надо!

Иона Овсеич глядел на Лялю и невольно любовался: несмотр-

ря на годы, уже под пятьдесят, она сохранила способность стесняться и краснеть, как девочка, а фигура такая, что не одна могла бы позавидовать.

— Орлова, — Иона Овсеич осторожно потер глаз, как будто попала пылинка, — у нас на фабрике в электроцехе есть приличные хлопцы. Когда будет свободное время, загляни ко мне, я тебе покажу наше Золушкино царство.

Ляля опять покраснела, как девочка, закрыла лицо ладонями и сказала, что все мужчины на свете ей противны: им нужна только баба и прислуга, а просто поговорить по душам, — такие один на миллион встречаются.

Иона Овсеич дружески положил руку на плечо, велел открыть глаза, Ляля заупрячилась, тогда он сам взял за локти и развел в стороны:

— Ну, Орлова, говори прямо: берешь меня в сваты или нет? Нет, замотала головой Ляля, ни за что на свете!

— Орлова, — Иона Овсеич лукаво прищурился, — я не дорого возьму.

Ляля перестала мотать головой, укоризненно посмотрела и тихо произнесла:

— Вы же знаете, что я вас уважаю больше всех на свете, зачем же вы мне такое предлагаете!

Товарищ Дегтярь вздохнул, отпустил Лялины руки и сказал, что насчет сватовства он, конечно, пошутит, и не надо обижаться.

Господи, ответила Ляля, какие обиды, повернулась боком и украдкой смахнула слезу.

Минуту сидели молча, каждый думал о своем, потом Иона Овсеич взял из буфета кастрюлю, переложил туда бабку, чтобы освободить Лялино блюдо, но гостья вдруг вскочила, не сказала ни слова и буквально выбежала из комнаты.

Иона Овсеич машинально двинулся вслед, чтобы окликнуть

и вернуть, но своевременно одумался. Кислородная подушка, которая осталась после Полины Исаевны, по-прежнему висела на спинке стула, Иона Овсеич взял ее в руки, тяжело вздохнул, сложил вчетверо, как газету, и засунул в нижний ящик шкафа, где хранилась старая обувь и разная ветошь.

Орлова не появлялась почти целую неделю. За это время два раза навещалась Дина Варгафтик, приносила пирог с мясом и пирог с повидлом и оба раза объясняла, что она хотела зайти сразу на другой день после похорон, но боялась и, кроме того, считала это неприличным. Иона Овсеич очень хвалил пироги, особенно с повидлом, интересовался, как у них, на фабрике Воровского, идут дела, часто ли перебои с поставкой сырья; кстати, директор опять жаловался на совещании в горкоме, однако у многих сложилось впечатление, что загвоздка не только в этом. Дина отвечала, что это правильное впечатление, но в подробности не входила, наоборот, пыталась завести разговор на другие темы, из личной жизни, поскольку Иона Овсеич остался теперь совсем один, а живому человеку, особенно на такой ответственной работе, надо и рубашку постирать, и брюки погладить, и своевременно покушать, а сутки не резиновые и, вообще, мужчина это мужчина, Иона Овсеич внимательно слушал, кивал в знак согласия головой, Дина вдруг вспоминала, как нахально вела себя Аня Котляр в тот вечер у Чеперухи, и удивлялась, что женщина может быть такой грубой, такой вульгарной. От волнения у Дины выступали под глазами красные пятна, пересыхали губы, и она невольно облизывала их, чтобы немного увлажнить.

— Дина, — спросил, ни к селу, ни к городу, Иона Овсеич, — почему ты никогда не зайдешь к Ефиму Гранику? Тем более, что в свое время он у тебя был прописан на квартире.

Ой, замахала Дина своими короткими толстыми руками, нужен ей этот малохолный, пусть кому-нибудь другой до-

станется такое счастье, а она, слава Богу, еще не дожидая до того, чтобы подбирать с земли.

Иона Овсеич нахмурился: для близкого соседа можно было бы подыскать другие слова.

Ради Бога, сказала Дина, но почему именно она должна думать про Ефима, почему, например, не Ляля Орлова, которая в молодости имела столько мужей, что на пол-Одессы хватило бы, а теперь такая же старая и одинокая, как Дина Варгафтик.

Иона Овсеич не отвечал, гостья опустила глаза, затаила дыхание, словно чего-то ждет, но оба продолжали молчать, слышно было только, как скрипят стулья, от времени разошся клей и разболтались шурупы, наконец, гостья вздохнула, заметно дрожали губы, осипшим голосом просила извинить за беспокойство и глупости, которые здесь наговорила, сделала движение, как будто собирается встать, однако оставалась на месте и опять вздохнула.

— Ладно, — товарищ Дегтярь поднялся, дружески протянул руку, — будь здорова, Дина. Я гляжу, за последнее время ты заметно поправилась. У нас в Одессе это неплохая реклама.

От дверей до коридора Дина шла медленно, осторожно, вроде боялась потерять равновесие, на лестнице сильно качнулась, но успела взяться за перила. Спускаясь по ступенькам, она невольно обернулась назад, было ощущение, что Иона Овсеич стоит у порога и ждет, однако в действительности дверь была заперта.

Спустя день появилась Ляля Орлова — в этот раз поздно вечером. Оказывается, она приходила еще засветло, но товарищ Дегтярь к тому времени не вернулся, и теперь она опять здесь, потому что должна срочно посоветоваться насчет своей бригады. Иона Овсеич сказал, что не возражает, но на табачной есть своя парторганизация, свой секретарь, и начинать надо было со своих.

— А вы как будто не свой! — повела плечами Ляля.

— Ладно, — остановил Иона Овсеич, — давай ближе к делу.

Дегтярь сел на диван, у окна, Ляля примостилась с противоположной стороны, задумалась, как лучше начать, и начала с вопроса, который задают сами себе девочки из ее бригады. Весь народ, вся страна идет к коммунизму, а они лично, у себя в бригаде, должны как-то чувствовать это или не должны?

Иона Овсеич улыбнулся:

— Что это значит — чувствовать? Надо уточнить, что это значит: чувствовать?

Ляля просила не перебивать и ответила на вопрос словами своей бригады: конечно, должны, а если не будут чувствовать, как же они узнают, что идут?

— Что же вы решили? — опять невольно перебил Иона Овсеич.

Ляля по своей привычке закрыла лицо ладонями, совсем, как школьница, замотала головой, раздвинула пальцы, чтобы видеть товарища Дегтяря, и сказала: во-первых, со следующего месяца всю зарплату на бригаду будет получать один человек, а остальные будут сами брать из общей кассы, сколько положено, и безо всякой росписи, во-вторых, каждую неделю вся бригада ходит в кино, театр или какой-нибудь музей, а потом обязательно обсуждают и обмениваются мнениями.

— Хорошо, — кивнул Иона Овсеич, — по первому пункту все ясно, а как по второму с теми, у кого дома семья, муж, дети?

Ляля отняла ладони, удивленно посмотрела на Иону Овсеича и спросила:

— А своя бригада разве не семья? И вообще, у нас только одна замужняя.

Иона Овсеич не ответил, поднялся с дивана, сделал несколько шагов по комнате, полминуты постоял у окна, глядя на ули-

цу, где под фонарем весело играли в классы дети, опять прошелся по комнате и сказал:

— Что тебе ответить, Орлова? Прежде всего то, что предлагает твоя бригада, довольно интересный почин, а почин, как говорится, дороже денег. Со своей стороны я желаю вам успеха, но прямо завтра, не откладывая, ты должна зайти в партбюро и там согласовать, чтобы не получилось какой-то уличной самостоятельности.

Орлова пожалала плечами: почему она должна заходить в партбюро, если девочки сами придумали для своей бригады, а товарищ Дегтярь, который понимает не хуже других, полностью одобряет?

Иона Овсевич сел на диван, машинально схватил Лялю за руку, немного приподнял в воздух и тут же, не разжимая, опустил к ней на колено:

— Орлова, если бы я допускал, что ты меня не понимаешь, я бы повторил сначала, но ты меня хорошо понимаешь — я по твоим глазам вижу.

— Пустите мою руку, — сказала Ляля, — мне больно.

Иона Овсевич погрозил пальцем: если она будет так вести себя, он еще и ремешком ее отшлепает, где надо.

Ляля в упор смотрела своими зелеными, как морская вода, глазами, Ионе Овсевичу вдруг вспомнился тот далекий вечер перед войной, когда они вот так же сидели вдвоем у нее в комнате, на миг появилась какая-то загадочная легкость в настроении, он глубоко вздохнул, отпустил руку и сказал, что завтра у него выступление перед районным активом пропагандистов — придется посидеть допоздна, чтобы подготовиться, как следует.

После ухода Ляли Иона Овсевич прилег на пять минут отдохнуть, чуть было не заснул, но своевременно спохватился, вскочил на ноги, набрал в ладони холодной воды, плеснул себе на лицо, громко крякнул и сел за работу. Завтрашняя тема —

закон количества и качества в историческом материализме — за многие годы прочно улеглась в памяти, можно было и не заглядывать в конспекты, но жизнь не стоит на одном месте, и общие тезисы следовало каждый раз иллюстрировать свежими данными по материалам ЦСУ, а также примерами из повседневной действительности. Цифры по области, городу и, конкретно, по Сталинскому району Иона Овсевич взял частью из "Блокнота агитатора", частью — из своего блокнота, который он сохранил с последнего совещания в горкоме. Сведения по району и городу давали ощущение большой наглядности и убедительности, но только в соединении с грандиозной картиной всей страны они создавали реальное представление о подлинно историческом размахе и гигантских преобразованиях.

Иона Овсевич нарисовал красным карандашом таблицу — цифры и диаграммы, — чтобы пропагандисты своими глазами увидели, как количество переходит в качество, и передали это затем своим слушателям. Несмотря на кровопролитную войну, которая на десять-двенадцать лет затормозила развитие страны, национальный доход, по итогам четвертой пятилетки, то есть на конец пятидесятого года, превысил уровень сорокового года на шестьдесят четыре процента, вместо тридцати восьми по плану. Мощность одних лишь сельских электростанций выросла втрое, производительность труда на Волго-Доне была в восемь раз выше, чем на строительстве Беломорско-Байкальского канала, а колхоз "Здобуток Жовтня", Тальновского района, Киевской области, где председателем один из зачинателей колхозного движения на Украине Федор Дубковецкий, на всей площади посева собрал в минувшем сезоне амбарный урожай по двадцати одному центнеру с гектара. Ему под стать Котовский район нашей Одесской области, который получил триста восемьдесят один центнер, то есть почти четыреста, сахарной свеклы с каждого гектара, а Евгений Викторович Бла-

жевский, проходивший свои академии на колхозных полях, поставил рекорд на всю страну — семьдесят центнеров зерна кукурузы с гектара.

Общий размах расходов государства на удовлетворение культурно-бытовых потребностей населения составил за пятилетие пятьсот двадцать четыре и пять десятых миллиарда рублей, причем особое внимание было уделено народному здравоохранению — около ста миллиардов рублей.

В качестве наглядного примера по культурно-бытовому профилю можно было привести летний кинотеатр "Комсомолец", на тысячу с лишним мест, в самом центре города — на Дерибасовской улице, а по здравоохранению — новую амбулаторию офтальмологии, построенную рядом с клиникой Филатова, на Пролетарском бульваре, недалеко от Малого Фонтана, так что из ее окон больные, которым возвращают зрение, смогут своими глазами любоваться нашим Черным морем.

Иона Овсеич невольно вздохнул: тубинститут на Белинского, где Полина Исаевна провела столько недель и месяцев своей жизни, тоже недалеко от моря. В те дни, когда ее самочувствие было немного лучше и он приходил в гости, Полина Исаевна иногда просила погулять с ней вдоль обрыва на Ланжероне и Отраде, но у него никогда не было свободной минуты.

— Ой, Поленька, Поленька! — Иона Овсеич вторично вздохнул, собрал свои бумаги, аккуратно сложил в одну стопку, а диаграмму свернул в трубку и завязал тесемочкой, чтобы не раскатывалась.

Раздевшись, в последний раз мысленно продумал завтрашнее выступление, на активе обязательно будут присутствовать товарищи из пропаганды, и со спокойной совестью позволил себе заснуть.

С крыши соседнего дома в комнату заглядывала полная луна, тень оконного переплета легла на диван, Иона Овсеич

оказался между черными полосами, как в большой раме, по-детски крепко зажмурился, чтобы стало совсем темно, но от большого напряжения перед глазами поплыли разноцветные кольца, тогда он повернулся на левый бок, постарался расслабиться и вскоре заснул.

После кончины Полины Исаевны это была первая ночь, когда он проспал с вечера до самого утра. Во сне, через небольшие интервалы, появлялись красные столбцы, каждый с двумя кружочками у основания, в которых Иона Овсеич сразу узнавал свои диаграммы, потом приходила какая-то женщина или девушка, по фигуре трудно было определить возраст, с двусмысленной ухмылкой смотрела на красные столбцы, Иона Овсеич хотел схватить ее за руку, но она сильно прижимала локти к груди и ловко ускользала. Несмотря на неудачи, Иона Овсеич во всем теле чувствовал приятную истоми, словно погружался в мягкий теплый грунт, а затем медленно, плавно, иногда вздрагивая от внезапного толчка, высвобождался и парил над бахчами, где повсюду, парами, лежали дыни, большие, сочные, с золотистой кожурой.

Утром Иона Овсеич проснулся с приятным ощущением во рту, как будто всю ночь напролет ел что-то вкусное. Тем не менее через четверть часа разыгрался волчий аппетит, но в буфете не оказалось ни крошки. Иона Овсеич захлопнул дверцы и с невольной досадой подумал про Орлову: когда не надо, она тут как тут, а когда надо — ее, конечно, нет.

Однако буквально через минуту раздался звонок: пришла Орлова. По дороге она встретила Дину Варгафтик, та сильно удивилась, что в такую рань Ляля идет к Дегтярю, хотя могла бы уже идти от него, но Ляля ответила, пусть Дина думает, как ей нравится, а она идет к товарищу Дегтярю, чтобы узнать, в котором часу он выступает сегодня на активе пропагандистов.

— Орлова, — перебил Иона Овсеич, — меня не интересуют эти сплетни. А насчет лекции ты могла позвонить мне на фабрику.

От неожиданности Ляля немного растерялась, потом подошла к товарищу Дегтярю вплотную, подняла перед собою руки вперед ладонями, как будто хотела погладить, но не решалась, и очень тихо, шепотом, сказала:

— Не сердитесь на меня, я не виновата. А вы сегодня такой посвежевший, прямо совсем молодой.

— Не молодой, — засмеялся вдруг Иона Овсеич, — а просто голодный, как волк.

— Ах, Господи, — схватила за голову Ляля, — а я, дура такая, ничего не принесла!

Ляля хотела сбежать домой, но хозяин решительно остановил ее и сказал, что одно дело, когда она случайно заходит к нему с гостинцем, а другое — когда это получается уже специально. Чтобы пресечь дальнейшие разговоры, он тут же попрощался, напомнил, что актив начинается ровно в семь часов, и проводил Лялю до дверей.

Утро выдалось солнечное. Иона Овсеич шел пешком, не торопясь, глубоко вдыхал в себя весенний воздух и чувствовал небывалую легкость на душе, будто взмахом какой-то волшебной палочки с него сняли все заботы и тревоги, в том числе про его собственный дом, где столько лет была прикована к постели Полина Исаевна. В юные годы, еще до революции, Иона Овсеич полюбил стихи Генриха Гейне, знаменитого немецкого поэта. У поэта, который остаток своей жизни тяжело болел, было одно стихотворение про матрачную могилу или матрачную тюрьму, Иона Овсеич сейчас уже не мог точно вспомнить, но что поражало в стихотворении — это мужество и неистребимая вера в жизнь. Разбитый параличом, поэт, по-прежнему, хотел любить и ненавидеть до последнего вздоха и доказал миру всем своим творчеством.

Недалеко от фабрики Ионе Овсеичу пришла на память строчка из какого-то стихотворения поэта: "Бежим! Ты будешь мне женой!" Он пытался вспомнить следующие строчки, которые были про любовь, про отчий дом, но ничего не получалось, сколько ни старался: содержание помнилось, а дословный текст, как будто в воду канул.

Возле проходной весело толпилась молодежь, поневоле пришлось замедлить шаг, парни и девушки расступились, чтобы дать начальству дорогу, но Иона Овсеич сам отказался и стал в общую очередь. С разных сторон слышались одобрителльные голоса, Иона Овсеич в ответ помахал рукой одному, другому, затем, поравнявшись с хорошенькой, и на вид совсем еще молоденькой девушкой, нарочито грозно нахмурил брови, бросил пронзительный взгляд и неожиданно заговорил стихами:

Бежим! Ты будешь мне женой!

Мы отдохнем в краю чужом,

В моей любви ты обретишь

И родину и отчий дом.

Сначала девушка смутилась, сильно покраснела, потом состроила рожицу и захихикала, как глупенькая восьмиклассница.

— Сколько тебе лет? — полюбопытствовал товарищ Дегтярь.

— Для вас я уже старая! — резко ответила девушка, все вокруг дружно засмеялись, она подняла голову, смотрела на Иону Овсеича уже безо всякого стеснения и мало была похожа на глупенькую восьмиклассницу.

— Ты бойкая на язычок, — похвалил Иона Овсеич, — но интересно знать, как у тебя работа спорится.

— Не волнуйтесь, — тут же нашлась девушка, — вам за меня не придется дорабатывать.

Вокруг опять дружно засмеялись, хотя теперь уже ничего

смешного в словах девушки не было. Иона Овсеич машинально приостановился, чтобы расспросить, в каком цехе этот острый язычок работает, но те, что были далеко позади, сильно нажали, пришлось посторониться, и девушка пропала из виду.

На душе остался еле заметный осадок, как после разговора по телефону, когда не успел договорить последние два-три слова, а дежурная поспешила разъединить. Мелькнула мысль, что следовало бы пройтись по цехам и разыскать, но тут уже получалось, как говорят в народе, овчинка выделки не стоит, тем более сегодня было по самое горло других забот, поважнее и поэкстреннее.

На обеденный перерыв товарищ Дегтярь пригласил к себе цеховое начальство, профсоюзный и комсомольский актив, чтобы поговорить насчет нового почина работниц Люблинского литейно-механического завода Жандаровой и Агафоновой — инициаторов за отличное выполнение каждой производственной операции. Пока не начали разговора, несколько человек успели развернуть газеты, в которых принесли из дому бутерброды, для аппетита хвостик селедки с луком или соленый огурчик, и старались откусить кусок побольше, торопливо разжевывая и глотая, чтобы из-за них не пришлось задерживать остальных. Товарищ Дегтярь укоризненно покачал головой, сказал, что трапезу можно было отложить, и убедительно просил ускорить, поскольку обеденный перерыв у нас полчаса, а урывать рабочее время от смены не будем.

В общем, успели уложиться, захватили после звонка каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут, Иона Овсеич взял ответственность на себя, но главное было то, что время потратили не напрасно, и люди сами это чувствовали. По ходу беседы выяснилось, что не все товарищи отчетливо понимают, как толковать понятие "каждая производственная операция", товарищ Дегтярь просил высказаться по этому поводу наших

уважаемых специалистов, механиков и технологов, а когда те высказались, со всей ясностью вскрылось: новые начинания требуют более фундаментальной подготовки всех производственников как в области технологии, так и в области экономики. В связи с этим поступило предложение организовать специальную школу или семинар, название не играет здесь решающей роли, для рабочих, а задача фабкома и комитета комсомола — добиться стопроцентного охвата.

Подводя итог этого короткого, между двумя обеденными звонками, разговора, товарищ Дегтярь просил всех присутствующих обратить особое внимание на тот знаменательный факт, что инициатива, которая родилась здесь на глазах у всех, — типичный образец инициативы снизу, ибо, идя сюда, никто не думал, не гадал, как именно обернется дело.

Вечером, на активе пропагандистов Сталинского района, Иона Овсеич привел, как иллюстрацию к закону перехода количества в качество, два примера из одного только сегодняшнего дня нашей жизни: спозаранку к нему забежала ударница с табачной фабрики Идалия Орлова, чтобы обсудить почин своей бригады, а спустя несколько часов выступил с новой инициативой коллектив обувщиков.

— Товарищи пропагандисты, — сказал в заключение Иона Овсеич, — призрак бродит по Европе, призрак коммунизма! Но сегодня призрак коммунизма — это мы с вами, в реальной плоти наших грандиозных свершений, в громовой поступи миллионов, в грохоте турбин Днепрогэса и величавом течении Волго-Дона!

Ляля Орлова, которая сидела с карандашом и блокнотом в последнем ряду, громко зааплодировала, многие невольно обернулись, Ляля смутилась, хотела спрятаться, но, как это обычно бывает с застенчивыми людьми, вместо того, чтобы утомониться, подняла еще больше возни и шуму.

— Товарищи, — весело обратился Иона Овсеич, — вы видите здесь перед собою ту самую Идалию Орлову с табачной фабрики, о которой мы с вами только что говорили.

Теперь уже весь актив обернулся назад, дружно хлопая, Ляля, по привычке, закрыла лицо ладонями, но никто не хотел щадить, напротив, все требовали, чтобы она выступила и сама рассказала о девушках из своей бригады и новом почине.

Ляля изо всех сил отбивалась, но, в конце концов, пришлось уступить и повторить все сначала, как она рассказывала товарищу Дегтярю. Люди выслушали с огромным вниманием и тут же внесли предложение, чтобы наша местная пресса подхватила передовое начинание на своих страницах.

К Ионе Овсеичу наклонился человек, который сидел рядом с ним за столом, сказал несколько слов, прикрывая сбоку рот ладонью, Иона Овсеич поднялся, видно было, что он взволнован, и попросил тишины:

— Уважаемые товарищи пропагандисты, могу сообщить, что Сталинский райком партии целиком поддерживает ваше предложение и будет ходатайствовать в соответствующих инстанциях.

Ляля, как только закончился актив, вышла одна из первых, чтобы не получилось, будто она нарочно ждет Иону Овсеича и товарища из райкома партии и долго, чуть не до полночи, бродила по улицам города. Когда Иона Овсеич вернулся домой, ее все еще не было, он зашел к Малой, чтобы поделиться и порадовать старуху, которая в свое время отдала столько сил и энергии этой самой Ляле Орловой. Мадам Малая сидела в кресле, набросив на плечи платок, глаза открывались и закрывались, как будто одолевала дремота, потом, когда Иона Овсеич закончил свой рассказ про Лялю Орлову, положила голову на ладонь, минуту помолчала и сказала тихо, вроде самой себе:

— Иосиф Котляр умер.

Иона Овсеич на секунду задумался и решительно произнес: "Царствие ему небесное". Мадам Малая закрыла глаза, двинулись одни губы, и бормотала себе под нос:

— Как устроена человеческая жизнь: одну ногу человек потерял на гражданской войне, другую — потерял в лагере, от гангрены, и умер где-то на чужбине.

— Малая, — товарищ Дегтярь заложил большой палец под лацкан и весь наклонился вперед, — возьми себя в руки и прекрати свое кликушество.

Клава Ивановна подняла голову, улыбнулась, как маленький ребенок, неизвестно кому, неизвестно чему, и сказала Дегтярю, пусть идет домой: старуха Малая имеет право немного отдохнуть.

VIII

В шесть часов утра радио из Москвы сообщило радостную весть: по всей стране с огромным успехом прошел первый день подписки на новый государственный заем развития народного хозяйства СССР. Ленинградские судостроители решили отдать займы государству свой месячный оклад, а токари-скоростники Мартынов, Андрючников, Кислыця и Оглымамедов, работающие в счет последнего года пятилетки, пожелали занять государству свой двухмесячный заработок. Благородному примеру последовали многие производственники завода "Электросила", фабрики "Скороход" и работники Василеостровского райпищеторга.

Почин ленинградцев поддержали сталевары-скоростники завода "Запорожсталь" Петренко, Мартынов, Кобылицын, а донецкие шахтеры Пантелеймон Концедалов, Иван Хижняк и

Митрофан Рахуба, выдавшие вчера на-гора первые тонны угля в счет шестой пятилетки, на подписном листе в графе "сумма" поставили: десятинедельный заработок.

Вечером у Ионы Овсеича был разговор с Хомицким и Орловой насчет подписной кампании во дворе. В прежние годы кампанию начинали обычно на третий, четвертый, иногда пятый день и тем самым молчаливо как бы признавали, что двор — это менее важно, чем завод, фабрика или производство. Конечно, это был в корне ошибочный взгляд и пора с ним кончать. Поэтому, начиная с завтрашнего утра, пока люди не успели уйти на работу, надо приступить к подписке. Охват должен быть стопроцентный, а не как в прошлые годы, когда подписывались одни домохозяйки и неработающие.

— Товарищ Хомицкий, товарищ Орлова, все ясно или не все? — спросил Иона Овсеич.

Ляля ответила, что ей все ясно, а Степан поинтересовался насчет нового дополнения в нынешнем году, откуда оно идет: по указанию свыше или...

— Товарищ Хомицкий, — перебил Иона Овсеич, — я повторяю: охват должен быть стопроцентный, а не как в прошлые годы, когда подписывались одни домохозяйки и неработающие. А конкретно, какая сумма подписки, решайте сами на месте, но, конечно, не меньше двадцати пяти рублей, и вносить сразу, наличными. Это вам известно, здесь нового я вам ничего не сказал.

У Ляли утро было свободное, она сегодня выходила во вторую смену, а Степану спозаранку пришлось заняться дворovým краном: в шесть утра, когда включили воду, прибежала с гвалтом дворничка Лебедева, потому что какая-то сволочь успела скрутить крану голову, и теперь бьет, как из фонтана.

Ляля, поскольку она осталась одна, сразу поставила товарища Дегтяря в известность насчет истории с краном, тот

прямо побелел и закричал, что здесь уже пахнет открытой диверсией, но быстро взял себя в руки, попросил прощения за неуместную горячность и велел Степану забить водопровод деревянной затычкой, а самому включиться в подписную кампанию. Степа ответил товарищу Дегтярю, что людям нужна вода, многие не имеют в квартире своего крана, и надо сначала починить, а потом идти с подписным листом по хатам. Ляля, хотя она первая заварила кашу, теперь поддержала Хомицкого и просила товарища Дегтяря доверить подписку на эти несколько часов ей одной.

— Орлова, — товарищ Дегтярь наклонил голову вперед, глаза смотрели исподлобья, — ты упрощаешь картину: одно дело, когда ты идешь со Степаном Хомицким, коммунистом, инвалидом Отечественной войны, другое дело, когда ты идешь одна. Но если ты сама хочешь взять на себя всю ответственность, мы готовы пойти навстречу. Начинай. Для почина пиши: Дегтярь, сто рублей. За деньгами придешь вечером.

Ляля радостно засмеялась, сказала, что при таких темпах она до обеда закончит подписку по всему двору. Иона Овсеич нахмурился, попросил быть серьезнее и посоветовал начать обход с полковника Ланды, который со своей Гизеллой подаст хороший пример другим.

Полковник Ланда, когда Ляля позвонила, уже кончил завтракать, но с такой очаровательной гостьей готов был выпить лишнюю чашку кофе, хотя, если верить известному советскому поэту, часы идут, и ржавой цепью время тянут гири. Ляля немного смутилась, сказала, как раз только что она пообедала, полковник игриво подмигнул глазом, сам взял из рук Ляли подписной лист и прочитал громко с выражением, как настоящий артист:

— Дегтярь Иона Овсеич: сто рублей!

Наступила пауза, полковник молча уставился на лист, по-

жал плечами, сказал, в этот раз без выражения: "Сто рублей — для домохозяйки это неплохо", — и просил подписать его с женой тоже на сто рублей, каждого в отдельности. Гизелла взяла из шкафа портмоне, вынула двести рублей и положила на стол. После этого оба расписались против своих фамилий, полковник лично поблагодарил Лялю Орлову за большую честь, поскольку они с женой были вторые на весь двор, сразу после товарища Дегтяря, и пожелал успехов в ее благородной, очень нужной людям и стране, работе.

Ляля, в ответ, тоже поблагодарила и призналась, что это не она, а сам товарищ Дегтярь, как только расписался, раньше всех назвал полковника Ланду.

— Спасибо, — полковник Ланда крепко прижал руку к сердцу, — спасибо за доверие, а вам лично — всяческих успехов в работе и жизни.

С улицы два раза просигналила машина, полковник схватил шинель, на ходу застегнулся и еще раз просил передать товарищу Дегтярю сердечное спасибо. Гизелла с силой захлопнула двери и даже не сказала гостье до свиданья.

После Ланды Ляля зашла к Зиновию Чеперухе, бабушка с дедом были уже здесь и кормили внуков перед детским садом. Катерина удивилась, что мадам Орловой не спится, и поинтересовалась, откуда у такой здоровой на вид женщины может быть бессонница. Ляля объяснила, что никакой бессонницы у нее нет, просто началась подписная кампания и, кстати, до Чеперухи трое уже подписались, каждый на сто рублей, в том числе домохозяйка. Бабушка Оля сразу догадалась, что речь идет про Гизеллу Ланду, муж которой получает три тысячи рублей в месяц, и все деньги идут на нее одну. Ляля ответила, что полковник Ланда у себя в госпитале подписался на двухмесячный оклад, а вообще, считать чужие деньги — неприлично. Конечно, согласилась бабушка Оля и добавила: если

бы ее муж или сын зарабатывали хотя бы половину, она бы тоже не считала, а так приходится крутить себе мозги из-за каждой копейки.

— Мама, — одернул Зиновий, — успокойся: тебя никто не заставляет подписываться на сто рублей.

— А откуда я вообще имею деньги, чтобы кому-то одалживать? — ни с того, ни с сего разошлась Оля. — Что я, зарабатываю, или пенсию получаю, или дядя-миллионер присылает мне посылки из Америки?

— Мама, успокойся! — еще раз попросил Зиновий.

— Сынок, — вмешался старый Чеперуха, — ты на мать не повышай голос, она правильно говорит: откуда у нее свои деньги, если она домашняя хозяйка, чтобы давать еще кому-то займы?

Ляля переводила взгляд с одного на другого, хотела вставить слово, но ей не давали, пока, наконец, Зиновий не хлопнул кулаком по столу:

— Хватит, из-за десяти рублей не обеднеем!

— По десять рублей нельзя, — сказала Ляля, — самое меньшее двадцать пять.

— Что значит нельзя? — опять вмешался старый Чеперуха. — У нас, в Советском Союзе, подписка на заем — добровольное дело. Это во-первых, а, во-вторых, как раз сегодня получилось так, что своей жене я не оставил даже на хлеб. Что же она должна делать: пойти украсть и отдать эти ворованные деньги, чтобы наша Ляля Орлова выполнила свой план по займу?

— Слушай, батя, — перебил Зиновий, — ты явно не доработал этот вопрос, подумай на досуге, а я вношу за маму двадцать пять рублей, и поставим точку.

Ляля подала бабушке свой лист, та расписалась, взяла из рук сына деньги, пересчитала и передала вместе с листом. Ляля спрятала деньги в карман, Старый Чеперуха протянул ей руку,

пожелал удачи, она ответила крепким пожатием, но продолжала стоять не месте, словно дело еще не закончено.

— Мадам Орлова, — сказала Катерина, — если так поворачиваться, вы можете не успеть до следующей подписки.

Ляля ответила, что времени у нее достаточно, она сегодня на второй смене, но в этом году есть указание, чтобы подписывались все жильцы, а не только домохозяйки.

— Указание? — вскочил со своего стула старый Чеперуха, как будто его укололи в одно место иголкой. — Покажите мне это указание в письменном виде, а иначе уходите отсюда, пока я вас не выгнал!

У Ляли на глазах выступили слезы, она закусила нижнюю губу, вынула из кармана носовой платочек, но забыла для чего и просто мяла в руках.

Бабушка Оля с Катериной, вместе, вдруг набросились на Гришу и Мишу, хотя мальчики сегодня ели на редкость быстро, дедушка заступился за них и сказал, что никому не позволит срывать на детях свои нервы, даже родной маме. Гриша и Миша, оба, прижались к деду, Катерина закричала, что старик настраивает детей против родителей, схватила мальчиков за руки, чтобы оторвать от деда, крепко дернула, но из этого ничего не вышло.

Зиновий молча одевался, как будто весь этот сыр-бор его не касается, Ляля смотрела на него, но он повернулся спиной, сказал, что опаздывает на работу, и хлопнул дверью. Ляля постояла еще пару минут, хозяева занимались своим делом, словно в доме никого, кроме них, нет, и тогда она сказала громко, чтобы все хорошо слышали:

— Когда надо было ванную и туалет строить, деньги нашлись, а теперь спиной поворачиваетесь. Ладно, я передам товарищу Дегтярю.

— Кто она такая, чтобы нас пугать! — закричала бабушка

Оля. — Лялечка, мы зарабатываем на жизнь своими мозолями, и никаких шахер-махеров не делаем, а таких, как ты, не одну дюжину перевидали на своем веку!

— Оля, — одернул старый Чеперуха, — не смей переходить на личности и не оскорбляй человека: ей приказали — она делает.

Ляля уже успела открыть двери, но услышала и ответила, что никто ей не приказывал, а она сама попросила дать ей эту общественную нагрузку. Бабушка Оля захохотала, как дурочка, и сказала, что у людей хорошая память: они еще не забыли, какую общественную нагрузку некоторые дамочки из нашего двора брали на себя до войны.

— Перестань, говорят тебе! — затряс кулаками Иона.

Чеперухи заняли столько времени, что другие уже успели уйти на работу и теперь можно было застать в квартире одних домохозяек. Степан по-прежнему возился с водопроводом, оказывается, не только сломали кран, но и сорвали резьбу на трубе, Ляля продолжала свой обход в одиночку, с разговорами или без разговоров, женщины в конце концов подписывались и вносили деньги наличными, только старая Бирючка отказалась наотрез и заявила, что без своей невестки Марины не даст даже на коробку спичек. Ляля не настаивала, наоборот, вежливо поинтересовалась, как у старухи дело с давлением, надо не допускать, чтобы повышалось, и обещала зайти в другой раз.

На другое утро Ляля доложила товарищу Дегтярю итоги минувшего дня, и сразу, чтобы не откладывать в долгий ящик, вдвоем направились к Чеперухе. Картина в доме была точно, как вчера, Иона Овсеич пожелал всем приятного аппетита и попросил молодого хозяина, если можно, на минуточку прервать семейную трапезу. Зиновий пригласил гостей в другую комнату, старый Чеперуха пошел за ними, через пять минут,

когда разговор сделался слишком громкий, бабушка Оля с Катериной тоже заглянули.

— Зиновий, — объяснял товарищ Дегтярь, — я у себя на фабрике дал займы государству свой двухмесячный оклад и здесь добавил сто рублей, а ты, как тебе известно, подписался на месячный оклад, хотя многие у вас на заводе Кирова сочли возможным на полуторамесячный и двухмесячный. Это одна сторона дела, а другая — то, что ты ставишь непроходимый водораздел между Чеперухой, который у станка, и Чеперухой, который у себя дома.

Зиновий ответил, что никакого водораздела он не ставит, наоборот, и как раз поэтому нечего из одного человека делать два и заставлять его подписываться дважды: то в роли производственника, то в роли домашней хозяйки.

— Значит, — с ударением произнес Иона Овсеич, — Хомицкий может, Орлова может, Ланда может, Дегтярь может, а Чеперухи не могут!

— Да, — встряла Катерина, — Чеперухи не могут, потому что у них маленькие дети и не успеваешь одну дырку заткнуть, как тебе уже три новых светят!

— Ай, ай, ай, какие бедные и несчастные, — пришел в ужас товарищ Дегтярь, но тут же оправился, показал пальцем на бабушку Олю и закричал: пусть у нее спросят, как жила ее мама со своими детьми в этом самом доме в тысяча девятьсот тринадцатом году!

— При чем здесь тринадцатый год? — развела руками бабушка Оля. — Он вспоминает тринадцатый год, как будто мир стоит на одном месте и топчется. Может, вы еще вспомните, что было при Пушкине и при царе Горохе!

— Как вы смеете так говорить о Пушкине! — возмутилась Ляля. — Ставить в один ряд Пушкина и какого-то царя Гороха!

— Ничего, — успокоил Иона Овсеич, — зато, когда надо было отобрать у наших детей форпост под частную квартиру, какой елейный голос мы слышали! Но пусть никто не заблуждается: советская власть умеет гладить не только по шерсти.

— Это угроза? — спросил Зиновий, закладывая ногу с протезом на здоровую ногу.

Нет, ответил товарищ Дегтярь, это не угроза, это просто любопытная параллель. Тем более, что Сталинский исполком, как помнится, разрешил Зиновию Чеперухе и его семье временное проживание в помещении пионерского форпоста.

— А теперь как раз пришла пора напомнить? — нехорошим голосом спросил Зиновий.

— Сынок, — вдруг зашумел старый Чеперуха, — не лезь поперед батьки в пекло. Никто тебе не угрожает, мы немножко погорячились, товарищ Дегтярь немножко погорячился, а надо все по-хорошему, как старые соседи. Овсеич, я не хочу подписываться на двадцать пять рублей, я хочу — на пятьдесят.

Товарищ Дегтярь высоко поднял брови:

— Что ты обращаешься ко мне? Орлова — общественный уполномоченный по займу, обращайся к ней.

— Лялечка, — Иона улыбался, как в далекие молодые годы, когда он еще не ухаживал за своей Олей, — покажите пальчиком, где мы здесь с вами распишемся.

— Тьфу! — сплюнула бабушка Оля. — Франц, подбери свой шванц!

Зиновий внимательно наблюдал, как отец подписывается, пересчитывает деньги — рубли, трешницы, пятерки — и кладет по одной бумажке на стол. Когда закончили, старый Чеперуха пожал руку товарищу Дегтярю и опять повторил, что с людьми надо только по-хорошему.

Ладно, сказал Зиновий, поцеловал Гришу и Мишу, осталь-

ным кивнул головой, и так хлопнул дверью, что за стеной у Граника загремело, как в жестяной мастерской.

— Иона, — обратился товарищ Дегтярь, когда тень Зиновия мелькнула за окном, — ты мне доказывал, что с людьми надо только по-хорошему. Я прошу тебя повторить эти слова.

— Овсеич, — ответил не сразу старый Чеперуха, — в народе говорят: утро вечера мудренее. Но бывает исключение, подождем до вечера.

Повторилась вчерашняя история: опять провозились целое утро с Чеперухами и прозевали всех остальных, в том числе Ефима Граника, хотя он живет здесь рядом, за стеной. По адресу Граника товарищ Дегтярь сказал: конечно, он слышал весь разговор от начала до конца, следовательно, мог сам зайти и подписаться, однако не зашел. Нет, возразила Ляля, просто Ефим такой человек, что без приглашения никогда не зайдет в чужой дом.

— Орлова, Орлова, — погрозил пальцем товарищ Дегтярь, — ты мне напоминаешь нашу Малую: она тоже всегда готова думать про человека хорошо — так для себя спокойнее.

Поздно вечером к Ионе Овсеичу заглянул старый Чеперуха. Он с порога предупредил, что на пару минут, но засиделся, пока кремлевские куранты не проббили двенадцать. Вспоминали прежние годы, Чеперуха качал головой, в глазах появлялась печаль, потому что жизнь идет-идет, и никто не остановит. До войны, особенно с тридцать девятого года, когда на восемнадцатом партсъезде товарищ Сталин сказал, что социализм окончательно построен и теперь мы начинаем строить коммунизм, каждый мог надеяться, что доживет до коммунизма, но потом напал этот бандит Гитлер, погибли миллионы людей, пришлось восстанавливать и строить все сначала. Теперь Иона Чеперуха тоже рассчитывает еще пожить при коммунизме, но возраст берет свое: сегодня, когда он возвращался

с работы трамваем, одному пассажиру сделалось вдруг плохо. Пока растолкали людей, чтобы не было такой давки, человек уже был готов.

— Чеперуха, — товарищ Дегтярь говорил тихо, иногда прижимал руку к сердцу и слегка массировал, — твой пример — это обычный мещанский взгляд на жизнь. Люди умирают — какая новость! Карл Маркс последние десять лет своей жизни тяжело болел мозговыми сосудами, но ни на один день не прекращал работы и умер в своем кресле, когда его на две минуты бсталили одного.

— Карл Маркс! — воскликнул Чеперуха. — Такой человек появляется один раз в миллион лет, а мы простые маленькие люди.

— Чеперуха, — товарищ Дегтярь наклонил голову, глаза смотрели в упор, — маленький простой человек иногда готов притвориться еще меньше, лишь бы снять с себя всякую ответственность. Это и есть мещанство.

— Овсеич, — горько скривился Иона, — ты все время стараешься назвать меня разными обидными словами, а я пришел к Дегтярю с открытым сердцем. Вот тебе семьдесят пять рублей на заем, это от моего Зиновия и Катерины.

Иона Овсеич на миг задумался, глаза сощурились, быстро отодвинул деньги назад и сказал:

— Лучше поздно, чем никогда. А деньги отнеси Орловой, она уполномоченная по займу, тебе уже раз объясняли, и только она одна имеет право подписывать.

Иона взял деньги со стола, попрощался, товарищ Дегтярь проводил до дверей, у порога остановился и спросил, но сначала потребовал, чтобы была полная откровенность: эти деньги Иона вынул из своего кармана или действительно передал Зиновий?

— Овсеич, — старый Чеперуха поднес рубли к носу, глубоко

втянул в себя воздух, — один умный человек сказал, деньги не пахнут, а ты хочешь доказать наоборот. Адье, спокойной ночи.

Рано утром, как ни хотелось спать после второй смены, Ляля уже была на ногах и звонила Ефиму Гранику. Вместо окна, еще в прошлом году, он прорубил себе дверь, поставил две створки с большими стеклянными филенками, покрасил яркой оранжевой краской и провел электрический звонок-зуммер, как на корабле. Пришлось нажать кнопку несколько раз, прежде чем Ефим открыл, хотя на такой сигнал мертвый поднялся бы с первого разу. Когда зашли в комнату, Ляля осмотрелась по сторонам, указала глазами на пол под кроватью и сказала, что там, наверное, хозяин прячет даму, иначе он бы сразу открыл. Нет, ответил Ефим, он никого не прячет, ему незачем прятать, потому что с того света, где его Соня, плохо видно, что делается на этом свете.

— Я думаю, совсем не видно, — печально вздохнула Ляля.

Возможно, сказал Ефим и поинтересовался, с какой целью мадам Орлова наведлась к нему в такую рань, когда еще пегухи спят. Ляля объяснила, что она хотела зайти к нему еще вчера и позавчера, но завозилась с подпиской у других соседей.

— С подпиской? — удивился Ефим. — Я уже пять дней тому назад подписался у себя на судоремонтном заводе.

Ляля пожала плечами и улыbnулась:

— Фимочка, на заводе вы работаете восемь часов в день, а остальное время живете здесь. Двадцать четыре минус восемь — шестнадцать.

— Так вы пришли ко мне ни свет ни заря, чтобы учить арифметику? — нахмурился Ефим. — Но я уже чересчур старый для первого класса.

— Как старый? — возмутилась Ляля. — Наш Ефим Граник — старый? Плюньте тому в глаза, кто скажет такое.

— Короче, — перебил Ефим, — если вы пришли, чтобы я два раза подписался на один и тот же займ, можете идти и не тратить даром время.

— Фима, — громким голосом попросила Ляля, — успокойтесь и держите себя в руках. Я могу сию минуту позвать сюда товарища Дегтяря, который заранее предвидел ваше отношение.

Ефим подошел к дверям, раскрыл настежь и показал рукой на двор:

— Уходите.

Ляля стояла неподвижно на одном месте, и Ефим повторил:

— Я вас прошу по-хорошему: уходите.

— Фимочка, — Ляля смотрела грустными глазами, — я не сержусь на вас. Насчет Дегтяря — это была глупая шутка, я сама зайду к вам завтра утром.

— Хорошо, — согласился Ефим, — но имейте в виду, не позже шести, потому что в пять меня уже не будет.

Вечером, в десять — начале одиннадцатого, товарищ Дегтярь вместе с Орловой и Степой Хомицким зашли на чашку чаю к Ефиму, бутылку молдавского вина принесли с собой. Хозяин наотрез отказался от вина, потому что у него разыгралась печень, а чай, если гости не имеют у себя дома, можно поставить.

— У него разыгралась печень, — пошутил товарищ Дегтярь, — так мы должны страдать!

Ефим поставил чайник на электроплитку, Иона Овсеич поинтересовался, как он расплачивается за свет с Чеперухами, поскольку счетчик общий, а Катерина такая, что у другого

легче вырвать зуб мудрости, чем у нее копейку. Ефим ответил, что имеет дело исключительно с Зиновием, который отдаст скорее свой рубль, чем захватит чужой, а какие отношения у мужа с женой — это их личное дело.

— Граник, — шутливо погрозил пальцем товарищ Дегтярь, — что-то у тебя сегодня воинственное настроение.

Хозяин присел к столу, несколько секунд молча наблюдали, как раскаляется докрасна спираль электроплитки; товарищ Дегтярь сказал, что так в богатых домах Одессы старые барыни когда-то сидели у камина и завороченно глядели на пылающие угли. Ученые объясняют это как атавизм, то есть возврат к первобытно-общинному строю, когда люди только научились добывать огонь, садились в кружок возле костра и спасались от лютой стужи. Однако, перебил сам себя гость, нам от их каминов и костров ни холодно, ни жарко, поскольку своих дел по горло.

— Ефим, — обратился товарищ Дегтярь, — я имею в виду конкретно тебя: сегодня утром к тебе заходила общественная уполномоченная по займу Идалия Орлова, но посещение осталось без результата. Она объясняет нам, что Граник просто встал с левой ноги. Мы со Степаном тоже хотим так считать, тем более, что весь двор, кроме одного Граника, подписался поголовно.

По стенке чайника на раскаленную спираль скатилась капля воды и громко зашипела. Хозяин и гости невольно вздрогнули. Степан сказал, что надо хорошо вытирать посуду, когда ставят на плитку: от влаги быстро образуется окалина и тончает спираль, а сейчас ее за деньги не достанешь.

Ляля взяла со спинки стула, на котором стояла плитка, кусок хлопчатки, тщательно вытерла чайник, затем вытряхнула, опять повесила на спинку и вернулась на свое место.

— Ну, — произнес товарищ Дегтярь, — будем играть в молчанку?

Ефим низко опустил голову, так что гости могли хорошо видеть круглую, как блюдечко, глянцевою плешь, и старательно выцарапывал ногтем зеленое пятно на клеенке.

— Ефим Граник, — окликнул товарищ Дегтярь, — гости могут подумать, что перед ними итальянская забастовка.

Ефим поднял голову, посмотрел своими татарскими глазами и сделал вид, что удивлен: если гости пришли пить чай, некуда спешить, впереди еще целая ночь, чайник в конце концов закипит, а кому медленно и не терпится, можно написать коллективную жалобу на электростанцию.

— Опять строишь из себя Ваньку-рутютю! — ударил пальцем по столу товарищ Дегтярь. — Орлова, дай сюда подписной лист, поставь ему пятьдесят рублей, и пусть попробует сказать нет!

— Нет! — крикнул Ефим, голова затряслась, как будто ударило током. — И не смей называть меня Ванька-рутютю, или я убью тебя!

Иона Овсевич машинально подался назад, сильно побледнел, Ляля схватилась руками за щеки, Степан просил всех успокоиться, только сами себе нервы накручивают, но Ефим окончательно взбесился и стал орать на всю квартиру, что тридцать лет, сколько он здесь живет, этот Дегтярь день и ночь пугает, угрожает, страшит! А на каком основании, кто дал ему право!

— Лагерник! — замахал кулаком Иона Овсевич. — Тебя посадили по ошибке? Тебя выпустили по ошибке!

Из комнаты Чеперухи постучали в стенку, чтобы разговаривали потише, а то дети проснутся. Степан подошел к Ефиму, взял за плечи и усадил на место.

— Степан, — плачущим голосом повторил Ефим, — я тебя спрашиваю: на каком основании и кто дал ему право?

Иона Овсеич окончательно взял себя в руки, бледность почти совсем прошла, и заговорил медленно, тихо, как будто с самим собою наедине:

— Весь наш народ, от края и до края, с огромным подъемом подписывается на новый заем, и только один на сто девяносто миллионов говорит: нет. И этот один — Ефим Граник из нашего двора.

— Степан, — плачущим голосом обратился Ефим, — зачем он так нагло перевирает? Я подписался у себя на заводе Марти — он же хорошо знает!

— Перестаньте притворяться! — закричала Ляля. — Все подписались у себя на производстве, а здесь мы живем. Домохозяйки, которые нигде ничего не зарабатывают, и то подписываются, экономят на своей семье, а вам и экономить не надо.

— Значит, — Ефим крепко зажмурил глаза, возле переносицы выступили слезы, — я виноват, что фашисты убили мою жену, убили моих детей, а Лизочке больше нравится у тети Тоси, чем у родного папы?

Ляля не успела ответить, вмешался Иона Овсеич:

— Орлова, как раз здесь ты не права. Вина виной, а беда бедой. Но скажи другое: когда Граник, который больше двух лет сидел в плену, вернулся домой, а квартира была занята, его не оставили на улице под открытым небом, наоборот, выделили угол за счет семьи офицера-инвалида, дали место на передовом заводе, а теперь завком планирует ему комнату со всеми удобствами в поселке судоремонтников.

— Дегтярь, — Ефим обнял себя руками, голову втянул в плечи, — Граник родился и вырос в Одессе, и всю жизнь, пока не забрали на фронт, имел свою комнату, свой угол. Теперь ему опять обещают комнату. Дайте сигнал на завод, что Граник у себя во дворе отказался подписаться на заем, и пусть

эту комнату отдадут другому, который вчера приехал из Валегоцулова и больше достоин. Мне все равно. Но не пугайте меня, ради Бога, не пугайте: мне ничего не надо — я могу жить, я могу умереть, я могу вставать из гроба и ходить на работу, моей Лизочке хорошо живется у тети Тоси, она не хочет быть еврейкой, она хочет носить крестик, как тетя Тося. Папа говорит, не надо, а она все равно наденет и будет носить, потому что ее папа уже никто и ничто.

— Ефим, — перебил товарищ Дегтярь, — что-то ты совсем не туда заехал.

— Нет, товарищ Дегтярь, — в голосе у Ефима появилась хриплость, как от большой усталости, — я хочу, чтобы на меня больше не давили и дали спокойно дожить, сколько осталось.

Иона Овсеич минуту помолчал, громко втянул в себя воздух и выдохнул:

— Что я могу тебе ответить, Граник? Горбатого могила исправит: ты всю жизнь был частник, и сегодня, хотя работаешь на заводе, в душе все равно частник. Однако жить ты будешь по нашим правилам, а не по своим: мы не в Сахаре.

Гости поднялись, Ефим просил подождать, чайник уже скоро закипит, но задержался один Хомицкий, а Дегтярь с Орловой вышли из комнаты и даже не оглянулись. Во дворе, когда подоспел Степан, Ляля предложила объявить всем домом Ефиму Гранику бойкот.

— Объявить можно, — сказал Иона Овсеич. — А кто будет реализовывать на практике? Глупости, Орлова.

Ляля обиделась: почему глупости? С Орловой можно было, а с Граником нельзя? Не надо путать, рассердился Иона Овсеич, одно дело было тогда, до войны, другое дело — сегодня.

Вмешался Степан: а чего ломать себе голову? Нехай остается как есть: Граник есть Граник — все знают.

Нет, категорически отклонил товарищ Дегтярь, дело здесь не в одном Гранике: создается плохой пример и повод для других.

Среди ночи у Ионы Овсеича сильно разболелось сердце. Он взял кусочек сахара, накапал валидола, но стало лишь прохладно во рту, а облегчения никакого не почувствовал. Через четверть часа он повторил, результат получился прежний, и пришлось принять таблетку нитроглицерина. Боль вскоре утихла, но сделалось горячо в голове и поднялся сильный звон в ушах.

Перед рассветом Иона Овсеич незаметно уснул, и хорошо, что позвонила Ляля, иначе бы наверняка опоздал на работу. Орлова только переступила порог, сразу почуяла неладное и потребовала, чтобы Иона Овсеич лег немедленно в постель, она вызовет на дом врача. Иона Овсеич категорически отказался, сел за стол, чтобы выпить стакан чаю, налил гостье, намазал ей кусочек хлеба маслом и, пока гостья жевала, просил ее закончить сегодня с подпиской, чтобы вечером у него на столе была полная картина по всему двору.

Во время разговора у Ионы Овсеича дважды подступала к горлу неприятная тошнота, Ляля снова настаивала, чтобы он лег в постель, но в ответ получила только замечание по поводу своей назойливости.

В восемь часов товарищ Дегтярь уже был на фабрике, а в десять к воротам подъехала скорая помощь, врач поднялся на второй этаж, в партбюро, и через минуту послал санитаров за носилками. Больной просил сделать ему укол, он отлежится и все пройдет; врач укол сделал, но заметного улучшения не было, санитары расправили носилки, помогли больному пере-

браться с дивана, подтянули выше к изголовью, чтобы ноги не болтались, и понесли к выходу.

Перед сменой Ляля позвонила товарищу Дегтярю, из партбюро ответили, что два часа назад его увезла скорая помощь. У Ляли все похолодело внутри, она машинально повесила трубку и даже забыла спросить, в какую больницу. Пришлось звонить повторно.

Отвезли в терапевтическое отделение Сталинской райбольницы, по улице Ярославского, угол Карла Маркса. Ляля пыталась связаться по телефону, но все время, сколько ни набирала номер, было занято, и она бегом, сердце буквально выпрыгивало из груди, помчалась в больницу.

Первый этаж большого серого дома, в старое время здесь находилась гимназия, занимала районная поликлиника, а второй этаж, отгороженный на лестнице фанерным заслоном, отвели под терапию. У лестницы обычно дежурила санитарка, с которой посетители при желании могли найти общий язык, но сейчас, как назло, ее не было, и Ляля на глазах у всех перебралась через перила, поднялась по наружной стороне лестницы выше фанерной стены, а там уже не составляло большого труда отыскать нужную палату.

Искать, однако, не пришлось: Ляля почти сразу наткнулась на товарища Дегтяря, которого, наряду с другими свежеступившими, временно поместили в коридоре, поскольку в палатах не было свободных мест. Товарищ Дегтярь заметил ее первый и, конечно, догадался по внешнему виду — растрепанные волосы, красные щеки, тяжелое дыхание — обо всем. Она не успела открыть рот, как он выразил свое возмущение и негодование, от волнения у него еще сильнее зачастил пульс, Ляля готова была упасть на колени, только бы он успокоился, и сложила перед собою ладони, вроде она в церкви и сейчас начнется служба.

Больные, которые лежали по соседству, невольно наблюдали за сценой; из палат выходили женщины, мужчины, трое четверо с утками в руках, и тоже останавливались. Иона Овсеич потребовал, чтобы Орлова немедленно ушла отсюда и больше ее ноги не было здесь, но Ляля, вместо того чтобы сразу подчиниться, наклонилась над кроватью, заправила свисавшие концы простыни, подтянула угол одеяла, мимоходом схватила больного за руку и подержала в своей руке. От слабости Иона Овсеич не мог достаточно противостоять и вынужден был терпеть. Больные все стали на сторону Ляли: теперь такая заботливая жена — это редкость, и надо сказать спасибо судьбе, а не капризничать и ворчать.

Иона Овсеич зажмурил глаза, чтобы не видеть, потому что положение сделалось уже совсем глупое, Ляля немедленно воспользовалась, поцеловала в лоб и громко, как маленькому ребенку, приказала ему слушаться доктора и ни в коем случае не подыматься с постели, а с нянечкой она договорится отдельно.

У Ионы Овсеича на языке вертелись слова из народной поговорки, что услужливый дурак опаснее врага, но приходилось молчать, иначе эта пытка могла продлиться до бесконечности.

Перед уходом Ляля взбила матрац в ногах, чтобы легче оттекала кровь, еще раз просила больного хорошо вести себя, а завтра утром она принесет передачу и проверит. Иона Овсеич по-прежнему лежал с закрытыми глазами, Ляля быстро перекрестила мелким крестиком и тихонько, на цыпочках, вышла.

Во дворе, когда Ляля забежала на минутку и сообщила новость, возник настоящий переполох: если товарищ Дегтярь сам согласился лечь на койку, значит, дело не шуточное. Историю Граника с подпиской на заем люди хорошо

знали с самого начала, но никто не хотел задумываться, чем это может закончиться для товарища Дегтяря, Клава Ивановна качала своей седой головой, как заведенная: за тридцать пять лет все привыкли, что Дегтярь — железный, Дегтярь все вынесет, все выдержит.

Оля Чеперуха и Катерина в один голос твердили, что ответственность за все полностью ложится на Ефима Граника, который из-за каких-то пятидесяти рублей толкнул человека на край могилы, а теперь, наверно, втихомолку радуется. Но, с другой стороны, товарищ Дегтярь сам виноват: если бы пять лет назад, когда Граника выпустили из лагеря, Иона Овсеич настоял на своем и не согласился отрезать для него кусок форпоста, сегодня не пришлось бы расплачиваться такой дорогой ценой. Получилось, как говорят люди: за мое жито ще й мене побито.

— Женщины, — размахивал кулаками старый Чеперуха, — мне стыдно перед соседями за ваши грязные помои!

Оля кричала мужу в ответ, что он несчастный тачечник, родился тачечником и умрет тачечником, а за свою семью, своих внуков ему никакой хворобы нет.

Зиновий в эти дни кончал дипломный проект, дома устроили все, чтобы освободить его от посторонних забот, и старый Чеперуха у себя в семье не имел с кем перекинуться добрым словом. В субботу он хорошо, как в старые времена, выпил и потребовал, чтобы ему дали Гришу с Мишей, он пойдет с ними на Привоз, в зверинец. Бабушка Оля прижала к себе обоих внуков, показала пальцем на деда и ответила, что им не надо идти на Привоз: они имеют дома свой зверинец.

Мальчики сначала стояли смирно и внимательно смотрели, потом неожиданно вырвались, подбежали к деду и уцепились с обеих сторон. Старый Чеперуха положил свои руки с тол-

стыми пальцами им на головы, зажмурил глаза, по щекам текли слезы, и сказал пьяным голосом:

— Дети, если бы вы только знали, как болит душа у вашего деда. Ой, как сильно болит!

Ефим третий день подряд не возвращался домой. Никто особенно не удивлялся, пока не забил тревогу полковник Ланда, который сказал, что при такой неустойчивой психике, как у Граника, можно ожидать всего. Гизелла приказывала ему не вмешиваться в эту историю, но он, мало того, что брал под защиту Граника, готов был еще упрекнуть и обвинить Дегтяря, хотя тот сегодня лежал в больнице с подозрением на инфаркт миокарда.

Степан позвонил на судоремонтный завод, оттуда ответили что Граника два дня нет на работе. Полковник Ланда посоветовал обратиться в милицию, а по своей линии обещал навести справки в морге. Из морга сообщили, что имеются неопознанные трупы, но по приметам, которые полковник перечислил, ни один не подходил.

В воскресенье утром Дина Варгафтик поехала на Староконный базар, чтобы купить себе какую-нибудь комнатную собачку: в последнее время, особенно по вечерам, она уже просто не могла находиться одна в квартире. Дина долго ходила и присматривалась, как вдруг, возле клетки с зелеными попугайчиками, увидела Ефима. Он был заросший и черный, на голове торчала какая-то зимняя шапка с красноармейской звездой, а глаза, ой, глаза были такие, когда он смотрел на этих птичек, что можно было рехнуться от одного этого. Сначала было даже страшно подойти к нему, но потом она взяла себя в руки, незаметно обогнула сзади и тихонько позвала: "Фимочка!" Он весь задрожал, как будто его ударили палкой по спине. Продавцы и покупатели, которые стояли рядом, засмеялись, а она готова была наложить на себя руки,

до того было жалко и больно. И тут, Дина даже сама не знает, как это пришло ей в голову, она решила соврать:

— Фима, если бы вы знали, как плачет ваша Лизочка и каждую минуту спрашивает, где ее папа, вы бы так не поступили. Разве ребенок виноват!

Ефим немножечко постоял рядом, она ждала, что он ответит, но он не произнес ни одного слова, повернулся спиной и пошел к воротам, которые со стороны Дюковского сада.

Дина так расстроилась от этой встречи, что забыла, зачем она здесь, на Староконном базаре, и с чем пришла, с тем и ушла.

Тося Хомицкая, когда узнала все в подробностях, сказала: это не случайно, что Дина именно сегодня пошла на Староконный покупать себе собаку и встретила там Ефима. Собака — это хорошая примета.

— Ой, — отмахнулась Дина и покраснела до самой шеи, — вы такое иногда скажете, Тося, что просто уши вянут.

Люди во дворе теперь успокоились и почти все соглашались с Лялей Орловой, что по-настоящему пострадал один Дегтярь, который чуть не заплатил своей жизнью. Полковник Ланда навестил больного, познакомился с историей болезни, поговорил с лечащим врачом и, в итоге, заявил, что у нашего Овсеича — банальный ангиоспазм, имеется небольшая ишемия; с такими болячками, если не трепать себе и другим нервы, можно тянуть еще двадцать лет.

— Ланда, — вздохнул товарищ Дегтярь, — я тебя слушаю и начинаю подозревать самого себя, что здесь не обходится без притворства.

— Овсеич, — ответил полковник, — не мудри. Я сказал, что надо беречь нервы, а не выдумывать себе лишние трудности и проблемы.

— Лишние трудности и проблемы, — повторил товарищ Дегтярь. — А кто же их выдумывает?

Полковник Ланда засмеялся:

— В данный момент выдумывает их Дегтярь, и я, как медик, запрещаю ему чинить ущерб здоровью советского человека.

— Есть, товарищ полковник медицинской службы! — Иона Овсевич сощурил глаза, в щелках хорошо были видны черные, как яблочко на мишенях, зрачки.

На другое утро дворничку Феню Лебедеву срочно вызвали в милицию, к следователю. Человек в гражданской одежде пристально посмотрел на нее и спросил: известен ли ей такой — Граник Ефим Лазаревич? Вместо того, чтобы сразу ответить, Лебедева сунула пальцы в рот, прикусила зубами и вскрикнула:

— Покончился?

Нет, сказал следователь, живой, и тут же задал новый вопрос: а почему Лебедева думает, что он должен был покончить с собой? Феня ответила, она так не думает, а просто испугалась за человека. Хорошо, кивнул следователь, но все-таки она не предполагала ничего другого, а именно это: что Граник покончил с собой. Почему?

Феня минуту помолчала и ответила: все жильцы и соседи говорят, что Граник был немножко тронутый еще до войны, а она до войны в этом дворе не жила, пусть спрашивают у тех, кто жил. Следователь посмотрел на нее пристально, как вначале, когда она только зашла, и сказал: Граник лежит в больнице, на Слободке, состояние тяжелое, его привезли из Дюковского сада — пытался повеситься.

В тот же день и на следующий милиция вызывала Орлову, Хомицкого, Дину Варгафтик и Клаву Ивановну. Беседа шла с каждым в отдельности, следователь предупреждал, чтобы го-

ворили только правду, за ложные показания будут нести ответственность, однако, с какой стороны ни начинали, все сходилось на том, что Ефим Граник всегда, еще с молодых лет, старался в своем поведении выделиться среди обыкновенных нормальных людей. Через день вызвали повторно Лялю Орлову, а потом больше уже никого не тревожили.

Товарища Дегтяря, хотя он чувствовал себя намного лучше и мог теперь самостоятельно двигаться по коридору, про новую выходку Ефима, конечно, не поставили в известность. Наоборот, Ляля сообщила, что весь двор, без исключения, стопроцентно подписался на новый заем, а насчет Ефима позволила себе выдумать небольшую подробность: как старуха Малая взяла Лизочку за руку, вместе зашли к нему, и у Ефима, в конце концов, заговорила гражданская совесть.

Однако, как ни скрывали, товарищ Дегтярь выписался из больницы и узнал всю правду. Дело было так: он зашел к Ланде, чтобы тот помог ему достать новое лекарство пантокрин, на которое пока еще в аптеках был дефицит. Ланда твердо не обещал, но сказал, что свяжется со своими терапевтами, а потом, без всякой связи, вдруг перешел к Ефиму Гранику, как будто Иона Овсеич полностью был в курсе дела. И теперь оставалось обсудить только детали.

Товарищ Дегтярь сказал, что он впервые узнал подлинную правду, но тем красноречивее выглядит вся история со всеми ее участниками. А самое главное здесь, конечно, линия самого Граника: хотел он того или не хотел, в своей подоплеке его поступок не вызывает сомнений.

— Не понял, — сказал полковник Ланда. — Какая подоплека и какие сомнения?

— *Sapienti sat*, Ланда, — Иона Овсеич привстал, опираясь ладонями на стол. — Разумному достаточно сказанного. В свое время ты учил латынь и должен помнить.

— Овсеич, — командирским голосом обратился полковник Ланда, — прошу говорить со мной по-русски: какая подоплека и какие сомнения, если по нашей вине едва не погиб человек?

Товарищ Дегтярь наклонил вперед голову, глаза смотрели исподлобья, губы по углам сильно опустились, глубокие складки легли до самого подбородка:

— Когда человек переходит трамвайную линию, иногда секунда решает судьбу. Но если человек, которого якобы затравили, накладывает на себя руки, и тут же, через секунду, обязательно находятся спасители, в этом может видеть счастливую случайность лишь тот, у кого аналогичная психология.

— Овсеич, — полковник Ланда сделался бледный, как полотно, — твоя болезнь служит тебе хорошую службу, но не надо злоупотреблять.

— Какая болезнь? — удивился товарищ Дегтярь. — Доктор Ланда поставил свой диагноз: не трепать другим нервы — и он гарантирует мне еще сорок лет.

— Не сорок, а двадцать, — поправил полковник, — но, конечно, я сильно зависил.

— Не вам, — Иона Овсеич провел пальцем дугу в воздухе, — не вам, доктор Ланда, выдавать мне индульгенцию на здоровье и жизнь! Обойдемся без вас.

Через два дня полковник Ланда позвонил товарищу Дегтярю, чтобы тот прямо с работы заехал в военный госпиталь, на улице Чичерина, возле парка Шевченко: там для него приготовлен пантокрин.

Старшая сестра передала Ионе Овсеичу флакон и сказала: пантокрин — сильный препарат, лучше принимать в условиях стационара. Иона Овсеич удивился: что значит лучше или ху-

же? Если надо в стационаре, значит, в стационаре, а если амбулаторно, значит, амбулаторно.

Сестра пожалала плечами, на лице была небольшая растерянность, и взялась за свои дела.

Аня Котляр с Адей через день ездили на Слободку к Ефиму. В палату не пускали, но больной сам мог подойти к окну, спустить веревку, к которой привязывали передачу. Затем постоять и поговорить с посетителями. Правда, с Ефимом большого разговора не получалось, все вопросы были про здоровье, а кончалось тем, что он просто высовывал голову в окно, молча смотрел на Аню, Адю и улыбался, как тронутый.

В выходной день, когда Лизочка уже приготовила все уроки на понедельник, Аня хотела взять ее с собой на Слободку, но Тося не могла решить, хорошо это или нехорошо, и отложили до другого раза. Аня, как обычно, поехала вдвоем со своим Адей. Возле корпуса неожиданно встретили Зиновия, все двери были закрыты, он не знал, откуда начинать, и на каждом шагу возмущался.

Ефим, как только отворил форточку, приветливо махнул рукой Зиновию и сообщил, что недавно приходил старый Чеперуха. Насчет своего здоровья Ефим сказал, ничего, бывает хуже, а больше не удалось вытянуть из него ни слова. Зиновий всячески пытался расшевелить его, призывал Ефима Лазаревича потряхнуть стариной, Аня тоже упрасивала и подбадривала, но все усилия пропадали даром, и на душе делалось только тоскливее.

В город возвращались пятнадцатым трамваем и почти всю дорогу молчали, разговорились уже где-то в Лютеранском переулке, возле кирхи. Аня сказала, что больше всего опасается того момента, когда Ефима выпишут домой. Люди во дворе смотрят по-разному, а Дегтярь, конечно, захочет до-

казать, что он прав, и заставит всех думать, как он сам. Зиновий, в ответ, привел детскую присказку: кто хочет, тот делает губами. Нет, сказал Адя, тетя Аня здесь абсолютно права. Больше того, добавил он, можно ожидать, что Дегтярь еще будет искать сообщников Граника и наверняка найдет их.

— Ну, — сказал Зиновий, — тогда придется начинать с меня: первый раунд был со мной.

— Что за глупые шутки! — возмутилась Аня. — Ты думаешь, потерял ногу на фронте, так тебе уже все можно, все прощается!

Зиновий хотел немедленно ответить, но Аня схватила его за руку и просила помолчать: они так расшумелись, что пассажиры стали оглядываться. Адя засмеялся: а у наших пассажиров, как показывает статистика компетентных органов, неплохое зрение и неплохой слух.

Аня хлопнула Адю пальцами по губам, Зиновий спешно прикрыл рот ладонями, как будто опасался тоже получить.

— Мальчики, ой, мои мальчики, — тяжело вздохнула Аня, на глаза набежали слезы, она отвернулась к окну. — Я готова десять раз умереть, только бы вам было хорошо.

Адя возмутился, в этот раз не на шутку:

— А мы не хотим счастья, которое стоит кому-то жизни!

На Тираспольской площади вышли из трамвая, Зиновий вернулся к прерванному разговору и сказал:

— Между прочим, кроме Ляли Орловой и Дины Варгафтик, в нашем дворе живет еще полковник Ланда.

— А что такое полковник Ланда? — повела плечами Аня. — У себя в госпитале он — большой начальник. Над своими больными.

Насчет визитов к Гранику Иона Овсеич был в курсе дела с первого дня и дал им четкую оценку: достаточно посмот-

реть, кто ходит, чтобы сделать вывод, который сам собой напрашивается. Степа Хомицкий и старуха Малая держались другого мнения: хорошо, что жильцы помнят своего соседа и заботятся о нем. Товарищ Дегтярь внимательно слушал и мог только удивляться, как охотно люди сами себе завязывают глаза лишь бы на душе было спокойнее. Казалось бы, у тебя в доме, в твоём собственном дворе, прошли и Лapidис, и Настя Серeda, и Котляр, рядом, по соседству, еще сегодня таятся всякие подонки типа Михозлсов, Кашнелъсонов, и все равно люди не хотят видеть дальше своего носа.

В отдельные моменты товарищ Дегтярь терял всякое терпение и готов был сравнить иных, даже из числа наших активистов, с людьми в упряжке, которым нужны плотные шоры, чтобы не глазели по сторонам, а шли прямой дорогой.

В больнице предупредили, что через пару дней Граника выпишут. Тося решила в этот раз поехать с Аней и взять с собой Лизочку. Но в последнюю минуту пришлось все переиграть: Лизочка устроила настоящую истерику и заявила, что не хочет ехать на Слободку, где сумасшедший дом и лежат одни сумасшедшие.

— Лиза, — возмутилась тетя Аня, — ты уже большая девочка, а ведешь себя, как дурочка!

Нет, держалась за свое Лиза, она не дурочка: все во дворе — и Лесик, и Зина, и бабушка Бирюк, и бабушка Оля, и тетя Катя — говорят, что на Слободке сумасшедший дом.

— Они врут! — закричала тетя Аня и топнула ногой. — Твой папа лежит в хирургии, а они гадкие, бессовестные люди!

У Лизочки посинело лицо, сильно дрожали губы, тетя Тося, хотя понимала, что этого нельзя сейчас делать, невольно прижала ее к себе, взяла двумя руками головку и сама прильнула щекой.

В итоге обе женщины отказались от поездки и решили

поручить это мужчинам. Поскольку Зиновий был сильно занят, поехали старый Чеперуха и Адя. По дороге Иона спустился в погребок на углу Дегтярной и Тираспольской, выпили с Адей по стаканчику и захватили бутылочку для Ефима. Адя был против, человек только из больницы, но Иона ответил: немножко вина человеку всегда полезно.

На деле получилось, как предвидел старый Чеперуха: едва минули ворота, Ефим сам предложил зайти на Слободской базарчик.

— Фима, — ударил себя кулаками в грудь Иона, — неужели я мог прийти в такой день с пустыми руками! Вот так, ни за что, ни про что, тебя может оскорбить самый близкий друг!

Когда каждый пригубил и отпил свою долю, Ефим с Ионой крепко обнялись, расцеловались, хотели того же с Адей, но он уклонился.

— Аденька, — заплакал Ефим, — с моим Осей ты бегал по камням нашего двора. Кто мог тогда предвидеть: где теперь мой Ося!

Адя в ответ хотел спросить: "Где теперь моя мама, мой папа?" — но старый Чеперуха перебил и потребовал вспоминать только хорошее, потому что от плохого никакого проку, кроме камней на сердце.

С базарчика возвращались в город пешком. На улице Фрунзе, у Матросского спуска, где узкая кривая дорога подымается круто в гору, Ефим вдруг закапризничал и просил повернуть направо, к Дюковскому саду.

Старый Чеперуха удивился: Дюковский сад? Кому нужен этот Дюковский сад: до революции здесь было бандитское место, в катакомбах прятался со своей шайкой знаменитый вор Ванька-ключник! И вообще, почему надо делать такой крюк?

Ефим стоял на одном месте, как вкопанный, и смотрел в землю.

— Адя, — обратился за поддержкой старый Чеперуха, — я прав или неправ?

Да, ответил Адя, прав, но дядю Ефима, который хочет пройти через Дюковский сад, тоже можно понять.

— Это глупая философия! — рассердился Иона. — Я тебя всегда держал за умного парня, а на поверку, оказывается, как раз наоборот.

Ефим больше не хотел слушать перебранку и медленно побрел вдоль сточной канавы, которая тянулась с улицы Фрунзе до самой Пересыпи. Адя шел рядом со старым Чеперухой и объяснял, что человеку обязательно нужно дать клапан, иначе, рано или поздно, котел может взорваться.

— Сынок, — горько улыбнулся Иона, — какой котел способен выдержать столько, сколько выдерживает человек.

В Дюковском саду было пустынно, с заболоченного пруда подымался прозрачный пар, плакучая ива свесила длинные космы над черной водой, ворона одним глазом посматривала на людей с интересом и любопытством, словно ожидала, что они будут делать дальше.

— Ефим, — окликнул Чеперуха, — пора уже быть дома, а мы слоняемся, как нищие бродяги.

На железнодорожной насыпи загромыхал товарняк, возле моста сбавил скорость, по перестуку, казалось, можно посчитать, сколько вагонов. Иона с Адей невольно прислушивались, пока вдруг не заметили, оба в один момент, что Ефим исчез.

— Фима! — закричал старый Чеперуха и схватился за голову. — Фима!

Они побежали вверх, туда, где за оградой лежит полотно железной дороги. В одном месте ограда была проломлена, Адя выскочил наружу, внимательно осмотрелся, но нигде, сколько хватил глаз, не было ни души. Он вернулся назад,

вскарабкался на ограду, выпрямился во весь свой рост, встал на цыпочки и, наконец, увидел Ефима. Тот стоял неподвижно, прислонясь лбом к дереву, шапку держал в руке, со стороны можно было подумать, что просто пьяный. Адя сделал знак старому Чеперухе, чтобы соблюдал спокойствие, вроде ничего особенного не произошло, но Иона уже побежал, тяжело, как медведь, на ходу ломая ветви.

— Ефим, — закричал своим биндюжническим голосом Чеперуха, — теперь я могу тебе сказать, что ты просто сукин сын! Мы чуть не получили разрыв сердца, а он себе стоит лбом к дереву, как ни в чем не бывало! Повернись лицом, когда с тобой разговаривают.

Ефим повернулся, глаза были пустые, как у детей, слепых от рождения, брови высоко подняты, желтый лоб весь в складках, и тихо сказал:

— Я не хочу жить на свете. У меня больше нет сил.

— Напиши заявление, — опять расшумелся Иона, — и подай в небесную канцелярию. Он не хочет жить, ему одному трудно, а остальные живут, как у Бога за пазухой. Едри твою мать, а тебя задушу своими руками: у меня еще хватит силы на три таких Граника!

Иона подошел к Ефиму вплотную, обнял за плечи, добавил несколько матерных слов и повел по кособору вниз. Адя отставал на пару шагов и, задрав голову, смотрел в небо: одно за другим проплывали огромные, как сказочные звери, белые облака, и все держали путь к морю. Из порта ветер донес густой пароходный бас, тоже, как у сказочного зверя, Чеперуха на минуту остановился, втянул в себя воздух и сказал:

— Надо расстреливать на месте всякого, кто хочет наложить на себя руки. Боже мой, как мы не умеем ценить жизнь!

Вернулись домой, когда уже темнело. Встретили у ворот Степана, он сказал, что по такому случаю требуется белень-

кая, но Иона предложил перенести на другой раз, поскольку именинник сразу после больницы, сделал прогулку через весь город и сильно устал.

На ночь старый Чеперуха устроился у Зиновия и до самого утра беспрерывно ворочался, прислушиваясь к каждому шороху за стеной у Граника. Перед работой он зашел к нему, вместе выпили по чашке чаю, вместе отправились на Тираспольскую площадь и вторым номером трамвая доехали до Пересыпи. Ионе пришлось возвращаться назад, до улицы Красной Гвардии, а Ефим через пять минут уже был на заводе.

Вечером товарищ Дегтярь предупредил Степана и Лялю, что на субботу, двадцать часов, назначается общее собрание всех жильцов двора. Повестка дня следующая: 1) итоги подписной кампании, 2) другие вопросы. Ответственные за явку на собрание — Хомицкий и Орлова.

Для предварительного разговора пригласили мадам Малую, но старуха, вместо того чтобы ясно, недвусмысленно поддержать, начала крутить-вертеть и просила не поднимать вопроса о Гранике. Степан, по старой дружбе с Ефимом, готов был поддержать Малую, и товарищу Дегтярю пришлось потратить немало нервов, убеждая, что здесь нет врагов Граника, а все делается только для его собственной пользы: никто не считает Граника больным, несчастеньким, и надо разговаривать с ним в полный голос, как со всяким другим.

Хотя в объявлении фамилии не указывались, люди сами догадывались, кто будет главным героем дня. Ляля ходила со списком по квартирам, в первый вечер особых эксцессов не было, одна лишь Марина Бирюк встала на дыбы и категорически отказалась дать свою подпись. Ляля спросила, как это понимать: Марина вообще против собрания или просто не хочет давать подписи? — но вразумительного ответа не получила.

Иона Овсеич сказал: "Не будем настаивать — коза сама придет до хаты".

Однако на другой день, когда о предстоящем собрании узнал полковник Ланда, разразился настоящий конфликт. Полковник не только отказался поставить свою подпись, но при этом забрал у Ляли список и сам отправился к товарищу Дегтярю. Иона Овсеич еще не вернулся с фабрики, поздно вечером полковник Ланда наведлся повторно, в этот раз удачно, Ляля Орлова уже сидела здесь и успела обо всем проинформировать.

Первый вопрос у товарища Дегтяря был к доктору Ланде: кто дал ему право на подобный самосуд — забрать официальный документ у представителя общественности? Полковник Ланда не ответил на вопрос, наоборот, выставил контрвопрос: кто дал Овсеичу право заносить Граника в проскрипции и глумиться над больным, несчастным человеком?

— Проскрипции! — громко повторил товарищ Дегтярь, на висках вздулись вены. — Ты не нашел другого примера — только из истории диктаторского Рима! Наши одесские космополиты профессор Розенталь и профессор Зейлигер могут гордиться: их полку прибыло!

— Оставь свои провокации! — ударил кулаком по столу полковник Ланда. — Я врач и не позволю, чтобы у меня на глазах калечили человека, у которого и так все держится на волоске. В сороковом году ты едва не погубил Орлову, которая сейчас стоит здесь, а сегодня...

— Не ваше дело! — перебила Ляля. — Я получила то, что заслуживала. Таких, как я, надо было в тайгу ссылать...

— Перестаньте молоть вздор! — окончательно разошелся полковник Ланда. — А насчет Граника повторяю: это больной человек с больной психикой, и я немедленно извещу Сталинский райком о расправе, которую готовят в моем доме! Пусть

пришлют комиссию и увидят своими глазами, а потом будем говорить дальше.

Полковник Ланда бросил на стол список, вышел из комнаты, но через секунду вернулся и предупредил: если Орлова не прекратит свой вояж по квартирам, он пойдет вслед за ней.

— Понятно, — сказал Иона Овсеич, — будем подбирать пациентов себе по вкусу и подобию.

— Овсеич, — полковник весь наклонился вперед, Дегтярь оставался на своем месте, как будто прирос обеими ногами к полу, — ты теряешь чувство меры.

Когда захлопнулась дверь, Ляля подошла, с силой дернула за ручку, словно хотела выместить злобу, и сказала:

— Столько лет живем в одном месте, а я его совсем не знала.

Иона Овсеич включил радио: передавали последние известия. Ляля присела на диван, расстегнула кофточку, чтобы легче было дышать, сдвинула плотно колени, оттянула книзу юбку, Иона Овсеич машинально следил, но все внимание было приковано к радио.

Из Нижнего Тагила сообщали, что уральские металлурги с огромным интересом изучают гениальный труд товарища Сталина "Марксизм и вопросы языкознания". На очередном семинаре доклад по теме "Базис и надстройка" сделал сталевар Федор Антипов, на личном счету которого сорок два рационализаторских предложения. Семнадцать из них уже внедрены в производство и дали экономический эффект около ста тысяч рублей. С содокладом выступил горновой Харитон Кузякин, его личный вклад в технический прогресс — девять внедренных рационализаторских предложений с экономическим эффектом семьдесят шесть тысяч двести рублей.

Ляля положила голову на валик, одну ногу подняла на диван, другая оставалась на полу. Иона Овсеич сделал знак,

чтобы подняла обе, а то неудобно. Гостя отрицательно покачала головой, Иона Овсевич подождал минуту — диктор перешел к сообщениям из мира спорта, — сам взял за лодыжку, нога была большая, с крепкими икрами, немного выступали вены, и уложил рядом с первой. Затем присел сбоку, задумался и произнес:

— Орлова, когда я слушаю радио, невольно берет зависть к нашим уральцам, сибирякам, волжанам. В сравнении с нами, они как три богатыря с картины знаменитого художника Васнецова.

Ляля машинально зевнула, тут же застеснялась, похлопала себя по губам и сказала: нет, она несогласна — чужое, тем более издали, всегда кажется больше. Наоборот, лукаво прищурился Иона Овсевич, как раз издали все предметы выглядят меньше. Но здесь верно другое: мелочи исчезают и на виду остается только крупное.

— А с собранием, — неожиданно закончил Иона Овсевич, — я думаю, немного повременим.

— Из-за Ланды? — удивилась Ляля.

— В том числе из-за Ланды, — подтвердил Иона Овсевич. — Хватит маневрировать с ним в кустах.

— Фу! — содрогнулась Ляля. — Какой он противный, вместе со своей Гизеллой.

Погас свет. Напротив, через дорогу, тоже сделалось темно: дом стоял с черными квадратами рам, как нежилой. Затем стали появляться огоньки — свечи, керосиновые лампы и карманные фонарики, которые быстро, будто сами по себе, сновали взад-вперед по комнатам.

Ляля поправила у себя на груди кофточку; слегка приподнялась и завела руку за спину, видимо, сильно жал лифчик; громко заскрипели пружины, Иона Овсевич сказал, что надо вызвать мастера и все перетянуть заново. Ляля молчала, Иона

Овсеич слегка толкнул локтем, попал в бедро, на минуту воцарилась полная тишина, он толкнул вторично и сказал:

— Орлова, тебе завтра рано на работу — пора нах хаузе. Баиньки.

Ляля по-прежнему молчала, Иона Овсеич подождал несколько секунд и повторил, но в этот раз уже безо всякой шутливости:

— Орлова, пора домой. Я хочу спать.

Ляля мигом, как будто с силой подбросили, вскочила, сорвала с вешалки пальто и вышла не прощаясь.

— Орлова, — крикнул вдогонку товарищ Дегтярь, — спокойной ночи.

Дома она легла на кровать в одежде, долго не могла заснуть, в темноте перед глазами проплывали разноцветные фигуры — красные, зеленые, фиолетовые, — взгляд невольно следовал за ними, потом захотелось все стереть, чтобы оставалась одна чернота, на душе было пусто и тяжело.

До конца недели Ляля не заходила к Ионе Овсеичу. Вечером иногда ей слышалось, будто в дверь кто-то тихонько стучится, несколько раз она шла открывать, но на площадке никого не было. Накануне выходного она испекла две большие вертуты — одну с творогом, другую с яблоками, добавила ложку вишневого варенья, — и решила занести этому вдовцу, который сам о себе никогда не вспомнит и не позаботится. Пока она подымалась на третий этаж, немного подсекались ноги и держалась противная слабость в руках; приходилось из всех сил сжимать блюдо, чтобы не уронить.

Иона Овсеич встретил радушно, поблагодарил за гостинец, но тут же добавил, что ему придется открыть свой кондитерский ларек: только вчера Дина Варгафтик занесла ему пирог с тыквой. Кстати, довольно удачный, можно попробовать. Ляля отломила кусочек, взяла в рот, пожевала, лицо скриви-

ла гримаса, она с трудом заставила себя проглотить и тут же потребовала стакан воды.

— Бабы, бабы, — покачал головой Иона Овсеич, — просто удивительно, как трудно с вами ладить.

Разрезали Лялину вертуту с яблоками, Иона Овсеич взял кусочек, потом еще один и чистосердечно признал: таких вертут он еще никогда не пробовал.

Ляля сильно смутилась, зарумянилась и пожелала товарищу Дегтярю ципун на язык за его насмешки.

— Орлова, — сказал Иона Овсеич, — я смотрю на тебя и люблюсь: с твоим лицом, с твоей фигурой ты еще сегодня можешь найти себе какого-нибудь капитана.

Ляля на секунду задумалась, глаза сделались глубокие, печальные, и ответила: есть один капитан, но он проходит рядом и не замечает.

— Кто же этот слепой осел? — удивился Иона Овсеич. — Может быть, я его знаю.

— Знаете, — мотнула головой Ляля, — конечно, знаете, капитан Дегтярь.

Иона Овсеич засмеялся, поскреб пальцем подбородок и сказал, что вышла неплохая сцена, как в старой оперетке.

Да, ответила Ляля, как в старой веселой оперетке, и тихонько, с грустью запела: "Наша жизнь — это только лишь пьеса, вы давно в ней сыграли уж роль".

Товарищ Дегтярь нахмурился, сказал, что пора переменить пластинку, а то получается чересчур однообразно.

Ляля провела платочком возле переносицы, тряхнула волосами и крепко зажмурилась:

— Да, капитан, вы правы: чересчур однообразно и пошло.

Иона Овсеич отрезал кусочек вертуты с творогом, несколько крошек упало на скатерть, он подобрал и машинально положил в рот.

Ляля вздохнула:

— Вы, как маленький мальчик, на вас нельзя по-настоящему злиться.

Иона Овсеич доел свой кусок, похвалил вертуту с творогом еще больше, чем с яблоками, и неожиданно спросил: а почему бы ей, Орловой, не занести как-нибудь вечером такую же вертуту Ефиму Гранику?

— Гранику? — удивилась Ляля.

Гранику, повторил Иона Овсеич. Что здесь особенного? В конце концов, одинокий человек, а со стороны может сложиться впечатление, будто на всем белом свете у него остался один покровитель и защитник — доктор Ланда. Кстати, у нашего Ланды произошла нехорошая история в госпитале: от аппендицита умер молодой парень. Двадцати лет.

— Двадцать лет! — ужаснулась Ляля.

Иона Овсеич сжал губы: двадцать. Привезли ночью, но, вместо того чтобы сразу сделать операцию, отложили до утра, пока не наступил перитонит.

— Сволочи! — прошептала Ляля. — Мы для них не люди, мы для них подопытные животные. Сволочи!

— Орлова, — остановил товарищ Дегтярь, — не надо обобщать. А насчет Ланды у меня к тебе просьба: не хотелось бы, чтобы эту историю муссировали здесь во дворе.

Ляля дала слово, что не проронит ни звука, но Иона Овсеич резонно возразил: слово — словом, а когда услышишь такое, попробуй молчать и не поделиться.

Через два дня, уже стемнело, Ляля зашла к Ефиму с подарком: горячей вертутой, прямо из духовки. Хозяин посмотрел удивленно, гостя засмеялась и сказала:

— Фима, если вы боитесь отравиться, я могу попробовать первая.

На табурете лежал нож, она просила подать, отрезала два

куска и предложила хозяину на выбор любой. Поскольку хозяин не проявлял инициативы, она сама взяла кусок, откусила и стала жевать, жмуря глаза от удовольствия.

Ефим подождал, пока гостя проглотит то, что у нее во рту, и спросил, зачем она пришла к нему.

— Зачем? — повторила с обидой Ляля. — Фимочка, разве женщине, которая сама пришла, задают такие вопросы!

— Нет, — сказал Ефим, — вы врете: вы не сами пришли — вас прислал Дегтярь.

— Дегтярь? — воскликнула Ляля. — Да пусть меня сто Дегтярей посылают, а если я сама не захочу, они могут биться головой об стенку.

— Идите! — грубо оборвал Ефим. — Идите и распускайте по всему двору, по всему городу слухи про доктора Ланду, который у себя в госпитале калечит и убивает людей. Идите, а то вы даром теряете время.

— Боже, — схватилась за щеки Ляля, — как у вас не отвалится язык говорить такое!

— Фармазонщица! — закричал Ефим. — Уходите отсюда: я вас видеть не могу. Вы строите свои хитрые козни, как будто перед вами не люди, а скотина: то Граник, то Ланда, то Иванов, Петров, Сидоров! Вон отсюда! Заберите к чертовой матери свое говно!

Ефим схватил вертуту, размахнулся и швырнул в дверь.

Товарищ Дегтярь, когда Ляля нарисовала в подробностях всю сцену, не дал никакой оценки, а спросил лишь, что думает по этому поводу сама Орлова. Ляля затруднилась сразу найти объяснение, но насчет хулиганской выходки Граника она не сомневалась, что здесь он просто спекулирует на своей недавней болезни.

— Нет, Орлова, — сказал товарищ Дегтярь, — ты говоришь то, да не то. Дело здесь не в хулиганстве, а гораздо глубже:

интеллигент Ланда и маляр Граник стакнулись между собой, как будто черпают из одного источника. На первый взгляд, можно только поражаться, но кто знает поближе родословную одного и другого, кто помнит поведение одного и другого, еще задолго до войны, тот не будет удивляться.

Ляля внимательно слушала, на лбу собрались морщинки, и через каждые две секунды кивала головой в знак согласия, однако, когда Иона Овсейч закончил, призналась, что плохо понимает: один вернулся с фронта полковником, а другой сидел в плену, неизвестно, каким образом остался в живых, — как же ставить здесь знак равенства?

— Орлова, — товарищ Дегтярь наклонил голову и смотрел в упор, — а почему ты не спросишь, как получилось, что бывший красный партизан Иосиф Котляр закончил свои дни на Колыме?

Ляля невольно опустила глаза, Иона Овсейч велел поднять и смотреть прямо, но Ляля, хотя старалась, все равно не могла заставить себя.

— Если бы фронт, — Иона Овсейч горько скривил губы, — давал нам полную гарантию, как человек будет себя вести в условиях мирного времени, сколько бед мы избежали бы в двадцатые годы, в тридцатые, да и сегодня, в наши дни.

После больницы Ефим два раза заходил к доктору Ланде просто так, чтобы посидеть в кругу старых соседей. Гизелла ставила перед ним угощение, просила Ефима не стесняться, но сама за стол не садилась, уходила в другую комнату, и полковник оставался с гостем наедине. При втором визите Ефим прямо спросил Гизеллу, почему она не посидит с ними, но в ответ услышал только просьбу не беспокоиться и не принимать на свой счет, поскольку у хозяйки всегда хватает забот.

Когда притворилась дверь, Ефим сказал:

— Доктор Ланда, ваша жена меня не любит.

— Ефим, — ответил доктор, — не выдумывайте.

— Я не выдумываю, — сказал Ефим. — Я хорошо понимаю, что маляр и военный врач, который без пяти минут генерал, яблоки не от одного дерева. Но зачем каждый раз напоминать?

Полковник Ланда хотел опять возразить, но махнул рукой, налил себе и гостю по стопочке, выпили, взяли по волованчику с зернистой икрой, затем повторили, оба немного повеселели, однако разговор по-прежнему не вязался.

— Доктор Ланда, — Ефим горько скривил губы, — объясните мне, как это получается: люди прожили почти всю жизнь в одном дворе, знают, простите, какое кто носит споднее, а собираются вместе — не могут найти друг с другом общее слово.

— Ефим, — полковник откупорил новую бутылку, налил в обе стопки, — что стоят слова, когда говорит само сердце. Ваше здоровье!

Ефим улыбнулся, в глазах не проходила грусть, медленно поднялся из-за стола и сказал:

— Доктор Ланда, вы умеете все превратить в шутку. Можно завидовать такому характеру.

На прощание гость поблагодарил за теплый прием, за компанию, хозяин просил заходить почаще и без церемоний.

Во дворе Феня Лебедева кончала уборку. Ефим прошел мимо, она окликнула и спросила, дома ли доктор Ланда. Ефим не ответил, она объяснила, что надо занести Ланде квитанцию на квартплату, и потому спрашивает.

Отперев двери, Ефим вдруг задумался, вернулся во двор и закричал Лебедевой:

— А какое твое собачье дело, где я был! Куда захочу, туда и пойду — Граник плевал на вас с высокого полета! Можешь передать.

— Псих! — закричала в ответ дворничка и покрутила пальцем возле виска.

Иона Овсеич, когда опять зашел разговор с Орловой насчет горячей дружбы, которая вдруг загорелась между Граником и Ландой, мог лишь повторить свои прежние слова: кто хоть немножечко знает прошлое, тот не будет удивляться. В этот раз Ляля не возражала, наоборот, она еще добавила от себя: Граник — это Граник, а Ланда — это Ланда, но по отношению к товарищу Дегтярю они — два сапога пара.

— Орлова, — похлопал по спине товарищ Дегтярь, — я вижу, ты начинаешь понимать на личном опыте, что такое диалектика. Молодец.

Всю следующую неделю Иона Овсеич дневал и ночевал на фабрике: в газете "Правда" и в остальных газетах было опубликовано сообщение, что на октябрь месяц назначается созыв XIX съезда ВКП(б). Первым делом надо было немедленно перестроить всю наглядную агитацию, то есть лозунги, схемы, плакаты, диаграммы, чтобы не только в каждом цехе, в каждой бригаде, но буквально на каждом рабочем месте люди помнили и чувствовали, что отныне вся наша жизнь, вся наша работа идет под знаком подготовки к историческому событию. Одновременно партбюро, администрация и фабком собрали актив, на котором рассмотрели конкретные предложения и повышенные производственные обязательства всего коллектива в честь предстоящего съезда партии. У каждого в душе было желание взять на себя как можно больше, и нередко приходилось сдерживать людей, напоминая, что принятые обязательства должны иметь реальную базу. Однако на общем собрании, которое после актива провели прямо во дворе, под открытым небом, рабочие и работницы в своих выступлениях требовали повысить соцобязательства, чтобы они были действительно повышенные, и называли свои цифры и показатели.

В ответном слове товарищ Дегтярь поблагодарил наш

рабочий класс, наших инженеров и техников, которые творят чудеса и успешно закладывают фундамент коммунизма, показывая наглядный пример странам народной демократии и пролетариату всего мира.

В заключение собравшиеся приняли решение послать письмо товарищу Сталину, в котором берут на себя обязательство выполнить девятимесячную программу к двадцатому сентября, а годовую — ко дню Сталинской Конституции, пятого декабря.

После актива и общего собрания Иона Овсеич несколько раз приглашал к себе цеховое начальство и ставил задачу изыскивать дополнительные, скрытые резервы, ибо уже самые первые итоги убедительно показали, что коллектив способен не только выполнить, но и перевыполнить взятые на себя обязательства.

Аналогичную картину можно было наблюдать у Ляли Орловой, по месту ее новой работы на фабрике имени Крупской, и у Зиновия Чеперухи, на заводе имени Кирова. Рядовые трикотажники и станкостроители, то есть те самые винтики, без которых не может работать и ничего не стоит сложнейшая современная машина, выдвигали встречные планы и цифры, в полтора, два и три раза превосходящие предложенные фабричным и заводским руководством. Зиновия как раз накануне назначили начальником цеха, он собрал своих людей и с карандашом в руках сообща высчитали, что третий квартал может быть завершен не позднее пятнадцатого сентября, а программа года — к тридцатому ноября, иными словами, начиная с первого декабря, коллектив будет работать уже в счет следующего, тысяча девятьсот пятьдесят третьего года.

В выходной день товарищ Дегтярь выкроил свободную минуту и провел у себя на квартире небольшое совещание. Присутствовали Орлова, Хомицкий, Марина Бирюк, Дина

Варгафтик, Зиновий Чеперуха и Катерина Чеперуха. Клаву Ивановну пригласили тоже, Ляля сама заходила к ней, но старуха совсем расклеилась и упрямо тянула одну ноту: пусть ей скажут, по секрету, кто подготовил концерт художественной самодеятельности и какие номера включили в программу. Ляля объяснила, что никакой самодеятельности не будет, а только деловое совещание, но Клава Ивановна в ответ строила хитрые глазки и грозила пальцем.

Когда Ляля рассказала присутствующим, все весело смеялись, но, с другой стороны, было немножко грустно — что время делает с человеком! — тем более, это ждет каждого из нас. Иона Овсевич тоже улыбнулся, однако тут же приказал всем успокоиться и перейти к делу по существу, ибо дорога каждая секунда.

— Товарищи, — сказал Иона Овсевич, — готовясь к достойной встрече знаменательного события в жизни партии и всего народа, вносится предложение: первое, организовать во дворе кружок по изучению гениального труда товарища Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР"; второе, взять на соцсохранность, силами жильцов, дом в полном его объеме, то есть со всеми квартирами и дворовыми атрибутами.

По первому предложению пояснений не требовалось, кружок есть кружок, а по второму — одной, лишь общей, формулировкой ограничиваться нельзя было. Поэтому, предупредил товарищ Дегтярь, необходима известная детализация. Прежде всего, соседи и все жильцы дома обязаны беречь, как зеницу ока, жилой фонд, конкретно: не отбивать штукатурку в парадных при переноске мебели и других габаритных грузов, аккуратно пользоваться общедворовым и квартирными санузлами, бережно обращаться с оконными рамами, своевременно обеспечивая полную остекленность комнат, коридоров и балконов. Далее, каждый квартиросъемщик обязан регуляр-

но, не дожидаясь аварийного состояния, сам производить ремонт своего жилища, а коммунальные кухни, передние, тамбуры и другие удобства ремонтируются сообща жильцами квартиры, для чего в каждой коммуне выбирается ответственный исполнитель.

— Теперь, — товарищ Дегтярь сделал небольшую паузу, — насчет уборки парадных, лестничных маршей и площадок. До сих пор домоуправление содержало за государственный счет специальную уборщицу. Нетрудно подсчитать, в какую копейку это влетает казне по городу. И другой аспект, моральный: можно ли принимать как норму, чтобы на пороге коммунизма мы нуждались в приходящих нянях для уборки своего собственного дома? Прошу высказаться.

Ляля Орлова и Марина Бирюк подняли руки одновременно, но у Марины был вопрос, а не выступление, и товарищ Дегтярь указал пальцем на нее: пусть начинает первая. На деле, однако, оказалось, что у Марины не вопрос, а целый доклад, ибо она не только не спрашивала, но еще и другим взялась объяснять, будто бы домовых уборщиц содержат за счет квартплаты, которую вносят жильцы, а ремонт, опять-таки, якобы финансируется из тех же сумм.

Иона Овсеич спокойно выслушал и в ответ задал единственный вопрос: сколько платит за свою квартиру лично она, Марина Бирюк?

— Сколько я плачу? — повторила Марина, как будто плохо расслышала. — Сто двадцать рублей. Кроме того, шестьдесят рублей за свет, и пятьсот рублей в сезон уходит на топливо, значит, еще сорок-пятьдесят рублей в месяц. А весной я положила новые обои и покрасила окна, двери — вот вам сразу полторы тысячи.

— Марина, — удивилась Ляля Орлова, — может, вы еще

приплюсуете, сколько у вас уходит на конфеты? Я знаю, вы очень любите сладкое.

— Люблю, — подтвердила Марина. — А вам какое дело: вы, что, за меня платите?

Ляля сказала, что не платит, но не надо прикидываться дуручкой и считать в квартплату свет, обои, дрова, уголь и свои наряды.

— А я с вами вообще не хочу разговаривать, — грубо ответила Марина. — Вы еще не мадам Дегтярша, и не надо расписываться за других!

Ляля вся загорелась, было впечатление, что вот-вот начнется катавасия, но, к счастью, товарищ Дегтярь успел опередить:

— Марина Игнатьевна, — обратился он, — если я правильно понял, вы платите за квартиру сто двадцать карбованцев в месяц. Ваш муж, надо полагать, получает не меньше трех тысяч, да вы, как бухгалтер, приносите домой, худо-бедно, рублей семьсот. Так?

Марина со своей обычной ухмылкой уставилась на товарища Дегтяря, он немного подождал и попросил всех присутствующих общими силами вычислить, сколько будет один процент от трех тысяч семисот, а затем разделить сто двадцать на полученное число тридцать семь.

Не дожидаясь ответа, товарищ Дегтярь сам подбил итог.

— Итак, имеем три целых и две десятых процента. А в Америке, уважаемая Марина Игнатьевна, рабочий платит за квартиру тридцать процентов, то есть, примерно, в десять раз больше.

— При чем здесь Америка! — развела руками Марина.

— А при том, гражданка Бирюк, — повысил голос товарищ Дегтярь, — что мы представляем себе, как бы вы заголосили,

предложи вам платить те же тридцать процентов, то есть тысячу рублей с гаком в месяц!

— Я была у мужа в Германии, — опять заталдычила свое Марина, — мы заходили к одному немцу, у него четыре комнаты, а он простой инженер, и жена сидит дома с детьми.

— Не путайте, — Иона Овсеич еще больше повысил голос, видно было, что иссякает терпение, — есть две Германии: ваш муж находится в Германской Демократической республике, где власть принадлежит рабочим, а не Джону Пирпонту Моргану-младшему и Круппу фон Болен!

— В конце концов, — вскочила со своего стула Катерина, — почему все должны тратить свое время на Марину Бирюк! Ей не нравится здесь — пусть едет себе в Германию или куда хочет. А делать вид, что она кормит за свой счет советскую власть, — эти номера мы уже видели. И хватит!

— Хватит! — повторила следом Ляля. — Я зарабатываю восемьсот рублей в месяц, за комнату плачу семьдесят, а постыдилась бы торговаться, как некоторые другие. В какой стране я имела бы за эти несчастные семьдесят рублей такую квартиру! На Привозе тридцать рублей кило мяса, получается два кило мяса в месяц за квартиру. Мы, можно сказать, даром живем, а у людей еще открывается рот! Я предлагаю, чтобы жильцы дома сами убирали коридоры, лестницы и остальное, а уборщица нам не нужна.

— Какое будет еще мнение? — спросил товарищ Дегтярь.

У всех, кто сейчас здесь, сказала Дина Варгафтик, одно мнение, но во дворе есть еще жильцы, надо поговорить с ними.

— Дина, — вскочила со своего места Ляля, — если мы с вами выйдем на уборку собственной парадной, неужели другим совесть позволит пройти мимо!

Посмотрим, пожала плечами Дина, пока можно быть уве-

ренным за одну Катерину Чеперуху, потому что ее двери выходят прямо во двор, и никаких общих коридоров и парадных у нее нет.

Коридоров и парадных нет, подтвердила Катерина, но зато есть такой сосед, как Ефим Граник, который бросает окурки и плюет на пол прямо возле дверей.

Поднялся Степан Хомицкий:

— Теперь насчет туалетов. Тридцать лет подряд говорим-говорим, а как горохом об стенку. Вчера опять забился люк, а там пробка, как лошадиная голова: морковка, бурак, вата, газеты, парашюты — хоть гум открывай.

Присутствующие засмеялись, Марина громче всех, а Степан предупредил: вот позовем комиссию с эпидемстанции, тогда посмотрим, как будем смеяться.

— А ты не предупреждай, — подхватил товарищ Дегтярь, — а возьми и приведи, и пусть оштрафуют на сто-двести рублей!

Зиновий напомнил, что мы отклоняемся от темы, но, поскольку речь уже зашла о санитарии, он хочет привести в пример Маньчжурию: китайцы, особенно в японскую оккупацию, влачили полуголодную жизнь, даже в больших городах целые районы не имели канализации, а чистота была везде такая, что можно поучиться.

Зачем ходить за примером в Китай, сказал Иона Овсеич, если у нас есть свой Ленинград, своя Рига, а здесь рядом — свой Севастополь.

— Ой, — вскрикнула Ляля, — хочу в Ленинград!

— И поедем, — Иона Овсеич хлопнул ладонью по столу, — и посмотрим, как живут наши люди, чтобы нам было стыдно не перед китайцами, а перед своими собственными ленинградцами. И кой-кому придется покраснеть.

— И будем краснеть, — засмеялся Степан, — аж пока опять

не побледнеем, а сортиры как забивали, так еще десять лет будем забивать.

— Хомицкий, — сказал товарищ Дегтярь, — этот смех и скепсис здесь ни к чему. Однако имеется дополнение к нашим обязательствам по сохранным жилфонда: назначить на каждом этаже сануполномоченного от домовой комиссии. Председателем комиссии рекомендую товарища Чеперуху Катерину Антиповну, старшего лаборанта завода витаминных препаратов, заместителем — товарища Бирюк Марину Игнатьевну.

Иона Овсеич, хотя не предлагал голосовать, поднял руку, остальные подняли за ним. Катерина заявила, что она не может, целый день на работе, кроме того, дома дети, но никто не обратил внимания, даже ее собственный Зиновий, и держали руки, пока товарищ Дегтярь не велел опустить.

С понедельника комиссия приступила к выполнению своих функций. Катерина Чеперуха, совместно со Степаном Хомицким, обошли все квартиры, заглянули в углы, где хозяйки держат свои ведра с мусором, и установили, что многие, как будто нарочно, создали у себя самые благоприятные условия для мышей и крыс. Даже у доктора Ланды обнаружили фанерный ящик, в котором лежали вперемежку куски хлеба, колбасы и огрызки голландского сыра. Гизелла всячески оправдывалась и доказывала, что это остатки за вчерашний день и она еще не успела выбросить, но Катерина взяла ящик в руки, было килограмма два без тары, и попросила Гизеллу врать, да знать меру. Та, ни с того ни с сего, в ответ раскричалась, лицо сделалось красное с синими пятнами, как у павиана одно место, и потребовала, чтобы Степан больше не приводил к ней в дом этих парижанок из Улан-Удэ.

— Слушай, — сказала Катерина, — иди умойся, не то я сейчас крикну сюда полдвора.

Гизелла засунула пальцы в рот, прижала зубами, казалось, еще секунда, и впадет в истерику. Степан попросил обеих успокоиться, а то сами под себя брызгают керосином.

Во вторник комиссия продолжала обход. У Дины Варгафтик и у самой Марины Бирюк, где дома застали одну старуху, тоже нашли переполненные ведра с пищевыми отходами, но здесь хозяева не спорили, наоборот, честно признали свою вину и дали обещание, что последний раз.

Квартиру товарища Дегтяря комиссия решила не проверять, однако, когда прошли мимо, Иона Овсеич сам догнал и вслух высказал свое возмущение. Комната была в полном порядке, чувствовалось, что хозяин — большой аккуратист; передняя, которая одновременно служила кухней, также не вызывала нареканий. Комиссия согласна была поставить четыре с плюсом, даже пять, и хотела уже попрощаться, но тут хозяин опять выразил недоумение: что это за комиссия, если даже не заглянула в туалет!

В туалете было чисто, железные ручки блестели, как будто их натерли асидолом. Катерина сказала, что надо сюда привести наших домохозяек, пусть посмотрят своими глазами и поучатся. Иона Овсеич просил не преувеличивать, ибо сам хорошо понимает, что это лишь минимум, ниже которого нельзя допускать, но Катерина продолжала восторгаться и хвалить, пока Степан не поинтересовался, где же ведро.

— Какое ведро? — удивился Иона Овсеич.

Степан засмеялся, погрозил пальцем и объяснил: ведро, куда бросают использованную бумагу. Иона Овсеич немного замешкался и ответил, что в такие интимные подробности комиссии не следовало бы входить: люди могут обидеться.

— Нет, — стоял на своем Степан, — ты говори, куда бросаешь бумагу: в унитаз?

В этот раз хозяин по-настоящему рассердился, сказал,

что вообще не пользуется бумагой, но при этом убедительно просил комиссию не выходить из рамок и хорошо помнить свое место.

Последним на очереди оказался Ефим Граник. Накануне к нему уже стучались дважды, но оба раза напрасно, хотя были основания полагать, что он сидит дома и просто не желает открывать. Степан нажал кнопку, было слышно, как жужжит зуммер, потом раздался еще какой-то звук, словно тяжелый предмет упал на пол, позвонили опять и, наконец, отворилась внутренняя дверь.

— Ефим, — весело закричал Степан, — ты живой или присылать за тобой катафалк!

— В чем дело? — спросил Ефим. — Что вы не даете людям покоя?

Степан сказал, пусть открывает: пришла санкомиссия и хочет посмотреть, как он живет. Катерина во время переговоров машинально стала в сторонку, но Ефим успел заметить и предупредил, что эту женщину не выпустит к себе даже за миллион рублей. Степан пытался обернуть все в шутку, велел Ефиму надеть подштанники, а они пока подождут, но в ответ дверь захлопнулась, и, сколько ни звонили, больше не могли дозвониться. Под конец Катерина хорошо ударила кулаком, так что задрожали стекла, и закричала:

— Сам не отопрешь — милицию позову! Гадюшник у себя устроил, тараканов разводишь — ты у меня из Одессы вылетай, как пуля!

В комнате послышалась какая-то возня, оба с минуту прислушивались, Катерина повторила опять, что Ефим у нее вылетит из Одессы, как пуля, но так и пришлось уйти ни с чем. Степан только махнул рукой, а Катерина тут же поднялась к товарищу Дегтярю и нарисовала все, как есть.

— Этого можно было ожидать, — сказал товарищ Дегтярь. —

Один раз ему сошел с рук заем, другой раз он захочет сесть нам на голову.

Катерина напомнила свое предупреждение, что Гранику не надо было давать здесь жилплощадь, ее не послушали тогда — теперь будем в обалдую играть.

Дома Катерина повторила всю историю бабушке Оле, но та заклала ее здоровьем детей, чтобы не рассказывала Ионе и Зиновию, а то подымется такое, что надо будет сбежать на край света.

На малом активе — присутствовали только Хомицкий, Орлова и Катерина Чеперуха — товарищ Дегтярь поставил вопрос ребром: что будем делать с Граником? Катерина прямо заявила, что существует один способ — выселить из Одессы. Степан категорически возражал, тем более, что человек хорошо работает у себя на заводе, и никто на это не пойдет. Орлова тоже была против, однако предложила, пусть двор поставит вопрос о выселении, горсовет все равно не разрешит, но Граник, наконец, поймет, что с ним дальше не намерены шутить.

— Какие еще будут предложения? — спросил товарищ Дегтярь.

Больше предложений не было, на минуту воцарилась тишина, и товарищ Дегтярь попросил слова для себя.

— Я все слушаю, — сказал он, — и думаю: хоть один из них догадается заглянуть в корень или будем прыгать, как воробей, с ветки на ветку, и беззаботно чирикать? И вот результат: никто, ни один. А корень, от головы до пят, весь на виду: мог бы ли позволить себе Ефим Граник подобное поведение, если бы не прямая поддержка со стороны доктора Ланды?

Степан пожал плечами: при чем здесь Ланда? Ланда заступился за Ефима уже после Дюковского сада и больницы, когда все было позади.

— Флюиды! — воскликнул Иона Овсеич. — Флюиды летают

по воздуху и переносят заразу от одного к другому! Формально было так, как сказал Хомицкий: сначала — Граник, потом — Ланда. Но кто из нас мог сомневаться, что именно доктор Ланда, и никто другой, подставит свое плечо Ефиму Гранику, когда весь двор, все люди вокруг возмущались и гневно осуждали! Для кого из вас, покажите на себя пальцем, это явилось неожиданностью!

Иона Овсевич смотрел в упор, каждый чувствовал на себе его взгляд и невольно отводил глаза.

— Страна построила Волго-Дон, создала Цимлянское море, какого не знала еще природа, на берегах великой русской реки сооружаются крупнейшие в мире Куйбышевская и Сталинградская ГЭС, а мы сидим, как кулик в болоте, и ждем, когда к нам придут и скажут: "Милости просим, вот вам коммунизм — заходите!" Нет, — взмахнул кулаком Иона Овсевич, — никто не придет и никто не пригласит: сами, своими собственными руками будем делать, а кто станет нам поперек, того долой с дороги, как ненужный сорняк!

Правильно, откликнулась Катерина, они с отцом у себя в Бурятии тоже вырубали сорняки топорами; эти сорняки никакая цапка не брала. Степан внимательно посмотрел, Катерина повела плечами, отвернулась, а Ляля подождала несколько секунд и обратилась к товарищу Дегтярю: как же все-таки быть с Граником?

— Орлова, Орлова, — покачал головой товарищ Дегтярь, — ты мне напоминаешь жирафа: ноги промочит в понедельник, а насморк получит в пятницу.

Степан засмеялся: и опять пойдет к тому же доктору Ланде — лечиться.

— Хомицкий, — сказал товарищ Дегтярь, — мне не нравится твое настроение.

В связи с ликвидацией домовой уборщицы, на каждом

этаже составили свой график и повесили у дверей парадного, на видном месте, чтобы исключить всякие отговорки: не знал, забыл, не предупредили. Кроме того, Орлова и Чеперуха лично обошли все квартиры до единой и взяли подписи. Отдельные домохозяйки пытались возражать — дескать, у каждого есть свои удобные и неудобные дни, надо было учесть, но Катерина на эти претензии резонно отвечала: если одному удобно, значит, за счет другого, а чтобы всем одновременно было удобно, такого не бывает. Ничего, привыкнем.

Действительно, уже в первые две недели люди так втянулись в новый распорядок, что ни у кого не возникало нужды вносить свои поправки. Наоборот, поскольку календарь составили далеко вперед, всегда можно было заранее управиться со своими частными делами и выкроить два-три часа на общее дело.

Осложнения начались с того момента, когда график дошел до Ланды. Сперва Гизелла просрочила свой день, но можно было допустить, что ей удобнее провести уборку поздно вечером или на другое утро. Однако минул вечер, минуло утро, Катерина специально поднималась на третий этаж проверить, а коридор и кусок лестницы как были в окурках и грязи, так и остались. Больше того, дворовые коты, будто нарочно сговорились, на этой неделе проявили особенное усердие, Гизелла же проходила с царским видом мимо, вроде ее никак не касается. Жильцы, сперва молча, потом вслух, стали справедливо возмущаться, ибо получалось, что одни здесь пурицы, а другие их холуи и прислуга. Громче всех возмущалась Дина Варгафтик, которая открыто сказала Катерине: если бы она, Дина, хоть бы на одну копейку позволила себе так плевать соседям в лицо, из нее давно бы сделали форшмак. А жене полковника Ланды все можно, потому что она жена полковника Ланды!

Сразу после этого разговора Катерина опять поднялась на третий этаж, все оставалось по-прежнему, дернула за колокольчик и потребовала, чтобы Гизелла вышла в коридор. Гизелла открыла дверь, но в коридор выходить не захотела, а пригласила к себе в комнату. Катерина заупрямилась, сказала, давайте не будем терять времени, и спросила, до каких пор кошачий крем будет валяться на лестнице и благоухать у людей под носом.

— Послушайте, — возмутилась Гизелла, — я не терплю кошек с детства и не буду за ними ухаживать!

— А другие пусть убирают за вами? — вежливо спросила Катерина.

— Почему за нами? — опять возмутилась Гизелла. — Нас только двое, мы с мужем проходим по лестнице и коридору так, что пятнышка не остается, а другие здесь живут целыми кагалами: бабушки, дедушки, внуки.

— Красавица, — заговорила вдруг голосом цыганки-гадалки Катерина, — ждет тебя дальняя дорога, бубновый валет в синей шинели и теремок в клеточку!

Гизелла невольно сделала шаг назад, Катерина предупредила, что это у них последний разговор по-хорошему и если до утра не будет чисто, она подымет на ноги весь штаб военного округа: пусть пришлют комиссию и проверят, кто такие в действительности Ланды.

Катерина в один прием, по-солдатски, сделала кругом, Гизелла просила остановиться, но та вприпрыжку, трудно было поверить, что мать двоих сыновей, уже спускалась по лестнице.

На следующий день, перед обедом, Гизелла привела из музучилища пожилую женщину, дала ей веник, ведро, швабру и показала, где надо помыть. Женщина управилась за час-

полтора, получила свои десять рублей, сказали друг другу спасибо и попрощались.

Во дворе Феня Лебедева как раз кончала уборку, дошла до парадного и на секунду перегородила дорогу:

— Женщина, вы приходили до Ланды?

К Ланде, ответила женщина, а что? Ничего, сказала Лебедева, она просто хотела узнать, дома ли хозяйка: надо занести квитанцию на квартплату. Дома, кивнула женщина, отдыхает: целое утро имела уроки в училище, а после обеда опять. Скоро уйдет.

Поздно вечером Феня передала Орловой и Катерине, что товарищ Дегтярь просит обеих к себе.

— Ну, — спросил Иона Овсеич, — как прошел день?

День прошел хорошо, сказала Катерина.

— Хорошо? — переспросил Иона Овсеич. — А ты что скажешь, Орлова?

Ляля тоже сказала, хорошо, и добавила, что в парадном, где Ланды, убрано, разговоров больше не было.

— Значит, все у нас хорошо? — повторил товарищ Дегтярь. — И вас ничего не беспокоит?

Женщины посмотрели друг на друга, задумались, Иона Овсеич внимательно наблюдал, на лице заиграла улыбка, немножко веселая, немножко печальная, наконец, Орлова призналась: внутри она что-то чувствует, но словами выразить не может.

Да, подтвердил Иона Овсеич, не может и никогда не сможет, если у них на глазах мадам Ланда открыто оскорбляет весь двор, а жильцы проходят мимо и смиряются, словно низшая каста.

— Неправда, — сказала Катерина, — мы не смиряемся, мы заставили ее убраться.

— Ее? — товарищ Дегтярь приставил ладонь к уху, будто недослышал. — А на первом Всероссийском субботнике в

мае девятнадцатого года тоже платили десять рублей, чтобы кто-то за кого-то носил бревна!

Товарищ Дегтярь выждал полминуты, как будто в самом деле могло быть опровержение, и неожиданно предложил:

— А мы давайте каждый соберем по десять рублей и найдем себе батраков, чтобы за нас работали и убирали!

Каждый, сказала Катерина, не в состоянии, а кто в состоянии, это его личное дело.

— Личное? — переспросил Иона Овсеич. — Катерина, ты не Ланде подыскиваешь оправдание, ты себе хочешь сделать легче: в коридоре, мол, чисто — и ладно! А что дом взяли на сохсохранность, то есть социалистическую, а не просто сохранность, это тебя не печет.

— Что же вы хотите, — сказала Катерина, — чтобы я рвала на себе волосы и кричала гвалт, как ваши одесские бабы?

— Наши? — Иона Овсеич прищурил глаз, чтобы лучше рассмотреть, Катерина невольно опустила голову. — А я думаю, сибирячка Катерина больше наша, чем иные потомственные одесситы. И вызывает удивление, когда она норовит взять их под свою защиту, вместо того чтобы честно и открыто заклеить.

Хорошо, сказала Катерина, с Гизеллой это был первый и последний раз, больше ей не позволят.

— Ошибаешься, — возразил товарищ Дегтярь. — Это будет первый и последний раз при одном условии: если весь двор, все жильцы и соседи возмутятся и осудят. А инициатива должна исходить от санкомиссии, которая отвечает в первую голову.

Орлова спросила, как же это сделать практически — созвать женсовет, актив, общее собрание? — но Иона Овсеич отмахнулся и сказал: хватит думать чужой головой, пусть решают сами. А будет собрание, актив или найдут иной способ про-

песочить как следует — это вопрос формы и решающей роли не играет. Тут опасаться надо другого: как бы жизнь не опередила нас и не заставила плестись в хвосте.

Последние слова Ионы Овсеича начали сбываться буквально на следующий день. Дина Варгафтик вышла со своей собачкой Альфочкой, чтобы та немножко побегала на свежем воздухе, встретила в подъезде Катерину и сразу затеяла разговор насчет этой барыни Гизеллы, которая нанимает себе несчастных, больных, старых женщин, и те за гроши должны полдня гнуть спину на лестнице. А остальные жильцы пусть гнут сами, и это считается в порядке вещей. Зато в газете и по радио мы каждый день слышим, что у нас полное равенство и все имеют одинаковые права.

Действительно, ответила Катерина, но почему Дина обращается к ней? Надо собраться всем двором, подняться на третий этаж и сказать это все самой Ланде.

— Знаете что, — покривилась Дина, — люди недаром придумали пословицу: горбатого могила исправит.

— Вот, — вскипела Катерина, — это ваши одесситы умеют: перемыть за спиной косточки, посплетничать, а чуть дойдет до дела — все в кусты!

— Катерина Антиповна, — немножко обиделась Дина, — вам не нравится Одесса, за руку никто не держит.

— Одесса мне нравится, — сказала Катерина, — штучки-дрючки ваших одесситов мне не нравятся.

— Одесситов? — схватила Дина. — Вы имеете в виду всех или только одного сорта?

— Дура! — сплонула Катерина. — Это у вас в Одессе делят на евреев и остальных, а у нас в Сибири никто понятия не имеет.

После прогулки Дина со своей Альфочкой зашла на пару минут к Тосе Хомицкой облегчить душу, та посочувствовала, но дала совет поменьше встревать.

— Тосенька, — застонала Дина, — как же я могу не встречать, когда прямо на глазах люди все вверх ногами переворачивают.

Тогда, сказала Тося, надо делать и не просить сочувствия.

Да, Дина вытерла платочком слезы, теперь она может не просить сочувствия: у нее есть Альфочка, с которой они спят на одном диване и едят за одним столом.

— Правда, Альфочка? — Дина сбросила туфлю, провела ногой по шерсти, собачка открыла глаза, тихо заскулила и опять зажмурилась. — Разве мы с тобой одинокие! Это наш Гриша гниет в земле, и никому нет дела.

Вечером двор знал уже во всех подробностях, какие коники выбрасывает Гизелла. Одни возмущались больше, другие меньше, но все сходились в одном: можно взять женщину, чтобы побелить в своей комнате стены, потолки, но, когда на виду у всех, потому что ты жена полковника Ланды, ставишь себя в особое положение — это у каждого вызывает неприятное чувство. Получается опять как в старой сказке: я хозяин, а ты у меня на посылках.

Одна Марина Бирюк, от которой в данном случае меньше всего следовало ожидать, открыто взяла Гизеллу под свою защиту. Когда Катерина уже собрала группу, чтобы зайти на квартиру к Ланде, Марина отказалась наотрез. Больше того, она стала пропагандировать среди остальных, что свои трудовые деньги человек имеет право тратить, как ему нравится.

— Трудовые деньги! — возмутилась Дина. — Гизелла с мужем вдвоем получают четыре тысячи, а у Катерины на шесть человек — в два раза меньше.

— А мой Андрей получает три тысячи, — сказала Марина. — Вам не нравится, напишите товарищу Сталину, что в правительстве у нас сидят глупые люди и пускают на ветер народные деньги.

— Интересно, — хлопнула в ладони Катерина, — значит, получается так: кто у нас в Советском Союзе имеет большие деньги, может эксплуатировать других.

— Эксплуатировать! — покривилась Марина. — Перестаньте молоть языком, если не знаете. Эксплуатация — это нажива за счет чужого труда.

— А наживать себе здоровье за счет другого, — махнула кулаком Катерина, — это не эксплуатация! А лежать на диване кверху задницей, когда весь двор все делает своими руками, это не эксплуатация!

Марина пожала плечами, повторила, что к Ланде не пойдет, а если другие хотят, пусть идут — это их личное дело.

Иона Овсеич, когда ему нарисовали всю сцену с Мариной, первым делом задал вопрос Катерине: теперь она видит, что с Ландой будет потруднее, чем казалось вначале?

Катерина прямо не ответила, а только мотнула головой в сторону Орловой и заявила, что может с ней вдвоем зайти к Ланде, а если надо, она готова зайти одна.

Нет, категорически отклонил Иона Овсеич, дело не в том, чтобы сказать этой даме, как мы о ней думаем, а дело в том, кто скажет: одна Катерина Чеперуха или весь двор.

— Весь двор, как один человек, — Иона Овсеич прорезал ребром ладони воздух. — А для этого надо еще хорошо потрудиться. Мы запустили идеологическую работу, будто у нас остались последний Граник и последняя Ланда. Сколько раз говорили про домовый кружок по "Экономическим проблемам социализма в СССР", а воз и ныне там! Но пусть кто-нибудь попробует мне теперь сказать нет, мы будем квалифицировать, как заслуживает, со всеми вытекающими последствиями!

— Какими последствиями? — пожала плечами Катерина. — Соли на хвост насыплем, как вашему Гранику.

— Катерина, как вам не стыдно! — возмутилась Ляля Орлова. — Иона Овсевич всю душу отдает людям, а вы его упрекаете, как будто Одесса — это вам глухая тайга: мол, раз, и топором!

— Орлова, — одернул Иона Овсевич, — перестань оскорблять человека: Катерина к нам приехала не из тайги, а из столицы автономной республики.

— А даже из тайги, — усмехнулась Катерина, — так что?

— Абсолютно правильно, — поддержал Иона Овсевич. — Значит, здоровее и телом, и душой. А насчет кружка я опять повторяю: ни одного человека за бортом. Если посещает у себя на производстве, пусть принесет справку, а если нет — будет посещать здесь. В субботу списки должны лежать у меня на столе.

Катерина, хотя не обязана была, приняла участие наравне с Орловой. Как и можно было ожидать, первый отказ поступил со стороны Гизеллы Ланды: она заявила, что изучает у себя в училище проблемы языкознания, и на два кружка у нее нет времени. Катерина удивилась: нет времени? Что же сказать тем женщинам, у которых дома дети, хозяйство, и надо везде успевать, а на прислугу мужья им не зарабатывают?

— Послушайте, — чуть не расплакалась Гизелла, — это низко упрекать женщину, что у нее нет детей!

— А мне противно, — сказала Катерина, — видеть ваши слезы. Начинают с аборт, потому что им не нравятся детские писи и каки, а потом плачутся: ах, ах, бессердечные люди.

— Уходите из моего дома, — закричала Гизелла, — уходите немедленно!

Катерина ответила, пусть успокоится, здесь не своя усадьба, а государственная квартира, и Чеперуха пришла сюда не по личному делу.

— Послушайте, — затрясла кулаками Гизелла, — я позвоню сейчас мужу, чтобы привели милицию!

Нет, сказала Катерина, это она сама позвонит сейчас, куда надо.

— Натe, нате, — Гизелла схватила трубку и протянула Катерине, — звоните, куда хотите, кому хотите, только оставьте меня, ради Бога, в покое!

Катерина состроила брезгливую гримасу, сказала Гизелле пусть побережет свои нервы, еще пригодятся, и вышла.

В тот же вечер произошел разговор с Граником. Здесь истерики и криков не было, Ефим сообщил, что на сентябрь завод выделил ему путевку в санаторий, следовательно, на этот месяц кружок уже отпадает. Кроме того, он сильно устает после смены и в голову ему ничего не лезет.

— Значит, — спросила Катерина, — вы отказываетесь?

— Что значит отказываюсь? — удивился Ефим. — Я же вам русским языком объяснил, что не имею физической возможности по состоянию здоровья.

— Хорошо, — сказала Катерина, — я передам товарищу Дегтярю.

— Передайте, — кивнул Ефим. — Если ему будет непонятно, пусть зайдет ко мне.

Ефим с силой захлопнул дверь, Катерина вся кипела от возмущения и немедленно поднялась к товарищу Дегтярю. Она позвонила раз, другой, третий, наконец, хозяин открыл, Катерина увидела полковника Ланду, который шагал вокруг стола и кричал, что Дегтярь преднамеренно терроризирует людей и накручивает их друг на друга. А с Катериной Чеперухой, погрозил пальцем Ланда, у него будет отдельный разговор.

— Чеперуха, — тут же обратился товарищ Дегтярь, — ответь, пожалуйста, на такой вопрос: я посылал тебя к Гизелле Ланде или не посылал?

Нет, сказала Катерина, не посылал; зато жена полковника Ланды выгоняла ее из комнаты, как барыня свою прислугу, и еще грозилась вызвать милицию.

— Позвольте, — набросился полковник, — но она находилась у себя в доме, а вы, едва переступив порог, нахамили ей и довели до обморока!

Катерина ответила, что это не доказательство: мадам Ланда готова упасть в обморок, когда пробежит мышка.

— Послушайте, — вскипел полковник, — я привлеку вас к судебной ответственности за предумышленное хулиганство!

— А вы нас не пугайте, — сказала Катерина, — мы живем на свои трудовые копейки, и нам бояться нечего.

— При чем здесь ваши трудовые копейки? — затряс рукой полковник. — Вы врываетесь в чужой дом и позволяете себе глумиться над женщиной, в данном случае, моей женой — вот за это я буду вас судить.

— Ланда, — спокойно остановил товарищ Дегтярь, — военный человек не должен бросать пустые угрозы: мы не суд и не прокуратура, чтобы выносить людям приговор. А в свою очередь, я могу тебе сообщить, что весь двор до глубины души возмущен вашим поведением, и здесь любой прокурор, любой судья должен будет прислушаться.

— Овсеич, — весь подался вперед полковник Ланда, — я тебя вижу насквозь: не зарывайся! Не зарывайся — мой совет тебе. Не те времена.

— Не понял, — товарищ Дегтярь запрокинул голову и немного наклонил вбок. — Какие времена?

Полковник Ланда не ответил, прошелся пальцами по кителю, проверяя пуговицы, поправил орденские колодки, машинально поклонился и вышел.

— Ух, какой фон-барон! — Катерина скривилась и высунула кончик языка. — Аж смотреть противно.

Товарищ Дегтярь несколько секунд глядел на дверь, как будто ожидал, что Ланда вернется, потом подошел к столу, пробарабанил пальцами дробь и сказал:

— Чеперуха, это очень удачно, что ты зашла в такой момент.

Катерина пожала плечами:

— Вы боитесь, что он в самом деле подаст в суд?

— Я? — Иона Овсеич ткнул себя пальцем в грудь. — Нет, Чеперуха, я не боюсь. Пусть другие нас боятся.

Первое занятие провели на квартире у Ляли Орловой. Стульев не хватило, соседи принесли несколько досок, уложили концами на табуреты и удобно расселись. Товарищ Дегтярь сказал, что не мешало бы чуть посвободнее, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Буквально за минуту до начала пришла Марина Бирюк, а вслед за ней — Гизелла Ланда. Иона Овсеич обвел взглядом присутствующих, сказал, что не видит здесь Ефима Граника, и попросил товарища Орлову, как секретаря, занести в рапортичку. Ляля сказала, уже отмечено, и показала ногтем место в тетради; Иона Овсеич спросил, не знает ли кто-либо, по какой причине отсутствует Граник.

Катерина поднялась и повторила то, о чем один раз уже докладывала товарищу Дегтярю: сейчас Граник готовится в санаторий, завод дал ему путевку, а вообще ходить отказался, говорит, ему в голову не лезет.

Присутствующие засмеялись, товарищ Дегтярь призвал к порядку и сказал, что ничего смешного здесь не видит, велел секретарю запротоколировать заявление Граника и внес предложение сообщить по месту работы, то есть на судоремонтный завод.

— У кого будут возражения?

Степан Хомицкий пожал плечами, Гизелла сидела с камен-

ным лицом, а Марина весело, как глупенькая курортница, которая первый раз попала в Аркадию или на Большой Фонтан, беспрестанно ворочала головой.

Возражений нет, сказал Иона Овсеич, выждал несколько секунд, приветливо улыбнулся и поздравил всех присутствующих с началом учебного года. Люди ответили аплодисментами, в этот момент отворилась дверь, зашла Клава Ивановна, и аплодисменты стали еще сильнее. Иона Овсеич попросил всех подняться и стоя приветствовать старейшую активистку, ветерана общественности товарища Малую.

— Садитесь, — Клава Ивановна сделала рукой знак, чтобы сели.

Вместо того, чтобы подчиниться, присутствующие, наоборот, разразились новыми аплодисментами, и Клава Ивановна пригрозила, что уйдет, если они сейчас же не успокоятся. Угроза подействовала, люди взяли себя в руки и приступили к занятиям.

Первый пункт — почему у нас во дворе назрела необходимость изучать именно экономические проблемы, а не, скажем, вопросы марксизма в языкознании, — Иона Овсеич начал с известного всем эпизода, когда Ефим Граник отказался подписаться на заем. Степан Хомицкий уточнил, что не вообще отказался, а только во дворе, но Иона Овсеич сделал замечание за неуместное вмешательство и повторил: отказался подписаться на заем и нашел, как известно, активного адвоката в лице доктора Ланды.

Гизелла, хотя речь шла не о ней, густо покраснела, а когда люди повернулись в ее сторону, стала вдруг бледнеть и сделалась белая, как полотно.

Иона Овсеич постучал карандашиком и продолжал: в семье, как говорится, не без уroda, а одна ласточка не делает погоды. Однако тот факт, что Ефим Граник, с одной стороны, нашел

поддержку, а с другой, не получил должного отпора, заставляет нас присмотреться не только к Ефиму Гранику и его покровителям, но, в еще большей степени, к самим себе. А реплика нашего уважаемого Степана Хомицкого, которую все сейчас здесь слышали, нас лишний раз настораживает.

Степан крикнул с места, и хорошо, что настораживает, это доказывает, что мы каждый сам себе сторож, нас не обделаешь, в углу кто-то хихикнул, старуха Малая дернула Степана за рукав и велела ему закрыть глупый рот.

— Товарищи, — Иона Овсевич повысил голос, — великий Сталин учит, что при социализме платежеспособный спрос населения должен опережать производство. На практике это означает, что у трудящихся на руках всегда больше денег, нежели они могут израсходовать. Часть этих денег привлекается трудовыми сберегательными кассами, а другая часть — займами, которые государство, опять-таки, расходует на тех же трудящихся. Отсюда один вывод: кто отказывается участвовать в займе, независимо от субъективных причин, работает на замораживание народных средств и, в конечном итоге, на подрыв народного хозяйства.

Иона Овсевич остановился, на висках выступили капельки пота, он вытер кончиками пальцев, взял стакан с водой, немного отпил и продолжал, но уже не так громко:

— Конечно, есть масштаб и масштаб, однако с моральной стороны, удержал человек пятьдесят рублей или пятьдесят тысяч, разница отнюдь не в тысячу раз, ибо каждому ясно, что цифры — это цифры, а лицо человека — это его лицо.

Иона Овсевич остановился вторично, на висках опять выступили капельки пота. В комнате как будто потянуло ледяным холодком, но через минуту тревога миновала, и занятие продолжалось своим чередом.

— А теперь, — сказал Иона Овсевич, — еще один пример,

как деньги и материальный достаток выявляют истинный облик человека. Вы уже догадались, что речь идет о жилище нашего дома Гизелле Ланде. Разве при желании каждый не мог бы нанять за десять рублей человека, чтобы он сделал за нас работу?

— Мог бы, — откликнулась Оля Чеперуха, — но для этого надо иметь лишние десять рублей.

— Нет, Чеперуха, — сказал Иона Овсеич и повернулся в сторону Ланды, — не лишние десять рублей, а особую мораль.

Гизелла закрыла лицо ладонями, торчал один нос, заметно было, как вздрагивает голова, Иона Овсеич не отводил глаз и громко спросил:

— А что же это за мораль? Откуда она взялась: может быть, сама свалилась откуда-то с неба? Нет, небо здесь ни при чем, и мы хотим услышать объяснение от самой Ланды.

Гизелла по-прежнему закрывала лицо ладонями, Иона Овсеич подождал немного, попросил быть смелее и напомнил народное присловье: умел детинушка воровать — умей и ответ держать. Наконец, Гизелла встала, голова была опущена, как у провинившейся школьницы, и пробубнила себе что-то под нос.

— Громче, — попросил Иона Овсеич, — у правды должен быть громкий голос.

— Наверное, я виновата, но я не хотела ничего плохого, — Гизелла задумалась, постояла молча и пожала плечами. — Я не понимаю, в чем меня обвиняют.

— Не понимаете? — удивился товарищ Дегтярь. — А ваш муж до сих пор не объяснил вам?

— Муж не знает, что я сюда пошла, — сказала Гизелла.

— Вот как! — еще больше удивился товарищ Дегтярь. — Можно полагать, он советовал вам сюда идти?

Гизелла не отвечала, люди притихли, перестали скрипеть стулья, слышно было, как шамкает губами в дремоте Клава Ивановна, Иона Овсеич повторил свой вопрос, но в этот раз с добавлением: а может, как раз не советовал?

— Я не хочу отвечать на этот вопрос, — вдруг повысила голос Гизелла. — Вы не имеете права так разговаривать со мной. Я ничего вам не должна, и никому здесь ничего не должна.

Дина Варгафтик громко засмеялась:

— Можно подумать, что мы живем не во дворе, а где-то в диком лесу.

— Нет, — сказала Катерина, — не в лесу, а в собственном особняке.

— Послушайте, — Гизелла взмахнула своими накрашенными ресницами, — я пришла сюда, чтобы заниматься, а не выслушивать глупые насмешки.

— Для чего сюда пришла Гизелла Ланда, — спокойно ответил Иона Овсеич, — это будем устанавливать мы, а не вы. А кому не нравится, существуют инстанции, где помогут разобраться.

Клава Ивановна всхлипнула, голова качнулась вперед, подбородок уткнулся в ключицу, она открыла глаза, сначала немного растерянно, потом с укоризной и сказала Гизелле:

— Ты молчишь. Опять не выучила урок.

Марина Бирюк засмеялась, другим было не так смешно, они просто улыбнулись, Иона Овсеич потребовал немедленно прекратить веселье, предупредил Гизеллу, что народ не обязан терять на нее столько времени, и в третий раз повторил свой вопрос: советовал ей полковник Ланда идти в кружок по изучению труда товарища Сталина или, напротив, удерживал?

Гизелла посмотрела на товарища Дегтяря и на всех остальных так, словно они где-то внизу, какие-то карлики, лилипуты, ногой оттолкнула свой стул и без единого слова, не повер-

нув головы, направилась к двери. Ляля Орлова успела лишь крикнуть, что воспитанные люди так не поступают, но дверь уже хлопнула, и на железной лестнице зацокали каблук.

Все присутствующие, даже те, что прежде готовы были простить Гизеллу, теперь единодушно возмущались. Одна Марина Бирюк, как обычно, имела свое особое мнение и доказывала, что любой другой, если бы его взяли в оборот, как Ланду, тоже не сидел бы с открытым ртом и терпел.

— Гражданка Бирюк, — рассердился Иона Овсеич, — если вас не устраивает, можете последовать за ней!

— А это мое дело, — вызывающе ответила Марина, — и не надо слишком много брать на себя.

Иона Овсеич крепко сжал губы, в уголках образовались тяжелые складки, Марина смотрела нахально прямо в глаза, и тут нужно было иметь железное терпение, чтобы смолчать и оставить без внимания.

Вмешалась Клава Ивановна:

— Бирюк, ты еще чересчур молодая, чтобы так вести себя.

— Малая, — товарищ Дегтярь хлопнул в ладони, — я тебе не давал слова, успокойся!

Клава Ивановна сложила руки на груди, беззвучно шевелились губы, люди терпеливо ждали на своих местах, товарищ Дегтярь растер пальцами виски и объявил следующий вопрос: экономика СССР в годы Великой Отечественной войны.

Закончили довольно рано, еще не было десяти, Иона Овсеич вышел вместе с Малой, через минуту догнала Ляля и присоединилась. Повернули на проспект Сталина, в Александровские садики, Иона Овсеич вспомнил, что при старом режиме здесь располагались торговые ряды, в доме номер пять жил некий Еру, по национальности караим, одно время прятали у него литературу, потом перекинулся к меньшевикам. Точнее, не перекинулся, а пристал к своим. Отец нашего Ланды тоже держал здесь свою лавку.

— Оцем-поцем, вспомнил, что было сто лет назад, — сказала Клава Ивановна, — пора уже забыть.

— Забыть? — удивился Иона Овсевич. — А по-моему, как раз самое время вспомнить.

Первые дни октября стояли на редкость погожие. Вечером, когда громкоговорители передавали материалы съезда, люди могли часами сидеть в Городском саду, на Соборной площади, на проспекте Сталина и слушать, а те, кому не хватило места, стояли или неторопливо прохаживались возле столбов с динамиками. Заседания съезда по радио не транслировали, кроме того, известно было заранее, что товарищ Сталин поручил выступить с отчетным докладом своему заместителю Маленкову, но каждому так хотелось еще раз услышать любимый голос с красивым, таким приятным акцентом, как будто самый родной в мире человек, что, вопреки всему, люди продолжали надеяться вплоть до последнего дня и круглые сутки не выключали в своих домах репродукторы.

В последний день товарищ Сталин действительно выступил на съезде, Левитан в тот же вечер повторил по радио, газеты набрали текст крупным шрифтом, вся страна, весь мир вчитывались в каждое слово, и можно было только поражаться, как при таком небольшом объеме удалось охватить целый исторический этап в жизни всего человечества и дать, буквально в нескольких словах, самое главное: буржуазия бесповоротно и окончательно выбросила знамя демократии за борт истории. Практически это означало, что пролетариат крупнейших стран капитала уже теперь должен сделать, дальше откладывать некуда, один-единственный возможный вывод, то есть выбросить самую буржуазию за борт истории.

Следующее занятие кружка полностью посвятили историческому выступлению товарища Сталина. Иона Овсевич подчеркнул, что здесь мы имеем классический образец научной

мысли и ораторского искусства, где каждое слово стоит целого тома, а для пролетариата Соединенных Штатов Америки и всего земного шара — это катехизис катехизисов, который можно сравнить только с "Коммунистическим манифестом".

Вечер был теплый, как будто вернулись последние дни августа, после занятия не хотелось расходиться по своим углам, многие остались во дворе и продолжали обсуждать. Иона Чеперуха ударял себя кулаком в грудь и доказывал, что теперь он имеет хороший шанс пожить при коммунизме: раз товарищ Сталин говорит, значит, так и будет.

А хороший шанс, сказал Степан, требует хорошего шнапса, и втроем — Иона, Ефим и Степан — отправились на Пушкинскую. По дороге встретили Адю, он поздно задержался у себя на заводе Кирова, и пригласили за компанию.

В погребке взяли по стакану лидии, потом Адя прикупил бутылку коньяка, закусывали конфетами с соевой начинкой, старый Чеперуха вдруг заплакал пьяными слезами и стал уговаривать Адю не держать в своем сердце никакого зла — что было, то было, надо смотреть только вперед и верить в одно хорошее, а плохое, когда поспеет время, само приходит.

Ефим после санатория сделался совсем молчальником, с лица не сходила горькая усмешка, он только отпивал понемногу из своего стакана и кивал головой.

— Фима, — пристал к нему Иона и опять заплакал, — я тебя прошу, не молчи, скажи нам какое-нибудь слово.

Ефим осмотрелся по сторонам, сделал знак, чтобы наклонились поближе, сложил пальцы шепоткой и два раза потрянул, вроде подсыпает в тарелочку.

— Не понимаю, — рассердился Иона, — говори человеческим языком!

Ефим вторично осмотрелся, наклонил голову еще ниже и сказал шепотом:

— Отрава. В санатории. Одному подсыпали — умер.

— В санатории? — удивился Чеперуха. — Где же ты наел такую морду?

Ефим больше не отвечал, отломил кусочек конфеты, подержал на языке, потом осторожно, как будто чего-то опасался, начал разжевывать, Иона заявил, что ему противно смотреть, и заказал еще по стакану рислинга, пополам с портвейном.

Когда вышли из погребка, Иона остановился возле большого платана, куски старой коры валялись на земле, обнял его и прижался щекой. Степан схватил сзади за руки и пытался оторвать, но Иона упирался изо всех сил и пьяным голосом повторял:

— Степан, ой, горит душа, огнем горит!

Адя тоже убеждал, что пора идти, а то вокруг собираются люди, получается цирк, старый Чеперуха оттолкнулся от дерева и закричал:

— Сопляк, в тридцатом году я тебя на руках носил, а теперь от тебя такое слышу. Мне больно! Больно!

Дома Иона получил свое от бабушки Оли, Катерина кое-что добавила от себя, и счастье, что Гриша с Мишей встали на защиту деда, помогли снять туфли и одежду, а то женщины после каждой остановки повторяли все сначала, и не видно было конца.

Утром Иона поднялся с тяжелой головой, выпил две кружки рассола, но помогло, как мертвому кадило. Бабушка Оля смотрела и получала одно удовольствие: пусть этот биндюжник хотя бы на час почувствует, какую она имела от него жизнь.

У Ади по поводу вчерашнего был крупный разговор с тетей Аней, в первые минуты он пытался ерепениться, она замолчала, в глазах стояли слезы, тогда он сам подошел к ней, об-

нял, как родной сын, поцеловал, тут она совсем расстроилась и заплакала по-настоящему.

Степан до середины ночи не мог заснуть, а рано утром, чуть стало светать, Тося разбудила и сказала, пусть пойдет проведает Ефима: человек один, помрет, и никто не услышит.

Степан позвонил четыре или пять раз, ответа не было, в голову, действительно, полезли всякие мысли, он осмотрел стекло, где послабее замазка, решил позвонить в последний раз, и, наконец, звякнула задвижка, отворилась внутренняя дверь:

— Степан! — испугался Ефим, глаза вмиг сделались белые. — Лизочка заболела? Умерла?

Гость подивился: что за люди — то одна, то другой про смерть! Тыфу! Ефим объяснил, что всю ночь напролет его преследуют кошмары, как будто с ним самим или с кем-то близким должно произойти нехорошее.

Степан по-утреннему крикнул и потянулся: недопили вчера, получилось ни то ни се — не трезвый, не пьяный, — а внутри свербит.

Ефим вынул из шифоньера бутылку крепленого, поставил на плитку чайник и прилег на спину, поперек кушетки, пока не закипит. Степан сидел за столом, закрыл лицо руками, со стороны могло показаться, что человек тяжело задумался, Ефим покряхтывал, вздыхал, иногда вырывался негромкий стон, Степан невольно подымал голову и прислушивался. Во дворе закричала кошка, первое впечатление было, что прямо под окном заходится грудной младенец, но крик повторился, в этот раз с протяжным истерическим ой-ой-ой, которое бывает у бездомных котов после долгой ночи.

Чайник понемногу наполнялся веселым, с утренней хрипотцой, свистом, Степан сказал, пора ставить чашки, разлил в стаканы вино, нарезал хлеба, селедки, лука и велел хозяину под-

няться. Тот не откликнулся, гость сам взял из шифоньера чашки, сахарницу, пачку ячменного кофе, заглянул в чайник, от пузырьков уже подымалась рябь, подождал несколько секунд, крышка оставалась в руке, вспомнил про Иону, как он вчера с деревом танцевал посреди Пушкинской фокстрот, и засмеялся.

Ефим смотрел в потолок, непонятно было, слушает или не слушает, Степан снова велел подняться, выключил плитку, налил себе в чашку кипятку и поставил чайник на пол, чтобы не пачкать лишнюю тарелку.

Ефим присел к столу, взял стакан с вином, низко наклонил голову и сказал:

— Завод хочет дать мне комнату. В поселке судоремонтников. А я не хочу. Граник уже прожил свою жизнь — другой не будет. Степан, ты меня понял?

Да, ответил Степан, понял, но, если рассуждать здраво, лучше хорошая комната, чем плохая.

— Степан, — вздохнул Ефим, — я вижу, ты меня не понял: хорошая, плохая — какая разница, если в этом дворе Граник еще помнит себя человеком, как все другие люди, а там голый пустырь, надо начинать все сначала.

Нет, стоял на своем Степан, лучше хорошая комната, чем плохая, а поселок судоремонтников или над двор, или Дерибасовская — не имеет значения. В конце концов, можно приехать в гости.

— Приезжать к самому себе в гости, — усмехнулся Ефим. — В белых тапочках, на черных битюгах.

Степан махнул рукой: мы не такие тяжелые, чтобы возить нас на битюгах.

Хозяин поднял стакан, громко чокнулись, Степан пожелал, чтобы всегда было не хуже, дружно выпили, с аппетитом закусили, оставалось только пожалеть, что рядом нет Ионы, и

в это самое время раздался звонок. Ефим едва успел встать, снаружи уже затарабанили в стекло и опять зазвонили.

— Конечно, — Ефим открыл дверь, — кто еще может так рваться в чужую квартиру, как не сам Чеперуха!

Степан поднялся навстречу, чтобы подать гостю стакан и пожурить за опоздание, но невольно остановился: у Ионы было черное, как земля, лицо.

— Мальчики, — сказал Иона, — плохие дела: арестовали нашего Ланду.

— Ланду? — у Ефима сделались сумасшедшие глаза, открылся рот, нижняя губа дрожала. — Ланду?

Иона закрылся ладонью, из-под пальца выкатилась слеза, задержалась на кончике носа и повисла; Степан посмотрел на Иону, на Ефима, выругался матерными словами, махнул рукой и вышел.

Иона ударил себя кулаками в грудь, тяжело, со стоном, вздохнул, сказал, что пора на работу, кони со вчера стоят непоенные, и тоже вышел.

Ефим оставил на столе все, как было, надел плащ, взял ящичек с новыми кистями и шпателем из нержавейки, захлопнул дверь, посреди двора замедлил шаг, глянул по сторонам, в окнах, как обычно, горел свет, перед работой и школой за столами пили чай папы, мамы со своими детьми, — и дикая боль, как будто проткнули раскаленным прутком, прошла насквозь через сердце под лопатку. Ефим схватился левой рукой за грудь, на секунду потемнело в глазах, на лбу выступила испарина, и все тело охватила дикая слабость.

Трамваи по улице Советской Армии шли переполненные, молодые ребята висели на подножках, буферах, по бокам и весело переговаривались, Ефим пропустил три вагона, дальше ждать не было смысла, и двинулся пешком. По дороге несколько раз возвращалась слабость, хотелось прислониться к стене

или просто прилечь на тротуаре, но время подпирало, оставались считанные минуты, а до Пересыпи было еще идти и идти.

Во дворе, когда узнали, что арестован полковник Ланда, сначала не поверили. Клава Ивановна возмущалась больше всех и каждому встречному-поперечному повторяла: здесь какая-то ошибка. Товарищ Дегтярь терпеливо пытался ее урезонить и, в конце концов, вынужден был напомнить, что болтовня есть болтовня, от кого бы ни исходила, а Малая в ответ набросилась на него и обругала такими словами, каких от нее не слышали за всю жизнь.

Аня Котляр, хотя никогда не была в особенно близких отношениях, решила зайти к Гизелле и поддержать в трудную минуту. На деле, однако, сложилось по-другому: Гизелла даже не предложила госте присесть и заявила, что не нуждается в сочувствии, а история с Иосифом — это личное дело Котляров, и никаких параллелей с полковником Ландой нет и быть не может.

У Ани от обиды сжалось все внутри, захотелось ответить каким-нибудь грубым словом, но она взяла себя в руки, попросила извинения, вышла и тихонько притворила за собою дверь. В коридоре она машинально обернулась; Гизелла смотрела ей вслед, но сразу сделала вид, что возится с английским замком и случайно задержалась.

Дворничка Лебедева, когда Аня спустилась вниз, стала со своей метлой поперек дороги и спросила, как себя чувствует мадам Ланда. Аня обошла сторонкой, будто не к ней обращаются, дворничка горько вздохнула и сама себе ответила:

— Как пожар: то люди все имели, то в один миг все геть сгорело.

Про визит Ани Котляр к Гизелле товарищ Дегтярь не сказал ничего хорошего и ничего плохого, только вспомнил народную поговорку: рыбака рыбака чует издалека. Старуха

Малая снова разбушевалась и угрожала вслух, что напишет в штаб округа и министру обороны, если через три дня Ланды не будет дома.

— Малая, — качал головой Иона Овсеич, — не те адреса.

Не те, трясла кулаками в ответ старуха Малая, тогда она напишет лично товарищу Сталину, а он быстро разберется, пусть зачинщики пеняют сами на себя!

Минуло три дня, минула неделя, полковник Ланда не возвращался, Гизелла осунулась и почернела прямо на глазах, голова была все время опущена, как будто прижали сверху грузом. Соседи иногда здоровались, иногда проходили молча, Гизелла то замечала их, то не замечала, и постепенно они тоже перестали замечать.

Дина Варгафтик принесла известие, что в одной больнице обнаружили прямое вредительство: больным вместо наркоза давали яд, от которого умирали не сразу, а через день-два, вроде просто не выдержали операцию. Не дай Бог сейчас попасть на койку.

Аналогичную новость, но уже с конкретным адресом принесла Тося Хомицкая: она стояла в церкви и своими ушами слышала, как одна женщина, культурная, хорошо одетая, рассказывала, что в Еврейской больнице ее зятю хотели вырезать мочевого пузыря, а на самом деле была простая грыжа.

Оля Чеперуха возмутилась:

— Тося, как вам не стыдно повторять такие глупости: получается, все доктора — сволочи.

Дина заступилась за Тосю: почему все? Никто не говорит, что все, но иди угадай, кто именно.

В субботу у Ани Котляра было ночное дежурство. Утром она вернулась домой с таким видом, что Адя испугался и невольно закричал:

— Тетя Аня!

Она успокоила его, сказала, ничего страшного, просто один больной, которому надо было ввести глюкозу внутривенно, выхватил у нее из рук шприц, бросил на пол и растоптал. А другой дурак, глядя на этого, тоже вдруг заартачился, хотя еще два дня назад был одной ногой по ту сторону, чудом выходили.

— Дикари, — тихо произнес Адя. — Тайга. Пятнадцатый век.

Тетя Аня пожала плечами: хорошие дикари, один — с теплохода "Дзержинский", другой — с завода Октябрьской революции.

После обеда Клава Ивановна специально поднялась к Ане Котляр, велела Аде выйти погулять и спросила:

— Ты можешь сказать мне всю правду: у вас в больнице действительно что-то было или это одни выдумки?

Аня сделала большие глаза:

— Мадам Малая, от вас я этого не ожидала!

— Оставь свои комплименты другому, — сказала Клава Ивановна, — и поклянись здоровьем: было или не было?

Аня поклялась здоровьем, что ничего не было, Клава Ивановна с облегчением вздохнула:

— Я так и знала. Но Ланда остается там, а даром держать не будут. Что-то есть.

Гизелла иногда ночевала дома, иногда уходила к своей сестре на улицу Красной Гвардии, возле театра Революции. Катерина сказала Зиновию: Гизеллу в такой квартире одну не оставят, обязательно переселят, а инвалид Отечественной войны, двое детей, имеет право претендовать в первую очередь.

Зиновий поднял голову, уставился на жену, Гриша с Мишей забыли про свои игрушки и притихли, Катерина попросила не гипнотизировать ее и предупредила, что может повторить все сначала. Зиновий подошел к детям, помог собрать игрушки.

ки и велел ложиться спать. Миша, по привычке, стал канючить, чтобы разрешили еще пять минут, а Гриша повернулся без единого слова и пошел раздеваться.

Сначала оба возились в своих кроватках, дергали за железные прутки и смеялись, Катерина спросила, кому захотелось на сон грядущий сырöмятинки, Миша ответил, никому, и наступила тишина. Зиновий сделал жене знак, чтобы плотнее притворила дверь, подождал, пока она обернется к нему лицом, и сказал: если в этом доме повторят хотя бы еще раз то, что он услышал пять минут назад, вся Одесса ахнет!

Катерина сложила руки на груди, смотрела прямо перед собой, Зиновий оставался сбоку, и спросила: значит, Ланда не виноват, его зря арестовали?

Зиновий опустил голову, немного подержал в таком положении, затем поднял, глаза были холодные, как будто из синего фарфора, и громко, наверное, было слышно во дворе, сказал:

— Когда я родился, в этом дворе уже был доктор Ланда и лечил людей; когда меня учили на лейтенанта, полковник Ланда уже четыре года, с первого дня войны, спасал жизнь нашим солдатам и командирам. И заруби у себя на носу: никакого другого Ланды нет, никакого другого Ланды я не знаю!

Катерина по-прежнему держала руки на груди, сделала шаг вперед, теперь она смотрела на мужа в упор, и повторила свой вопрос: значит, Ланда не виноват, зря арестовали, а его Ландочка пусть одна живет в своих хорамах?

Зиновий схватил стакан, стекло хрустнуло в руке, на скатерть капнула кровь; Катерина машинально зажмурила глаза, пожелтели скулы, медленно повернулась и пошла в комнату к детям. Скрипнул стул, затем все утихло, немного спустя послышался какой-то звук, вроде кто-то всхлипнул или шмыг-

нул носом. Зиновий взял с кровати байковое одеяло, разостлал на диване, лег в одежде, сбросил только пиджак, и укрылся с головой. В том месте, где кончается бедро, одеяло круто спускалось и почти вплотную прилегало к дивану, как будто у человека нет обеих ног.

В первом часу Катерина вышла из комнаты детей, остановилась возле дивана, подтянула одеяло, сверху положила еще одно, погасила свет и легла на кровать. Сон не шел, она долго ворочалась, за стеной, у Ефима, назойливо скреблась мышшь; опять вернулись мысли про Ланду: Зиновий привык к нему с детства и не хочет знать правды, как будто от этого что-нибудь зависит. А Гизеллу наверняка переселят — две большие комнаты, кухня, ванная, коридор, и один человек! — квартира все равно достанется другому, так пусть уже лучше своему, из своего двора.

Катерина вздохнула, мышшь скреблась где-то рядом, чуть не под кроватью, поднялась злоба против этого придурка Граника, который разводит вокруг всякую заразу, а завод предлагает ему отдельную комнату, он еще крутит носом: Большой Фонтан не Одесса, только его двор — Одесса. Псих!

На следующий день разговор про квартиру доктора Ланды повторился, в этот раз завела бабушка Оля. Дома оставались вдвоем, Зиновий кончал ужинать, она принесла на десерт вермишелевую бабку с изюмом и сказала: конечно, не дай Бог, чтобы Ланду сослали в Сибирь, но не от нас зависит, а квартира попадет в чужие руки. А почему ее сын заслужил меньше, чем другие?

— Мама, — Зиновий успел отрезать кусок бабки, но так и не притронулся, — когда говорит моя жена, еще можно понять, но как у тебя поворачивается язык!

— Зюня, — бабушка Оля подставила руку и положила голову на ладонь, — всю жизнь мы мучались в одной комна-

тушке, теперь у тебя, слава Богу, отдельная квартира. Но разве это квартира: это же форпост, бывшая прачечная, где самые бедные люди из двора стирали и вываривали дырки на своих подштанниках.

— Мама, перестань, — тихо попросил Зиновий.

— Не затыкай матери рот! — закричала бабушка Оля. — Первый и последний раз в жизни мой сын, мои внуки могут, наконец, пожить в настоящей квартире, а он строит из себя святого угодника, которому ничего на свете не надо: только работать, работать и работать!

Зиновий поднялся из-за стола, с грохотом отбросил стул, по-командирски, как будто португю, подтянул ремни протеза и вышел на улицу — без пиджака, без пальто, без шапки. Бабушка Оля заплакала, схватила вещи и побежала вслед, но догнать не успела, постояла немного у ворот и вернулась.

Утром, только проснулись и включили радио, весь двор мог поздравить себя с большими именинами: постановлением Совета Министров СССР авиаконструктору Малому Павлу Борисовичу присуждалась Сталинская премия первой степени. Иона Овсеич хотел немедленно спуститься, лично поздравить Клаву Ивановну и поблагодарить за такого сына, но решил воздержаться, пока почтальонша не принесет газету.

Когда Иона Овсеич зашел к Малой, там уже сидели Орлова, Степан и Зиновий, но газеты на руках еще ни у кого не было. Иона Овсеич аккуратно развернул, прочитал несколько незнакомых фамилий, сделал паузу и с выражением, не хуже самого Левитана, наконец, произнес: Малому Павлу Борисовичу, конструктору, доктору технических наук. Дальше перечислялись другие фамилии, Иона Овсеич прочитал полностью, поскольку все шли под одним номером, и передал газету матери лауреата, чтобы она посмотрела еще раз — своими глазами. Клава Ивановна сказала, что без очков все равно слепая, а

куда положила, не помнит, поэтому пусть смотрят другие. Пока гости читали и перечитывали, она сидела в своем кресле, руки на подлокотниках, ноги укрыты платком, и задавала себе вслух вопрос: зачем ее сыну такие деньги — сто пятьдесят тысяч? С его покойным отцом, Борисом Давидовичем, они имели на двоих семьдесят рублей в месяц и прекрасно обходились.

— Дегтярь, — обратилась Клава Ивановна, — напиши Паше от моего имени, чтобы сто тысяч отдал в детдом: пятьдесят тысяч ему тоже хватит.

Написать можно, сказал Иона Овсеич, но дело в том, что одна премия на весь порядковый номер, а их там десять человек, значит, по пятнадцать тысяч.

У Клавы Ивановны поднялись брови, Степан весело засмеялся, она цыкнула на него, немного призадумалась и сказала: хорошо, тогда надо написать, чтобы Паша поговорил с остальными, пусть сложатся по десять тысяч и отдадут детям.

Целый день у мадам Малой не закрывалась дверь: люди заходили и выходили, каждому хотелось пожать руку, и никто ни разу не подумал, что он в этом дворе не один, а старому человеку впору и отдохнуть. Поздно вечером почтальон принес поздравительную телеграмму из Москвы. После этого многие навестили Клаву Ивановну по второму разу, и все начинали с одного вопроса: это правда, что телеграмма лично от Сталина? Конечно, отвечала Клава Ивановна, товарищу Сталину же нечего делать — только телеграфироваться с Малой. Люди и сами понимали, что это так, но когда идешь с уверенностью, а потом вдруг выясняется ошибка, всегда бывает немножко досадно.

Накануне нового года Иона Овсеич добился, чтобы клуб Ильича предоставил на весь вечер свое помещение для чествования нашей старейшей активистки и общественницы. Сама

Клава Ивановна упорно отказывалась, но в подъезде и возле клуба уже повесили объявление и, хочешь не хочешь, надо было подчиниться.

Среди приглашенных были, кроме жильцов двора, люди из соседних домов, девушки с обувной фабрики, трикотажницы с фабрики имени Крупской и пионерский отряд из школы номер шестьдесят восемь, который кончал вторую четверть без единой двойки.

В кратком вступительном слове товарищ Дегтярь охарактеризовал весь жизненный путь Клавы Ивановны Малой, от дочери простого рабочего с завода Гена, ныне Октябрьской революции, до матери лауреата Сталинской премии первой степени. Тридцать лет, как один день, сквозь грозы и непогоды, сквозь стужу и зной, эта простая женщина, труженица и мать, несла свое сердце, словно горьковский Данко, чтобы отдать его до конца, без остатка людям. А люди приходили к ней со своими горестями, своими радостями, своими заботами, и не было случая, когда бы простой электрический звонок в квартиру Малой, каких у нас тысячи и тысячи, не зазвонил, а дверь осталась бы запертой.

— Так позволь же, дорогая бабушка Клава, — товарищ Дегтярь широко раскрыл руки, — обнять тебя, горячо поцеловать и сказать наше сердечное сыновье спасибо!

Когда Клава Ивановна поднялась навстречу, затрубил пионерский горн, ударила барабанная дробь и отряд с развернутым знаменем ступил в проход между рядами, по-солдатски чеканя шаг.

В зале грянули аплодисменты, Клава Ивановна пыталась произнести слово, но отряд уже выстроился шеренгой вдоль сцены, и, по сигналу вожатого, запел любимую песню юбиляра:

Для нас пути открыты все на свете,
И свой поклон приносит нам земля!
Растут цветы, и радуются дети,
И колосятся тучные поля!
А ну-ка, девушки, а ну, красавицы,
Пушай поет о нас страна,
И звонкой песнею пушай прославятся
Среди героев наши имена!

Клава Ивановна пела вместе с пионерами, остальные тоже подтягивали, а кто не знал слов, радостно улыбался, двигая губами в такт, чтобы не чувствовать себя в такую минуту посторонним.

Вожатый поднес Клаве Ивановне букетик живых цветов, повязал на шее пионерский галстук, она поцеловала его в обе щеки, он четко сделал кругом и занял свое место на правом фланге отряда. Председатель объявил, что от имени инженерно-технической интеллигенции слово имеет товарищ Чеперуха Зиновий Ионович, который, по совместительству, почти родной внук нашей бабушки Малой.

Зал реагировал на шутку председателя веселым оживлением, а когда Зиновий, подходя к трибуне, сказал: "Не по совместительству и не почти, а действительно родной внук!" — поднялась настоящая буря, люди вскакивали с мест и старались перекричать друг друга:

— Правильно, Зиновий! Браво! Браво!

Прежде всего, сказал Чеперуха, от имени всего коллектива станкостроителей завода имени Кирова он хочет передать привет и горячие поздравления товарищу Малой Клаве Ивановне и пожелать ей еще много-много лет жизни, здоровья, бодрости! Комсомольцы и молодые рабочие завода, которым он неоднократно рассказывал о выпавшем на его долю счастье родиться

и жить в одном доме, под одной крышей с таким удивительным человеком, как наша Клава Ивановна, просили передать ей в знак своей любви и неувядающей молодости юбилярши скромный подарок — значок Осоавиахима, выгравированный на пластинке из нержавеющей стали, с именной монограммой.

Прежде чем вручить адресату, Зиновий поднял пластинку, по форме в виде книги, высоко над головой, и кто хорошо помнил, мог только поражаться, насколько точно повторили значок Осоавиахима: тот же шлем противогаза, та же гофрированная труба, тот же пропеллер аэроплана.

Чтобы получить свой подарок, Клава Ивановна хотела направиться к трибуне, но Зиновий опередил ее и подошел первый, причем шаг был такой твердый, как будто у человека обе ноги, и даже скрип протеза не выдавал настоящей правды. Поскольку ростом юбилярша была почти на целую голову ниже, она заставила оратора наклониться, прижала к своей груди и так стояли вдвоем целую минуту, а зал горячо аплодировал, многие вытирали слезы, на лицах виднелись попеременно радость, гордость, восторг, лишь у стариков могло промелькнуть иногда выражение грусти или печали.

Вернувшись на трибуну, Зиновий сжато, в нескольких словах, нарисовал картину гигантского технического прогресса, который в настоящее время переживает вся наша страна. Ярким свидетельством этого прогресса, властного его вторжения в наши будни и повседневную жизнь является присуждение партией и правительством Сталинской премии первой степени одесситу, бывшему жильцу нашего двора, авиаконструктору Малому Павлу Борисовичу. Мать лауреата мы сейчас видим здесь, среди нас; пользуясь этим случаем, попросим ее передать сыну, нашему замечательному земляку Павлу Борисовичу Малому горячий привет и пожелания новых успехов и свершений на благо народа, на благо Родины!

Зиновий вторично оставил трибуну, подошел к столу, где сидела Клава Ивановна, в этот раз она спокойно ждала на своем месте, и крепко пожал руку. Присутствующие дружно аплодировали, товарищ Дегтярь предложил рассматривать эти аплодисменты как одобрение и, в свою очередь, также крепко пожал руку матери лауреата.

Слово для приветствия получила апретурщица обувной фабрики, передовик социалистического соревнования, ударник труда, комсомолка Надежда Бузга. Подойдя к трибуне, Надя вынула из кармана листок бумаги, положила перед собой, весело нахмурилась и сказала:

— Вот здесь написана вся моя речь. Но пусть товарищи на меня не обижаются, сегодня я не могу говорить по писаному. Я просто хочу сказать: дорогая Клава Ивановна, дорогая наша мама, приходите к нам на фабрику, согрейте нас теплом своей души, а если надо, то и пожурите, мы не будем в обиде. А в благодарность и залог нашей дружбы примите наш скромный подарок: лаковые туфли, и носите их сто лет без износу!

Надя поклонилась, достала коробку с красной ленточкой и поднесла юбилярше. Клава Ивановна отложила коробку в сторону, обняла девушку, трижды расцеловались, потом развязала ленточку, вынула туфли, тут же на глазах у всех переобулась и сделала пять-шесть шагов взад-вперед по сцене.

Зал разразился такими аплодисментами, что председателю пришлось несколько раз показать на потолок и стены, которые, в конце концов, не из железа и не из стали.

Для приветствия от жильцов и соседей слово получила товарищ Орлова Идалия Антоновна. Зал понемногу успокоился, кое-где раздавались еще отдельные хлопки, но Ляля не стала ждать полной тишины и взволнованным, по-девически чистым, звонким голосом, когда слезы радости и восторга сами рвутся наружу, воскликнула:

— Родная! Любимая! Где взять слова, чтобы донести до тебя хотя бы один процент нашей любви, нашего уважения и благодарности! Где найти слова, чтобы передать ту гордость, которую мы испытываем от сознания, что прожили всю свою сознательную жизнь бок о бок с тобой, дышали одним воздухом и видели над своей головой тот же клочок голубого неба. Кто забыл, как в трудную минуту ты возилась со мной терпеливее, чем родная мать, выходила меня, не дала сбиться с дороги, а я, стыдно и больно сегодня вспоминать, не упала к твоим ногам, не расцеловала твои золотые, натруженные руки. Так позволь же, родная, сделать это сейчас, в этот большой и радостный для всех нас день!

Хотя только что все слышали просьбу, но получилось немного неожиданно, когда Ляля подбежала к Клаве Ивановне, в самом деле упала на колени, сложила ладонями руки и прижала к груди. Клава Ивановна схватила Лялю под локти, приказала немедленно подняться, та заупрямилась, тогда пришел на помощь Иона Овсеич, и общими силами поставили на ноги.

Ляля дрожала, по щекам текли слезы. Зиновий Чеперуха оставил свое место за столом президиума, вышел на середину сцены и громко, разводя руки над головой, захлопал. Зал подхватил аплодисменты, один за другим поднялись все ряды, от первого до последнего, и стоя приветствовали юбиляру.

Когда буря стихла и люди уселись на свои места, в задних рядах послышалась какая-то возня. Председатель просил побыстрее успокоиться, но возня, наоборот, усилилась, раздались недовольные голоса, как будто вот-вот начнется перебранка, те, что сидели впереди, невольно обернулись и стали присматриваться. Оказалось, какому-то молодому человеку вдруг захотелось выйти, остальные возмутились и потребовали, чтобы он подождал до перерыва, а он еще нахальнее протискивался вперед, наступая людям на ноги, словно оглох и ослеп.

— Задние ряды, — обратился товарищ Дегтярь, — что там у вас такое?

Ответа не последовало, только громче стали голоса, поскольку молодой человек уже достиг прохода и демонстративно, глядя прямо перед собой, направлялся к дверям. Наконец, Иона Овсейч увидел, что это не кто иной, как Адя Лапидис, в первый момент было острое желание крикнуть: "Стой! Куда идешь?" — но люди успели распахнуть дверь и насмешливо пожелали молодому человеку хорошо проветрить мозги. У самого порога Адя споткнулся, издали могло показаться, что дали подножку, в зале поднялся веселый гул одобрения, и на том происшествие было исчерпано: дверь закрыли, а морозный воздух, который проник с улицы, только освежил помещение.

Председатель постучал авторучкой по графину и объявил: для вручения ценного подарка слово предоставляется Татьяне Гордейчук, мотальщице фабрики имени Крупской, регулярно выполняющей сменное задание на сто тридцать — сто сорок процентов.

Таня поднялась на сцену с целлофановым пакетом, заявила, что лучше своего бригадира Идалии Антоновны она все равно не скажет и положила подарок — трикотажный костюм из шелка, на кофточке вышит именной вензель — возле председателя. Товарищ Дегтярь повел рукой в сторону юбилярши, Таня вдруг смутилась, видимо, осознала свою оплошность, невольно прикусила зубами палец, Клава Ивановна сама подошла к ней, крепко обняла и, по обычаю, трижды расцеловались.

Степан Хомицкий предложил, чтобы юбилярша тут же примерила костюм, а вдруг не подойдет и надо будет менять, из зала раздались голоса в поддержку, но Таня ответила, что ошибки не может быть, поскольку мерку снимали заранее.

Иона Овсевич схватился за голову, как будто в диком ужасе, и закричал:

— Татьяна, что же ты открываешь наши государственные тайны!

— Ничего, — откликнулся Зиновий, — здесь все свои, а от народа у нас секретов нет!

Таня опять смутилась, сильно покраснела, но люди так искренне смеялись, что, в конечном итоге, можно было только радоваться комичному обороту, которого загодя никто не планировал и не мог предвидеть.

Понадобилось время, чтобы зал утомился, однако шум возобновился с удесyтеренной силой, едва председатель огласил: слово для ответа имеет юбилярша, Клава Ивановна Малая.

Выждав минуту, Клава Ивановна несколько раз показала рукой, что пора успокоиться, но эти призывы давали прямо противоположный результат, и оставалось только одно: терпеливо ждать, пока переполнявшие людей чувства не выльются полностью наружу.

Наконец, наступила тишина, Клава Ивановна секунду-другую внимательно разглядывала зал и произнесла, кивая в сторону председателя:

— Здесь меня поздравили с тридцатилетием общественной деятельности. Довожу до сведения присутствующих: тридцать лет моему юбилею исполнится ровно через один год и один месяц. Но наши организаторы немножечко поспешили, потому что в глубине души у каждого мелькал страх: а вдруг эта старая карга Малая возьмет да помрет, и мы не успеем!

В зале поднялся веселый ропот, послышались возгласы протеста, к ним присоединился президиум, один лишь товарищ Дегтярь молчал, как будто целиком принимает обвинение.

— Видите, — сказала Клава Ивановна, — сам Дегтярь не возражает. Но открою вам секрет: здесь я целиком на его

стороне. На его потому, что Сталинская премия, которую партия и правительство дали моему сыну, это награда всем вам, и сегодня, здесь, мы собрались на свой праздник. Позвольте же старухе Малой низко поклониться и сказать: родные мои, дети мои, сердечное вам спасибо!

Клава Ивановна поклонилась на три стороны, люди ответили аплодисментами; Дина с Тосей занимали места в первом ряду, обе невольно прослезилась, слева и справа сидели совсем посторонние люди, глаза тоже подозрительно блеснули, и время от времени приходилось вытирать мизинцем.

— Ой, — тихонько простонала Оля, — наша Малая прожила-таки красивую жизнь: можно завидовать.

— Дорогие товарищи, — Клава Ивановна грустно улыбнулась, — время не стоит на одном месте. Годы идут, мы стареем, умираем — да, да, умираем, не надо себя обманывать, — а на смену рождаются новые люди, и мы должны отдать им все, что имеем, потому что туда с собой ничего не унесешь: человеку все надо здесь. Мы ждем, что наши дети, наши внуки скажут нам за это спасибо. И, конечно, бывает горько, когда вместо спасибо, слышишь упрек: "Бабушка, ты ничего не понимаешь — теперь все по-другому". Да, здесь есть доля правды: даже у себя во дворе иногда мне кажется, что Малая становится чужой. Помолчите, помолчите! Но я задаю себе вопрос: "Почему надо обязательно считать, что они виноваты? Может быть, действительно, я виновата?"

В зале воцарилась тишина, Иона Овсевич постучал авторучкой по графину, невольно складывалось впечатление, что это сигнал оратору.

— Может быть, действительно, — Клава Ивановна развела руками, — мой двор, мои соседи уже не могут жить, как одна большая семья, потому что дети стали взрослые, теперь у них свои дети, свои семьи? Многие говорят: война. Конечно, война

это война, особенно с Гитлером, но разве три года после революции не было войны?

Иона Овсейч опять постучал по графину, Клава Ивановна машинально повернулась в его сторону, он незаметно, как будто почесывая руку, показал на часы.

— Не показывай на часы, — громко сказала Клава Ивановна, — мне регламента никто не устанавливал.

Люди улыбнулись, Иона Овсейч тоже улыбнулся и сообщил, что в адрес президиума поступила просьба послушать конкретно о работе, которую товарищ Малая вела по линии общественности на протяжении тридцати лет.

— Нет, — сказала Клава Ивановна, — что-то переменялось и никогда больше не вернется. И в этот вечер старуха Малая, поскольку ей устроили юбилей, хочет вместе с вами вспомнить двадцатые годы, тридцатые, МОПР, Осоавиахим, форпост, потом все разойдутся по домам, хорошо выспятся, утром проснутся и посмотрят на календарь: а какой сегодня у нас год?

Клава Ивановна остановилась, вытерла кончиками пальцев под глазами, товарищ Дегтярь, хотя в зале была полная тишина, дважды хлопнул по столу, поднялся и громко сказал:

— Давайте поаплодируем нашей дорогой юбиляшке и пожелаем ей еще тридцать лет работать и трудиться на благо народа, на благо советского человека!

Иона Овсейч первый ударил в ладони, вслед за ним президиум и весь зал, Клава Ивановна стояла немного растерянная, как будто хотела еще говорить, а ее оборвали на полуслове. Зиновий и Ляля подошли к ней, взяли под руки и усадили за стол президиума рядом с председателем.

— А что касается твоих опасений, товарищ Малая, — весело продолжал Иона Овсейч, — то здесь мы должны полностью рассеять их: да, советский человек переменялся, то есть вырос, возмужал, и сегодня он на голову выше любого предста-

вителя буржуазного мира, но одно, при всех изменениях, остается и останется навеки незабываемым — это монолитное единство советского общества, сцементированное железной волей большевиков!

Последние слова покрыла новая волна аплодисментов, причем в этот раз даже нельзя было различить, кто опередил — президиум или гости в зале. Когда стало понемногу утихать, Иона Овсеич взволнованным голосом сообщил присутствующим, что поступило предложение послать от имени всего собрания приветственную телеграмму товарищу Сталину.

Люди поднялись в едином порыве со своих мест, из зала раздался возглас: "Да здравствует великий Сталин!" — с разных сторон, как в первомайской колонне, откликнулись громким ура, Иона Овсеич повторил здравицу, зал немедленно ответил, и надо было обладать особым слухом, чтобы уловить в этот раз хоть какой-то разницей между передними и задними рядами.

По сигналу вожатого, затрубил горн, ударили барабаны, пионеры сделали "Всегда готов!", председатель оповестил, что торжественная часть на этом объявляется закрытой, а сейчас будет показана кинокартина "Богатая невеста". ..

Со стен, как будто ворвались откуда-то с улицы, грянули звонкие женские голоса:

А ну-ка, девушки, а ну, красавицы,
Пускай поет о нас страна,
И звонкой песнею пускай прославятся
Среди героев наши имена!

Поздно вечером, когда Клава Ивановна уже ложилась спать, позвонил Ефим Граник. Он сказал, что в последние дни нельзя было пробиться к мадам Малой, а хотелось немного посидеть вдвоем, без свидетелей.

— Хорошо, — вздохнула Клава Ивановна, — раз ты уже здесь, возьми стул и не стой, как нищий у порога.

Ефим присел к столу, расстегнул пиджак и вынул довольно большой предмет, завернутый в пергаментную бумагу. Хозяйка спросила, что это, он не ответил, медленно распаковал, оказалось, кусок толстого черного стекла, а когда она взяла и повернула кверху другой стороной, перед глазами засияли золотые буквы: Клава Ивановна Малая, по бокам две звезды, тоже золотые, внутри серп и молот.

Минуту или больше Клава Ивановна любовалась, потом вдруг пригорюнилась и сказала:

— Осталось только добавить внизу две цифры.

Ефим ответил: все там будем, но для этой работы мадам Малой придется искать себе другого живописца.

— А я не хочу другого, — вздохнула Клава Ивановна, но тут же рассердилась сама на себя, — ладно, оставим эти дебаты, старуха Малая имеет право думать про смерть, а ты не имеешь. Пора забыть старое, обзавестись своей семьей и забрать к себе Лизочку. И спокойной ночи.

Через несколько дней, уже после нового года, Ефим опять зашел, в этот раз от него слегка пахло, и сказал: Катерина Чеперуха плетет против него интриги и через свою санитарную комиссию хочет добиться, чтобы его выселили.

— Что значит выселили? — удивилась Клава Ивановна. — Тебе завод дает самостоятельную комнату с удобствами на Большом Фонтане.

— Значит, Малая тоже против меня? — Ефим схватился обеими руками за грудь. — Да, Ланды нет и некому за Граника заступиться.

Клава Ивановна погрозила пальцем:

— Не прикидывайся сумасшедшим больше, чем есть на самом деле. Государство дает тебе новую комнату в новом

доме, чтобы ты мог жить по-человечески, а ты ведешь себя, как старая барыня. Я уже не говорю, какой прекрасный район: вокруг деревья, зелень, степной воздух, в двух шагах — море.

Ефим на секунду задумался и воскликнул:

— Знаете что, я готов поменяться с вами: дышите степным воздухом на берегу моря и гуляйте среди деревьев.

— Ты думаешь, поймал Малую на рачка, — подхватила Клава Ивановна, — а я тебе отвечу: если государство мне прикажет, я не буду считаться со своими капризами, хотя прожила в этом дворе на двадцать лет больше Граника.

Ефим сидел на своем стуле, обнял себя своими руками, как будто озяб, и тихонько покачивался из стороны в сторону:

— Когда там, на вечере, вы вспомнили годы до войны, Осовиахим, форпост, я повторял себе: какое счастье, что на свете еще живет наша Малая.

Клава Ивановна тяжело вздохнула: да, там на вечере она действительно говорила, но одно дело — праздник, юбилей, а другое дело — жизнь, и не надо смешивать.

— Но почему, — Ефим затряс руками над головой, — почему Граник, у которого больше ничего на свете не осталось, должен отсюда навеки уехать, а какие-то посторонние люди, которым все равно Одесса или Чебоксары, имеют право здесь жить!

— Ефим, — сердито сказала Клава Ивановна, — мне не нравится твой тон: ты ведешь себя, как помещик, которому полагаются усадьба и дом по наследству и не хочешь понимать, что мы живем в другое время. И никогда не хотел понимать.

— Мадам Малая, — Ефим зажмурил глаза, лицо сделалось неподвижное, как маска, — что Граник должен был понимать и не хотел? Какие миллионы он выиграл в своей жизни и отказался поделиться? Покажите людям тайник, где Ефим Граник прячет свое украденное счастье, и верните хозяевам.

Клава Ивановна опять повторила, что ей не нравятся эти пустопорожние разговоры, а гость продолжал настаивать и требовать ответа, тогда она не выдержала, рассердилась и прямо сказала:

— Да, ты бедняк, и всю жизнь был капкан. Но Дегтярь прав: в глубине души Граник всегда оставался хозяйчиком, которому просто не хватало сметки, а так бы он сделался лавочником, завел бы себе свою мастерскую, и на остальное ему плевать.

Ефим почесал пальцем лоб, улыбнулся, как дурачок, и положил свои руки, на ладонях большие желтые мозоли, перед собой:

— Это от шпателя и кистей, с ранних детских лет. Война порезала Граника на мелкие куски, от него ничего не осталось, и все равно тридцать лет подряд Граник — мелкий хозяйчик и держит свою лавочку. Счастливчик!

Да, подхватила Клава Ивановна, счастливчик, потому что только советская власть позволила Ефиму Гранику остаться честным тружеником, хотя он немало потрепал нервы и заставил людей повозиться.

— И все-таки, — воскликнул Ефим, — как хищный волк, одним глазом он норовит в лес!

— Болтун, — махнула рукой Клава Ивановна. — Язык без костей.

Из горисполкома товарищ Дегтярь принес важную новость: Львов и Севастополь вызывают Одессу на соревнование по благоустройству и чистоте. Это накладывает на всех одесситов, и конкретно на наш двор, который расположен в Сталинском районе, особые обязательства. Отныне каждому, кто не дорожит честью родного города и своего двора, будет указано: скатертью дорога из нашей Одессы.

По решению домкома, тройка — Ляля Орлова, Степан Хо-

мицкий и Катерина Чеперуха — снова обошла все квартиры, заглянула в каждый угол, осмотрела чердаки и подвалы. На ближайший выходной назначили общедворовой воскресник, у ворот поставили дежурного, чтобы можно было проконтролировать, кто уклоняется или под каким-нибудь благовидным предлогом пытается увильнуть.

Еще до обеда посреди двора собралась такая гора мусора и хлама, что люди невольно хватались за голову и повторяли: не может быть, чтобы это они сами, это подбросили агенты из Львова и Севастополя!

Для вывозки пришлось нанять транспорт, каждая семья внесла по пять рублей, машина сделала несколько ходок, снег под колесами за день так перемешался с пылью и грязью, что стал черный, как земля.

На прощанье Катерина Чеперуха подошла к Гранику и в присутствии Ляли Орловой еще раз предупредила: из его комнаты к ним опять перебежала мышь, она специально оставила в мышеловке, чтобы показать соседям, и если он не примет меры, пусть пеняет целиком на себя.

Ефим возмутился:

— А где доказательство, что это мышь Граника, а не ваша собственная! Может, она вам показывала свой паспорт?

— Фима, — Ляля скривилась, как будто ей в рот сунули что-то горькое, — достаточно посмотреть вашу квартиру!

— Знаете что, — вдруг засмеялся Ефим, — я на вас всех положил дом и дачу, и еще впридачу!

Час или полтора после этой сцены Ефим сидел у себя в комнате, рисовал на бумаге разных чертиков, немного послушал радио — передавали, что в Туркмении задерживаются с ремонтом сельхозтехники, а весенние полевые работы в климатических условиях Средней Азии уже на носу, — подрихтовал крышку рукомойника, забил пару гвоздей в стул, чтобы не

съезжало сиденье, но в душе по-прежнему не проходило тяжелое чувство, наоборот, даже усилилось. Он немного привел себя в порядок, почистил ботинки, надел свежую рубашу и поднялся к мадам Малой.

Клава Ивановна встретила приветливо, сказала, если бы не ее возраст, могли бы подумать, что навещает любовник, так Ефим зачастил, но тут же сама опровергла эти подозрения: с таким лицом ходят не к любовнице, а на кладбище. Гость молчал, Клава Ивановна несколько секунд внимательно рассматривала и спросила:

— Что с тобой? В чем дело?

Ефим поднял правую руку и показал большим пальцем назад, в сторону двери:

— Они меня преследуют. Они хотят меня выжить.

Клава Ивановна рассердилась:

— Перестань говорить глупости! Никто тебя не выживает.

Ефим снова поднял руку, показал большим пальцем назад и повторил:

— Они меня преследуют. Они сказали, что выгонят меня.

— Дуры! — еще больше рассердилась Клава Ивановна. — Я поговорю с ними так, что в другой раз им не захочется. Скажи мне, ты ужинал? Я хочу выпить с тобой стакан чаю.

Клава Ивановна налила из термоса, чай был не очень горячий, но гость попросил ложечку, набирал в нее, дул, чтобы остудить, и сладко причмокивал.

— Фима, — мадам Малая укоризненно покачала головой и вздохнула, — тебе пора жениться. И надо взять такую жену, которая хорошо держала бы тебя в руках.

Остаток из термоса хозяйка налила гостю, он по-прежнему пил с ложечки и причмокивал.

— Перестань чмокать, — рассердилась мадам Малая, — надо иметь железные нервы, чтобы выдержать тебя!

От неожиданности гость вздрогнул, невольно прижался к спинке стула, хозяйка подошла к нему, подергала за ухо, как будто в детском саду, и опять повторила:

— Фима, тебе надо жениться.

— Нет, — закричал ни с того ни с сего Ефим, — я не уйду отсюда! Я вижу вас всех насквозь, напрасно лелеете свои козни! И можете передать своему Овсеичу: я его не боюсь, я никого не боюсь!

— Глупый человек, — Клава Ивановна сплела пальцы и выставила руки вперед, — при чем здесь Овсеич?

— При чем здесь Овсеич? — Ефим вскочил, как ошпаренный. — А при том, что он стоит сейчас возле дверей и подслушивает каждое слово. Вот!

Ефим распахнул двери, было впечатление, будто в самом деле что-то промелькнуло, Клава Ивановна машинально выглянула, но надо было окончательно сойти с ума, чтобы хоть на одну секунду поверить в эти дурацкие подозрения.

— Слушай меня, — сказала Клава Ивановна, когда оба немного успокоились, — завтра или послезавтра я с тобой сама зайду к Дегтярю, и ты увидишь своими глазами, что твои фантазии и действительность — это как небо и земля.

На другой день Ефиму пришлось отстоять у себя на заводе дополнительно почти целую смену — надо было срочно закончить покраску сухогруза "Ленинский комсомол", — потом Клаву Ивановну схватил жестокий кашель, старуха заходилась до посинения, а тринадцатого января радио и газеты сообщили об аресте большой группы видных врачей, которые долгие годы орудовали в армии и органах здравоохранения, и люди были так потрясены, что не могли уже говорить ни о чем другом.

Опять на передний план выплыла история с Ландой, и теперь не требовалось большого ума, чтобы увидеть одну общую

цепь — Москва, Ленинград, Одесса и все другие города, где эти убийцы и бандиты имели свою агентуру.

В доме у Зиновия был настоящий траур, отец и сын ходили, как пришибленные, а бабушка Оля десять раз на день хлопала руками и повторяла: .

— Чего им не хватало! Деньги, дачи, машины, трехкомнатные квартиры — и все им мало, не могут нажраться и напиться. Бандиты, ой, бандиты!

Катерина вначале не принимала участия в разговорах, лишь посматривала на Зиновия, ожидая первого слова от него, но, в конце концов, не выдержала и сама обратилась:

— Молчишь? Молчальник. Теперь тебе чего: только молчать.

Ефим несколько дней держался особняком от всех, нельзя было близко к нему подступиться, но с расстояния тоже хорошо было видно, какие камни давят человеку на сердце. Невольно начинали одолевать прежние опасения, как бы он опять не наложил на себя руки, и старый Чеперуха буквально силой ворвался к нему в комнату, чтобы услышать, наконец, от него слово.

— Ефим, — с порога закричал он. — Люди уже забыли, какой у тебя голос!

— Уходите, — прошептал Ефим, — уходите.

— Фима, — Иона готов был заплакать от обиды, — со мной ты говоришь на "вы"! Боже мой, так надо было дожить, чтобы это услышать!

— Уходите, — повторил Ефим, — уходите ради Бога.

Чеперуха сел за стол, подпер обеими руками голову и уставился неподвижным взглядом в черный репродуктор на стене. Ефим громко, будто нестерпимая боль, застонал, Иона поднялся, включил радио, передавали "Сказки Венского леса", музыка Иоганна Штрауса, и в комнате стало как-то веселее.

— Красивая музыка, — сказал Иона. — Слушаешь и не верится, что на земле еще столько бардака. А! Кто бы раньше мог подумать на нашего Ланду!

Ефим сидел на кушетке, ноги по-турецки, глаза блестели, как черный воск под пленкой воды, Чеперуха пожал плечами и сказал: просто не укладывается в голове, как среди евреев, которые больше всех пережили от фашистов, могли оказаться такие изверги и выродки.

— Если подтвердится, — Ефим опустил ноги на пол, — если подтвердится, что это правда, нас еще мало резали.

Иона четверть минуты смотрел молча, стараясь поймать взгляд Ефима, но не дождался и спросил:

— Кого "нас"?

Ефим подошел к ведру, зачерпнул кружку воды, жадно выпил, слышно было, как внутри булькает, и вернулся к себе на кушетку.

— Если бы я тебя не знал, — старый Чеперуха выпрямился во весь рост, открылась шея, жесткая, словно из дубленой кожи, — я бы сказал, что ты низкая сволочь.

Ефим опять скрестил ноги по-турецки, подбородок уперся в грудину, из глаз выкатились две слезы, огромные, как летние капли дождя.

— Ладно, — сказал Иона и присел рядом, — не обижайся: мне тоже больно. Не меньше, чем тебе.

Музыка кончилась, начали передачу о расцвете национальной культуры Якутии. В царское время огромная страна, равная по площади всей Западной Европе, не имела своей письменной литературы, а ныне один лишь богатырский эпос якутского народа "Олонхо", содержащий более двадцати тысяч стихотворных строк, записан в десятках вариантов. Общий тираж книг превысил миллион экземпляров, число библиотек

в республике составляет более ста, причем около половины из них — в сельских местностях.

— Ефим, — обратился Иона, — ты когда-нибудь видел живого якута? Мой Зиновий в Сибири часто встречал их: хорошие ребята, всегда улыбаются, а по-русски говорят так чисто, что только по лицу можно отличить.

Ефим согнулся, прижал обе руки к животу, как язвенник, когда начинается приступ, Иона вдруг хлопнул себя по колену и рассмеялся:

— В санаторий "Аркадия" приехал один якут. Там, у себя, он известный охотник, его премировали путевкой в Одессу. Врачи смотрят, он день не кушает, два не кушает, три не кушает. Наконец, всполошились и спрашивают: что такое, почему вы отказываетесь от пищи? Оказалось, во-первых, он не может обедать без спирта, там на семидесятиградусном морозе он так привык, а, во-вторых, ему нужен кусок сырого мяса. Сырое мясо содержит в себе много витаминов, иначе у него выпадут все зубы от цинги.

— Ну, — спросил Ефим, — дали?

— А что же, — опять засмеялся Иона, — человека премировали, чтобы он в Одессе умер с голоду! Облздрав написал специальный приказ.

Передача про Якутию закончилась, диктор объявил, что через минуту концерт: песни народностей Дальнего Востока — луораветланов, коряков и нивхов. Иона немного послушал, сказал, что все песни, как одна, так похожи, и пожелал хозяину спокойной ночи. Ефим просил захлопнуть дверь, радио оставил включенным, укрылся байковым одеялом, сверху тужуркой, а то ночью в комнате собачий холод, и задремал. Во сне привиделась Одесса, август тридцать седьмого года, когда закончили строительство форпоста, Ося читал стихи собственного сочинения на торжественном вечере, Соня зарумя-

нилась от гордости за своего сына, а Хиля прижималась сбоку к маме и смотрела на брата во все глаза.

Ефим испытывал удовольствие, какого давно уже не было, несколько раз возникало подозрение, что это сон, но тут же он проверял себя, специально заводил разговор с Малой, с Котляром, Хомицким, Лапидисом, подошел к Дегтярю, поделился своими глупыми опасениями, а тот в ответ поднял его на смех: у Ефима Граника все не как у людей — когда ему слишком хорошо, он говорит, этого не может быть, это просто сон.

В шесть часов радио возобновило свои передачи, сыграли гимн, потом диктор пожелал доброго утра и начал читать последние известия. Со всех сторон поступали сообщения о трудовых вахтах в канун двадцать первого января. Труженики Кузнецкого горнообогатительного комбината взяли на себя обязательство выполнить месячный план не позднее тридцатого числа. Еще более возрос в эти дни спрос читателей на произведения Ленина и Сталина в заводских библиотеках Макеевки, Джезказгана, Тквибули и других промышленных центров. В клубах и дворцах культуры организованы выставки и стенды, на которых представлены многочисленные материалы, фото, репродукции, посвященные великому содружеству Ленина и Сталина.

Диктор сделал небольшую паузу, послышалось легкое шуршание, будто переворачивают страницы, и через секунду торжественным голосом, как в годы войны, когда передавали приказ Верховного Главнокомандующего об успешном наступлении наших войск, объявил: Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении врача Тимашук Лидии Федосеевны орденом Ленина.

Ефим стоял возле рукомойника и уже взял кусок мыла в руки, но невольно остановился, хотя вполне можно было одно-

временно и мыться, и слушать. Потом, будто кто-то нарочно вытолкнул, мыло выпало из рук, ударилось о край ведра и отлетело далеко в сторону. Ефим машинально наклонился, диктор как раз произнес слова "за помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц", перед глазами на миг потемнело, сердце ударило под горло, казалось, вот-вот выпрыгнет через рот, он поднял мыло, смочил водой и развел обильную пену. После рук, с особенной тщательностью, вроде собиравшись в театр или на концерт, он помыл уши, лицо, шею, отдельно затылок и кадык, вытер насухо, взял помазок, бритву "Золинген", два толстых человечка стоят друг к другу животами, и прислонил зеркальце к стакану, чтобы удобно было смотреться во время бритья. Мыльная пена густыми хлопьями обложила щеки, торчал лишь один нос, глаза сделались совсем черные, словно вставили два кружочка из черного мрамора, Ефим прошелся по одной щеке, по другой, снял мыло на ладонь, задрал подбородок, губы напряглись, уголки опустились книзу, свободной рукой взял себя за нос, слегка прихватил верхнюю губу, поднес бритву немного выше кадыка, дернул слева направо, в глаза ударила вспышка молнии, в горле хрустнуло, громко забулькало, все тело подбросила резкая судорога, и свалился на пол.

Вернувшись с работы, Иона взял сегодняшний номер газеты "Знамя коммунизма", до-старому "Большевистское знамя", новое название дали после девятнадцатого съезда, и решил зайти к Ефиму: даже если он слышал сообщение по радио, газета — это газета. Иона нажал кнопку и, пока ждал чтобы открыли, перегнул лист в том месте, где напечатан Указ, портрет Ленина остался на другой половине. Ефим не торопился открывать и пришлось нажать еще раз. Слышно было, как играет радио, похоже на "Варшавянку", любимую песню Ильи-

ча, Иона позвонил в третий раз, теперь уже можно было разбудить мертвых, и приложился ухом к двери.

Песня кончилась, радио на секунду умолкло, из комнаты не слышно было ни звука, ни шороха, диктор объявил, что симфонический оркестр исполнит "Адажио" Бетховена, у Ионы нехорошо екнуло сердце, он постучал кулаком в филенку, но результат был прежний.

Можно было допустить, что хозяин еще не вернулся с работы, хотя это не было похоже на Ефима — уйти из дому и оставить радио на целый день включенным. Кроме того, сквозь щели пробивался свет, значит, лампочка тоже горит.

Зиновий с Катериной ушли в кино, не у кого было даже спросить, видели сегодня Ефима или не видели, Иона в растерянности потоптался у одной двери, у другой, наконец, решился, побежал домой, принес топор, задвинул между створками, отжал рукоять в сторону, казалось, еще миллиметр и сломается, но, слава богу, язычок выскочил из гнезда, и дверь отворилась. От большого сотрясения внутренняя дверь сама распахнулась, Иона остановился у порога, и первое, что бросилось в глаза, — это кровать и тужурка, которая валялась поверх одеяла.

— Ой! — Иона схватился за сердце, заставил себя сделать два-три шага вперед, опять закричал "ой!", и тут ему показалось, что он сходит с ума: скрюченный, голова в луже крови, Ефим лежал на полу, стеклянные глаза смотрели куда-то мимо, далеко-далеко.

Иона стал на колени, взял обеими руками голову Ефима, прижался губами и заплакал, как маленький ребенок: тряслось тело, дергались плечи, напала дурная икотка, и никак нельзя было унять.

Через час приехала машина, Иона со Степаном помогли вынести тело, лицо накрыли полотенцем, у ворот толпились со-

седи, одни хотели рассмотреть получше, другие, наоборот, не выдерживали и отворачивались.

На следующий день из морга сообщили, что можно забрать покойника, но никто не приехал: Иона Овсеич был за то, чтобы хоронить прямо оттуда, а Малая, Хомицкий, Чеперуха не соглашались и требовали сначала привезти домой. В конце концов Иона Овсеич уступил, и на третий день Ефима доставили во двор. Пришло несколько человек с завода, принесли с собой два венка, один очень красивый, из свежей хвои, другой обыкновенный, бумажные цветы и бумажные листья, ленты были из черного полотна с большими золотыми буквами: "Уважаемому Ефиму Лазаревичу Гранику от друзей и товарищей по работе".

Соседи тоже собрали по рублю на венок, кроме того, Малая, Чеперуха, Хомицкие и Аня Котляр дали от себя отдельно еще по венку. Дина Варгафтик принесла два вазона с геранью и поставила у покойника в головах.

Товарищ Дегтярь сказал: слишком много почестей, можно подумать, что хороним человека с особыми заслугами.

— Дегтярь, — Клава Ивановна смотрела на Ефима, глаза были печальные, — человек умирает один раз.

Ефим Граник не умер, ответил Иона Овсеич, он сознательно покончил с собой, причем выбрал для этого особый день, чтобы подчеркнуть.

— Сознательно выбрал день, — покачала головой Клава Ивановна. — Нашим врагам его рассудок, пусть они выбирают так.

— Овсеич, — попросил тихим голосом, от которого полшага до крика, старый Чеперуха, — давай дадим ему спокойно полежать хотя бы в гробу.

Товарищ Дегтярь закрыл глаза, нижнюю губу прикусил зубами, Клава Ивановна поручила Чеперухе подготовить двери, чтобы не пришлось возиться в последнюю минуту.

Вынос назначили на три часа. Оставалось минут пятнадцать, Тося привела Лизочку, первая подошла к гробу и поцеловала Ефима в губы. Потом вдруг прижалась лицом, вся задрожала, видно было, что плачет и не в силах остановиться, Клава Ивановна подняла за плечи и приказала взять себя в руки, Лизочка смотрела на своего папу, на окружающих, как будто плохо понимает, тетя Тося велела поцеловать отца, больше никогда не увидит, и опять задрожала — в этот раз долго и сильно, пришлось дать нашатырь.

Лизочка стояла на одном месте, бабушка Малая повторила, чтобы поцеловала и попрощалась, сама взяла за руку, подвела вплотную, ладонью нажала на головку, рассыпались черные локоны, и немного подержала в таком положении. Лизочка подняла голову, быстро перекрестила папу, Клава Ивановна даже не успела остановить, и отошла в сторону.

— А, — махнул рукой Иона, — ему уже все равно.

Степан положил крышку на гроб, прихватил двумя гвоздями, и дал команду, чтобы поднимали. Пока мужчины пристраивались, бабушка Малая, а за ней остальные женщины — Ляля, Дина, Марина, бабушка Оля, Катерина — поочередно прижимали к себе Лизочку, целовали в щеки, в головку, утешали разными словами и говорили, чтобы слушалась и любила свою тетю Тосю, которая заботится и не меньше предана, чем родная мать.

Гроб свободно прошел в дверь, все выстроились в одну линию и подняли его над головой, до ворот несли на руках, а там ждал грузовик, который прислали с завода. Чуть подальше стоял небольшой автобус, тоже заводской: кто хотел, мог сесть и ехать на кладбище. Степан посмотрел, какая собралась толпа, и сказал, что мужчинам придется устраиваться на открытом грузовике, но, когда все желающие разместились в автобусе, оказалось еще достаточно свободных мест.

Грузовик с гробом и венками поехал вперед, Иона сел в кабину к шоферу, а с автобусом получилась небольшая заминка: Клава Ивановна специально держала место для Дегтяря и просила немного подождать, потом послала Степана на розыски, время шло, и, наконец, посыльный вернулся с сообщением, что товарищ Дегтярь отказался наотрез.

Ехали долго, кружным путем через Слободку, поскольку улицу Фрунзе возле Дюковского сада сильно занесло снегом. У женщин замерзли руки, ноги, невольно брала досада на себя: необязательно было ехать, достаточно было попрощаться дома и проводить до ворот.

Место дали плохое, где-то у черта на куличках: дальше начинался пустырь, вокруг валялись обломки мрамора с черными еврейскими буквами, куски гранита, битый ракушняк и порожние банки из-под серебрин и битумного лака.

Гроб поставили на землю, могильщики велели побыстрее, еще полно работы, а уже темнеет, заправили веревку, взяли за четыре конца и готовы были опустить, но тут подошел старый еврей, предложил прочитать муле и спросил, как имя покойника. Клава Ивановна назвала: Граник Ефим Лазаревич. Могильщики сказали: "Меер, не крути ейер и давай в темпе", — старик закрыл глаза, поднял голову, как будто слепой, оперся на свою палку и затянул тонким, весь в трещинках, голосом:

— Искор элогим нишмас або мори Хаим бен Лейзер шеолах леоломо, баавур шеани нодер цдоко баадо... им нишмос Аврум, Ицхок ви'Иаков... Омейн.

Провожаящие поблагодарили старика, каждый дал, сколько мог, рабочие опустили гроб в могилу, Клава Ивановна бросила ком земли, за ней Иона, Степан и остальные, сначала удары были гулкие, потом все глуше, землю стали сгребать лопатами, через минуту на месте ямы высился небольшой холмик, края с двух сторон срезали, сверху положили венки, Тося расправила

ленты, чтобы можно было прочитать имя, и пошли к воротам. Остался один Адя, минут десять-пятнадцать он слонялся вокруг, подбирая обломки, очищал от снега — русские слова, еврейские слова, арабские и римские цифры, — вернулся к могиле, лег на венки, обнял руками и горько-горько заплакал. С северной стороны, недалеко от Новомосковской дороги, закричал женский голос, на миг утих и вдруг перешел в настоящую истерику с воплями, причитаниями и диким воем.

Адя отломил веточку хвои, оторвал черный бумажный листок, положил в карман и направился к выходу. У ворот резвились собаки — одна черная, как смоль, остальные коричневые с пятнами седины, — кувыркались в снегу и добродушно урчали. Рядом с кладбищем бульдозеры расчищали площадку, немного дальше экскаваторы рыли котлован, грузовики с прицепами подъезжали со стороны Заставы, самоходный кран опускал свой крюк с тросами, двое рабочих аккуратно крепили, кричали "вира!", громоздкая конструкция подымалась в воздух, на несколько секунд повисла неподвижно, затем поворачивалась вместе со стрелой, покачиваясь туда-сюда, и медленно опускалась на землю.

На огромном белом щите красными буквами было написано: "Выполним и перевыполним решения исторического XIX съезда!" Чуть пониже был прибит кусок фанеры, тоже с надписью: "Строительство завода "Автогенмаш" ведет СМУ-504".

После похорон люди собрались в комнате у Ефима на поминки. Дина Варгафтик пожимала плечами: среди евреев так не принято и вообще дико; старый Чеперуха отвечал, что у Ефима от евреев остался один брис и место на третьем еврейском кладбище. А стопку московской водки покойный любил и сам был бы не прочь.

Первую минуту сидели молча, тяжелые лица, неподвижные глаза, потом Степан громко спросил, не пора ли наливать,

Иона взял графинчик, наполнил стопку Клаве Ивановне, себе, Оле, Дине, передал Зиновию, и, пока наполняли остальные, поднялся и сказал:

— Дорогие соседи! Дорогие гости! Только что мы проводили нашего Ефима в последнюю дорогу, из которой никто не возвращается. Одни говорят, там сильно хорошо и потому не возвращаются. Другие говорят: какой смысл возвращаться в этот мир? Но никто не торопится, каждый оттягивает, сколько может, и надо было иметь такую жизнь, как у Ефима Граника, чтобы добровольно наложить на себя руки.

Иона вытер слезу, поднял стопку, пожелал покойному, чтобы земля ему была пухом, и опрокинул. Гости сделали то же самое, начали закусывать и понемногу завязался разговор. Ляля подошла сзади к мадам Малой, зашептала на ухо, та кивнула в ответ, попросила минуточку внимания и, сидя на своем месте, обратилась к присутствующим:

— Товарищи, мы любили нашего Ефима от всего сердца. Это правда, у него была нелегкая жизнь: он потерял свою семью, жену, детей. Но не он один, наряду с ним миллионы и миллионы. А с другой стороны, наши люди, рискуя своей жизнью, спасли ему дочку. Когда пришло время вернуться в Одессу, его не оставили на улице: ему дали комнату, дали работу, на передовом заводе, а недавно завком решил выделить ему новую комнату со всеми удобствами. Здесь сидят товарищи с завода, они могут подтвердить.

Товарищи подтвердили и еще добавили, что Ефим был всегда на хорошем счету, пользовался уважением в коллективе, хотя имел свои странности.

— Не только странности, — сказала Клава Ивановна, — а кое-что побольше. И это — самое главное, что привело его к безрассудному поступку, а не какая-то особенная, тяжелая, как изображает наш Чеперуха, судьба. По-своему Ефим Гра-

ник прожил неплохую жизнь, и тут наш двор сыграл не последнюю роль.

С другого конца стола кто-то невольно ударил в ладони, люди зашикали, опять наступила тишина, только слышно было, как стучат вилками и хрустят на зубах соленые огурцы. Динина собачка Альфочка жалобно заскулила под столом, хозяйка почесала ногой спинку, бросила кусочек колбасы и подтвердила слова мадам Малой: действительно, Ефиму совсем не так плохо жилось, есть немало людей, которые могли ему еще позавидовать. А ее Гриша, такой жизнелюб, такой весельчак, должен был погибнуть в первые дни войны.

Через полчаса женщины хорошо отогрелись, немного повеселели. Иона, Степан и еще двое товарищей с завода сложились между собой, вручили Аде семьдесят рублей, он добавил кое-что из своего кармана, сбегал на Тираспольскую площадь и принес три бутылки, закуски было достаточно. Потом сложились еще раз, бабушка Оля сверкала глазами на Иону, а он поднял перед собой стакан, держа в вытянутой руке, и размахивал:

— Люди! Нет больше на свете Фимы Граника и никогда не будет!

В конце концов Иона совсем раскис, разорвал на себе новую сатиновую рубашу и кричал, что все мы сволочи и лярвы, но самый первый — Чеперуха: он видел, как Ефиму жмет сердце, и бросил на произвол судьбы.

От этих криков у людей опять испортилось настроение, Клава Ивановна велела Зиновию увести отца, чтобы не позорил семью, а Иона припал на грудь сына и так зарыдал, что у других тоже невольно выступили слезы, даже сама Клава Ивановна не могла сдержаться.

Тося смотрела пустыми, невидящими глазами, осеняла себя мелким крестом, Степан дергал за руку и требовал пре-

кратить, а то люди вокруг смеются. Марина Бирюк вступилась за Тосю: дуракам закон не писан, пусть смеются, когда другие плачут.

Прибежал Лесик: от папы телеграмма — завтра прилетает. Марина схватила за сердце: ой!

Старого Чеперуху сын увел домой, настроение опять пошло вверх, Ляля, Дина, Оля поздравляли Марину, Степан присоединил несколько слов от имени мужчин и, как обычно, не пожалел перца. Марина зарумянилась, весело засмеялась, тут же прикрыла рот ладонью, Клава Ивановна нахмурилась и сказала: пора по домам.

Когда уложили детей и сами легли, Катерина спросила Зиновия:

— Что будем делать с комнатой Граника?

Зиновий не ответил, повернулся спиной, дернул за шнур подвешенного выключателя, свет погас. Минуты две молчали, Катерина опять дернула за шнур, свет зажегся и повторила:

— Что будем делать с комнатой Граника?

Зиновий лежал на боку, лицом к стене, Катерина потянула за плечо и сказала: если в этом доме нет мужика, она сама возьмет топор и снесет перегородку.

— Слушай, — Зиновий поднял голову, — человек еще не остыл. Как ты можешь?

— Это моя комната, — сказала Катерина. — Когда Граник приехал, а Бирючка даже не захотела открыть дверь, я дала ему приют: отрезала кусок от себя, от своих детей — и дала.

Зиновий повернулся на спину, глаза смотрели в потолок:

— А двадцать лет назад здесь была прачечная, потом сделали форпост, и украшал дядя Фима, Оськин папа, и так украсил, что детям было приятнее, чем у себя дома.

— Это моя комната, — повторила Катерина. — Моя и моих сыновей, и не хочу знать, что было у вас сто лет назад.

Зиновий лежал рядом, худое лицо, высокий лоб, кончик носа чуть-чуть опущен, на щеке отдельные веснушки, точь-в-точь как у Гриши, Катерина сладко потянулась, обняла рукой, прижалась и прошептала:

— Сумасшедшие люди. Сколько можно цепляться за старую Одессу! Ты не забереешь комнату — другие заберут.

Утром Катерина опять заладила свое. Пришла бабушка Оля, мальчикам пора было в детский сад, она специально оттягивала, чтобы поддержать Катерину, которая в этот раз была права с ног до головы, с какой стороны ни посмотреть. Зиновий отмалчивался, как будто воды в рот набрал, Катерина заявила, что сама пойдет к товарищу Дегтярю, в жилотдел, в горсовет, и пусть попробуют отказать.

Ключи от комнаты покойного забрала Клава Ивановна. Днем заглянули Тося с Лялей и просили никому не отдавать: комнату надо сохранить за Лизочкой, девочка растет, слава Богу, уже тринадцатый год. Клава Ивановна призадумалась и сказала: хорошо, но надо оформить через горсовет.

— Почему оформить? — удивилась Ляля. — Это же комната родного отца.

Родного, двоюродного, передразнила старуха, какая разница: такого закона нет, чтобы маленькие дети имели на свое имя отдельный ордер. Тем более, фактически девочка живет у других.

Тося сидела с опущенной головой, у Ляли на лице было открытое возмущение.

— Что ты корчишь рожи! — рассердилась Клава Ивановна. — Адю отдали в детский дом, когда мать была еще жива, и никто не думал про комнату. Но девочка не мальчик, и, конечно, лучше, чтобы она имела свою комнату.

Перед вечером зашла Катерина, два-три слова о сем, о том, и вдруг потребовала ключи. Клава Ивановна заранее предви-

дела такой оборот, но решила сделать вид, что поражена. Катерина вспыхнула, как спичка: чего поражаться, если это кусок ее собственной комнаты, и она может просто занять, никого не спрашивая!

— Так займи, — радушно ответила Клава Ивановна, — и плевать тебе на советскую власть.

— Я вам не Граник! — закричала Катерина. — На мне где сядешь, там и слезешь.

— Я знаю, что ты не Граник, — спокойно ответила Клава Ивановна, — и хорошо помню, как ты делала ему сладкую жизнь.

От большого возбуждения гостя стала задыхаться, несколько раз срывался голос:

— Старая! Больная! Да вы еще всех переживете и перехороните!

Прямо от Малой Катерина побежала к товарищу Дегтярю, но тот еще не вернулся с работы, а когда наведальась вторично, в гостях уже сидели Ляля с Тосей, и на лицах было написано, что старуха успела передать весь разговор.

Орлова, хотя к ней никто не обращался, сразу взяла тон, будто хозяйка дома, и буквально набросилась: как не стыдно обирать круглую сироту! Все равно ничего не выйдет, но как не стыдно, как позволяет совесть!

Товарищ Дегтярь молчал и наблюдал, вроде посторонний, Катерина несколько раз обращалась за поддержкой, называла себя душой, зря пожалела в свое время Ефима и отдала полкомнаты, а товарищ Дегтярь сидел немой, глухой, и за всех отвечала одна Орлова. Наступил момент, когда Катерина больше не в силах была выдержать и грубо спросила, кто хозяин в этом доме.

— Кто хозяин? — наконец заговорил Иона Овсеич. — Я тебе отвечу: правда — хозяин. Справедливость. Но сейчас у меня

впечатление, что налетела стая шакалов и рвут на куски добычу.

Катерина почувствовала, как ударила в голову кровь, сами собою сжались кулаки, раздался какой-то дикий вой, Ляля испуганно ахнула, Иона Овсеич машинально заслонился рукой, но тут неожиданно вскочила Тося и все пошло обратным ходом.

— Кто тебя сюда звал? — закричала Тося. — Кому ты здесь нужна? Вертайся в свою Сибирь и живи со своими медведями! А комнату получишь вот: своими губами — свой затылок.

Тося хлопнула себя ладонью по темени, сказала неприличное слово и добавила: а за Ефима, сколько издевалась над ним и донимала, — за это будет особый паек.

— Господи! — схватилась за голову Катерина. — Что за люди: ни стыда, ни совести. Я человеку сделала добро, одна, весь двор отвернулся, а теперь меня такими словами!

У Катерины выступили слезы, видно было, что действительно сильно переживает, Тося после своей вспышки вдруг сникла, вся сморщилась, как будто постарела на десять лет, Ляля опустила голову и не решалась поднять, а товарищ Дегтярь посматривал то на одну, то на другую, стараясь поймать взгляд.

— Молчим, — громко произнес он, — и боимся посмотреть в глаза. А я не поленюсь и поднесу каждой зеркало, чтобы увидели свое настоящее лицо.

Катерина встала, пошла к дверям, обернулась, глянула на товарища Дегтяря, на женщин, потом опять на товарища Дегтяря и помахала кулаком:

— Я подыму на ноги всю вашу Одессу, я раскрою все ваши подлые гешефты. Мне чужого не надо, но своего не отдам.

— Сплетница! — крикнула вдогонку Ляля. — Она думает, ей даром пройдет.

Товарищ Дегтярь велел успокоиться, сообщил, что у него еще на целый вечер работы и просил заглянуть через пару дней: насчет комнаты он поговорит в Сталинском райисполкоме. Будем надеяться на хорошее.

Женщины вышли вдвоем, минут через пять Ляля вернулась. Иона Овсеич остановился на пороге, гостя немного смутилась, но тут же объяснила: она так возмущена поведением Катерины, что не может найти себе места.

— Я вижу, — сказал Иона Овсеич. — Но хвастать здесь нечем, скорее, наоборот.

Ляля всплеснула руками: надо быть из чистого золота, чтобы после всего еще призывать других к спокойствию!

— Короче, — перебил Иона Овсеич, — ты пришла с конкретным предложением или просто выговорить душу?

Первое впечатление было, что вопрос застиг Лялю врасплох, она даже приоткрыла рот и на секунду застыла, но тут же ответила, да, с конкретным предложением: надо отдать Катерину под суд за клевету и сплетни.

Иона Овсеич попросил Лялю зайти в комнату, оба присели на кушетку, за окном потихоньку кружил снег, и задумчиво произнес: иногда прямо поражает, как простые люди скоры на расправу. Откуда это? Откуда такая нетерпимость?

Ляля опять всплеснула руками: нетерпимость! Господи, человека ни за что, ни про что оскорбили, оклеветали, а он еще берет под защиту!

— Дорогая моя Орлова, — горько усмехнулся Иона Овсеич, — если бы товарищ Дегтярь руководился чувством личной обиды или мести, за тридцать лет надо было бы отдать под суд полдвора, включая сюда и Орлову.

Ляля глубоко вздохнула: да, это действительно так.

— А между тем, — хлопнул в ладоши Иона Овсеич, — Дег-

тарь с Орловой сидят рядышком на одной кушетке и воркуют, как голуби.

У Ляли немного затуманились глаза, веки отяжелели, как будто клонит ко сну, Иона Овсеич положил свою руку гостю на колено, казалось, совсем голое, такой тонкий чулок, слегка потер, похлопал и сказал:

— Надо воспитывать, а не карать. Орлова не Лапидис, Катерина Чеперуха не Котляр и даже не покойный Граник.

Насколько товарищ Дегтярь был прав, подтвердилось уже на следующий день. Катерина постучалась в дверь, Иона Овсеич с трудом уговорил ее переступить через порог, она все время прижимала руки к груди и безостановочно просила, чтобы ее извинили, называла себя дурой, хамкой и всякими другими словами. В конце концов Иона Овсеич должен был повысить голос и потребовал от нее уважения к самой себе, ибо складывалась слишком неприглядная картина: с одной стороны, хамство, с другой — угодливость и пресмыкательство.

Постепенно Катерина успокоилась, сказала про своего Зиновия, что от него в доме проку, как от козла молока, приходится самой везде хлопотать, и, в заключение, просила Иону Овсеича, как родного отца, заступиться за правду.

— Иными словами, — уточнил товарищ Дегтярь, — за то, что тебе в данном случае выгодно.

Катерина опять взялась повторять, как было дело, когда Ефим вернулся из заключения в Одессу, а Бирюки занимали его квартиру, но товарищ Дегтярь перебил и напомнил всю правду: он один был тогда категорически против прописки Граника, зато сердобольная Малая и добряки Чеперухи захотели выглядеть хорошими, при этом пошли даже на прямой обман, а теперь получается по присловью: як тревога, так до Бога!

Гостья понурилась, возразить было невозможно, хозяин барабанил пальцами по столу, встал, прошелся по комнате, постоял у окна, мороз разрисовал стекло длинными, как у пальмы в Аркадии, листьями, и вдруг спросил:

— А как бы ты повела себя, если бы не было на свете Дегтяря?

Катерина немного растерялась, но подумала и сказала: такие люди, как Иона Овсеич, должны жить по сто лет.

— Нет, — стоял на своем хозяин, — а все-таки: как бы ты поступила, если бы не было на свете товарища Дегтяря? Или, допустим, не стало.

Катерина опустила глаза, на лбу собрались морщины, Иона Овсеич просил не торопиться, а продумать как следует.

Прошла минута, другая, Катерина развела руками и со всей искренностью призналась: нет, она не может представить себе, чтобы товарища Дегтяря не стало.

Иона Овсеич покачал головой, глаза смотрели с укором, в голосе звучали нотки осуждения, но вместе с тем была и заметная теплота:

— Катерина, ты бросаешься из одной крайности в другую, не всякий способен понять, как ваш постылый Дегтярь.

— Ах, — схватилась за голову Катерина, — как я могла такое наговорить вам тогда! Никогда не прощу себе.

— Ладно, — Иона Овсеич положил руку на плечо, — что было, то сплыло. Загляни через пару деньков: насчет комнаты я поговорю в райисполкоме. Посмотрим.

— Вы обещаете! — невольно воскликнула Катерина. — Я верю.

— Посмотрим, — повторил Иона Овсеич. — А своему свекру немного укороти язычок, а то теряет иногда меру.

Неизвестно откуда, но спустя день многие во дворе уже

знали, что товарищ Дегтярь целиком на стороне Чеперухи, а Катерина накануне просидела у него весь вечер.

Немедленно примчались Тося, Ляля, потом сама Клава Ивановна, и у всех на устах был один вопрос: правду или неправду говорят во дворе? Тосе и Ляле товарищ Дегтярь дал хороший нагоняй за то, что своей реакцией, по сути, поддерживают сплетни и слухи, а Малой ответил вопросом на вопрос:

— Малая, где сейчас находятся ключи от комнаты: у тебя или у Чеперухи?

Все ушли как будто успокоенные, хозяин собрался, наконец, заняться своими делами, пробило уже одиннадцать, но тут постучался майор Бирюк:

— Здравствуй, Иона Овсеич. Не поздно?

— Здравствуй, Андрей Петрович, — радушно откликнулся хозяин. — Заходи, заходи. Как живешь-можешь?

Майор был в гражданской одежде, на лацкане пиджака, слева, Золотая Звезда, под ней в три ряда колодки, Иона Овсеич присмотрелся, пересчитал — кажется, одиннадцать — и покачал головой: еще одна, была бы ровно дюжина, здесь явная недоработка. Майор засмеялся, показал пальцем на Звездочку, эмблемы для замены не имеет, Иона Овсеич поднял руки и сказал: сдаюсь.

Хотя гость решительно отказывался, хозяин включил электрочайник, поставил на стол графин перцовки, достал из шифоньера вязку вяленых бычков, две головки лука, сливочное масло, как назло, сегодня утром доел, зато ждала поллитровая бутылка подсолнечного, с душистым ароматом, как на маслобойне.

— Ну, — оживился майор, вынул из кармана палочку сырокопченой колбасы, флакон ягдшнапса, емкость ноль четыре

десятих литра, немецкая тара, — раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!

Иона Овсеич потянулся к графину, но майор остановил, взял флакон, отвинтил колпачок, налил каждому по стопке и произнес:

— Фриден унд фройндшафт, как любят говорить сегодня немцы.

— За мир и дружбу, — перевел хозяин, отпил на четверть и прикрыл свою стопку ладонью.

— Овсеич, — погрозил пальцем гость, — ты хитер. Хитер.

Чайник весело засвистел, Иона Овсеич засыпал пять ложечек чаю, пусть хорошо настоится. Андрей Петрович налил себе повторно, хозяину добавил до краев, и предупредил, что больше не позволит увиливать: пришлось опорожнить до дна. Поначалу закусили луком и бычками, хлеб макали в подсолнечное масло, майор похвалил, сказал, что это вкуснее всякой черной икры, затем нарезал колбасы, для хозяина ломтиками, себе оставил в куске, сделал третий заход, однако в этот раз согласился признать демократию: пусть каждый решает, как подсказывает совесть.

За чаем разговорились про Германию, майор отзывался о немцах по-разному, надо еще долго перевоспитывать, но насчет Ульбрихта прямо заявил, что это второй Тельман и недаром в Западной Германии так боятся. Материально обеспечены хорошо, живут лучше, чем у нас, умеют беречь копейку; а вот чтобы угостить человека, просто, по-нашему, — этого днем с огнем не найдешь.

Андрей Петрович засмеялся, безнадежно махнул рукой, Иона Овсеич откупорил перцовку, налил гостю в стакан, себе — полстопки, и провозгласил:

— За наше русское гостеприимство!

Перцовочка майору понравилась, люкс-прима, от бычков

на пальцах оставался тонкий слой жира, майор принялся, сладко зажмурил глаза и сказал: вот это стол — так бы семь раз в неделю, а с понедельника опять!

— Петрович, — шутливо погрозил пальцем товарищ Дегтярь, — ты, как я погляжу, научился хорошо делать книксены.

Гость не ответил, на секунду задумался, по глазам было видно, о чем-то постороннем, и, безо всякой связи, вдруг спросил насчет квартиры покойного Граника: что там за кандибобер получается? Есть родная дочь, прямая наследница, все по закону, а во дворе бабы языки чешут: то да се.

— Андрей Петрович, — поинтересовался в ответ хозяин, — ты на сколько приехал?

Майор укоризненно покачал головой: вот она, гражданка — человеку задаешь вопрос, а он тебе поперек — свой.

Товарищ Дегтярь отхлебнул чаю, взял кусочек хлеба, обмакнул в соль, немного пожевал, еще раз отхлебнул и сказал:

— Андрей Петрович, ты полагаешь, тебе оттуда, из Германии, лучше видно, какой у нас кандибобер получается?

Майор нахмурился, сказал, нечего на слове ловить, а насчет комнаты для круглой сироты он сам, если надо, нажмет на рычаги.

— Нажмешь? — удивился Иона Овсеич. — А по-моему, ты уже нажал: пришел к Дегтярю и прямо диктуешь ему, поверни здесь, поверни там. Правда, для начала проконсультировался с бабами во дворе.

— Ну, Овсеич, — майор расстегнул ворот, немного ослабил галстук, — ты, как говорит наш генерал Капуста, гений слова: из говна пули льешь.

Товарищ Дегтярь наклонил голову, заметно вздулись вены, с натугой прокашлялся и сказал:

— Не понял.

Андрей Петрович откинул руки на спинку стула, сам подался вперед, маленькие зеленые глаза, ни дать ни взять заправский лесовик, глядели в упор, было впечатление, что вот-вот начнут сверлить, Ионе Овсеичу хотелось немного переменить позу, но гость неожиданно засмеялся, освободил правую руку и дружески хлопнул по столу:

— Ладно, Овсеич, не тот азимут взяли.

Товарищ Дегтярь потер пальцами грудь, улыбнулся, в глазах держалась небольшая грустинка, и приветливо сказал:

— Ты прав, Андрей Петрович, а то у нас с тобой получается: ели — потели, работали — мерзли.

Гостю присловье понравилось, сказал, надо будет взять на вооружение, а по поводу комнаты покойного Граника договорились так: если майор Бирюк понадобится, адрес известен, прием круглосуточно. Отпуск кончается в марте.

Дома у майора получился неприятный разговор с женой: Марина, по своей манере, в глаза назвала тюфяком и сказала, чем так идти, лучше бы сидел на месте. Андрей Петрович возражал и доказывал, что Иона Овсеич — дельный мужик, нашли общий язык по всем пунктам, однако в душе, поглубже, не обманывал себя: действительно, Дегтярь открыто дал ему понять — приехал, мол, солдат на побывку, а он похорохорился, поерепенился, и проглотил.

Марина никак не могла утихомириться, от собственных слов еще больше распалилась, Андрей Петрович тоже разолился и крикнул в сердцах: совесть заедает, что заняла квартиру Граников, а не надо было занимать!

— Квартира! — всплеснула руками Марина. — Это квартира? Твой Курт Аусдорф, несчастный механик, судак мороженный, пошел бы жить в такую квартиру?

Андрей Петрович возмутился: при чем здесь Курт Аусдорф!

— А при том, — окончательно потеряла контроль над собой Марина, — что майор, Золотая Звезда, а семья ютится, как жалкие квартиранты, и старухе-матери негде голову приклонить!

— Послушай, — сказал Андрей Петрович, — про нас не было разговора, я насчет Лизочки ходил.

— Господи, — развела руками Марина, — как он ничего не понимает. Ну, ходил, ходил, за нас, за вас, за Ивана, за Степана — а толку что!

На следующий день к мадам Малой явился представитель из Сталинского райжилотдела, присутствовала дворничка Феня Лебедева, и потребовал ключи от квартиры Граника. Старуха заявила, что никаких ключей у нее нет, пусть обращаются к товарищу Дегтярю. Представитель сказал, что за свои самовольные действия она будет нести уголовную ответственность, наклеил на двери покойного лист бумаги с гербовой печатью, а сам пошел за милицией.

Клава Ивановна немедленно позвонила на фабрику, к счастью, товарищ Дегтярь как раз сидел у себя, внимательно выслушал, напряжение чувствовалось даже через трубку, и велел отдать ключи.

— Как отдать? — опешила Клава Ивановна. — Это значит, что сейчас придут и вселят постороннего.

Раздался щелчок, на другом конце положили трубку, Клава Ивановна несколько раз набирала номер, но телефон отвечал частыми короткими гудками, получалась пустая трата времени, и она побежала к Андрею Петровичу.

Майор Бирюк только что вернулся домой и был при полном параде. Клава Ивановна сказала, это очень удачно, пусть жилотдел и милиция видят, с кем они имеют дело. Марина подержала мадам Малую, однако сам майор, ни с того ни с сего,

заупрямился: райсовет — хозяин в районе, и знает, что надо делать.

— Райсовет — это обыкновенные люди, — сказала Марина, — и могут ошибаться, как все остальные. Не только ошибаться, добавила со своей стороны Клава Ивановна, а еще кое-что похуже: она уже на своем веку повидала.

Ладно, уступил майор, он согласен, но разговор будет не с милиционером и шибзиком из жилотдела, а с председателем райсовета.

— Наивный человек, — хлопнула в ладоши Клава Ивановна, — когда комнату займут, можешь говорить до печки!

— Что же я, по-вашему, должен делать, — рассердился Андрей Петрович, — стоять возле дверей и караулить?

— Почему караулить? — удивилась Клава Ивановна. — Они с минуты на минуту должны вернуться.

Нет, сказал Андрей Петрович, нечего партизанить — не то время.

— Клава Ивановна, — Марина с насмешкой показала пальцем в сторону мужа, — майор Бирюк думает, что знает жизнь! Живет себе в Германии на всем готовом, со всех боков официанточки, и думает, так везде и всем.

Марина хотела закончить: "А зубами, зубами!" — ноглянула на мужа, глаза зеленые, все светлее, как будто разгораются изнутри, и удержалась.

Женщины спустились вдвоем, постояли минут десять и разошлись. Оказалось, Клава Ивановна напрасно подняла тревогу: ни с милиционером, ни без него в этот день больше никто не приходил. Один раз только отворилась дверь у Чеперухи, выглянула Катерина, но тут же с шумом захлопнула.

Когда Зиновий вернулся с работы, Катерина прямо с порога сообщила: эта старая карга Малая со своими готовит какой-то хитрый номер.

— Не сходи с ума, — сказал Зиновий.

Катерина молча подала на стол, через несколько минут пришла бабушка Оля с внуками, вслед за ними — дедушка, хорошо было заметно, что по дороге успел уже отметить, сказал всему дому "здрасте, дети", в ответ бабушка Оля назвала беспризорником и босяком. Зиновий укоризненно посмотрел на мать, старый Чеперуха даже не обратил внимания, развернул газету "Знамя коммунизма", сегодняшний номер, и громко прочитал вслух: "Грязное обличье сионизма".

Старшие на минуту притихли, дети продолжали свою возню у крана, Иона медленно, с выражением, начал читать про банду врачей-убийц, которые, как теперь установлено, были связаны с международной еврейской сионистской организацией "Джойнт" — филиалом американской разведки — и содержались на ее деньги.

Бабушка Оля в ужасе закрыла лицо руками, Иона сказал, это еще не все, и дошел до места где говорится про виднейшего сионистского деятеля Вейцмана, президента Израиля, который с тысяча девятьсот пятнадцатого года жил в Англии и в качестве профессора химии выполнял военные задания английского правительства. Другой лидер, Жаботинский, организовал в свое время еврейский легион и принимал прямое участие в войне на стороне Антанты.

— Антанта? — еще больше ужаснулась бабушка Оля. — Я же сама хорошо помню, как в девятнадцатом году они приходили в Одессу и расстреливали людей!

— Она одна помнит, — с горькой насмешкой сказал Иона. — Вся Одесса помнит! Дальше.

Дальше рассказывалось про Аббу Эбана и Ройвена Шилоаха, которые долгие годы состояли на службе в английской разведке Интеллидженс сервис, причем последний из них является организатором израильской разведки.

Катерина покачала головой: недаром говорят, рука руку моет.

— Банда, — бормотала про себя бабушка Оля, — ой, банда. Их надо резать на мелкие куски и вешать на каждом дереве.

Иона сел за стол, бабушка Оля велела идти помыть руки, старик ответил, он ничего такого не держал, но покоя уже не давали и пришлось подняться.

Зиновий взял газету, забыл про обед, хотя ему десять раз напоминали, прочитал статью про себя, немного задумался и сказал: толковая статья, взято широко, в историческом плане, чувствуется, что автор знает гораздо больше, чем говорит, но надо было чуть добавить конкретных фактов.

— Ну, — пожала плечами Катерина, — тебе всегда, как ни хорошо, все равно что-нибудь да не так.

Старый Чеперуха доел свой обед, выпил после всего стакан холодной воды и горько-горько вздохнул: счастливый Ефим, он себе спокойно спит, а тут узнаешь такое, что волосы дыбом встают.

Зиновий посмотрел четвертую страницу — из Варшавы, Будапешта, Софии и Праги сообщалось об арестах врагов, многим удалось пробраться на высокие посты в государственном аппарате и народном хозяйстве; в Югославии по-прежнему свирепствует кровавый террор, страна превратилась в сплошной концентрационный лагерь, от рук титовских палачей погибли десятки тысяч партизан и героев народно-освободительной борьбы.

— После Гитлера, — сказала бабушка Оля, — им было у кого учиться.

— Что за мир, — хлопнул себя по коленям Иона, — что за мир, кому теперь только верить! Берешь в руки газету — одно расстройство.

Перевернув газету первой страницей кверху, Зиновий

вдруг потребовал от всех тишины и торжественно объявил:

— Товарищи избиратели, довожу до вашего сведения: И.В. Сталин дал согласие баллотироваться и зарегистрирован кандидатом в депутаты Одесского городского Совета депутатов трудящихся.

Катерина не поверила, заявила, что Зиновий разыгрывает, вырвала газету из рук и сама прочла. Бабушка Оля тоже захотела посмотреть своими глазами и убедилась, что никто не обманывает: в концертном зале дворца моряков имени Горького и на Таможенной площади, перед зданием управления Одесского порта, в связи с большим радостным событием, уже состоялись многолюдные митинги, на которых выступили знатная крановщица, депутат Верховного Совета УССР Чурбакова, знатный механизатор порта, старший крановой Турленко и многие другие.

— Значит, — сделала вывод бабушка Оля, — теперь Сталин должен приехать на встречу со своими избирателями.

Старый Чеперуха ответил, что если товарищ Сталин будет ездить на каждую встречу со своими избирателями, ему не хватит времени застегнуть китель на все пуговицы и надеть ордена.

Катерине не понравились слова свекра, и она сказала: во-первых, хотя Сталин генералиссимус, он носит китель, как обыкновенные маршалы, во-вторых, ордена ему рисуют только на портретах, а в жизни он их вообще не надевает.

Да, подтвердил Зиновий, это действительно так, французский писатель Анри Барбюс еще двадцать лет назад написал про товарища Сталина: человек с головой ученого, в шинели простого солдата. Старый Чеперуха стал оправдываться, что он ничего такого не имел в виду, просто неудачно выразился, а скромность товарища Сталина все люди знают, дай бог, нашему начальству хотя бы один процент, но Катерина уже на-

бросилась с новым упреком: почему он пришел в дом и начал с неприятностей, вместо того чтобы сразу доставить своей семье радость!

Старик на секунду опешил, в глазах появился нехороший блеск, и сказал спокойно, но так, что от этого спокойствия могли мурашки забегать по спине: если он еще раз в доме у своего сына услышит такие обвинения и претензии, его ноги здесь больше не будет.

Отец вышел, с грохотом захлопнул дверь, Зиновий сказал Катерине, чтобы позвала обратно, но она даже не пошевелилась, больше того, полностью оправдывала себя и при этом сослалась еще на товарища Дегтяря: правильно говорит товарищ Дегтярь, что старому Чеперухе надо укоротить немного язык.

— Слушай, — закричал не своим голосом Зиновий, серые глаза, особенно выражение, сделались похожи на папашины, как две капли воды, — я вас всех к чертовой матери выгоню отсюда, а свои шушуканья с Дегтярем можете передать в другом месте!

Катерина сбросила передник, стала переодеваться, мальчики заплакали, просили маму не уходить, бабушка Оля заломила руки и закричала про своего мужа, что этот пропойца всю молодость ей искалечил, а теперь разрушает семью и портит жизнь сыну. Невестка уже взяла с вешалки пальто, бабушка Оля уцепилась за воротник и клялась жизнью, что наложит на себя руки, если Катерина сделает хотя бы один шаг с места.

Катерина опустила голову, один-два раза посмотрела в сторону Зиновия, как будто ждала, что он тоже подойдет или скажет хотя бы слово, но тот стоял, точно истукан, и продолжал гипнотизировать своим взглядом.

Бабушка Оля осторожно взяла из рук невестки пальто,

унесла в другую комнату, вернулась и вдруг стала бранить внуков: нехорошие мальчики, сидят слушают всякие глупости, вместо того чтобы взять красный карандаш, немного порисовать, почитать букварь, в этом году уже в школу, и доставить своей маме, своему папе удовольствие и радость, как все другие дети.

Миша поднес маме стул, она присела, уткнулась лицом в ладони, тихонько всхлипнула и прошептала:

— Ну, почему, почему здесь все так сложно, все с такой болью и муками!

Поздно вечером после работы Иона Овсейч пригласил к себе дворничку Лебедеву, велел зайти к Малой и забрать ключи от квартиры покойного Граника. Дворничка сказала, лучше позвать старуху сюда, но в ответ Иона Овсейч снова повторил:

— Зайди к Малой и заberi ключи.

Минут через десять Лебедева вернулась без ключей, покрутила пальцем возле головы и заявила, что старуха совсем с ума сошла. Иона Овсейч выслушал, правый глаз сощурился, левый сделал круглый и неподвижный, как будто стеклянный протез.

Утром Клава Ивановна занесла в дворницкую ключи, Лебедева наотрез отказалась брать, пусть теперь сами побегают к товарищу Дегтярю, старуха цыкнула на нее, сказала, что в два счета можно выселить, и засунула связку ей в карман. Дворничка тут же выхватила, швырнула ключи наземь и закричала дурным голосом, что каждый строит из себя здесь пана, а люди должны терпеть и молчать. Клава Ивановна демонстративно закрыла уши, зашла в свое парадное, дворничка еще немного покипятилась, два раза вслух послала по матери свою жизнь, вдруг засмеялась и запела, картавя на "р": а ну-ка, девочки, а ну, красавицы!

В тот же день пришел техник из домоуправления, с ним

какой-то посторонний, по наружности и походке из села или района, сорвали бумагу с гербовой печатью, отперли двери, техник недолго покрутился, человек остался один, вынул из кармана молоток, буравчик, прибил снаружи два кольца, набросил замок и, перед тем как уйти, три раза крепко подергал.

Вечером, после работы, проходя мимо Граника, Катерина первым делом увидела замок — тяжелый, как будто заперли амбар или сарай с колхозным добром. Дети еще не вернулись из садика, Зиновий, как всегда, досиживал до полночи у себя в цехе, Катерина стала метаться по квартире, надо было что-то предпринять, немедленно известить товарища Дегтяря, но от полной неожиданности она до того растерялась, что забыла вообще, на каком свете находится. А тут еще через минуту влетела, как уторелая, свекровь и завопила своим истерическим голосом:

— Катерина, ты видела, что они сделали!

Катерина не ответила, выскочила без пальто на мороз, поднялась на третий этаж к товарищу Дегтярю, хотя понимала, что это полная бессмыслица — застать его дома в такое время, потом побежала на Тираспольскую площадь, там висит телефон-автомат, но, оказалось, что испорчен, монеты уходили, как в прорву, такая же картина повторилась на проспекте Сталина и улице Карла Маркса, словом, одно к одному: пришла беда — отворяй ворота.

Вернувшись домой, Катерина застала у себя Тосю, которая точь-в-точь повторила дурацкие слова свекрови:

— Ты видела, что они сделали!

— Не видела! — замотала головой Катерина, и вдруг набросилась на эту несчастную Тосю, обругала ее последними словами, неудобно даже повторять, а та сидела и молча, без единого звука, все выслушивала.

Бабушка Оля несколько раз пыталась пристыдить: "Катерина, Катерина, при чем здесь Тося!" — но невестка, пока полностью не выговорилась, так и не смогла остановиться.

До одиннадцати вечера Катерина еще трижды навевывалась к Ионе Овсеичу, звонила не переставая, как на пожар, напоследок специально вышла за ворота, чтобы проверить с улицы, горит ли в окнах свет, и возвращалась ни с чем. На другой день она несколько раз пыталась связаться по телефону, но результат был тот же: то вообще не поднимали трубку, то отвечал какой-то женский голос, Катерину в конце концов запомнили и на повышенных нотах объяснили, что товарищ Дегтярь очень занят и неизвестно, когда освободится, а если что-нибудь срочное, можно передать. Катерина сказала, да, срочное, и со злостью повесила трубку.

На третий день удалось, наконец, застать Иону Овсеича дома, Катерина по-прежнему вся клокотала, однако не успели начать разговор, как явилась новая троица: майор Бирюк, Ляля и Тося. Хозяин принял гостей радушно, извинился, что не успел приготовить угощение, и тут же высказал догадку: видимо, все по одному вопросу — насчет комнаты Граника.

Майор Бирюк удивился: "Дегтярь — ты настоящий Вольф Мессинг!" — хозяин не возражал и, в свою очередь, тоже обратился к гостям с шуткой: будем выбирать рабочий президиум или пустим на самотек?

Ляля и Тося промолчали, а Катерина грубо ответила: кому охота скалить зубы, пусть скалит, а ей не до шуток. Товарищ Дегтярь нахмурился, хотел, видимо, одернуть, но Катерина опередила, сломя голову первая бросилась в огонь и крикнула:

— Как не стыдно обманывать!

Гости немного растерялись, по лицам было видно, что чувствуют неловкость, особенно Андрей Петрович, один товарищ

Дегтярь держался по-прежнему и спокойно спросил:

— Обманывать? Кого обманывать?

— Меня обманывать, — еще громче закричала Катерина, — их обманывать, всех на свете обманывать!

— Катерина Чеперуха, — немного повысил голос товарищ Дегтярь, — я могу тебя выгнать, я могу вызвать милицию, и они втроем будут свидетелями, но я хочу показать тебе публично, при людях, что ты нахально лжешь!

— Я лгу? — Катерина прижала руки к груди. — Я лгу?

— Да, — повторил Иона Овсевич, — ты лжешь, и я требую, чтобы сейчас, в присутствии этих людей, среди которых один офицер Красной Армии, Герой Советского Союза, ты напомнила, что говорила насчет квартиры покойного Граника Катерина Чеперуха и что говорил Дегтярь.

Катерина смотрела во все глаза, как будто не узнает и пытается вспомнить, два или три раза глотнула слюну, на лице выступала гримаса боли, и, наконец, ответила: Дегтярь сказал, что пойдет в Сталинский райисполком и будет говорить.

— Дальше, — подстегнул Иона Овсевич.

— Я спросила: вы обещаете?

— Дальше.

— И сказала: я верю.

— Что ответил на это Дегтярь?

Катерина задумалась, прикусила мизинец зубами, опять выступила гримаса боли, но вдруг лицо просветлело, и она воскликнула:

— Вспомнила! А своему свекру, сказали вы, укороти немного язычок, а то теряет иногда меру.

— Ты не хитри, — рассердился Иона Овсевич, — и отвечай по существу, а то у тебя получается: в огороде бузина — в Киеве дядька!

— Это вы хитрите! — чуть не заплакала Катерина. — Я сказала "верю", и вы мне ответили: а своему тестю...

— Хватит, — перебил Иона Овсевич. — А теперь я спрошу: кто подъезжал к Дегтярю со всех сторон, называл родным отцом и заступником, кто бил себя кулаком в грудь за то, что в свое время обидел нашего дорогого Иону Овсевича! Но мало того, стакан сахара на стакан воды тебе показалось недостаточно, и тогда в ход пошел весь кулек: не могу представить себе, чтобы мир остался без товарища Дегтяря, такие люди должны жить по сто лет!

Катерина сидела бледная, как полотно, каждому было ясно, что Иона Овсевич не прибавил ни одного слова, у Андрея Петровича на переносице собрались морщинки, несколько раз рука тщательно разглаживала скатерть, хотя никакой надобности не было.

— Фу! — воскликнул Иона Овсевич. — Какой срам: опуститься до такой степени, чтобы полностью забыть собственное "я" и кадить обыкновенному человеку, своему соседу, словно какой-то бог Саваоф!

— На небеси, — прошептала Ляля.

— Если бы! — Иона Овсевич закрутил пальцем в воздухе. — А то здесь, во дворе.

Некоторое время сидели молча, у Катерины все мысли вылетели из головы, осталась одна-единственная: надо было взять топор, снести перегородку, забить дверь, которую Ефим переделал из окна, и пусть бы теперь побегали за ней, а она бы им показала. Катерина прижала ладонь к щеке, как будто разболелись зубы, вырвался тяжелый стон, товарищ Дегтярь воскликнул:

— Вот, вот о чем жалеет Катерина Чеперуха: она могла цапнуть у государства и так постыдно прозевала!

Андрей Петрович заступился, сказал, наоборот, она пере-

живает, что все так получилось, но Катерина сама опровергла: нет, она дура, набитая дура, которая понадеялась и поверила, что кто-то сделает за нее. Но это ей хороший урок, и она запомнит на всю жизнь.

— Правильно, — подхватил Иона Овсеич, — а каменщик Федор Пушкарь, у которого жена и двое детей, пусть до скончания века сидит в общежитии среди ремесленников из семилетки, зато Чеперуха имела бы свой танцкласс и гимнастическую залу!

— Действительно, — усмехнулась Ляля, накрашенные губы вытянулись в полоску, — даже дико слышать.

— А эти, — Иона Овсеич указал пальцем на Орлову и Тосю Хомицкую, — якобы заботясь о сиротке, которая сегодня живет в прекрасных условиях, дай Бог каждому, норовили обеспечить ее на десять лет вперед самостоятельной квартирой: неважно, что рядом люди живут в подвалах, неважно, что вообще не имеют своего угла и крыши!

Ляля с трудом дослушала до конца, сложила руки лодочкой и сделала виноватую мину, как напроказившая школьница: если бы она знала, что к Гранику хотят поселить целую семью, у нее бы даже язык не повернулся идти наперекор!

— Бедная, — пожалел Иона Овсеич, — а сама догадаться ты не могла!

Ляля скривила губы, опустила глаза и сказала: так уж мир устроен — когда ты сам здоров, кажется, что все здорово.

Катерина сидела как в столбняке, было впечатление, что разговор проходит мимо, Андрей Петрович слегка похлопал по плечу, она вздрогнула, осмотрела каждого по очереди, вроде вокруг одни незнакомцы, с трудом поднялась, сказала до свидания, голос осип, словно в последнюю минуту успела простудиться, и вышла.

Вслед за ней поднялась Тося, направилась к выходу, Иона Овсеич пытался остановить, Ляля схватила за руку, но напрасно: гостыя вырвалась и на прощанье хлопнула дверью.

Первые минуты сидели молча, майор Бирюк заметно маялся, как будто хотел переговорить с хозяином, но без свидетелей, Иона Овсеич дал Орловой задание на завтра — зайти к новому соседу, посмотреть, как устроился, — и проводил до дверей. Ляля уходила неохотно, машинально задержалась у порога, товарищ Дегтярь вдогонку пошутил: если ей так интересно, можно постоять за дверью и подслушать в замочную скважину.

Когда остались наедине, майор Бирюк положил руки на стол, пальцы сохраняли крепкий загар, даже странно среди зимы, и сказал:

— Дегтярь, я не хотел вмешиваться, но мне все это не нравится.

Хозяин помолчал, вроде колебался, отвечать или не отвечать, и спросил:

— Что именно тебе не нравится?

— Все не нравится, — сказал майор, — и как ты с ними разговариваешь, и как они с тобой разговаривают, а главное: если ты наперед знал, что исполком заберет комнату, зачем было зря обещать?

— Обещать? — переспросил Иона Овсеич. — Но ты же слышал своими ушами, что я ничего никому не обещал, а они сами истолковали мои слова так, как им хотелось.

— Значит, — стоял на своем майор, — твои слова были двусмысленны и давали повод надеяться, а надо было ясно и прямо сказать: нет.

Иона Овсеич встал из-за стола, прошел к окну, светила луна, на крыше противоположного дома серебрился снег, из трубы, как в сказках Андерсена, вился синий дымок, секунду-другую

смотрел, невольно любуясь, чуть-чуть вздохнул и сказал:

— Когда больной приходит к доктору, можно просто выслушать, прописать лекарство, и зай гезунд. Но настоящий врач прощупает, потискает, нажмет своими пальцами там, где пациенту кажется, что он совершенно здоров. И вдруг в ответ раздается: ой, болит! Это медицинская диагностика. Когда люди приходят к Дегтярю, он тоже мог бы просто сказать: да, нет. Но Дегтярь хочет сначала нажать, прощупать, пропальпировать человека со всех сторон, пока он не вскрикнет: ой, болит! И тогда человек сам увидит, что в действительности он не так здоров, как ему казалось. Это тоже диагностика, идеологическая диагностика, и я думаю посложнее медицинской: здесь и болезни опаснее, и лечить труднее.

Майор Бирюк внимательно смотрел своими зелеными глазами, внутри разгорался огонек, Иона Овсеич вернулся к столу, заложил руку под пиджак, растер грудь слева и укоризненно покачал головой: где бы найти такого доктора, чтобы мог вставить новый мотор!

— Овсеич, — сказал майор Бирюк, — тебе пора отдохнуть. Хозяин махнул рукой: какой отдых!

— Овсеич, — повторил майор, — тебе пора отдохнуть: не ради себя — ради других.

Товарищ Дегтярь поднял голову, прищурил правый глаз, на висках вздулись синие вены.

— Ради других, — продолжал майор, — чтобы люди могли спокойно вздохнуть и не гадать, где еще может нажать Дегтярь, чтобы спровоцировать боль и поставить диагноз.

— Майор Бирюк, — Иона Овсеич изо всех сил сдерживался, но руки и губы не слушались, — майор Бирюк, думай, что говоришь.

— Я солдат, — Андрей Петрович постучал пальцем по сто-

лу, — и говорю с тобой по-солдатски, а эти окрики оставь для своих баб и своего двора.

— У меня нет своих баб и нет своего двора, — сказал Иона Овсеич, — и повторяю: мне не нравится твой тон.

— Слушай, — майор Бирюк поднялся из-за стола, — слушай и мотай на ус: ты меня в прошлый раз обманул, как этих баб, я мог бы разделать тебя под орех...

— Уходи, — Иона Овсеич вскочил, стал напротив, теперь хорошо было видно, что он почти на целую голову ниже гостя, — уходи, и продолжим наш разговор в другом месте!

— Ах ты... — майор произнес нецензурные слова, — а я думал, мужик как мужик!

Иона Овсеич подошел к телефону, поднял трубку, набрал ноль два, номер милиции, Андрей Петрович громко засмеялся, как будто ему в самом деле весело, вырвал у хозяина из рук трубку, положил на место, Иона Овсеич невольно отшатнулся, гость легонько похлопал по плечу и пожелал спокойной ночи.

Часов в пять Иона Овсеич проснулся от сильной боли под ложечкой, отдавало в поясницу и позвоночник, поташнивало, волной откуда-то из живота подкатывал страх, держался минуту-другую в горле, затем отступал, но чувствовалось, что ненадолго, вернется опять, и действительно возвращался, Иона Овсеич взял кусочек сахара, накапал валидола, положил под язык, стало немного спокойнее, теперь надо было лежать неподвижно, как можно больше расслабить руки и ноги, чтобы сделались тяжелые, будто обложили со всех сторон грузом, и терпеливо ждать.

Минут через десять дыхание стало свободнее, Иона Овсеич почувствовал, что клонит ко сну, и почти заснул, но вдруг вспомнился вчерашний разговор с Андреем Петровичем, внезапный толчок изнутри достал до самого горла, и сонливость как рукой сняло. Опять усилилась боль, причем в этот

раз захватила все плечо до самого локтя, Иона Овсеич взял под язык еще кусочек сахара с валидолом, повернулся спиной к окну и наказал себе ни о чем не думать. Вначале получалось неплохо, перед глазами темнела оконная рама, стекла в нижней половине слегка прихватил мороз, но незаметно, сама собой, выделилась вертикальная стойка, сверху — поперечная перекладина, чуть-чуть скошенная, и получился крупный, как будто из железа, крест. Иона Овсеич отвел взгляд направо, но здесь, во втором окне, торчал точно такой же крест.

Конечно, все это были глупости и вздор, надо было просто плюнуть и не обращать внимания, но кресты из окон нахально маячили перед глазами, иногда даже появлялось дурацкое ощущение, будто колышутся и то приближаются, то отступают.

Иона Овсеич закрыл глаза, вроде бы немного отпустило, но тут ударила в голову новая глупость: закрытые глаза напомнили покойника. Захотелось повернуться, чтобы стряхнуть с себя всю эту чертовщину, Иона Овсеич мысленно начал уже поворачиваться, однако представил себе, как весь выпрямленный — ноги вытянуты, руки вытянуты, настоящий покойник, — и внутри так рвануло, так ударило, так завертело, что казалось: все, конец!

Рубаха промокла насквозь, тело ломило и крутило, как будто пбили палками, по щекам текли слезы, Иона Овсеич вспомнил свою Полину Исаевну — бедная, мучалась столько лет! — и, помимо воли, заплакал громко, со стоном и всхлипываниями. Хотелось, чтобы кто-то любил, по-человечески пожалел, сказал доброе, ласковое слово, опять встала перед глазами вчерашняя сцена с Андреем Петровичем, Иона Овсеич не мог понять, как он позволил себе так обойтись с гостем, и поклялся вслух, что сам первый, отбросив ложную гордыню, зайдет к нему и поговорит начистоту: здесь моя вина, а здесь, Андрей Петрович, — твоя.

Утром Иона Овсеич с трудом поднялся, мелькнула мысль полежать денек дома, но прошелся немного по комнате, выпил стакан крепкого чаю, кушать совсем не хотелось, машинально надел пиджак, кашне, ушанку, осталось снять с крючка лишь пальто.

В проходной, когда поздоровались, вахтерша из военизированной охраны сказала, что сегодня товарищ Дегтярь сильно бледный, наверно, грипп начинается, посоветовала принять таблетку аспирина, а на ночь обложить ноги горчичниками. В коридоре, словно нарочно сговорились, секретарша и плановик, одна за другой, сделали испуганные глаза, упрекнули Иону Овсеича, что в таком состоянии он позволяет себе подняться с постели, и пригрозили вызвать врача, если он сам не позаботится. Иона Овсеич кивнул головой, как будто в самом деле соглашается, и прошел к себе.

Впереди была целая гора неотложных дел, особенно по выборам, поскольку оставались считанные дни, люди не везде справлялись со своими обязательствами, а кой-кого приходилось отрывать от производства, чтобы могли больше внимания уделить пропагандистской работе на самой фабрике и среди населения. Кроме того, надо было лично, не перепоручая другим, проконтролировать, как обстоит дело с кабинами, ибо плотники такой народ, что готовы оттягивать до последней секунды.

В хождениях по цехам и разговорах прошло полдня, хуже не стало, но во всем теле сохранялась неприятная слабость, моментами казалось, надо сделать решительное движение, повернуть внутри какой-то винтик, краник, чтобы почувствовать себя опять здоровым и бодрым, но Иона Овсеич по опыту знал, что это ложное ощущение простоты, которое возникает как раз тогда, когда имеется меньше всего оснований.

После обеда он заперся в кабинете, позволил себе минут на тридцать-сорок прикорнуть в углу дивана, два или три

раза возникало сильное желание лечь по-настоящему, снять туфли, одежду, но, как говорится, лиха беда начало: тут только дай себе волю, а там покатишься — не успеешь ахнуть.

По окончании смены Иона Овсейч просил агитаторов задержаться на десять минут. В самом деле просидели около часа, у людей оказалась целая куча вопросов, надо было всех удовлетворить, по ходу беседы Иона Овсейч несколько раз особо предостерег каждого против одной довольно распространенной ошибки, когда полагают, что выборы в местные Советы — это, дескать, не выборы в Верховный Совет СССР, и потому можно относиться с прохладцей. Иные из присутствующих вначале сделали вид, будто их это не касается, но затем нашли в себе мужество чистосердечно признать, что и за ними водится такой грешок.

Проводив агитаторов, Иона Овсейч наведалься в раскройный цех, здесь было узкое место, откуда начинались первые миллиметры брака, которые вырастали порою до рекламаций на десятки тысяч, побеседовал с людьми, спросил, какие у кого претензии к начальству, все записал в блокнот, но, в свою очередь, предупредил, что никаких скидок, никаких поблажек лентяям и бракоделам не будет, а с завтрашнего дня, хотя немного испортим предпраздничное настроение, начнем вывешивать имена лодырей для общего обозрения. Мастера и рабочие целиком поддерживали, сами предложили выбрать тройку для проверки и контроля, тут же наметили кандидатуры и проголосовали.

На улице кружил мелкий снежок, слегка пощипывал мороз, Иона Овсейч вдохнул поглубже, чуть-чуть затошнило, появилась слабость в ногах, но быстро прошло и теперь, наоборот, все тело стало крепче и вроде моложе. Вспомнилась давняя песня: "Мы маленькие дети, мы очень любим труд", — Иона Овсейч запел вполголоса, ускорил шаг и, перебирая в уме

минувший день, еще раз убедился, как он был прав, что не поддался желанию остаться дома, в своей постели, а, напротив, заставил себя подняться, выйти на работу и провести обычный день, как будто абсолютно здоров и все эти его печенки-селезенки в полном ажуре.

На вечер он себе запланировал заново проштудировать тезис товарища Сталина насчет базиса и надстройки, в частности, то место, которое касается обратного момента, а именно, влияния надстройки, то есть идеологии, на экономику, однако пришлось отложить, поскольку вслед за ним, буквально по пятам, появился майор Бирюк. Можно было подумать, что человек прятался в коридоре и дал хозяину время только раздеться, в иной обстановке это был бы неплохой повод для шутки, но после вчерашнего, конечно, требовалась другая нота.

Гость был одет в домашнее, байковая куртка с шалевым воротником, видимо, привез из Германии, коричневые штаны с черными, похожи на муаровую ленту, манжетами, руки глубоко заложены в карманы, на лице приветливая улыбка — словом, по внешнему виду никто бы не подумал, что накануне с этим человеком у хозяина дома произошла неприятная перепалка.

— Посмотреть на тебя, — лукаво улыбнулся Иона Овсеич, — прямо бургер из Дрездена или Веймара.

Гость махнул рукой, сам взял стул, присел к столу и немного задумался. Хозяин присел напротив, потер пальцами виски, веки, Андрей Петрович сделал хозяину упрек, что совсем не щадит себя: поглядишь — бледность такая, словно только что из каземата.

Минуту-другую помолчали, гость поглядывал на хозяина, ожидая начала разговора, однако хозяин не начинал, и Андрей Петрович решился первый сделать почин:

— Овсеич, — сказал он, — то, что вчера произошло, забудь.

Хозяин по-прежнему молчал, непонятно было, слушает или не слушает, майор Бирюк поерзал на своем стуле, почесал затылок, прокашлялся и добавил:

— А я уже забыл. Всю ночь, поверишь, дрянь перед глазами мельтешила. Туда повернись, сюда повернись — а она за мной. Тьфу!

Майор засмеялся, Иона Овсеич внимательно смотрел, скривил губы, то ли усмешка, то ли боль, и произнес:

— Забыть, говоришь? Ну, хорошо, забыть так забыть.

Андрей Петрович насупился, черные точки на носу сделались заметнее и крупнее, кожа вокруг залоснилась, как будто смазали жиром, и покачал головой:

— Ты как наш полковник Полуян: хороший мужик, но не дай Бог наступить на любимую мозоль — в гробу будет помнить.

— Меня не интересует ваш полковник Полупьян! — вдруг повысил голос Иона Овсеич. — И давайте без сравнений, майор Бирюк! Дегтярь любит ясность: день — это день, а ночь — это ночь.

— Ты что? — опешил Андрей Петрович. — Перебрал, что ли?

Иона Овсеич откинулся назад, правый глаз сощурился, левый сделался совсем круглый, гость, в свою очередь, наклонил голову, маленькие зеленые глаза смотрели в упор, так сидели полминуты или больше, наконец, майор не выдержал, отвел взгляд и засмеялся:

— Ну, Овсеич, ты кремень.

Хозяин сохранил свою позу, левый глаз немного ожил, гость вздохнул и пожал плечами:

— Черт его знает, все у вас на гражданке шиворот-навыворот: идешь мириться — а тебя хлопбыть по сопатке, и ты же еще виноватый.

— По сопатке! — с ударением произнес Иона Овсеич. — Не как-нибудь иначе, а именно так: по сопатке!

— Слушай, — Андрей Петрович привстал, отодвинул стул, — в конце концов, я к тебе не за русской грамотой пришел: хочешь говорить по делу — давай, не хочешь — аллес гутен и ауф видерзеен!

Иона Овсеич машинально подался вперед, хотел сказать гостю, пусть сядет, но вместо этого сам поднялся, вышел из-за стола, остановился возле дивана, слегка взбил подушку, поправил одеяло, майор Бирюк сперва молча наблюдал, потом громко сплонул, повернулся и хлопнул дверью. Иона Овсеич минуту стоял в задумчивости, опять дало знать себя сердце, словно иглой ткнули изнутри под лопатку, на всякий случай принял несколько капель валидола, разложил на столе выписки к работе товарища Сталина по проблемам языкознания и с ходу углубился. Поначалу мысли строго работали в нужном направлении, затем, видимо, по ассоциации, вспомнился известный горе-языковед академик Мещанинов, которому товарищ Сталин со всей откровенностью сказал, что если бы лично не знал его, то мог бы подумать, что имеет дело с сознательным врагом, но тут же, уже без всякой связи, встал перед глазами Андрей Петрович, и получилось, как будто слова товарища Сталина адресованы не академику Мещанинову, а майору Бирюку: если бы лично не знал его, то мог бы подумать, что имеет дело с сознательным врагом.

— Глупости, — произнес вслух Иона Овсеич, однако внутри оставался какой-то осадок: вроде бы то, да не то.

Возле буфета на стене висела клеенка, еще покойная Полина Исаевна повесила, чтобы пар из чайника не портил обои, большие зеленые клетки связаны звеньями, как решетка, а по бокам что-то красное — морковка или редиска. Минуту-другую Иона Овсеич рассматривал спокойно, но постепенно

нарастал раздражение против этой заведомой нелепости: какая-то тюремная решетка — и редиска! Иона Овсеич взялся опять за конспекты, хотел углубиться, но не получалось, встал со своего стула, чтобы пройтись немного по комнате, сделал несколько шагов от окна к двери и обратно, затем даже не успел осознать и проконтролировать, внезапно повернул к буфету, рванул со стены клеенку, бросил на пол и притоптал ногой.

На душе стало полегче, можно было только удивляться, от каких пустяков зависит порою человеческое настроение, зафутболил клеенку в самый угол и засмеялся от удовольствия, такой меткий был удар.

На стене за долгие годы образовался большой темно-бордовый прямоугольник, вернее, здесь обои сохраняли свой настоящий цвет, но, поскольку вокруг они сильно поблекли, неестественно ярким казался именно этот кусок. Обычная картина: все должно находиться в одинаковых условиях и меняться равномерно, иначе неизбежно получится разнобой. Вещи, как люди, взять хотя бы того же майора Бирюка: командир Красной Армии, полная грудь орденов, но просидел несколько лет в Германии, пусть даже наша зона, и что-то такое появилось в характере, во взглядах, в настроениях.

— Железный занавес! Они еще твердят про какой-то железный занавес! — невольно вырвалось вслух, Иона Овсеич тяжело вздохнул, налил из термоса воду в чайник, довел до кипения, насыпал в стакан ложечку заварки, выпил без сахара и снова сел за работу.

Лег довольно поздно, было уже около двух, однако никак не мог заснуть: каждый раз заново сама собою завязывалась полемика с Бирюком, тот кочевряжился, петушился, но, в конце концов, шел на попятный. Вроде бы можно было испытывать удовлетворение, тем не менее, внутри оставался непри-

ятный осадок, приходили на ум двадцатые годы, кулак с обрезом за пазухой, скрытые подкулачники, злобный старик Киселис, болтун и антисоветчик Лапидис, Иона Овсеич пытался прогнать всех этих непрошенных гостей, но, когда начинаются воспоминания, это как снежный ком: чем дальше катится, тем больше обростает. Ушел Лапидис — пришел несчастный дурачок Ефим Граник, за ним Иосиф Котляр, потом доктор Ланда, но не теперешний, а тот, еще из первых лет советской власти, когда держал свой частный кабинет венеролога-дерматолога.

— Компания, — невольно воскликнул Иона Овсеич, — та компания!

Утром Иона Овсеич с трудом поднял голову: всю ночь напролет снились какие-то люди в балахонах, с пятнами крови, как американские куклуksклановцы. Они двигались нескончаемой процессией, ровными рядами, в узких прорезях жутко зияли глаза, причем одна пара до того была похожа на другую, словно одни и те же глаза отражались и повторялись в тысячах зеркал.

По совету, который давала еще когда-то мать, чтобы забыть дурной сон, Иона Овсеич сразу глянул в окно, однако тут же выяснилось, что все гораздо проще и ничего таинственного нет: по радио, из Москвы, передавали о преступной банде врачей-убийц, ухо, перед пробуждением, успело услышать, но сознание еще не вполне переработало. Иона Овсеич не мог себе простить, что так заспался и пропустил важное сообщение, но через час-полтора, придя на фабрику, прочитал уже полный текст в газете "Правда": "Уважаемый товарищ редактор! В мой адрес поступили многочисленные письма и телеграммы с выражением патриотических чувств по поводу разоблачения преступников врачей-убийц. Не имея возможности ответить каждому в отдельности, прошу через Вашу газету передать

мою сердечную благодарность всем организациям, учреждениям, воинским частям и отдельным лицам, поздравившим меня с награждением орденом Ленина за помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врагов советского народа. Лидия Тимашук. 9 февраля 1953 года”.

Газета была за одиннадцатое число, Иона Овсеич немного удивился, что дали с опозданием на два дня, внимательно просмотрел каждую страницу, но больше никаких материалов на эту тему не нашел. Собственно, одного такого письма было вполне достаточно: в последние дни могло показаться, что люди уже призабыли об этих убийцах в белых халатах, но сегодняшние газеты дали новую встряску, и буквально через четверть часа в партбюро стали приходить из цехов, из отделов, чтобы поговорить лично с товарищем Дегтярем, так кипело и перекипало на душе. Люди были убеждены, что товарищ Дегтярь знает, конечно, больше, чем написано для всех остальных в газете, каждый претендовал на особое доверие, Иона Овсеич внимательно заглядывал в глаза, затем решительно разводил руками и со всей ясностью отвечал: все, что надо, написано в газете — теперь остается ждать сообщения из прокуратуры и суда.

Прокуратура и суд — это было новое по сравнению с тем, что давали газеты, люди уходили польщенные и вдвойне довольные: во-первых, товарищ Дегтярь все-таки пошел на откровенность, во-вторых, новость — это новость.

Вечером в гости пожаловал Иона Чеперуха. От него за три версты разило перегаром, но на ногах держался твердо и глупостей не молол. Наоборот, с самого начала заявил, что на его совести лежит несмываемое пятно грязи, поскольку в свое время не отправил Лидии Тимашук благодарность от собственного имени. Товарищ Дегтярь сказал, что это никогда

не поздно сделать, Чеперуха в ответ замотал головой, как лошадь, кулаком ударил себя в грудь и закричал:

— Я подлюга, и не уговаривай меня! Сволочь и подлюга!

Хозяин пытался уговорить, но гость так разошелся в проклятиях на собственную голову, что поневоле стало закрадываться сомнение, а не притворство ли это и маскировка. Действительно, спустя несколько минут, едва Чеперуха коснулся доктора Ланды, догадка полностью подтвердилась. Правда, он не отрицал огулом, что всякие там Коганы, Вовси, Виноградовы — это матерые враги народа, но среди них, сказал он, наверно, попались и невинные, вроде того же Ланды.

— Чеперуха, — товарищ Дегтярь плотно закрыл глаза, — будем считать, что ты ко мне не заходил и никаких разговоров с тобой не было.

Нет, запротестовал гость, он заходил и были разговоры, но за доктора Ланду, которого он знает лично, как свои пять пальцев, готов дать голову на отсечение, что тот не виноват и взяли по ошибке, за компанию.

— За компанию? — переспросил Иона Овсеич.

Да, подтвердил Чеперуха, и пошел еще дальше: он потребовал, чтобы двор написал коллективное письмо Лидии Тимашук, которая знает всю правду, и просил ее лично заступиться перед Правительством за нашего доктора Ланду.

— Ты что, — опешил товарищ Дегтярь, — совсем с ума сошел или притворяешься?

Нет, сказал Чеперуха, причем голос был абсолютно трезвый, он не сошел с ума и уже заготовил письмо: пусть товарищ Дегтярь и остальные прочтут и подпишут.

Письмо было отпечатано на машинке, довольно грамотно составлено, Иона Овсеич читал и не верил своим глазам: это было что-то совершенно новое для Чеперухи, или оставалось одно — предположить, что здесь действует чья-то опытная рука.

— Хорошо, — сказал Иона Овсеич, аккуратно сложил листок и спрятал в боковой карман. — Можешь идти.

Чеперуха остановился в раздумье, в это время зазвонил звонок, хозяин открыл дверь и впустил майора Бирюка.

— О, — обрадовался Чеперуха. — Овсеич дай ему письмо, пусть подпишет и обязательно укажет, что Герой Советского Союза.

Товарищ Дегтярь ответил, что будет сам решать, в каком порядке знакомить людей с подобным документом, но майор Бирюк проявил такой интерес и настойчивость, что пришлось уступить.

Читая строку за строкой, майор все выше поднимал брови, на лбу собрались толстые, как палец, складки, и, наконец, воскликнул:

— Ну, Дегтярь, это провокация! Это настоящая провокация!

— Провокация? — Чеперуха притворился, будто не понимает. — Какая провокация?

— А я говорю, — закричал своим зычным голосом майор Бирюк, — что это — типичная провокация!

— А я говорю, — в тон майору ответил старый Чеперуха, — что ты поц! Последний поц!

У Андрея Петровича в глазах загорелись зеленые огоньки, было впечатление, что сейчас набросится с кулаками, но Иона Овсеич встал между одним и другим, напомнил, кто здесь хозяин дома, и потребовал, если хотят драться, пусть ищут другое место.

— Ты прав, — быстро взял себя в руки майор, — ты прав, Иона Овсеич. Но эту провокацию я так не оставлю.

Чеперуха стоял неподвижный, как будто ноги приросли в полу, смуглое лицо в морщинах заметно побледнело, но никакого страха, никакой растерянности не было, наоборот,

человек явно ждал драки и демонстративно сжимал свои кулаки старого биндюжника.

— Вот так, — спокойно произнес Дегтярь, — а сейчас можете говорить.

Теперь, когда обстановка сделалась более или менее нормальной, Андрей Петрович заявил, что говорить здесь нечего, ибо все и так ясно: выходит, органы власти ошибаются, зря сажают невинных людей, а Чеперуха пишет протесты и подбивает других.

— Послушай, — Иона хлопнул себя руками по бокам, — я целую жизнь прожил с доктором Ландой в одном доме, человек прошел от первого до последнего дня всю Отечественную войну, так неужели кто-то другой может судить и знать про доктора Ланду больше, чем я!

— Значит, — с ходу парировал майор Бирюк, — если бы ты жил в одном доме с Коганами и Вовсями, ты бы и про них мог судить правильнее, чем наши органы власти, которые специально занимаются этими вопросами?

— А что такое, — опять повысил голос Чеперуха, — они святые и не могут ошибаться?

— Ты брось эти свои одесские шуточки, — погрозил пальцем майор, — отвечать вопросом на вопрос.

— Разве он отвечает вопросом на вопрос? — сказал товарищ Дегтярь. — По-моему, он снова подтверждает то, что говорится в письме: да, органы власти ошибаются и сажают невинных людей.

— Овсенч, — Иона рассек ребром ладони воздух, — не шейте мне дело: Чеперуха всегда стоял за правду и знает, где Москва, где Кремль, и к кому надо обращаться.

— Ну, — кивнул товарищ Дегтярь, — а где те люди, которые печатали с тобой на машинке, их адрес, ты, конечно, тоже знаешь?

— Нет, адрес, где живут эти люди, я тебе не скажу. А кто печатал, это я тебе скажу: Чеперуха печатал, — Иона поднял указательный палец, — вот этим пальцем.

Товарищ Дегтярь и майор Бирюк, оба, несколько секунд стояли молча, внимательно рассматривали этого нахала и грубияна, который пытался отделаться шуточкой, пока, наконец, не надоело:

— Да кто тебе поверит! — Майор вынул руки из карманов и сложил на груди. — Ты же двух слов по-русски грамотно сказать не можешь.

Чеперуха поднес большой палец к зубам, откусил, как будто сильная досада, край ногтя, но ответил довольно миролюбиво:

— От свиньи рождаются свиньи, от слона рождается слон, а мой сын — инженер с высшим образованием.

— Цыц-пердыц бараньи яйца! — засмеялся майор.

— Прекратите! — неожиданно крикнул Иона Овсеич. — Прекратите этот балаган!

Андрей Петрович невольно выпрямился, по осанке, хотя и в гражданской одежде, было видно, что кадровый солдат, зато Чеперуха окончательно распоясался: показал товарищу Дегтярю фигу, потом согнул правую руку в локте, левую положил поперек и так помахал из стороны в сторону.

— Сам съешь! — тут же реагировал Иона Овсеич. — И похлебкой на сорокаградусном морозе будешь закусывать!

Андрей Петрович хотел схватить Иону за руки, скрутить и выгнать вон, так бурлило внутри, но хозяин своевременно остановил: здесь не хватало только мордобоя и милиции.

Чеперуха потребовал назад свое письмо, Иона Овсеич демонстративно повернулся спиной, старик пощипал языком, пошел к выходу, остановился у порога и громко, с упреком, с угрозой, сказал:

— Вы! Гражданинчики!

Наружная дверь хлопнула с такой силой, что в буфете зазвенели стаканы.

— Ну, Овсеч, — воскликнул майор Бирюк, — теперь я тебя понимаю!

Иона Овсеч зажал рот ладонью, глаза остекленели, Андрей Петрович осторожно взял за плечо и попросил письмо, он завтра же зайдет в эмвэдэ, и пусть товарищи займутся. Иона Овсеч не отвечал, возможно, вообще не слышал, Андрей Петрович повторил еще раз и слегка похлопал по спине.

Хозяин поднял голову, в глазах была тяжелая, за многие дни и годы, усталость, и сказал осипшим голосом:

— Зачем? У тебя отпуск. Ты еще успеешь, Андрей Петрович.

Ну нет, возразил майор, для такого дела отпусков не существует: тут надо бить в три колокола, тут надо поднять всех на ноги.

— Ты прав, — согласился товарищ Дегтярь, однако повторил, что сам займется, и письмо оставил у себя.

Андрей Петрович пожал плечами, в глазах было что-то не совсем понятное: то ли какое-то удивление и недоверие, то ли просто недоумение.

Когда гость ушел, Иона Овсеч опять прочитал письмо, мысленно представил себе все сцены, все разговоры за минувший вечер, и возникло отчетливое чувство, что слишком увлеклись и обсуждали такое, чего не следует, ибо раз обсуждают, выходит, есть сомнения и есть необходимость.

На другой день Иона Овсеч так закрутился по предвыборным делам, что поневоле забыл про Чеперуху с его письмом. Однако поздно вечером, воротясь домой, он нашел у себя в замочной скважине записку от майора Бирюка, который просил позвать его, как только хозяин вернется. Первое ощущение, когда прочитал бумажку, было такое, как будто кто-то

подстерегал за углом и с размаху хлопнул по затылку, от неожиданности екнуло сердце, а потом стало досадно и стыдно, что испугался из-за какого-то пустяка.

Было еще довольно рано, начало одиннадцатого, Иона Овсевич снял шапку, пальто, кашне, немного пригладил ладонями волосы с боков и направился к двери, чтобы идти за майором Бирюком. В коридоре, однако, приостановился, несколько секунд потоптался на одном месте, поворачиваясь то туда, то сюда, пока, наконец, не решил, что нечего в такое время бежать к соседу по первому зову.

В квартире за хлопотами по хозяйству — поставил на плитку чайник, нарезал хлеба, колбасы, почистил головку лука, присыпал солью, чтобы успел пропитаться, — окончательно прошло это неприятное дерганье изнутри, Иона Овсевич уже рассчитал, что через десять-пятнадцать минут опять сможет сесть за свои конспекты и выписки, но не успел отужинать, как появился майор Бирюк. Первым делом гость поздоровался, привел восточную мудрость — если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе — и сообщил, что один раз уже приходил, оставил в дверях записку.

После небольшой паузы товарищ Дегтярь кивнул головой: да, оставил. Андрей Петрович нахмурился: значит, прочитал, почему же не зашел?

— Ну, — хозяин налил гостю чаю, придвинул поближе сахарницу, — по-моему, это надо было понимать как просьбу, а не в приказном порядке.

— Знаешь что, — с ходу повысил голос майор, — я этих ваших местечковых хитростей не люблю: по-моему, по-вашему, по-ихнему! В эмвэдэ заходил?

Хозяин неторопливо отрезал кусок хлеба, намазал маслом, сверху посыпал сахаром, положил на блюдечко и подал гостю:

— Кушай, Андрей Петрович, это очень вкусно: меня научила моя покойная мама.

— Так, — забарабанил майор двумя пальцами по столу, — в эмвэдэ не заходил, ясно.

Хозяин намазал себе точно такой же ломоть, как гостю, отломил уголок, хорошо разжевал, по выражению лица было видно, что очень вкусно, запил глотком чаю и сказал:

— А из чего ты делаешь такой уверенный вывод, что не заходил?

— Слушай, — по-настоящему начинал сердиться майор, — ты можешь прямо ответить — был, не был — или будешь разводить эту жвачку!

— А зачем же я буду тебе отвечать, — удивился Иона Овсевич, — коли ты сам уже наперед все знаешь.

— Я ничего не знаю наперед, — сказал Андрей Петрович, — я просто делаю предположение.

Иона Овсевич потер пальцами подбородок и задумчиво произнес:

— Предположение — это гипотеза, а гипотезы не строятся на голом песке.

Майор Бирюк расставил локти на столе, подпер голову ладонями, маленькие глазки смотрели в упор, пухлые веки от напряжения еще сильнее набрякли, у Ионы Овсевича опять возникло впечатление, даже не впечатление, а скорее какое-то воспоминание, что эти пухлые веки, эти маленькие зеленые глаза, этот недобрый взгляд он уже встречал где-то в конце двадцатых — начале тридцатых годов, когда посылали по коллективизации на село.

— Слушай, Андрей Петрович, — неожиданно перешел на другую тему товарищ Дегтярь, — откуда ты сам будешь родом?

Гость по-прежнему молча смотрел, словно не к нему об-

рашаются, Иона Овсеич чувствовал, как под этим взглядом растет внутри что-то враждебное, причем невозможно было объяснить, откуда и почему. Но тут же на ум сама собой лезла всякая чепуха, вплоть до того, что вспомнилась одна кулацкая семья из Цебрикова, обрусевшие немцы, где, кроме отца, было трое сыновей, все здоровые, как бугаи.

— Овсеич, — наконец заговорил гость, — ты у меня в ширинку не заглядывай, а то я могу тоже заглянуть. Понятно? Или требуется крупным планом?

Иона Овсеич вздрогнул, вроде через все тело прошел озноб, но быстро справился и попросил гостя, чтобы дал крупным планом, а то получается непонятно. Майор переменял позу, сел вполоборота, теперь перед глазами было окно, под ветром раскачивался фонарь, сверху, на тарелке, целая шапка снега, удивительно, как могла столько времени удерживаться, громко вздохнул и сказал:

— Не ладится у нас с тобой. А кто виноват?

— Майор Бирюк, — осипшим голосом произнес хозяин, — я прошу уточнить насчет ширинки: что ты имел в виду?

Андрей Петрович опять повернулся лицом к хозяину, развел руками, улыбнулся и объяснил, что ничего не имел в виду, а сказал просто так.

— Просто так? — переспросил товарищ Дегтярь. — Ну, хорошо, просто так, значит, просто так.

Гость посидел еще несколько минут, поерзал на своем стуле, приподнял рукав над часами и спохватился, что так поздно засиделись.

— Ничего, — успокоил хозяин, — зато большое дело с тобой сделали.

Майор хотел напоследок еще раз спросить насчет письма, но Иона Овсеич буквально перехватил мысль и первый обратился:

— Ну, как, Андрей Петрович, так будем наводить справки в органах, заходил Дегтярь или не заходил?

— Овсеич, — иерьез обиделся гость, — ты из меня дурака не делай: я тебе верю, как самому себе.

Товарищ Дегтярь поблагодарил на теплом слове и миролюбиво, в голосе появилась дружеская нота, сказал: значит, коли есть обоюдное желание, можно найти общий язык.

Когда захлопнулась дверь и на чугунной лестнице послышались шаги, Иона Овсеич вернулся в комнату, остановился в задумчивости возле книжной этажерки, на первой и второй полках стояла политическая и философская литература, покачал головой и громко произнес:

— Ах, сукин сын!

Ночь прошла неважно: со стороны сердца вроде бы ничего особенного, один раз взял кусочек сахара, пять-шесть капель валидола, но во всем теле держалось чувство какого-то неудобства — куда ни повернешься, все не так. Уж лучше бы где-нибудь в одном месте болело.

Подстать самочувствию, в мыслях тоже была какая-то неразбериха — то искал примирения с Бирюком, хотя особенно и не ссорились, то, наоборот, хотелось довести до высшей точки, чтобы можно было, наконец, точно указать пальцем: здесь и здесь плохо, а здесь, допустим, неплохо. Лишь под утро, когда встал, чтобы умыться, и для разминки прошелся по комнате, отчетливо появилась досада на самого себя из-за того, что мармеладничал с Бирюком и позволил ему, по сути, контролировать поступки и поведение Дегтяря.

Иона Овсеич опять вспомнил всю перепалку насчет эмвэдэ и прибавилась новая досада: получилось, вроде он испугался, смалодушничал перед Бирюком, ибо тот чуть не учинил ему настоящий допрос, а он петлял и увиливал от ответа. А на самом деле надо было вообще не отвечать и сразу одернуть:

не ваше дело, гражданин Бирюк, не вам указывать и не вам нас контролировать!

У ворот подкарауливал Чеперуха, получилось немного неожиданно: можно было предполагать, что у него хватит терпения дотянуть до вечера. Товарищ Дегтярь прошел мимо, не останавливаясь, Иона на секунду замешкался, но тут же догнал и сразу — ни доброго утра, ни здарсьте — потребовал свое письмо. Товарищ Дегтярь продолжал идти, однако биндюжник есть биндюжник, схватил за рукав и стал орать на всю улицу, что это низкий обман — забрать у человека письмо и распоряжаться как будто своя личная собственность. Люди вокруг оглядывались, некоторые останавливались и наблюдали, Иона Овсеич тихо, сквозь зубы, предупреждал Чеперуху по-хорошему, чтобы прекратил этот уличный балаган, а тот еще сильнее разошелся и закончил прямо хулиганскими выкриками, угрожая свернуть шею, как паршивой курице. Был момент, когда Иона Овсеич уже засунул руку в карман, чтобы вынуть письмо и швырнуть в лицо этому смутьяну, лишь бы положить конец омерзительной сцене, но, к счастью, не успел: Чеперуха как раз израсходовал полностью свой заряд, харкнул на снег, слюна была красноватая, с кровью, видно, из десен, и заявил, что отсюда прямым ходом он идет в эмвэдэ, сам все расскажет, а наши чекисты хорошо умеют разбираться, где настоящие враги и где настоящие друзья.

— Иди, иди, — в сердцах крикнул Иона Овсеич, — пока за тобой не пришли!

На фабрике плотники, наконец, раскатались по-настоящему, и в помещении агитпункта уже стоял целиком готовый каркас на все шесть кабин для избирателей. Бригадир заявил, что деревянные работы можно было бы сегодня закончить, если бы кладовщик не тянул с фанерой.

— Фанера будет, — сказал товарищ Дегтярь, немедленно

вызвал кладовщика, дал ему хороший нагоняй, затем пригласил к себе председателя фабкома и поручил ему лично проследить, чтобы строители в агитпункте были своевременно обеспечены всеми необходимыми материалами.

После обеда плотники опять пришли с жалобой: красной материи для обивки дали в обрез, чуть возьмешь на гвоздь, от сильной натяжки сразу лопается. Получается, плотникам надо больше, чем всем, а остальным это дело до одного места.

Товарищ Дегтярь вторично вызвал к себе председателя фабкома и в присутствии людей устроил ему такую баню, что тот выскочил буквально ошпаренный и на ходу искал по всем своим карманам носовой платок, чтобы вытереться. Людям понравилось, они полностью поддержали товарища Дегтяря, потому что этим фабкомовским начальникам дай только почувствовать, где послабее, как они забывают, кто для кого: рабочие для них или они для рабочих.

В суতোлке дня Чеперуха отодвинулся далеко на задний план, но к вечеру, когда напряжение пошло на спад, Иона Овсеич вспомнил его угрозу: самому зайти в эмвэдэ и все рассказать. Вообще, получилось не совсем хорошо: письмо, конечно, надо было оставить у себя, это правильно, но все-таки следовало поговорить с человеком по-другому. А теперь, если он действительно осуществил свою угрозу, может завариться целая каша. Несомненно, раньше или позже все станет на свое место, но надо было найти ключ, тем более что Чеперуха — это далеко не доктор Ланда, которого он готов так рьяно защищать. Просто у человека на секунду повернуло мозги набекрень.

Иона Овсеич решил, что сегодня же наведается к Зиновию, и, если старик еще не успел напороть горячку, можно будет обсудить и договориться. А что касается Бирюка, надо раз и навсегда ему указать: вот здесь, пан майор, имение, а здесь — вода.

Наконец, стало спокойнее, прекратилась эта дурная свистопляска, когда все, как в комнате смеха, выглядит наоборот: большое кажется маленьким, а маленькое — большим. В проходной Иона Овсеич пощупал радиаторы, хорошо ли прогреты, натянул на руки вахтерские рукавицы, несколько раз с силой хлопнул, вернул хозяину и на прощание пощупил: теплынь такая — как бы не разморило в сон.

На улице Ленина зашел в гастроном, взял двести граммов колбасы, сливочного масла не было, продавщица сказала, есть чудесный смалец, сегодня только получили, Иона Овсеич поблагодарил, но отказался и объяснил, что у него побаливает справа, наверно, печень, а при печени жирное не рекомендуется. Продавщица махнула рукой: не надо обращать внимания, кому суждено, тому суждено, а вечно оберегаться — только себе и другим портить жизнь. Хорошо, сказал Иона Овсеич, пусть взвесит сто граммов. Продавщица посоветовала взять двести, а жена дома поджарит с луком, и будет не хуже коровьего масла. Иона Овсеич прикрыл глаза, немного поднялись брови, на лбу собрались морщины, и покачал головой: не надо двести, сто граммов достаточно. Продавщица посмотрела налево, направо, наклонилась вперед и произнесла скороговоркой, шепотом:

— Приходите завтра, я вам оставлю полкило масла.

У продавщицы были красивые белые руки, чистые ногти, просто приятно посмотреть, в ушах небольшие сережки, золотые с красными камешками, видимо, рубин, на шее две-три складки, свежий, хорошо накрахмаленный халат, плотно облегающий бюст, и приятная, добрая улыбка. Иона Овсеич поблагодарил, не хотелось выходить на холодную улицу, но кассирша уже начала поглядывать в их сторону, становилось чересчур заметно, он попросил еще кусочек бумаги, чтобы лучше завернуть смалец, продавщица велела положить на

прилавок, она сама, и в одну секунду упаковала. Забирая сверток, Иона Овсеич невольно обратил внимание на свои руки, местами следы чернил, какие-то пятна, давно пора остричь ногти, побыстрее, как будто школьник, втянул пальцы в рукава, сделал строгое лицо и быстро вышел из магазина. На улице он остановился возле витрины, со стороны можно было подумать, что человек рассматривает оформление или изучает ассортимент, а на самом деле просто захотелось еще раз поглядеть на эту женщину, которая всем своим видом давала почувствовать домашнее тепло и уют.

Подымаясь по улице Розы Люксембург, Иона Овсеич невольно возвращался в мыслях к магазину, но впереди ожидали насущные дела, и они быстро взяли верх над пустыми грезами.

Дома, едва Иона Овсеич отворил дверь, раздался телефонный звонок. Трудно было даже представить себе, откуда в такое время могут звонить, однако тут же, подняв трубку, он услышал голос Ляли Орловой. По ее словам, она уже целый час пытается связаться с фабрикой, с квартирой, но ни оттуда, ни оттуда никто не отвечает, и вот, наконец, ей повезло.

— Короче, — перебил Иона Овсеич, — в чем дело?

Ляля ответила, что это разговор не для телефона, и через пятнадцать минут она зайдет. Нет, возразил товарищ Дегтярь, через пятнадцать минут она не зайдет, потому что сию минуту он спускается к Чеперухе, а когда освободится, предсказать трудно. В ответ Ляля вскрикнула:

— Так вы уже все знаете!

У Ионы Овсеича неприятно екнуло сердце — значит, старый дурак успел напороть горячку, — но отреагировал внешне спокойно: ладно, пусть Орлова заходит, он будет ждать.

Дальше медлить нельзя было, следовало тут же конкретно наметить линию и план действий в ответ на глупости, которые наделал со страху этот бравый биндюжник. Однако на деле

все оказалось так, что даже в голову не могло прийти: мало того, что старик не сидел тихонько у себя дома, как всякий нормальный человек, пока никто не трогает, мало того, что не побежал, как можно было ожидать после его угрозы, на улицу Бебеля, он еще стал ходить самолично по квартирам и собирать подписи среди жильцов в пользу Ланды! Тут уже одно из двух: либо человек окончательно рехнулся, либо получает-ся, что действительно Бирюк прав и надо было немедленно принять меры, а Дегтярь прошляпил. Правда, ни один жилец не дал своей подписи, и это, конечно, большой плюс, но, с другой стороны, никто, кроме Дины Варгафтик, не прибежал к Орловой, Малой, Дегтярю или просто к соседу, чтобы вместе возмутиться и дать отпор гнусному шантажу и провокации.

Иона Овсеич быстро шагал вокруг стола, лицо такое изможденное, что просто больно смотреть, Ляля в душе ругала себя за спешку, надо было дать человеку хотя бы спокойно поспать ночь, наконец, он остановился и спросил, знает ли об этой истории майор Бирюк. Ляля пожалала плечами, мол, не все ли равно, а товарищ Дегтярь вдруг набросился на нее и закричал, что нечего сидеть на печке и греть свой толстый зад, а надо быть в курсе дела и заглядывать в каждый угол.

Ляля чуть не заплакала от обиды, в ответ хотелось тоже причинить боль, но сумела взять себя в руки и сказала: если надо, она узнает. Иона Овсеич опять зашагал вокруг стола, по глазам было видно, что напряженно работают мысли, Ляля тихонько сидела на своем стуле и боялась шелохнуться.

— Орлова, — обратился товарищ Дегтярь, — ты не в курсе дела, какая квартира у сестры Гизеллы, куда она ходит ночевать?

Ляля ответила, что не знает, но можно позвать Дину Варгафтик: она там была один или два раза. Хорошо, сказал товарищ Дегтярь, пусть зайдет.

Еще не было десяти часов, но Дина со своей Альфочкой уже укладывались спать. Орлова просила поторопиться, а то Иона Овсеич зря ждет, Дина поверх ночной рубашки набросила халатик, поверх халатика — пальто, сказала Альфочке, чтобы хорошо вела себя, она скоро вернется, и вышли. В коридоре Ляля обратила внимание, что халат застегнут на одну верхнюю пуговицу, Дина взяла еще на среднюю, обеими руками подтянула бортики пальто, но ниже талии от быстрой ходьбы халат все равно распахивался. Ляля сказала, пусть хорошо застегнется, а то получается вульгарный вид, Дина ответила, что при ее образе жизни она может совсем голая ходить, и то ни один человек не посмеет показывать пальцем. Орлова брезгливо скривила губы и сама схватила пальто за полу, чтобы хоть немного прикрыть этот срам. Дина, без всякого предупреждения, больно ущипнула Лялину руку и сказала, что ей противно, когда к ней кто-нибудь прикасается, тем более некоторые женщины. Орлова почувствовала, как хлынула в лицо кровь, другая за такие слова дала бы просто по физиономии, но сейчас лишь не хватало зайти к товарищу Дегтярю со своим бабьим скандалом.

Иона Овсеич, увидя Варгафтик, тоже невольно обратил внимание на ее одежду, но ничего не сказал, а только молча поглядывал, причем надо было иметь Динину глупость, чтобы не замечать сколько насмешки и презрения в его глазах. Усевшись на кушетке, она раздвинула свои толстые и короткие, как у карлика, ноги и через каждые два слова хлопала себя по ляжкам, от зависти или восторга, трудно было понять, какую барскую комнату, потолки с падугой, по углам женские головки с роскошным бюстом, занимает Гизеллина сестра. Из такой комнаты можно сделать две, но муж и сын погибли на фронте, мать осталась одна с дочкой, и больше им не надо. Товарищ Дегтярь спросил, имеются ли в доме удобства, Дина сладко

зажмурила глаза и ответила, что там есть все, чего только человек может пожелать: паровое отопление, центральный газ, ванная с горячей водой и антресоли, такие, дай Бог нам с вами четверть.

— Дина, — вдруг перебила Ляля, — закройте свои голые ноги: вы не у себя дома.

— Орлова, — нахмурился Иона Овсевич, — по-моему, здесь есть хозяин и есть кому делать замечание.

Дина успела немного покраснеть, но после такой поддержки быстро воспрянула духом и сказала, кивая в Лялину сторону: недаром люди говорят, нахальство — это второе счастье. Ляля вся напряглась, как цирковая лошадь, Иона Овсевич поглядел на одну, на другую и предложил перенести дебаты на выходной день, а сейчас — спокойной ночи. Получилось так неожиданно, что обе раскрыли рты, однако продолжали сидеть на месте, и хозяин должен был вторично пожелать им спокойной ночи, чтобы, наконец, поднялись и вышли.

У лестничной площадки Дина приостановилась, горько засмеялась и сказала Орловой:

— Ляля, мы с вами — две большие старые дуры.

На втором этаже было темно, перегорела лампочка, Дина попросила подать ей руку, потому что без очков совсем слепая, Ляля взяла выше локтя, почти под мышкой, и удивилась, как Дина может терпеть прикосновение такой женщины.

— Ой, Ляля, — вздохнула Дина Варгафтик, — какая вы злопамятная. Завтра обещали привезти керосин. Я встану в пять часов и займу для вас тоже очередь. Будете стоять впереди.

Через четверть часа Орлова вернулась к товарищу Дегтярю и принесла с собой подарок, который приготовила ему на день Красной Армии: муслиновый галстук в зеленую горошину, мужской одеколон "Шипр" и книгу грузинского поэта Шота Руставели "Витязь в тигровой шкуре". Иона Овсевич с

трудом сдержал себя, чтобы не рассердиться: во-первых, еще не двадцать третье февраля, во-вторых, галстук и одеколон — это лишнее. Зато книгу, тем более, великого классика грузинской литературы, принял с удовольствием и тут же прочитал наизусть: "Каждый мнит себя стратегом, коль глядит со стороны". Потом немного задумался, в глазах появилось напряжение, держалось полминуты-минуту, наконец, вспомнил и радостно воскликнул:

Лучше смерть в бою со славой,
Чем позор бесславных дней!

Ляля сказала: такие умные и красивые стихи, просто не верится, что сочинили восемьсот лет назад.

— Знаешь что, Орлова, — перебил Иона Овсеич, — уж коль в такой поздний час ты навестила одинокого холостяка, давай-ка пройдемся с тобой на бульвар.

Ляля хлопнула в ладоши и радостно засмеялась, попросила десять минут, чтобы привести себя в порядок, но Иона Овсеич ответил, не надо, она и так будет достаточно заметная, хотя на дворе уже ночь. Ляля немного надулась, сказала, что другому не позволила бы подобные шутки, хозяин пропустил мимо ушей и поднял руку, вроде хочет хлопнуть по одному месту.

— Ах, — вскрикнула Ляля и закрылась сзади ладонями, — не надо! Я вас прошу, не надо.

Иона Овсеич пожал плечами: когда так сильно уверяют, что не надо, можно подумать как раз наоборот.

С моря дул холодный ветер, но пока шли по Бебеля заметно чувствовалось только на перекрестках, зато на Пушкинской всю дорогу дуло прямо в лицо, хотелось заслониться воротником, Ляля озорничала и каждый раз закрывала Ионе Овсеичу щеки своей рукой в перчатке, которая не по-зимнему пахла

сиренью, он сердился, просил прекратить неуместные шутки, однако Ляля уже завелась и не могла остановиться. У Ланжероновского спуска внезапно задуло со всех сторон, как будто схватились между собой полдюжины ветров, Ляля невольно прижалась к Ионе Овсеичу всем телом, он расстегнул пальто, чтобы получше прикрыть ее, и так, хотя было довольно неудобно, прошли чуть не до памятника Пушкина. Со стороны оперного театра спускались одинокие прохожие, возле горсовета не было ни души, дежурный милиционер, видимо, находился внутри, неподвижно, как в музее, маячила пушка с английского корабля "Тигр", черное дуло смотрело в море, Иона Овсеич с Лялей прошли вперед и остановились подле ограды над обрывом.

Несмотря на зимнее время, конец февраля, порт жил своей обычной жизнью. Долетали разные звуки — лязг железа, рожок стрелочника, шипение электросварки, торопливый перезвон на судне, а порою просто человеческий голос, до того явственный, что можно было различить каждое слово, — несколько минут стояли молча и смотрели, потом Иона Овсеич провел рукой в сторону Пересыпи и сказал, что до девятьсот пятого года здесь проходила огромная эстакада, которая сгорела в потемкинские дни. Повстанческие дружины, в основном рабочие завода Гена, соорудили на Московской и возле моста баррикады, а портовые босяки бросились грабить склады, выкатили бочки с вином и упились до такой степени, что многие тонули прямо в этих бочках. В картине "Броненосец Потемкин" Сергей Эйзенштейн показывает, как казаки расстреливают людей на лестнице, но это художественный вымысел: в действительности к бульвару, он тогда назывался Николаевский, нельзя было даже подойти, поскольку конные белогвардейцы стояли повсюду шпалерами, а расстреливали в нижней части города, на Приморской улице. Камни мостовой

буквально были залиты кровью, среди убитых было много детей, мальчиков двенадцати-тринадцати лет. Потом царские власти устроили суд, в числе арестованных было человек сто пятьдесят подростков, он сам тогда прятался у родственников на Коблевской улице и чудом избежал ареста.

Ляля взяла Иону Овсеича под руку, подошли к фуникулеру, постояли немного — рельсы засыпало снегом, чернели только две узкие полосы, которые посредине слева и справа, выгибались дугой, а в самом низу будто уходили куда-то в подземелье, на самом же деле скрывались под большим навесом, где находилась конечная станция, — затем миновали памятник Ришелье и Потемкинскую лестницу, Ляля сняла перчатки, растерла в своих ладонях пальцы Ионы Овсеича, на морозе совсем заоченели, поднесла к губам и подула теплым воздухом изо рта. Иона Овсеич грустно улыбнулся и сказал, что так, когда он был еще совсем маленький мальчик и в студеную погоду замерзали пальцы, руки обогрела ему мама. Эх, мама-мамочка!

— Боже, — прошептала Ляля, — какой вы бываете нежный и ласковый.

— Орлова, — дружелюбно, хотя с перчинкой в голосе, воскликнул Иона Овсеич, — я смотрю, еще миг, и ты сделаешь мне предложение.

Ляля не ответила, лишь расстегнула на груди пальто, хотела запрятать руку Ионы Овсеича, но навстречу шли какие-то люди, он осторожно высвободил и сказал, что будет держать в карманах.

— Господи, — с досадой произнесла Ляля, — ну, какое нам дело до них!

У колоннады дворца Воронцова выбрали удобную позицию, теперь ветер задувал в спину, далеко впереди, на Шкодовой горе, подымался в небо огромный столб огня: это, день и

ночь напролет, горели газовые отходы на нефтеперегонном крекинг-заводе. Ляля спросила, неужели нельзя придумать, чтобы людям была от них польза, Иона Овсеич внимательно заглянул в глаза, совсем черные, остались одни зрачки, и спросил в ответ:

— Орлова, а как по-твоему: если бы можно было, мы позволили бы зря отапливать небо?

Ляля стояла неподвижная, казалось, чего-то ждет, Иона Овсеич повернулся вполоборота, показал пальцем в направлении судоремонтного завода, затем очертил дугой большой кусок побережья — военная гавань, каратин, Платоновский мол, Австрийский пляж, все вплоть до Ланжерона, — и сказал: эти Воронцовы были не дураки, знали, где выбрать место для своего дворца. Ляля вдруг схватила его за плечи, рывком повернула к себе и прерывающимся голосом, как будто сильная одышка, зашептала:

— Ну, скажите хоть слово о чем-нибудь другом! Неужели нельзя говорить о чем-нибудь другом!

Не ожидая ответа, она тут же взяла обеими руками голову Ионы Овсеича, притянула вплотную к себе и впилась губами с такой силой, что во рту появился солоноватый привкус крови, Иона Овсеич пытался оторваться, но поначалу никак не удавалось. Освободясь, он первым делом сплонул, чтобы опорожнить рот, иначе нельзя было вымолвить ни слова, машинально провел ладонью по губам, сделал шаг назад и сердитым голосом закричал:

— Орлова, ты что, совсем взбесилась!

Ляля стояла с опущенной головой, чуть-чуть вздрагивали плечи, Иона Овсеич не мог успокоиться, повторил свой упрек и добавил: ведет себя, как будто ей семнадцать лет, а не три раза семнадцать. Немного постояли друг против друга молча, без слов, Ляля повернулась и быстро пошла в сторону бульвара.

— Правильно, — крикнул вдогонку Иона Овсеич, — но давай бегом, чтоб было как в настоящем театре!

Ляля остановилась, сложила руки на груди, ладонь к ладони, и чуть не заплакала:

— Ну, зачем вы кричите на меня! Ради Бога, не кричите на меня.

В город возвращались по Воронцовскому переулку, всю дорогу до площади Карла Маркса было довольно темно, у ворот горели небольшие лампочки под жестяными абажурами, из подъезда, казалось, вот-вот кто-то выскочит, Ляля несколько раз машинально цеплялась за рукав Ионы Овсеича, он ускорял шаг, будто ему в тягость или неприятно, в конце концов, она не выдержала, призналась, что боится, и взяла его под руку. Сначала пальцы едва прикасались, затем все сильнее, судорожно впиваясь при каждом звуке и случайной тени в подворотне, хорошо чувствовалось даже через плотный драп мужского пальто, Иона Овсеич укоризненно покачал головой и спросил насмешливо: интересно, откуда это мы такие нервные и пугливые? Ляля не ответила, два-три раза, вроде ненароком, прижалась к Ионе Овсеичу, он воспринял без протеста, тогда она подняла голову, немного отвернулась в сторону и сказала:

— Не надо злиться. Я сама виновата, что так все получилось, но я не могу иначе.

Иона Овсеич молчал, пересекли площадь, дальше выбрали дорогу через Сабанеев мост, еще раз взглянули на море — виднелись огромные краны в порту, силуэты судов, на мачтах красные и белые огоньки, и все это как будто в конце длинного коридора, с обеих сторон уставленного домами в два, три, четыре этажа, — Ляля вздохнула, опять прижалась и тихо произнесла:

— Вы какой-то особенный. Вы совсем не похожи на других.

Прощаясь, возле парадного, Иона Овсеич сильно раскашлялся, сказал, что в левом боку чего-то покалывает, Ляля забеспокоилась, предложила поставить банки, не дай Бог, начнется плевроит или воспаление легких, но он махнул рукой — женщине обязательно нужно, чтобы у нее был свой собственный пациент! — пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по домам.

На следующий вечер Иона Овсеич заглянул к Бирюкам, авось, подадут одинокому путнику чашку чаю с малиной, говорят, хорошо помогает от простуды, Андрей Петрович насупился, сказал, что самым есть нечего, но тут же открыл буфет, Марина принесла горку посуды, и на столе появилось столько всякой всячины, словно приехал важный генерал с целой свитой.

— Ну, — гость склонил голову, лукаво прищурился, — нетрудно быть хозяйкой в доме, где такой хозяин.

Марина пожала плечами: вернее, наоборот, нетрудно быть хозяином в доме, где есть такая хозяйка. Андрей Петрович расшифровал, что это шутка бухгалтера из общепита, они там все такие нахальные и самоуверенные, и пообещал, как только вернется в Одессу, что Бирюков в торговой сети днем с огнем не сыщешь.

— Мы пахали паровоз! — воскликнула Марина и быстро-быстро, как в мультфильме, заморгала глазами.

Сели за стол, Иона Овсеич поздравил хозяина с наступающим двойным праздником — во-первых, выборы, будет голосовать у себя на Родине, а не где-то там в Германии, во-вторых, день Советской Армии, — выпили по стопочке, закусили бутербродами с горбушей, хозяин открыл баночку крабов, но гость отказался наотрез: пусть на него обижаются, эту гадость он согласится взять в рот, когда уже другого выхода не останется. Андрей Петрович не настаивал, сказал только, что у нем-

цев — это первый деликатес, Иона Овсеич тут же ответил: подумаешь, французы едят лягушек, корейцы едят собак, так что же, нам, русским, тоже прикажете!

Выпили по второй, в этот раз за хозяев дома, Иона Овсеич осмотрелся вокруг — для старухи отделили угол за ширмой, из прихожей сделали крохотную спальню для детей, на виду только диван-кровать Марины и Андрея, — встал, прошелся по комнате, считая про себя шаги, но так, что было заметно со стороны, и грустно покачал головой: да, для биллиарда здесь места не остается. Марина удивилась: неужели? А ее мужа спросить, так им еще пол-Одессы может завидовать. Андрей Петрович насупился, нахохлился, видно было, что разговор не по душе, но гость не придавал значения и продолжал свое: приятно или неприятно, в данном случае хозяйка права.

— А дальше? — зло спросил Андрей Петрович.

Гость опять прошелся по комнате, прислушался, за ширмой тихонько ворочалась и кряхтела на своей лежанке старуха, остановился возле окна, спиной к улице, и показал пальцем в сторону двора:

— В этом дворе две большие комнаты с кухней, которая тоже комната, и отдельным туалетом занимает один человек. Вы знаете, о ком идет речь.

Марина догадалась первая:

— Гизелла Ланда.

— Да, — громко ответил Иона Овсеич, — Гизелла Ланда. Последние два месяца она фактически здесь не живет, а находится у своей сестры, на улице Красной Гвардии. По имеющимся данным, там барская комната, из которой можно сделать целую квартиру.

За ширмой опять поднялась возня, в одном месте ткань заметно вздулась, словно человек уперся лицом, Марина раздраженно прикрикнула:

— Мамаша, вы можете полежать спокойно или нет!

Андрей Петрович смотрел то на гостя, то на жену, Иона Овсеич лукаво прищурил глаз и сказал: в драмтеатре, когда аналогичный случай, называется немая сцена.

— Овсеич, — промолвил, наконец, слово хозяин. — Ты предлагаешь, чтобы я выгнал живого человека на улицу, а сам занял его место?

— Неправда! — выскочила вперед Марина. — Иона Овсеич не говорил, что надо выгнать на улицу.

— Овсеич, — Андрей Петрович откинул руки за спинку стула, зеленые глаза смотрели в упор, — Ланда находится под следствием, но суда еще не было. Суда еще не было.

— Да, суда еще не было, — Иона Овсеич подошел к столу, оперся обеими ладонями. — Но я полагаю, майор Бирюк не Чеперуха, и сомнений по этому вопросу у него нет.

— При чем здесь Чеперуха! — опять выскочила вперед Марина. — Надо рассуждать просто по справедливости: нас пятеро, я уже не говорю, что семья героя, а она одна — ни детей, ни мужа.

Андрей Петрович положил руки на стол, наклонился, от яркого света зеленые глаза пожелтели, и внятно, в голосе звучали нотки угрозы, произнес:

— Не одна, Марина Игнатьевна, а двое.

Марина прямо подпрыгнула на своем стуле, видно, из последних сил крепилась, чтобы не ответить как полагается, товарищ Дегтярь спокойно, желая немного поостудить пыл, положил руку ей на плечо и сказал:

— Майор Бирюк, я думал, ты умеешь чуть-чуть заглядывать вперед. Видимо, я ошибался.

— Вперед! — притворно засмеялась Марина. — Мой муж умеет смотреть только на зад!

Андрей Петрович прикусил верхнюю губу зубами, придви-

нул бутылку с водкой поближе, налил в стакан, примерно до середины, и выпил в один прием. Марина назвала мужа пьянчугой, схватила порожний стакан, налила себе, выпила, тоже в один прием, и обратилась к гостю:

— Вот так и будем соревноваться, кто больше.

Андрей Петрович опустил голову, жена заявила, что похож на бычка-одногодка, такой страшный, Иона Овсейч секунду-другую молча посматривал, затем взял за руки хозяйку, хозяина, сказал: милые бранятся — только тешатся, — и пообещал навестить завтра-послезавтра, а лучше всего, пусть зайдут к нему. Марина проводила гостя до лестницы, вернулась минут через десять, за это время еще больше взвинтилась, и потребовала, чтобы прямо с утра муж отправился в райисполком. Андрей Петрович не отвечал, на лице было какое-то страдальческое выражение, Марина сказала, противно глядеть, швырнула на диван простыню, подушку, одеяло, кое-как постелила, легла лицом к стене и предупредила мужа, чтобы не смел к ней прикасаться, а то она подымет гвалт на весь дом.

Андрей Петрович заглянул к детям, оба крепко спали, прикрыл дверь, поставил рядом четыре стула, спинками в одну линию, надел байковую пижаму и улегся. Марина крикнула: а кто будет свет выключать? Пушкин? — пришлось подняться и погасить, заодно уже прихватил шинель.

Марина в темноте засмеялась: ну как, милый, удобно? Лошадник Чеперуха ему жить не дает, народ агитирует в пользу врага, а как про свою семью позаботиться — так Ланда не враг!

— Замолчи! — приказал Андрей Петрович.

— А вот и не замолчу! — крикнула в ответ Марина. — Шая-агитатор несчастный!

С улицы падал свет, длинная тень люстры тянулась вдоль потолка, стеклянные трубочки тихонько позванивали в тем-

ноте, было сильное желание трахнуть палкой по этому маскараду, чтобы разлетелся вдребезги, Андрей Петрович повернулся набок, заскрипели стулья, Марина сказала, пусть переходит на кровать, минуту подождала, встала, подошла к мужу и взяла за руку. Он просил отпустить, она сжала еще крепче и сказала, что, если сейчас же не перейдет, сама ляжет на пол и будет лежать до самого утра, пока не проснутся дети. Хорошо, ответил Андрей Петрович, пусть проснутся и увидят своими глазами: они уже не маленькие, разберутся. Марина всплеснула руками: ах, бандеровец, настраивать детей против родной матери!

За ширмой протяжно застонала старуха, как будто от сильной боли, Андрей Петрович встал, аккуратно перебросил шинель через спинку стула, а сам пошел к дивану. Марина, как только легли, обняла руками за шею, на минуту замерла, затем встrepенулась, подняла рубашку до плеч, чтобы живот и грудь были голые, содрала с мужа споднее и зашептала в самое ухо:

— Люби меня! Люби меня! Крепче, еще крепче!

Когда утомонились, Марина велела мужу немного подвигнуться, а то чересчур душно, легла посвободнее, руки поверх одеяла, и тихонько засмеялась. Андрей Петрович пожевал губами, сильно пересохло во рту, она опять засмеялась и сказала:

— Чего-то хотела Овсеича представить себе, как они с Орловой это делают. Не могу.

Андрей Петрович ответил, что ему неинтересно, жена обиделась — спи, спи, тебе чего, свое получил, — приткнулась головой к его плечу и почти вмиг заснула. Он приоткрыл форточку, сел на подоконник, в комнату залетали одинокие снежинки, закурил, перед глазами, как будто в театре, действие первое, действие второе, вставал минувший вечер, и от

каждой подробности брала досада. Все было не так — и вопросы не те, и ответы не те, и все слова не те, а надо было с ходу, да в лоб: слушай, ты, Дегтярь Овсеич, какое твое собачье дело, чего раздаешь чужие квартиры! Вот тогда бы и посмотрели, кто вперед глядит, а кто — назад.

— Ах, стервец, — выругался вслух Андрей Петрович, — вижу я твое вперед, аж нафталином блестит!

Марина застонала во сне, пошарила рукой слева, где лежал муж, Андрей Петрович прикрыл форточку, опустил ноги в шлепанцы и тихонечко перебрался на диван. Марина опять провела рукой, пальцы, как у лунатика, искали вслепую, нащупали резинку трусов, скользнули по животу вниз, изогнулись, словно захватили грушу, и замерли. Андрей Петрович сладко потянулся, еще раз подумал про Дегтяря, какой стервец, ворвался в чужой дом, набил, наколотил, но в этот раз большой злобы не чувствовал, зарылся лицом в Маринины волосы и заснул.

Иона Овсеич, когда вернулся к себе, еще немного посидел за столом, сделал несколько выписок из сообщения ЦСУ о выполнении плана развития народного хозяйства за тысяча девятьсот пятьдесят второй год, затем, уже в постели, мысленно перебрал весь разговор с Бирюками, Марина сегодня понравилась, чувствуется, что женщина с характером, от своего не отступит, а сам майор, чуть дело поближе коснулось гражданской жизни, оказался еще совсем зеленый. Иона Овсеич выключил свет, в темноте представил себе растерянное злое лицо Андрея Петровича, невольно улыбнулся, затем пришел на ум старый Чеперуха, весь в морщинах и мозолях, настоящий биндюжник с Пересыпи, настроение немного испортилось, через тридцать пять лет надо с человеком начинать весь разговор сначала, и опять вылез вперед Бирюк со своими колючими, как у того мужичка с ярмарки, глазами. Н-да, зе-

лennyй, зеленyyй, но такой, дай ему только дорогу, полезет и будет переть во все четыре стороны, как танк, тут попробуй его остановить.

В левом боку вдруг кольнуло, видимо, неудачно лег, Иона Овсеич даже вскрикнул, однако тут же прошло, только вспотели немного руки и появилась неприятная слабость. Под утро кольнуло еще раз, сквозь сон казалось, что откуда-то извне грозит опасность, Иона Овсеич проснулся, минуту-другую сохранялось тревожное состояние, затем рывком сбросил одеяло, завязал покрепче тесемки кальсон, а то за целый день разбалтываются, заставил себя сделать небольшую зарядку, растер мокрым полотенцем шею, грудь, руки до самых локтей, включил электроплитку и поставил чайник, чтобы зря не терялось время, пока будет одеваться. Когда застегивал манжеты, оторвалась пуговичка, первое желание было просто подвернуть рукав, как-нибудь продержится день, а там можно поручить Орловой, но мелькнула неприятная мысль, что с таких вот пустяков и начинается иждивенчество, взял иголку, катушку ниток и пришил как полагается.

Чайник закипел, Иона Овсеич насыпал заварки прямо в чашку, надо было на свежую голову еще раз просмотреть сообщение ЦСУ, и стал прихлебывать, держа в правой руке карандаш. Конечно, вчера вечером кое-что существенное упустил: железнодорожные и морские перевозки, которые возросли сравнительно с пятьдесят первым годом на девять процентов, отметил, зато автомобильные, которые возросли на пятнадцать процентов, прошли мимо внимания. Точно такая же картина и с речным флотом, который перевез на двенадцать процентов больше. Иона Овсеич покачал головой, вот так можно не увидеть самого главного, обвел красным карандашом данные по росту реальных доходов рабочих, семь процентов за год, и крестьян, восемь процентов, при общем увеличении националь-

ного дохода на одиннадцать процентов, и сбоку сделал для себя пометку: показать на примере города, на примере фабрики, на примере двора.

До работы Иона Овсевич заглянул к Орловой, она как раз завтракала, видимо, сидела без халата, поясок завязывала на ходу, постель была еще не убрана, он сделал замечание — хорошо, зашел Дегтярь, а если бы кто-нибудь другой! — и велел в срочном порядке подготовить объявление, что завтра состоится общее собрание жильцов. Одновременно надо будет обойти все квартиры и поставить в известность каждого под личную ответственность, для этой цели можно привлечь Марину Бирюк, Катерину Чеперуху, Дину Варгафтик. И еще: надо подготовить три-четыре выступления из числа женщин, как за истекший год заметно поднялся уровень жизни на конкретном примере своей семьи. Ляля только успела открыть рот, хотела спросить, кто же будет готовить, но Иона Овсевич предвидел заранее и опередил: готовить будет Идалия Орлова.

— Ой! — вскрикнула Ляля.

— Не ойкай, — сказал Иона Овсевич, — а берись за дело: у тебя впереди еще целых два дня.

Ляля всплеснула руками: два дня — это почти ничего! А Катерина, после того, что забрали комнату Граника, вообще не захочет.

— Не волнуйся, — ответил Иона Овсевич, — захочет.

Больше времени на разговоры не оставалось, гость уже взялся за пальто, Ляля в одну секунду приготовила для него бутерброд с крестьянской колбасой, вкусно пахло чесноком, завернула в газету и пыталась засунуть в карман, но получилась небольшая осечка: Иона Овсевич заявил, что разговаривать с рабочими и инженерами, когда от тебя самого разит чесноком, — это неуважение к людям.

— Ой, — испугалась Ляля и прикрыла рот ладонью, — наверно, от меня тоже пахнет!

Иона Овсеич уже начал сердиться, что его задерживают по глупым пустякам, Ляля еще сильнее прижала ладонь к губам, подозрительно заблестели глаза, он укоризненно посмотрел и сказал: ладно, пусть развернет бутерброд, чтобы не задохнулся, а он вечером придет и выпьет со стаканом горячего чая.

На фабрике день сложился удачно по всем линиям: даже заготовщики, которые обычно причиняли больше всего хлопот, вытянули сегодня на сто пять процентов. Предвыборная атмосфера царил повсюду, и праздничное настроение отражалось на лицах людей, как будто с самого утра светило майское солнце, хотя в действительности сеял серый снежок вперемежку с дождиком, а во дворе и коридорах противно хлюпало и чавкало под ногами. У конвейера молоденькая девушка, с виду лет семнадцати-восемнадцати, мурлыкала себе под нос песенку из кинофильма — мне декабрь кажется маем, и в снегу я вижу цветы — Иона Овсеич незаметно подошел сзади, обнял за плечи, от неожиданности она вздрогнула, зарумянилась, и громко сказал, обращаясь к цеху:

— Товарищи, поздравим нашу Веру Богачук с первыми в ее жизни выборами!

Люди вокруг захлопали, Иона Овсеич протянул Вере Богачук руку, она растерялась еще больше, пришлось самому взять ее за руку, женщины со всех сторон смеялись и кричали: вот и жених нашелся — к венцу их, к венцу!

В помещении агитпункта кабины для тайного голосования были уже полностью оборудованы, Иона Овсеич проверил каждую в отдельности, достаточно ли обе половины занавеса перекрывают друг друга, чтобы избиратель, когда берет в руки бюллетени и карандаш, был уверен, что никто не видит и не наблюдает за ним, попросил показать урну для больных, которые будут голосовать на дому, велел обтянуть ее красной материей, праздник для всех праздник, осмотрел стулья и столы для избирательной комиссии, на всякий случай приго-

товили полдюжины запасных, приказал закрыть помещение, до двадцать второго ни один посторонний сюда не должен заходить, и наказал фабкому обеспечить, чтобы в субботу вечером еще раз хорошенько помыли полы.

Перед второй сменой Иона Овсеич собрал у себя агитаторов, в последний раз накануне воскресенья, изложил по памяти важнейшие цифры из сообщения ЦСУ, люди торопливо записывали и поражались, как у человека столько удерживается в голове, потребовал от каждого персонально, чтобы снова навестили своих избирателей, проверили, каждый ли получил приглашение, запомнил ли свой номер по списку, это тоже характеризует с известной стороны, и в заключение повторил, что дверь к Дегтярю всегда открыта, пусть не жалеют и не боятся уходить сивку в крутые горки. Хотя не все поняли шутку, многие догадались по тону, по выражению лица, послышалось веселое оживление, а у Ионы Овсеича вдруг опять, как под утро, закололо в боку, на миг перед глазами сделалась чернота, чудом удержался на ногах, некоторые заметили, смотрели испуганными глазами, но Иона Овсеич уже совладал с собою, пожелал всем присутствующим успеха и закончил по-фронтовому:

— В атаку, товарищи! Вперед!

Едва люди разошлись и успел присесть на диван, позвонила Орлова и спросила, когда он вернется домой, она обязательно должна повидать по срочному делу. То ли от усталости, то ли от нездоровья, Иона Овсеич вдруг рассердился, закричал, сколько можно тревожить по пустякам, когда придет, тогда придет, и бросил трубку. В первые минуты сделалось как будто легче, даже прибавились силы, однако вскоре заскребились кошки на душе, стало по-человечески жалко эту женщину, которая искренне хочет, чтобы все было хорошо, но далеко еще не научилась отделять главное от второстепенного. Сей-

час она, наверняка, продолжает стоять где-нибудь возле телефона, на холоде, и проливает слезы от незаслуженной обиды.

Иона Овсеич взглянул на часы, пассаж на Дерибасовской работает до девяти, можно еще успеть, с трудом поднялся, от ворот направился в сторону Пушкинской, подождал несколько минут троллейбуса, не было ни одной машины ни туда, ни сюда, и двинулся пешком. Вначале ноги были тяжелые, как две колоды, но постепенно размялся, зашагал быстрее, и теперь все заботы были об одном: как бы не опоздать. Пришел буквально в обрез, кассирша уже пересчитывала выручку и предупредила покупателей, что ее ждет инкассатор, терять с ними время она больше не будет, Иона Овсеич подошел к прилавку, из двух продавщиц выбрал ту, которая поплотнее, повыше ростом, и попросил показать пару капроновых чулок, размером как на нее. Продавщица отрицательно покачала головой: капрона нет. Иона Овсеич возмутился: что значит нет! Вся Одесса ходит в капроновых чулках — и нет капрона! Продавщица, видимо, немного устала за день, тяжело прикрыла глаза и вторично покачала головой: капрона нет, есть фильдековские и фильдеперсовые. Иона Овсеич спросил, какие лучше, продавщица пожала плечами, смотря на чей вкус, и положила на прилавок две пары, обе коричневые, почти шоколадные. Чулки выглядели неплохо, довольно нарядные, с шелковистым блеском, но хотелось немного посветлее. Продавщица мельком глянула на свою напарницу и улыбнулась: если для жены, это как раз самые подходящие, светлее не надо. Нет, сказал Иона Овсеич, он хочет посветлее, ближе к телесному цвету. Продавщица ответила, посветлее вряд ли найдутся, открыла ящик и тут же, почти не пришлось искать, вынула другие две пары, желтоватый лист каштана, как бывают ноги у блондинок в конце лета. Эти понравились больше, Иона Овсеич внимательно осмотрел верхнюю часть и спросил, не будет ли тесно-

вато, если плотные бедра. Нет, сказала продавщица, фильдекос и фильдеперс хорошо растягиваются, в крайнем случае, может чуть не хватить в длину, но под платьем незаметно. Ладно, кивнул он, можно выписать обе пары, и пусть положат в какую-нибудь коробочку с поздравлением. Коробочки не было, нашли розовую ленточку с красивой надписью "З святом 8-го березня!", это выглядело тоже довольно элегантно, Иона Овсеич поблагодарил, продавщицы поздравили его с наступающим мужским праздником 23-го февраля, в ответ он поздравил с выборами, а также с предстоящим Днем 8-го Марта, и пожелал успехов в труде и личной жизни.

Когда он направился к дверям, обе продавщицы и кассирша продолжали смотреть вслед, со стороны могло показаться, что чуть пригорюнились, затем убрали палку, стоявшую поперек входа, и закрыли дверь на задвижку.

Дома, чуть не у порога, караулила Орлова, но, вопреки ожиданию, никаких обид и никаких претензий не было. Наоборот, она сама признала себя виноватой, потому что не сумела толком объяснить по телефону, и сразу перешла к делу: сегодня вечером, было ровно шесть часов, она зашла к Катерине. Та приняла неплохо, но тут нагрянул старый Чеперуха, как всегда пьяный, и заорал на весь двор, что в день выборов на агитпункте расскажет всем избирателям, как Дегтярь зажимал ему рот, украл у него из кармана письмо и угрожал сослать на Колыму. Катерина велела ему немедленно замолчать, но в ответ он еще громче разорался, заявил, что в этом дворе живут одни подлецы, в том числе его жена и невестка, а ему плевать на все с высокого полета, и пусть боится тот, кто боится, а лично он ничего не боится.

Минуту посидели молча, затем Иона Овсеич поднялся, вынул из пальто сверток, положил его на стол, сверху виднелась ленточка "З святом 8-го березня!", Ляля, когда прочла,

машинально потянулась к столу, но сама себя одернула и сильно покраснела.

— Да, — громко, с ударением, произнес Иона Овсеич, — возможно, Бирюк был действительно прав.

После этих слов, Ляля не успела даже спросить, в чем был прав Бирюк, Иона Овсеич так раскашлялся, что, казалось, человека вывернет наизнанку или лопнут сосуды в голове. Она схватила его за плечи, чтобы немного унять тряску, прижала к себе, лицом в грудь, как будто ребенка, но он еще больше заходился, вскочил с кушетки, лег животом на стол, несколько раз широко открыл рот, вылетал какой-то булькающий хриплый звук, затем подбежал к умывальнику, срыгнул, опять спрыгнул, Ляля почувствовала, что сама задыхается, но, видимо, ему стало легче, кашель пошел на убыль, она набрала в стакан воды, пришлось держать двумя руками, так сильно дрожали, он прополоскал рот, сделал пару глотков, наконец, свободно вздохнул и сказал:

— Как на свет родился.

На висках вздулись крупные, как бывает у лошади, вены, глаза смотрели такие усталые, такие измученные, и вместе с тем такие внимательные, такие понимающие, что Ляле хотелось упасть на колени, обхватить руками за ноги, и пусть бы так осталось навсегда.

— Орлова, — Иона Овсеич погрозил пальцем, синие губы сами, отдельно от лица, усмехнулись — выбрось эти мысли из головы. Ты уже не та Орлова, что была.

— Ах, — вскрикнула Ляля, закрыла глаза руками и повернулась спиной, — если бы с вами что-то случилось, я бы умерла!

Иона Овсеич прижал ладонью левый бок, сказал, где-то здесь все время покалывает, возможно, сухой плеврит, началось с того вечера, когда они гуляли на бульваре, а с моря дул

ледяной ветер, Ляля открыла лицо, глаза были полны слез, и повторила, что умрет, если с ним что-нибудь случится.

— Она умрет! — опять погрозил пальцем Иона Овсеич. — Я тебе умру: ты только ищешь лазейку, чтобы увильнуть от работы!

Ляля улыбнулась, вытерла платочком глаза, Иона Овсеич попросил, чтобы сейчас же, не откладывая, она зашла к Зиновию и привела его сюда. Если сразу, независимо от причины, он не сможет, пусть передаст ему, что Дегтярь специально сидит дома и будет ждать хоть до трех часов ночи. Нет, замаха-ла руками Ляля, нет, надо отложить на завтра: в таком состоянии человек обязан лежать в постели, а не заниматься государственными делами.

— Орлова, — повторил Иона Овсеич, — зайди к Зиновию и приведи его сюда. И не будем понапрасну терять время.

Ляля вернулась через пять минут одна, без молодого Чепе-рухи, и передала, что он пожелал товарищу Дегтярю спокойной ночи, а утром, даст Бог, они повидаются. Иона Овсеич помол-чал немного и спросил: он в курсе дела? Наверно, в курсе, ответила Ляля. Что значит "наверно", повысил голос Иона Овсеич, здесь надо знать точно, а не строить какие-то догадки. Ляля ответила, что не строит догадки: если бы Зиновий не знал, он бы спросил, для чего, а он не спросил. Иона Овсеич склонил голову набок, прищурил глаз и сказал: ладно, подо-ждем до утра.

Ляля оказалась права, Зиновий был полностью в курсе дела. Больше того, он сам изложил все, как было, начиная с того момента, когда старик устроил скандал на улице. Иона Овсеич спросил: какой же отсюда следует вывод? Гость задумался, в глазах было все, что угодно, но только не осужде-ние по адресу отца, Иона Овсеич открыл ладонь, хлопнул сверху другой ладонью и сказал:

— Зиновий Чеперуха, ты у меня дорого заплатишь, если этот старый биндюжник — я даже не хочу называть его твоим отцом! — позволит себе в день выборов сделать что-нибудь не так.

Гость поднялся, поправил шлею протеза, синие ледяные глаза нагло смотрели в упор:

— Я вам ничего не должен и ничего не заплачу.

— Зиновий Чеперуха, — Иона Овсеич собрал все силы, — не хватало дыхания, — даю тебе честное слово, ты у меня дорого заплатишь, если этот биндюжник...

Иона Овсеич закашлялся, схватился руками за бока, так меньше болело, и кивнул гостю: пусть идет, разговор закончен.

На фабрике Иона Овсеич с трудом дотянул день, ушел раньше обычного, впереди ждало еще собрание жильцов, но дома окончательно расклеился, было ощущение, что все тело состоит из одной ваты, хотел заставить себя сделать гимнастику с долгим вдохом и выдохом, как советуют индийские йоги, но стало еще хуже: закружилась голова, потемнело в глазах, и просто счастье, что успел ухватиться за спинку кровати. Ляля, когда услышала, что после всего он думает еще проводить собрание жильцов, буквально пришла в ужас, силой взяла его под мышки, уложила на кушетку и велела принять таблетку аспирина: от аспирина он хорошо пропотеет, и должно сделаться легче.

Он принял таблетку, запил глотком воды и сказал Ляле, чтобы внимательно выслушала его: здоров Дегтярь или нездоров, собрание должно состояться, он отметит ей места в газете, где подводятся итоги за тысяча девятьсот пятьдесят второй год, и вместе с людьми они прочтут вслух. В заключение, когда выступят женщины, которых она подготовила, надо будет сделать резюме, чтобы люди унесли с собой самое

главное, а именно: как наш народ и вся страна вплотную приближаются к решению поставленной товарищем Сталиным в феврале сорок шестого года задаче по созданию материально-технической базы коммунизма.

Иона Овсеич лежал на боку, теперь он повернулся на спину, лицо было до того бледное, что Ляля не могла смотреть, сказала, надо позвонить по телефону, пусть приедет скорая помощь, но в ответ получила лишь насмешливую улыбку: завтра день выборов, а сегодня Дегтяря забирает скорая помощь. Интересно!

— Господи, — Ляля сплела пальцы, выворачивая ладони наружу, — это же не последние выборы, подумайте хоть раз о себе!

От долгого разговора Иона Овсеич устал, сделал рукой знак, чтобы Орлова уgomонилась, и велел ей идти, а то еще опоздает. Ляля наклонилась, вытерла у него со лба капли пота и сказала, что пришлет кого-нибудь из женщин, пусть посидят возле него, пока она вернется.

— Орлова, — прошептал Иона Овсеич, — иди. Я прошу тебя, иди.

Ляля воротилась через полтора часа, Иона Овсеич удивился, что так быстро, она ответила, наоборот, ей казалось, прошла целая вечность.

— Ладно, — он повернулся к ней лицом, глаза открывались и закрывались, — ты не забыла сделать резюме?

Нет, ответила Ляля, не забыла: резюме она сделала, а потом Марина Бирюк и Дина Варгафтик еще раз повторили своими словами. Иона Овсеич приоткрыл рот, нижняя губа немного отвисла: повторять своими словами не надо было, резюме — это последнее слово, с этим люди должны уйти домой.

Угол одеяла свесился на пол, Ляля подобрала его, заложила под ноги, они были холодные, как лед, и повторила, что

нужно вызвать скорую помощь; поликлиника принимает вызовы до двенадцати часов дня, а завтра вообще праздник, нерабочий день.

— Слушай меня, Идалия, — сказал Иона Овсеич, — в пять-полшестого утра, пока не открылся избирательный участок, зайдешь к Зиновию и еще раз предупредишь насчет старого Чеперухи: будет, как обещал Дегтярь, если не примут все необходимые меры. Потом зайдешь к Феде Пушкарю: он мне жаловался, что слишком тонкий перестенок, и каждый звук, каждое слово от Чеперух бьет прямо в ухо. Можешь и сама посидеть с ним, пока он еще чувствует себя здесь во дворе чужим. Надо постепенно привлекать к работе.

Ляля ответила, что обязательно зайдет к Феде Пушкарю и посидит, сколько надо, взяла с кровати покойной Полины Исаевны подушку, положила на подоконник, поставила рядом стул и тихонько прикорнула. Иона Овсеич вначале не обратил внимания, возможно, задремал, затем схватился, как будто изнутри ударило током, потребовал, чтобы Ляля отправилась к себе домой и легла по-человечески, она поднялась без единого слова, вышла, слышно было, как щелкнул английский замок, но через четверть часа, открыв глаза, он опять увидел ее прикорнувшей к подоконнику и в этот раз велел, чтобы она легла на кровать Полины Исаевны. Ляля ответила, нет, ни за что на свете, и вернула на место даже подушку, но больной приказал вторично, иначе пусть уходит к себе, и пришлось уступить.

Среди ночи она несколько раз просыпалась, казалось, кто-то зовет, но не Иона Овсеич, потому что голос слышался детский, она вставала, подходила к больному, прислушивалась к его дыханию и старалась рассмотреть в темноте лицо: нижнюю челюсть сильно оттянуло книзу, немного назад, чем-то,

в профиль, напоминало птицу, изо рта вытекала струйка слюны, первый раз она очень испугалась, думала кровь, осторожно вытерла краем своей рубахи, на мгновение охватило какое-то нехорошее предчувствие, захотелось кричать, разбудить его, с трудом сдержала себя, воротилась на свою постель, долго лежала с открытыми глазами, не разрешая себе заснуть, потом, хотя уже заснула, все равно чувствовала тревогу и, сквозь сон, продолжала прислушиваться.

В пять — начале шестого Иона Овсеич сам окликнул ее, сказал, что пора, избиратели уже проснулись, она быстренько умылась, собралась приготовить больному завтрак, но он отказался наотрез и велел немедленно спуститься к Чеперухе, а то эти старые одесские биндюжники имеют привычку начинать свой день в четыре часа утра.

Иона Овсеич почти угадал: когда она зашла к Чеперухам, Зиновия уже не было, старик сидел за столом, в глазах еще держалось похмелье со вчера, Катерина поставила перед ним шкалик, он выпил, крикнул и поднялся, чтобы выйти, но невестка загородила дорогу и заявила, что в таком виде из дому не выпустит. Старик возмутился, закричал, что все выборы он привык первый приходить на избирательный участок, в ответ Катерина закрыла двери на замок и спрятала ключ в карман фартука.

— Это капкан! — старик схватился за голову. — Это ловушка! Внуки, родные мои внуки, посмотрите, как они поступают с вашим дедом!

Старик допил свой шкалик, лег на диван, укрылся газетой и захрапел. В девять часов, уже успел проголосовать почти весь двор, Катерина с бабушкой Олей предупредили комиссию, что старый Чеперуха заболел, и просили прислать урну для голосования на дом.

Урну и конверт с бюллетенями принесла молоденькая девушка, больной скрежетал зубами и всхлипывал во сне, девушка хотела подождать, пока он не проснется, но Катерина объяснила, что только недавно заснул и неизвестно, сколько придется сидеть, а на участке, наверно, еще есть нуждающиеся. Бабушка Оля взяла у девушки конверт, вынула бюллетени, отвернулась, перегнула пополам и опустила в урну.

Иона Овсеич, когда Ляля проинформировала его во всех подробностях, сказал, что здесь допущено грубое нарушение, и на месте старого Чеперухи он бы немедленно пошел жаловаться. Ляля сильно огорчилась, она была уверена, что Иона Овсеич будет только доволен и похвалит, спросила, как теперь быть, сама предложила сходить к председателю избирательной комиссии и чистосердечно во всем признаться.

Больной молчал, на лице торчал синий, как будто собственная тень, нос, Ляля заломила пальцы — ну, зачем, зачем она должна была все рассказывать! — он велел подать ботинки, одежду, она замотала головой, нет, она не будет убийцей, заклала его своей жизнью, что не посмеет встать, в ответ больной потребовал прекратить кликушеские штуки, приподнялся, сел, опираясь ладонями, на край кушетки, она смотрела безумными глазами, он попросил помочь ему, все равно надо спуститься вниз проголосовать, она взяла его за руки, чтобы остановить, он сделал попытку освободиться, и тут оба упали. Она опасалась, что придавит его своим телом, чудом извернулась, и оказались на кушетке рядом, лицом к лицу. В нос ударял запах крепкого пота, Ляля невольно задержала дыхание, минуту-другую лежали без движения, как будто притаились и чего-то ждут, она вздрогнула, через все тело прошел озноб, в голове, наоборот, сделалось жарко, Иона Овсеич немного подвигался туда-сюда, застонал, ей захотелось обнять его, прижать к себе покрепче, но не могла решиться, и вдруг,

помимо своей воли, встала, внутри, неизвестно откуда, неизвестно на кого, поднялась досада, злоба, Ляля сказала, пора на участок, наверно, уже ищут, и приказала больному лежать в постели, она передаст, чтобы урну для голосования прислали на дом.

Как ни горько, Иона Овсеич вынужден был согласиться: на участке подали свои голоса уже девяносто восемь и шесть десятых процента, чуть не первое место в Сталинском районе, который шел впереди по всему городу, и теперь каждый избиратель был на счету. Зиновий специально приехал, чтобы проголосовать дома, хотя имел возможность накануне взять открепление, все равно, как пассажир в поезде или на пароходе, и опустить бюллетень у себя на заводе Кирова.

Поскольку председателя комиссии срочно потребовали в исполком, урну принесла его заместитель, с ней пришла старуха Малая, прямо с порога она сообщила, что хочет увидеть своими глазами это небывалое зрелище, больного Дегтяря, велела включить свет, присела на кушетку у самого изголовья, нахмурилась и громко спросила: кто распустил эти глупые сплетни, что Дегтярь болен?

— Дегтярь, — Клава Ивановна наклонилась, с удовольствием потрепала по щеке, — поверь мне: у тебя такой цвет лица, что женщины могут только завидовать.

Иона Овсеич улыбнулся, зажмурил глаза от яркого света:

— Малая, Дегтярь еще не покойник, опасно так перехватывать.

— Все, — хлопнула в ладони Клава Ивановна, — хватит притворяться, вставай и одевайся: я хочу, чтобы в праздник ты был вместе с людьми.

Больной рывком, по-солдатски, откинул угол одеяла, лихо повернулся на бок, похоже было на чудо, как в картине "Праздник святого Иоргена", когда молодой Игорь Ильин-

ский, который играл жулика, отбросил свои костыли и начал танцевать, но вдруг схватился руками за грудь и зашелся в таком кашле, что Ляля Орлова и гостя из комиссии просто перепугались. Одна Клава Ивановна сидела с каменным лицом, каждые десять секунд хлопала больного по спине и требовала, чтобы успокоился. Больной зажимал ладонями рот, пытаясь загнать кашель внутрь, но ничуть не помогало, скорее наоборот, Клава Ивановна велела дать ему эфедрин, Ляля растерянно пожала плечами, было впечатление, что впервые слышит название, старуха закричала на нее: все хотят только тянуть соки из Дегтяря, а на столике нет даже эфедрина!

Ляля вдруг качнулась, захватила пальцы зубами, где-то внутри, под сердцем, сладко защемило, быстро наклонилась к Малой, уперлась головой в плечо, так было стыдно, старуха сделала вид, что увертывается, но на самом деле подставила плечо поближе и поудобнее.

Больной еще несколько раз кхекнул, кхакнул, вытер пальцами рот, машинально осмотрел их, как будто ожидал крови, но были только следы мокроты и чистой слюны, укоризненно покачал головой и сказал: все внутренности перевернуло. Клава Ивановна ответила, ничего, до свадьбы заживет, сделала знак женщине из комиссии, чтобы подала урну и конверт, приказала всем отвернуться, Ляля положила рядом с урной самопишущую ручку, Иона Овсеич внимательно прочитал бюллетени, на левой стороне имя, отчество и фамилия кандидата в депутаты, на правой — какой организацией выдвинут, две три секунды помедлил, была последняя возможность внести изменения, и решительно опустил. Заместитель председателя избирательной комиссии тепло поздравила товарища Дегтяря, пожелала ему скорейшего выздоровления, в присутствии свидетелей дополнительно проверила сургучную печать, два шпагатика, все было на месте, Иона Овсеич, со своей стороны,

сердечно поблагодарил комиссию за внимание, заботу и напомнил, чтобы особо не мешкали, ибо до двенадцати ночи дел еще хватит и хватит.

Гостя ушла, Ляля подседа поближе к больному, старуха рассказывала, какой чудесный в этом году буфет на участке, масло завезли ящиками, люди берут по два кило, сырокопченая московская колбаса не хуже, чем была когда-то у Дубинина, на Дерибасовской угол Преображенской, — Дегтярь, ты помнишь эту колбасу! — и отдельно похвалила пластинки: Утесов, Лемешев, Клавдия Шульженко, Рашид Бейбутов и целый комплект ансамбля песни и пляски Советской Армии.

Больной лежал на спине, глаза были закрыты, Малая вдруг хлопнула себя по колену: старая дура, как она не догадалась раньше сказать, чтобы сделали громкоговорители на полную силу, пусть наш Дегтярь тоже получит удовольствие.

— Малая, — больной повернулся на левый бок, на правый, потом опять на спину, — Малая, мне что-то не по себе.

Клава Ивановна внимательно посмотрела, сказала, наверно, ему лучше посидеть, чем лежать в постели, она сейчас пошлет за своей качалкой, больной в ответ горько усмехнулся, провел рукой в сторону двери, пусть идут, ему хочется подремать. Ляля заупрямилась, Клава Ивановна насильно взяла за руку, та состроила такую страдальческую мину, что надо было дать хорошо по щекам, в коридоре вдруг приткнулась лбом к стене, словно какая-нибудь кисейная барышня, старуха не на шутку рассердилась и пригрозила отправить на Слободку, там хорошо полечат.

Как только гости ушли, позвонили с фабрики, Ионе Овсеичу пришлось дважды назвать себя — то ли не расслышали, то ли не узнали, — на участке проголосовало девяносто восемь процентов, в связи с этим запрашивали, нельзя ли отпустить тех агитаторов, которые уже обеспечили по своим дворам сто

процентов. Иона Овсеич спросил, на каком месте идут по району, оказалось далековато, где-то на третьем-четвертом, часть агитаторов разрешил отпустить, а остальные пусть включатся для помощи отстающим: надо выйти, во что бы то ни стало, по крайней мере, на второе.

С улицы донеслась песня "Широка страна моя родная", Иона Овсеич невольно вздохнул, припомнился тридцать седьмой год, когда по всей Одессе — в кино имени Фрунзе, Постышева, Короленко, Уточкина — показывали картину "Цирк". Люди смотрели по пять раз, и каждый раз снова переживали за Любовь Орлову и ее маленького сына-негретенка, она пела немножечко в нос, с американским акцентом, под самым куполом цирка: Мэри, Мэри, чудеса, Мэри едет в небеса! — и могла в любую секунду сорваться с этой смертельной высоты на землю. А в конце картины, радостная, со счастливой улыбкой на лице, она шагает вместе с нашими людьми в одной колонне, рядом с ней красавец Мартынов, все в белых свитерах, как на физкультурном параде, и хором поют:

Широка страна моя родная,
Много в ней полей, лесов и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!

Пластинка закончилась, Иона Овсеич вытер ладонями слезы, в комнате воцарилась тишина, как будто вдруг, в самом разгаре, оборвался праздник, мучительно хотелось повторить все сначала, чтобы вернулась молодость, тридцатые годы, когда начали строить коммунизм, и никто не думал про войну с Гитлером, которая отодвинет коммунизм на пятнадцать, а может быть, и на все двадцать лет. Иона Овсеич громко застонал: больно подумать, сколько миллионов людей, не говоря

уже о погибших, ушло и, вероятно, еще уйдет за эти годы, так и не увидев своими глазами.

В одиннадцать часов позвонили с фабрики, проголосовало свыше девяносто девяти процентов всех избирателей, вышли на второе место в районе, Иона Овсеич сказал, что можно отпустить еще несколько агитаторов, в первую очередь, семейных, а остальных надо разослать по адресам, пусть дежурят у ворот, у дверей, в парадных, где угодно, но до двенадцати должны обеспечить стопроцентную явку.

От резких движений, когда говорил по телефону, в боку начало снова колоть, хотелось засунуть палец между ребрами, чтобы точно определить место, пока шарил и ощупывал себя, прибежала Орлова, вся запыхалась, покраснелась и на ходу закричала: сто! Больной поднял голову, взял со стула часы, секундная стрелочка быстро делала круг за кругом, как будто кто-то подгонял и подстегивал, положил на место, от сильной боли над переносицей собрались складки, и сказал осипшим голосом:

— В этом году на один час двадцать минут раньше, чем в прошлом.

Через полчаса приехала скорая помощь, Бирюк и Хомицкий помогли снести больного, сзади шли Клава Ивановна с Орловой, Иона Овсеич смотрел вверх — потолок, лестница, кусочек неба, — все плыло и качалось, тело сделалось непривычно легким, вроде не стало опоры, вроде земля, которая всю жизнь притягивала, вдруг отпустила, и повис где-то в пространстве.

Старуха Малая хотела сесть в карету, врач сказал, нельзя, захлопнул дверцу, и поехали. Улицу Карла Маркса, на углу Ярославского, перекопали, клали новый асфальт, пришлось объезжать по Бебеля и Ленина, казалось, везут в другой город, так долго добирались, мимо проносились черные ветки

деревьев, черные провода, их было поразительно много, февральское небо проглядывало отдельными клочками, где-то внизу звонили трамваи, гудели автомашины и внезапно врывался истошный голос тачечника: "Поберегись!"

В больнице Сталинского района был сегодня urgentный день, приняли без особых разговоров, но чувствовалось, что недовольны, койки приходилось ставить уже в коридоре, а впереди был долгий зимний вечер и целая ночь. Дежурный врач взял направление, записал больного в книгу приемов, велел сестре поставить ему градусник, а сам пошел в отделение. Еще не начинались сумерки, но было явственное ощущение, что на дворе поздний вечер, темно, а здесь, в приемном покое, уютно горела желтая лампочка, от кафельной печки подомашнему веяло теплом, казалось вот-вот зайдет мама, родная мамочка, и скажет: это не настоящее, это только сон, проснись, мой мальчик.

Иона Овсеич вздрогнул, сестра вынула из-под мышки термометр, тридцать восемь и одна, сказала, к вечеру подымет-ся еще, сделала отметку в температурном листке и занялась своими шприцами: вода в стерилизаторе перекипала через край, заливала спираль электроплитки, на паркетном полу, под табуретом, образовалось бурое пятно.

Вечером, как предсказывала сестра, жар действительно усилился, труднее стало дышать, принесли подушку с кислородом, сделали укол, Иона Овсеич пытался заснуть, два или три раза удавалось, но тут же, от сильного толчка, просыпался, в голове все путалось, какие-то жандармы, Полина Исаевна, немцы в зеленых касках, одноногий Котляр, сумасшедший Граник со своей улыбкой, в ушах гудело, свистело, гремело, словно балаган или дикий шабаш; уродливый горбун, лицо было мучительно знакомое, падал с лошади, ноги застряли в

стременах, и кричал диким голосом: "Коня! Полцарства за коня!"

Тяжелое состояние держалось больше трех суток, больному вводили антибиотики, физиологический раствор, глюкозу, искололи все вены, буквально живого места не осталось, каждый день звонили товарищи из Сталинского райкома, спрашивались, не нужно ли какого-нибудь дефицитного лекарства, можно будет помочь, перевели в другую палату, на две койки, вторая тоже временно оставалась свободной, сверху предлагали место в обкомовской больнице на улице Петра Великого, специально для партаппарата, бывших политкаторжан, пенсионеров союзного значения и людей, имеющих особые заслуги, заведующий отделением и главный врач отвечали, что в данный момент товарищ Дегтярь нетранспортабелен, кроме того, он получает здесь все, что способна дать сегодня медицина. Посещение больных разрешалось два раза в неделю, с пяти до семи вечера, старухе Малой и Ляле Орловой выписали отдельный пропуск, который давал право навещать ежедневно, Ляля не щадила себя, сидела до смены, после смены, а иногда умудрялась забежать и в обеденный перерыв.

На четвертый день как будто наметилось улучшение, Иона Овсейч впервые сам попросил стакан чаю с лимоном, Ляля на радостях выжала пол-лимона, больной вынужден был отказаться, слишком много кислоты, и сказал, пусть положит один ломтик, чтобы видно было, как плавает на поверхности. Она вырезала кружочек из середины, где толще всего, бросила в стакан, чай немного побледнел, больной отпил несколько глотков, передохнул, лежа на боку, опять отпил, почти до половины, поставил стакан рядом, прямо на одеяло, и закрыл глаза. По лицу было видно, что сильно устал, Ляля прикусила губу, покачала головой, Иона Овсейч жалобно, как маленький мальчик, застонал, надо было иметь железные нервы, чтобы

слушать этот стон, под ребра, из глубины живота, ударило страшное предчувствие, хотелось закричать диким голосом, она с трудом пересилила себя, открыла тумбочку и стала наводить внутри порядок.

Первого марта, как по заказу, выдался настоящий весенний день, за окном, на дереве, весело прыгали воробьи, чириканье было такое громкое, словно в птичнике зоопарка, Иона Овсеич попросил распахнуть обе створки, врач разрешил на десять минут, не больше, едва отворили, с улицы полился чистый, с последними остатками зимы, воздух, над подоконником колыхались волны, ветви деревьев и провода между столбами изгибались, будто сделаны из резины, больной широко раскрыл рот, закрыл, опять открыл, хотелось жевать и жевать без конца, послышался звонок, по соседству была школа, звонили долго, видимо, дети заигрались и не замечали, из глаз выкатились две большие слезы, Боже мой, как хорошо жить на свете, а люди не умеют ценить, жизнь такая короткая, пробежит — не успеешь оглянуться, Иона Овсеич оперся на локти, приподнялся, появилась уверенность, что все будет хорошо, надо только как полагается захотеть, человеческая воля способна творить чудеса, набросил на себя одеяло, взял рукой за кровать, за спинку стула, ноги совсем не слушались, за несколько дней почти разучился ходить, с трудом добрался до подоконника, сердце то замирало, то с разбегу ударялось в горло, подступала отвратительная, со сладковатым привкусом, как в комнате, где долго лежит покойник, тошнота, на миг охватывал безумный страх, казалось, вот-вот отлетит душа, просто кусочек голубого неба, прикрепленный где-то внутри, под грудиной, на ниточке, на паутинке, Иона Овсеич еще раз вдохнул поглубже, закружилась голова, потемнело в глазах, чудом удержался на ногах, в палату как раз зашла няня и помогла вернуться на койку.

К вечеру стало хуже, сделали укол камфары, укол кордиамина, принесли подушку кислорода с углекислым газом, опять появилось ощущение, будто земля перестала притягивать, тело плавает в воздухе, старуха Малая держала за руку, считала пульс и говорила, что при таком пульсе Дегтярь должен себя чувствовать лучше, чем можно судить по наружному виду. Иона Овсеич вначале не реагировал, а потом, когда немного отпустило, сказал:

— Малая, когда плохо, так плохо.

На следующий день девушки с фабрики прислали товарищу Дегтярю букетик подснежников и целую корзинку с консервами и апельсинами, словно готовится экспедиция на Северный полюс. Иона Овсеич положил несколько апельсинов в карман нянечке, пусть отдаст своим детям, две штуки съел сам, а корки собрал в бумажку и спрятал в тумбочку: пригодится для чая.

Пришел гость из райкома, товарищ Артюхов, передал общий привет и пожелание, чтобы Дегтярь поскорее перестал прикидываться, а то дурной пример заразителен: уже и Когут загрипповал, второй день подряд сорок, доктора никак не собьют температуру. Иона Овсеич ответил в шутку, что готов поменять свою двустороннюю пневмонию на один когутовский грипп, гость засмеялся и погрозил пальцем: знаем мы эти дегтярские шахер-махеры! Больной горько улыбнулся, беспомощно развел руками, Клава Ивановна вдруг набросилась на гостя: чем приходить с такими гадостями, лучше вообще не приходить. Артюхов покраснел, удивился, чего это старуха лезет в бутылку, но добавил: если что и вправду не так, пусть товарищ Дегтярь извинит. Иона Овсеич сказал: какие извинения, у них с Малой старая любовь, она просто ревнует. Клава Ивановна посмотрела на одного, на другого, встала со своего стула и вышла в коридор.

— Крепка старуха, — сказал Артюхов, — сбросить пяток лет, мы бы нашли ей работенку.

Гость еще немного посидел, говорили про дела в области, вот-вот начнется посевная, Конупа, Занозу, Пацелю уже послали в район, красноокнянцы чего-то загрузили с ремонтом техники, а в целом картина вырисовывается неплохо, с кормами только туговато, есть, конечно, и гады, скот режут, тайком сбывают среди своих. Ну ничего, тут первый сам койкого за шиворот поддел. Гость весело подмигнул, сделал большим пальцем снизу вверх, Иона Овсевич протяжно вздохнул: колхозу без малого четверть века, а кулак все еще находит себе притулок.

— Ну, будь! — Артюхов дружески похлопал по плечу, сказал, что завтра-послезавтра планируется рейд на обувную, пока Дегтярь болен, райком взял под свой усиленный контроль, у дверей вспомнил про шоколадку в кармане, вынул, положил больному на живот и велел поправляться.

Клава Ивановна, когда гость ушел, вернулась в палату, присела на угол койки и хлопнула себя по коленям:

— Артюхов! На тебе: Артюхов! Откуда он взялся?

Иона Овсевич молчал, под глазами легли огромные, как царский пятак, каленые круги, а старуха, будто ослепла и оглохла, еще больше расходилась: почему Дегтярь позволил, чтобы какой-то Артюхов с ним так разговаривал!

— Малая, — с трудом произнес Иона Овсевич, — успокойся: это не какой-то Артюхов, это заведующий промышленным отделом. Он хороший парень.

— Хороший парень, — покачала головой старуха, — ой, Дегтярь, Дегтярь!

Больной повернулся на другой бок и тихонько застонал:

— Малая, почему мне так нехорошо? Эти антибиотики уже давно должны были мне помочь.

— Потерпи, — сказала Клава Ивановна, наклонилась, провела пальцами по щекам, сухо похрустывала щетина, — потерпи еще немного.

До середины ночи больной ворочался с боку на бок, дважды просил, чтобы дали люминал или барбамил, после таблетки в голове делалась какая-то порожняя тяжесть, вроде давит во все стороны, а внутри пусто, на десять-пятнадцать минут брала дремота, затем просыпался в тревоге, ладони покрывались потом, в первые секунды не мог вспомнить, где находится, хотелось позвать на помощь, у дверей горела синяя лампочка, немного успокаивался, опять брала дремота, и все повторялось сначала.

Перед рассветом, небо еще было черное, но звезды теряли свою яркость и мигали все быстрее, вроде догорают и очень торопятся, нахлынула жуткая тоска. Было ощущение такого одиночества и такой безысходности, как будто за всю жизнь ни с кем не обмолвился ни единым словом, не слышал человеческого голоса, а пролетел, прочертил — куда-то, откуда-то, — на полсекунды след в пространстве и погас. Иона Овсеич пытался вызвать приятные воспоминания, что-нибудь из детских лет, но все сбилось в одну точку, время не разделяло событий, начало было концом, конец был началом, прошедшее, настоящее, будущее — все было позади.

— Я умираю, — прошептал Иона Овсеич, — мамочка, я умираю.

По всему телу, как будто в один миг смазали с головы до пят эфиром, прокатилась волна ледяного холода, перехватило дыхание, сердце сделалось огромным, от живота до горла, но продолжало уплотняться, разбухать, ребра уже не выдерживали натиска, дальше могло быть только одно — взрыв, тело разнесет на миллионы частиц, частицы разлетятся во все стороны! — больной собрал последние силы, прижал

ногу к ноге, руки к туловищу, голова приросла к подушке, и вдруг изнутри трахнуло, мотнуло, закрутило, из-под спины рвануло кровать, едва успел схватиться руками и ступнями, бесчисленные будильнички ударили своими молоточками, и били, били, били, пока Иона Овсейч не заплакал — свободно, не стесняясь, как плакал далеко-далеко в детстве.

Начало светать, за стеной, в соседней палате, включили радио: Москва передавала утренний выпуск последних известий. Раньше всех в Туркмении закончил весенние полевые работы колхоз имени Калинина Тедженского района Марыйской области. Всего на один день от соседей отстали труженики сельхозартели имени Героя Советского Союза Курбана Дурды, теперь оба колхоза соревнуются за досрочное выполнение своих обязательств перед государством. Несмотря на суровые погодные условия, продолжают наращивать темпы куйбышевские гидростроители, укладка бетона в котлован ведется новыми прогрессивными методами, которые позволят на восемь месяцев опередить сроки, предусмотренные в плане. Отличный подарок Родине преподнесли станкостроители Одесского завода имени Кирова: они сконструировали станок с программным управлением, на котором обработка деталей может вестись с точностью до тысячных долей миллиметра.

Иона Овсейч вздрогнул, как будто неожиданно окликнули по имени, завод Кирова — это буквально пятнадцать минут ходьбы отсюда, во рту набежала складчатая слюна, хотелось, чтобы диктор повторил еще раз, но уже передавали сообщение, только что полученное из Казахстана, — досрочно завершив февральское задание, шахтеры Караганды отгрузили сверх плана десятки эшелонов угля, — внутри закипало чувство возмущения и протеста, почему он должен валяться в постели, когда все вокруг трудятся и заняты своим делом, минувшая ночь вспоминалась как что-то постороннее, чужое, вроде проис-

ходило не с ним, а с кем-то другим, незнакомым, пришла Ляля, глаза были испуганные, всю ночь, до самого утра, ее преследовали кошмары, даже страшно повторять, Иона Овсеич махнул рукой, пусть обращается со своими снами к цыганке-гадалке, и первый раз за время болезни спросил, как идут дела во дворе. Ляля, по инерции, ответила, что надо сначала выздороветь, а дела потерпят, не убегут, но Иона Овсеич пропустил мимо ушей и поставил уже конкретный вопрос: как вел себя в эти дни старый Чеперуха? Ляля замаялась, по глазам было видно, что совершенно упустила из виду, Иона Овсеич забарабанил пальцами по койке, задал дополнительный вопрос, держит ли она контакт с Федей Пушкарем, тот наверняка больше в курсе дела, чем Орлова, но и здесь, конечно, все оказалось на точке замерзания: не только не было никакого контакта, она вообще забыла, что существует такой на свете — Федя Пушкарь.

— Господи, — Ляля с силой сплела пальцы, послышался хруст, — я виновата, накажите меня, но я не могла ни о чем думать в эти дни: вам было так плохо!

Больной приподнялся на локтях, в глазах светилась насмешка: кому нужны эти сочувствия, эти переживания, если Орлова просто опускает руки и ждет у моря погоды, а Иона Чеперуха, тем временем, втихомолку, радуется про себя и ликует, ага, Дегтяря взяла хвороба, значит, можно разгуляться во всю Ивановскую! Нет, встрепенулась Ляля, нет, это неправда, весь двор по десять раз на день спрашивает, как здоровье товарища Дегтяря, а Катерина Чеперуха обещала достать у себя на заводе какие-то особенные витамины, которые сейчас идут на вес золота.

— Орлова, — Иона Овсеич провел языком по губам, чтобы немного смочить, — я говорю не про Катерину Чеперуху, я говорю про Иону Чеперуху.

Ляля опустила глаза и молча теребила тесемки халата. Что она могла ответить: что Катерина Чеперуха и старый Чеперуха — одна семья? Да, одна, но одна семья — это не один человек. Даже один человек не всегда бывает одинаковый, сегодня так, завтра иначе, а послезавтра еще иначе. Хорошо, Ляля подняла голову, глаза смотрели в этот раз прямо, не убегали, чувствовалось, что действительно осознала, она сегодня же пойдет к Феде Пушкарю, и вдвоем послушают, о чем говорят у себя за стеной Чеперухи.

Заглянула сестра, попросила гостей удалиться, сейчас начнется обход, Иона Овсеич как раз задумался насчет Бирюков, интересно узнать, каких успехов за минувшую неделю смогли добиться, но трудно было найти подходящую форму для вопроса, поскольку в свое время не ввел Орлову в курс событий, сестра вторично напомнила, что начинается обход, и пришлось прервать разговор.

Обход начали минут через сорок, доктор, с порога, велела больному снять рубашку, тут же присела на койку, выслушала со всех сторон через фонендоскоп, потому долго ощупывала, пальпировала, перкутировала, измерила тонометром давление, отдельно на левой руке, отдельно — на правой, была небольшая разница, наконец, разрешила лечь, сама помогла укрыться одеялом, и сказала:

— Молодец, Дегтярь. Сегодня я вами довольна.

— Довольны? — переспросил Иона Овсеич. — Зато я вами недоволен.

Доктор машинально отодвинулась, в глазах промелькнул испуг, немного побледнело лицо, Иона Овсеич ласково взял за руку и поспешил успокоить: он недоволен тем, что согласны так долго с ним возиться, а он пользуется случаем и лодырничает. Доктор сняла очки, протерла уголком халата, близорукые глаза сильно щурились, теперь лицо было совсем другое,

просто женщина, у которой свои заботы с семьей, с детьми, и тихо сказала:

— Знаете, у нас были здесь такие дни. В январе. В феврале. Не дай Бог.

Во рту появился неприятный осадок, Иона Овсеич сделал непроизвольно глотательное движение, отпустил руку доктора, на уме вертелись соответствующие слова, надо было произнести вслух, но сдержал себя, стало как-то жалко, и перевел разговор на другую тему: когда, ориентировочно, смогут его выписать? Доктор опять надела свои очки, в глазах появилось обычное выражение, вроде знает о больном больше, чем он сам о себе знает, но обязана держать в секрете, а больной не вправе даже подозревать, улыбнулась одними уголками рта и решительно ответила:

— Дегтярь, мы не шаманы и не знахари, мы врачи. Медики.

Иона Овсеич повернул голову немного набок, сощурил, по старой привычке, один глаз и сказал: тем более, как любая наука, медицина тоже должна иметь свои научные сроки и прогнозы.

— Дегтярь, — на лице сохранялась прежняя улыбка, Иона Овсеич опять почувствовал неприятный осадок во рту, — медицина не математика, не химия. Даже не сельское хозяйство.

— Даже не сельское хозяйство, — удивился Иона Овсеич, — а почему именно сельское хозяйство?

— Ну, — пожала плечами доктор, — я могла сказать физика, астрономия, геология.

— Конечно, — подтвердил Иона Овсеич, — какие могут быть сомнения, просто само по себе, с языка сошло сельское хозяйство. Я понимаю.

Наступила пауза, доктор на миг о чем-то задумалась, по лицу пробежала тень, поднялась с койки, заложила руки за

поясок халата и громко, в голосе опять чувствовалась уверенность, сказала:

— Хорошо. Я полагаю, через недельку мы сможем выписать вас.

— Спасибо, доктор, — Иона Овсеич сложил руки на животе, — вы слишком много времени тратите на меня.

Да, повторила доктор, через недельку можно будет выписать, денька три придется отдохнуть еще дома, больница выдаст бюллетень вперед, а потом — обязательно в санаторий, хорошо бы кардиологический, она сама позвонит на фабрику.

Иона Овсеич хотел сказать, что нет надобности звонить на фабрику, сейчас не время для отдыха, но доктор уже отворила дверь и быстро захлопнула за собой. Несколько секунд она стояла в коридоре неподвижно, глаза сделались колбочие, маленькие, стекла еще сильнее уменьшали, подбежала Орлова, испуганным голосом спросила, что случилось, наверно, ему плохо, доктор вздрогнула, получилось неожиданно, и сказала, нет, напротив, ему значительно лучше. Ой, хлопнула в ладони Ляля, значит скоро можно будет домой!

— А вот этого, — вдруг рассердилась доктор, — я не знаю. Вы знаете, а я не знаю.

Ляля немного растерялась, сказала спасибо, хотела зайти в палату, но доктор остановила ее и предупредила, что больше нет нужды дежурить возле больного. Ляля сделала вид, что послушалась и направляется к выходу, на самом деле спряталась у лестничной площадки, подождала две-три минуты и тихонько, на цыпочках, пробежала обратно в палату. Иона Овсеич был уверен, что она давно ушла, получился приятный сюрприз, налил ей стакан чаю из термоса, открыл свежую пачку бисквита, высыпал из кулечка шоколадные конфеты с белой начинкой, вчера прислали женщины с фабрики, спросил насчет Гизеллы Ланды, где она сейчас, у себя или у своей се-

стры, особо поинтересовался семьей Бирюков, в частности, Мариной, по некоторым данным, у нее назревал конфликт с Ландой по квартирному вопросу, Ляля успела сделать глоток чаю, откусила кусочек бисквита и хотела ответить, но тут внезапно распахнулась дверь, на пороге появилась доктор и буквально набросилась: как не стыдно обманывать врача! Взрослая женщина, а ведет себя хуже школьницы: прячется на лестнице и ждет удобного момента, чтобы прошмыгнуть! Иона Овсеич растерянно смотрел на одну, на другую, не мог понять, в чем дело, Ляля что-то залепетала в ответ, открыла свою сумочку, пальцы сделались деревянные, с трудом нашла пропуск, доктор мгновенно выхватила, разорвала пополам, еще раз пополам, и приказала немедленно оставить палату: больному нужен покой, а такие посетители только нервируют его и задерживают выздоровление.

Ляля выскочила, словно ошпаренная, забыла даже попрощаться, доктор захлопнула дверь, детально передала больному, как эта женщина ловко обманула ее, Иона Овсеич возмутился и сам осудил, но добавил, что, со своей стороны, доктор могла найти другую форму, почеловечнее.

— Дегтярь, — доктор запнулась, видимо, колебалась, говорить или не говорить, — я не хотела, но теперь вынуждена сказать: многие наши больные возмущены тем, что некоторые пациенты имеют здесь особые привилегии. Мне пришлось объяснять им, что вы в тяжелом состоянии.

Иона Овсеич помедлил, требовалось время, чтобы собраться с мыслями, доктор терпеливо ждала, руки заложила за пояс, слышно было, как похрустывает халат, должно быть, перекрахмалили, наконец, больной приподнялся, локти отставил немного назад, от большого усилия вздулись вены, и осипшим голосом произнес: да, они правы, он сам должен был

догадаться, что у него здесь особые условия. Доктор сняла очки, подула на стекла, хорошо протерла платочком, снова надела, зрачки стали крохотные, как две булабочные головки, и сказала: ну, рвать на себе волосы не следует, в конце концов, сделали то, что могли сделать. Не больше.

— Доктор, — обратился Иона Овсеич, — у меня к вам просьба: передайте своему заведующему, что больной Дегтярь просит, не просит, а требует, чтобы его немедленно перевели в общую палату — для всех.

Доктор пожала плечами: это невозможно, сейчас нет ни одной свободной койки, больные лежат в коридоре. В коридоре, поразился Иона Овсеич, и это в то время, когда рядом с ним в палате пустует кровать! Доктор опять пожала плечами: что значит пустует — это резерв для особо тяжелых случаев, распоряжается сам главврач. Хорошо, сказал Иона Овсеич, тогда больной Дегтярь требует, чтобы ему дали койку в коридоре, а если нет, пусть заведующий придет сюда, он хочет поговорить с ним лично. Ладно, кивнула доктор, она передаст, но, конечно, не приказ, а просьбу — больные здесь не приказывают.

Ответа пришлось ждать довольно долго, Иона Овсеич уже хотел попросить санитарку, чтобы напомнила, но тут вернулась сама доктор и сообщила: заведующего отделением и главврача сегодня не будет — обоих вызвали в райком, на бюро.

— Обоих сразу? — переспросил Иона Овсеич, как будто трудно было поверить в такое совпадение.

Сразу, с ударением произнесла доктор, старшая сестра сейчас здесь — можно ее прислать, она подтвердит. Нет, сказал Иона Овсеич, никого присылать не надо: он потерпит до завтра. Доктор продолжала стоять на месте, спросила, можно ли ей идти, в голосе послышались какие-то знакомые нотки — похо-

же на Ланду, нет, скорее, на Лapidиса, тот был особенно большой охотник поиронизировать, — в животе, ближе к ребрам, у Ионы Овсеича внезапно сделалось горячо, бешено застучало сердце, во всем теле, особенно в руках и ногах, напряглись мускулы, хотелось немедленно вскочить, трахнуть кулаком по столу, но секунду спустя охватила дикая слабость, вдоль позвоночника скользнули змейки холодного пота, он невольно прижался к матрацу, лицо доктора то наплывало, расплывалось, как в мутной воде, то поспешно удалялось, наконец, остановилось, и снова прозвучал нарочито вежливый голос:

— Дегтярь, я должна идти, меня ждут больные. Пожалуйста, лежите спокойно и не взвешивайте себя.

Минут через пять зашла сестра, в правой руке торчал шприц, игла прикрыта ваткой, велела больному повернуться спиной, Иона Овсеич спросил, какой укол она собирается ему сделать, сестра сказала, анальгин с димедролом, Иона Овсеич удивился, а откуда видно, что это анальгин с димедролом, где ампулы, в ответ сестра возмутилась и грубо сказала:

— Слушайте, Дегтярь, у меня, кроме вас, еще тридцать больных. Хотите делать, поверните свою жену, не хотите — не надо.

— Хочу не хочу, — это не ваше дело, — рассердился Иона Овсеич, — принесите ампулы и здесь открывайте!

— Знаете что, — сказала сестра, — с таким голосом можете сами себе делать уколы.

Иона Овсеич не отвечал, молча смотрел в глаза, несколько секунд сестра выдерживала, вдруг засмеялась, выпустила из шприца струю в воздух и пошла за ампулами. Пока она отсутствовала, больной, чтобы не терять даром времени, спустил кальсоны до колен и лег на живот. Через минуту отворилась дверь, но, оказалось, что пришла Малая.

— Что такое, — воскликнула старуха прямо с порога, — почему ты так лежишь: тебе должны ставить клизму?

Какая клизма, сердито ответил Иона Овсеич, он ждет сестру, она должна сделать укол. Малая помогла натянуть кальсоны и сказала: ну, в добрый час, раз в таком неглиже он ждет сестричку с уколом, значит, дело пошло на улучшение. Старуха присела на кровать, кошелку поставила возле ног, вынула кастрюльку с бульоном, только что сварила, еще горячий, надо сейчас же выпить, Иона Овсеич буквально затрясся:

— Что вы меня позорите на всю больницу, то одна, то другая сидят целыми днями, а люди вокруг возмущаются!

— Возмущаются? — удивилась Малая. — Люди просто не знают, кто здесь лежит, надо им объяснить.

— Малая, — Иона Овсеич закрыл глаза, — я прошу тебя, подымись, придешь в посетительский день, как все, с пяти до семи. Дай сюда свой пропуск.

Клава Ивановна не успела спросить, для чего, машинально подала, больной разорвал его на мелкие клочки и снова повторил:

— Иди. До свиданья.

Возле дверей Клава Ивановна на секунду остановилась:

— Ты думаешь, старуха Малая на тебя обиделась за твою грубость? Нет, я счастлива, что ты опять стал похож на Дегтяря.

Сестра принесла анальгин и димедрол, положила ампулы на тумбочку, чтобы Иона Овсеич мог проверить, он отказался, сам послушно лег на бочок, когда игла вонзилась в тело, ойкнул, слегка дернулся, сказал спасибо и на прощание добавил:

— Сестрица, то, что произошло раньше, не принимайте на свой счет. Это по другому адресу.

Остаток дня и вечер Иона Овсевич провел сравнительно неплохо, даже захотелось встать, прогуляться по коридору, конечно, сказывалось и обычное нетерпение больного, которому чуть становится лучше, уже кажется, что выздоровление идет слишком медленно, Иона Овсевич сделал несколько шагов от кровати к окну и обратно, выглянул в коридор, вдоль стены стояли четыре койки, у изголовий — белые табуреточки, не так страшно, как показалось днем, когда об этом слышал от врача, возле мраморной лестницы мужчины играли в домино, двое ударяли по столу с особенной силой, трудно было поверить, что больные, невольно брала зависть, с другой стороны, в пору было напомнить этим молодцам, где находятся, Иона Овсевич машинально посмотрел вокруг, к сожалению, из медперсонала никого поблизости не было, от напряжения немного закружилась голова, начало слегка поташнивать, пришлось вернуться на койку.

Часов до двенадцати лежал с открытыми глазами, мысленно перебирал дела, фабричные и дворовые, которые не успел довести до конца, однако фабрика вызывала меньше тревоги, ее взял под свой контроль сам райком, а двор остался, по сути, беспризорным. Бирюк, как ни хорохорится, сегодня еще только гость во дворе. Даже квартиру Ланды, если не направить его как следует, наверняка проворонит, а в итоге Гизеллу все равно выселят и достанется кому-нибудь со стороны, в исполкоме и возле исполкома всегда найдутся охотники. Надо будет завтра же передать Марине, чтобы зашла в больницу, она сразу поймет, что к чему и сумеет поставить своего майора в оглобли. Ну, а с Чеперухой торопиться, пожалуй, не следует, тут работы не на один день.

— Ой, Чеперуха, Чеперуха, — с болью выговорил вслух Иона Овсевич, — какая тебя муха укусила!

Память возвращалась далеко назад, в двадцатые годы,

перескакивала в сороковые, война, после войны, потом опять назад, в тридцатые, приходили на ум какие-то биндюжнические выходки, скандалы с женой, дикие крики на весь двор, пьяные дебоши, наконец, эта дружба с Граником, но кто мог допустить, что на старости лет человек вдруг дойдет до того, до чего он дошел!

— Дегтярь, — сказал себе Иона Овсеич, — тут твоя вина, от этого никуда не денешься.

За окном, на жестяном карнизе, послышалась какая-то возня, вроде кто-то царапался и хотел проникнуть в дом, Иона Овсеич выключил свет, в темноте присмотрелся, похоже было на птичку, хотя в такое время птицы обычно спят, в душе появилось сочувствие и жалость к живому существу, которое не может найти себе места и, наверно, хочет, чтобы его пригрели, приласкали, тихонько позвал переливчатым свистом, возня на несколько секунд прекратилась, Иона Овсеич невольно засмеялся, птица, птица, а понимает, где хорошо, надо будет завтра насыпать побольше хлеба, пусть поклюет, повернулся на левый бок, лицом к стене, и заснул крепким, глубоким сном, как в молодые годы. Во сне губы несколько раз подолгу жевали что-то упругое, чуть солоноватое, сладковатое, будто палец или кусочек живого тела.

Утром проснулся в хорошем настроении, взял утку, чтобы помочиться, но тут же отставил и впервые, с тех пор как слег, самостоятельно прошел в туалет. Пока возвращался в палату, поднялась небольшая одышка, но это было в порядке вещей: скорее следовало бы удивляться, если бы не было одышки. Несколько минут полежал спокойно, все пришло в норму, потрогал ладонями щеки, щетина выросла такая, словно целый месяц бродяжничал в лесу, и первым делом, когда появилась нянечка, спросил насчет парикмахера. Оказалось, парикмахер уже здесь и принимает ходячих больных

в ванной комнате, нянечка предложила позвать его сюда, Иона Овсеич поначалу согласился, однако через секунду передумал и крикнул вдогонку, что не надо, он сам пойдет.

На очереди был всего один человек, Иона Овсеич решил подождать здесь, тем более, уже соскучился по свежим людям, взял свободную табуретку, присел, приятно пахло одеколоном, парикмахер, видно, большой любитель поболтать, как все парикмахеры, рассказывал клиенту какую-то глупую историю про женщину, на которой женился один его знакомый, а когда сошлись поближе, оказалось, что эта женщина ко всему еще немножечко мужчина, получилась некрасивая история, теперь тот подает на развод, но, с другой стороны, попался, как назло, приличный человек, и они могли бы вдвоем неплохо жить. В конце концов, какая разница.

Подошла очередь Ионы Овсеича, он пересел в зубоврачебное кресло с подголовником, парикмахер удивился, что не встречались раньше, хотя, судя по бороде, больной здесь уже имеет прописку. Пришлось объяснить, что положили с двусторонним воспалением легких, говорят, было тяжелое состояние, сегодня первый раз поднялся. Парикмахер намылил щеки, хорошо взбил пену и сказал, что с тех пор как изобрели пенициллин, пневмония — это уже не та пневмония, когда умирали через одного. Рак, канцер, — это болезнь, а пневмония — это теперь не болезнь. Иона Овсеич сидел с закрытыми глазами, мысленно улыбался, в какую-то секунду было желание растолковать, что такое настоящая пневмония, но одолевала приятная истома, мыло покалывало своими иголочками кожу, в нос ударял запах чистоты, здоровья, а пустая болтовня парикмахера еще больше убаюкивала. Когда закончили бритье, Иона Овсеич сделал движение, чтобы подняться, но мастер остановил, взял ножницы, аккуратно подровнял височки, подчистил машинкой шею, срезал длинные волосы на

ушах, отступил на полшага назад и брызнул из пульверизатора. Иона Овсеич зажмурился, во рту появился цветочный привкус одеколона, невольно стал отворачиваться, в груди вдруг кольнуло, отдало в позвоночник, должно быть, устал, но, в целом, было хорошее приподнятое чувство, словно помолодел. Мастер тоже сделал комплимент, теперь видно, что молодой человек, выставил два зеркала, одно перед глазами, другое сзади, чтобы клиент мог сам осмотреть свой затылок, получил пять рублей, сунул в карман и пожелал, пусть следующая встреча будет где-нибудь возле оперного театра, в кафе у тети Ути.

Когда Иона Овсеич вышел, мастер усадил в кресло нового клиента, сделал очереди знак, чтобы притворили дверь, и покачал головой:

— Он мне не нравится.

На железном столике стоял черный саквояж, кожа местами совсем обтерлась, мастер открыл его, звякнули застёжки, клиент пошутил, что там, наверно, спрятана какая-нибудь испанская гаррота, но шутка пропала даром: видимо, никто из присутствующих не знал, что гаррота — это железный ошейник, который в Испании палачи затягивают на шею у приговоренных к смерти.

В палате первое желание было немедленно улечься на койку, однако Иона Овсеич заставил себя посидеть несколько минут возле окна, улица с ее движением, ее голосами и шумом должна прибавить бодрости и, действительно, приятно было наблюдать, как люди торопятся, спешат, наверно, даже не задумываются, что рядом больница, рука невольно потянулась вперед и чуть-чуть приоткрыла окно, потянуло свежим воздухом, было ощущение, что вместе с кровью доходит до каждой клеточки тела, сердце по-весеннему тревожно ударяло в грудь, хотелось вдыхать еще и еще, но, как говорится, хо-

рошего понемногу. Иона Овсеич прикрыл окно, вернулся на койку, снял пижаму, аккуратно сложил и улегся. Захотелось подремать, хотя только недавно проснулся, закрыл глаза, повернулся лицом к стене, было как-то неудобно, повернулся на другой бок, на спину, все равно получалось не то, лег опять к стене и, кажется, задремал. Перед глазами минутудругую мелькали разноцветные огни, затем куда-то исчезли, на смену пришла мягкая бархатная чернота, но едва почувствовал облегчение, под сердцем схватила такая адская боль и, вместе с ней, такой страх, что невозможно было ни вдохнуть, ни выдохнуть. К счастью, зашла нянечка, немедленно позвала врача, та взяла за руку, нащупала пульс, велела лежать абсолютно неподвижно, отлучилась на несколько минут, привела заведующего, он прижал пальцами под лопаткой, Иона Овсеич тяжело застонал, было такое чувство, словно изнутри прижигают каленым железом, заведующий сказал, спокойнее, спокойнее, ничего страшного, видимо, небольшая ишемийка, сейчас пришем электрокардиограф, сделаем кардиограмму и получим исчерпывающую картину, а пока надо ввести кубик морфина и кубик строфантина.

Иона Овсеич отчетливо слышал каждое слово, но голоса звучали сами по себе, будто вокруг беспросветная тьма, непонятно было, от кого исходят, кому адресованы, и даже собственные стоны доносились откуда-то извне как запоздалый отклик на приступы жгучей боли за грудиной и в животе. Сестра принесла ампулы, но, еще не успела набрать в шприц, больной издал клочущий звук, казалось, захлебывается, и тут же его вырвало. На висках выступили крупные, величиной с горошину, капли пота, лицо стало землистого цвета, губы посинели и набрякли. Ничего, голубчик, успокаивала доктор, ничего, быстро сделали укол морфина, руку перетянули жгутом, чтобы ввести строфантин, сестра щупала то в

одном, то в другом месте, наконец, сказала, вена пустая, пришлось вводить внутримышечно, предварительно, для уменьшения боли, дали пять кубиков новокаина, больной открыл глаза, во взгляде было невыразимое страдание, доктор погладила по руке, вытерла со лба капли пота и опять повторила: ничего, голубчик, потерпите, станет легче, должно стать легче.

Санитарка принесла две подушки с кислородом, доктор придерживала маску, больной не успевал как следует вдохнуть, уже следовал выдох, руки лежали словно плети, ноги были похожи на восковые, под икры положили грелки, к стопам — бутылки с горячей водой, доктор сделала сестре знак, чтобы сменила ее, санитарку послала в хозчасть, пусть приготовят баллон с кислородом, а сама пошла в другие палаты: больные уже целый час ждали обхода.

Перед обедом техник принес кардиограф, наложил больному на запястья и грудь электроды, предварительно протер тампоном места контакта, включил аппарат, внутри мерно, чем-то напоминало детский моторчик, застрекотало, наружу выползла узкая лента бумаги с длинным рядом зубцов, то крупных, со срезанными вершинами, как у кратера вулкана, то совсем крошечных, на отдельных участках была почти прямая линия, сестра позвала доктора, техник оторвал ленту, сказал, хрестоматия, задняя стенка миокарда, отключил электроды, свернул провода, накрыл ящик крышкой, кардиограмму захватил с собой, кабинет пришлет расшифровку, сегодня шеф до двух, значит, завтра, часиков в десять-одиннадцать, с порога, мельком, бросил взгляд на больного и захлопнул дверь.

Привезли баллон с кислородом, доктор велела пока оставить в коридоре, больные иногда чересчур реагируют, Иона Овсевич то ли услышал, то ли каким-то чудом догадался, сам

попросил, чтобы занесли в палату, доктор сказала, особой необходимости нет, но дала команду закатить, установили недалеко от изголовья, когда подключили маску, шланг оказался коротковат, пришлось еще придвинуть, больной покорно сносил весь этот шум и возню, наконец, навели порядок, опять наведалься заотделением, сам измерил давление, тщательно выслушал, пощупал пульс и громко сказал, что объективно больной должен чувствовать себя лучше.

— Слышите, Дегтярь, — повторил заведующий, обращаясь уже непосредственно к больному, — сейчас вы должны себя чувствовать лучше.

Выйдя из палаты, заведующий незаметно поманил к себе доктора и сказал: надо непременно задержать кого-нибудь из сестер, пусть подежурят возле больного.

Под вечер наступило облегчение, дыхание сделалось ровнее, глубже, сестра разрешила снять маску, хуже не стало, наоборот, было явственное чувство освобождения, от недавнего страха остались лишь глухие отголоски, захотелось обменяться словом, узнать, какая на дворе погода, наверно, во всем уже видны приметы весны, больной вспомнил, что только сегодня утром сам выходил из палаты, побрился у парикмахера, сидел возле открытого окна, любовался улицей, а ощущение было такое, как будто с тех пор минула целая вечность.

Часов в десять пришла доктор, свой неурочный визит мотивировала тем, что надо оформить кой-какие истории болезней, огромная писанина, днем просто физически не успела, Иона Овсеич в ответ грустно улыбнулся, конечно, все прекрасно понимал без дополнительных объяснений, доктор тоже улыбнулась, глаза были добрые, чуть-чуть озабоченные, велела сестре вместо морфина сделать инъекцию промедола, меньше задерживает диурез, пожелала спокойной ночи, еще раз улыбнулась и окончательно попрощалась: до завтра.

Сестра сделала укол, вышла по своим делам, кажется, впервые за целый день Иона Овсевич остался один, в коридоре больные стучали костяшками домино, хлопала дверь женского туалета, чьи-то ноги быстро прошлепали по коридору, загремела металлическая кружка, видимо, набирали из бачка кипяченую воду, хриплый мужской голос закричал, у кого это дрожат руки на самогонку, опять застучали домино, в этот раз целая автоматная очередь, от всех этих звуков складывалась странная картина благополучия, вроде людям наскучило у себя дома и сами решили пересидеть какой-то срок здесь, а потом опять вернуться каждый к себе. Захотелось подремать, вначале что-то внутри сопротивлялось, будто сон — это не просто сон, но в конце концов организм взял свое.

Среди ночи Иона Овсевич несколько раз просыпался, повторялась знакомая реакция, сразу не мог сообразить, где находится, сердце замирало в страхе, проходили мучительные секунды, понемногу успокаивался, на соседней койке спала сестра, слышно было, как похрапывает, однажды подняла голову, спросила, в чем дело, почему больной не спит, он сказал, ничего, пусть спокойно отдыхает, опять послышался негромкий храп молоденькой девушки, звук был приятный, вспомнился, Бог знает почему, запах лежалого сена, перед глазами возник пригорок, где-то вдали мирно рокочет трактор, по склонам бродят коровы, у каждой огромное вымя, переполненное, за день, молоком, вечернее солнце посылает прощальные лучи на землю, и вокруг так красиво, так хорошо, как будто нарисовано на картине. Потом, безо всякого перерыва, хотя за окном уже светало, вдруг послышался тревожный голос диктора, называли имя Сталина и слово за словом стали читать:

— В ночь на второе марта тысяча девятьсот пятьдесят третьего года у Иосифа Виссарионовича Сталина произошло

внезапное кровоизлияние в мозг, захватившее важные области мозга, в результате чего наступил паралич правой ноги и правой руки с потерей сознания и речи. Второго и третьего были проведены соответствующие лечебные мероприятия, которые пока не дали существенного перелома. Лечение товарища Сталина проводится под постоянным наблюдением Центрального Комитета КПСС и Советского Правительства.

— Сестра, — окликнул Иона Овсеич, — вы слышали, что передавали по радио!

Никто не отзывался, только теперь Иона Овсеич увидел, что он один в палате, не с кем даже поделиться, машинально сделал движение, чтобы подняться с койки, выйти к людям, но тут же схватился обеими руками за сердце, громко вскрикнул, из коридора заглянул больной, хотел немедленно позвать дежурного врача, Иона Овсеич остановился, поманил пальцем к себе и сказал:

— Вы слышали, что передали по радио!

Человек горько вздохнул, опустил голову и прошептал: не дай Бог, не дай Бог! Сердце буквально жгло от боли, сверху давило на грудь, как будто наступила своим копытом лошадь, пришлось опять надеть кислородную маску, но облегчения не было, уже хотелось кричать диким криком, слава Богу, пришла доктор, сделали какой-то укол, боль немного утихла, однако через минуту поднялась такая дикая тошнота, что стало еще хуже, чем от боли.

— Оой! — застонал Иона Овсеич и сорвал с себя маску. — Ой, мне плохо!

Доктор ласково просила успокоиться, сейчас прежде всего требуется покой, но больной не слышал, тогда она приказала сестре надеть на него маску и закричала грубым голосом:

— Дегтярь, прекратите! Вы здесь не один, кроме вас, здесь еще сто больных.

Иона Овсейч зажмурил глаза, в уголках выступили слезинки, и прошептал:

— Доктор, мне так плохо, почему вы мне не верите.

Доктор поправила маску, немного освободила ремешки, чтобы меньше теснило, увеличила подачу кислорода из баллона, спросила, не сушит ли во рту, взяла больного за руку, в нескольких местах нажала пальцами, и сказала сестре, пусть принесет большую ампулу глюкозы, пятьдесят кубиков, попробуем сделать внутривенно.

Вена скользила под иглой, доктор на секунду застыла, как будто прицеливалась, и быстро подала шприц вперед, на дне появился темно-бурый слой крови, сначала он быстро увеличивался, затем, по мере того как опускался поршень, постепенно исчезал, осталась одна прозрачная жидкость и медленно, от деления к делению, переходила в организм больного.

В обед раздатчица принесла тарелку манного супа, фрикадельки с картофельным пюре и стакан киселя, у порога замешкалась, сестра велела поставить все на тумбочку, раздатчица попросила чистое полотенце, чтобы накрыть, искала глазами, ничего не нашла, глянула сбоку на больного, махнула рукой и тихонько вышла.

До вечера состояние держалось на одном уровне, не лучше, не хуже, в пять часов пришла Клава Ивановна, первое, что бросилось в глаза, это баллон с кислородом, на тумбочке стоял нетронутый обед, сестра приложила палец к губам, но старуха уже села на кровать, взяла больного за руку и громко спросила:

— Дегтярь, что с тобой такое? Это я, Малая.

Иона Овсейч в ответ повернул голову, из-под век виднелись узкие, белесые, как бельма, полосочки, Клава Ивановна секунду-другую всматривалась в лицо и сама догадалась:

— Сердце?

Сестра выждала момент, когда больной закрыл глаза, и произнесла одними губами: инфаркт. Старуха вздрогнула, словно от икотки, выпрямилась, застыла в этой позе, чуть-чуть двигалась нижняя челюсть, Иона Овсеич приоткрыл глаза, по взгляду было ясно, что все прекрасно понимает и сознает, поднял руку, видимо, хотел снять маску и что-то сказать, но успели остановить.

— Дегтярь, — старуха уже пришла в себя и взяла вожжи в свои руки, — лежи спокойно, теперь я сама буду сидеть возле тебя.

Внезапно распахнулась дверь, на пороге появилась Ляля, глаза были просто безумные, счастье, что больным не мог видеть, Клава Ивановна поднялась навстречу, взяла за руку как маленького ребенка, вывела в коридор и категорически запретила заходить в палату.

— Ой, мамочка, — завывала Ляля, — он умирает!

— Дура! — рассердилась Клава Ивановна. — Набитая дура!

— Ой, — ничего не хотела слышать Ляля, — он умирает!

— Орлова, — еще больше рассердилась старуха, — иди и не мешай здесь людям работать. Иди по-хорошему, пока я не позвала санитаров.

Ляля спустилась вниз, под лестницей стояли длинные скамьи без спинок, она села, прислонилась к стене, уткнулась взглядом в цементный пол и так просидела до семи часов. Закончилось посетительское время, гардеробщица сказала, пора уходить, Ляля вдруг вскочила, сунула ей в карман рубль и, не говоря ни слова, помчалась наверх, в отделение. У палаты она остановилась, чтобы перевести дыхание, ноги буквально подсекались от страха, наконец, немного овладела собой, но едва отворила дверь и опять увидела этот страшный баллон, эту маску на лице, все внутри перевернулось, как полоумная, бросилась на колени, схватила больного за руку и стала покрыв-

вать поцелуями. Получилось так неожиданно, что Клава Ивановна не успела реагировать, больной сам вырвал руку и сделал пальцами знак, чтобы немедленно удалили. Старуха с трудом заставила ее подняться с полу, несколько раз повторила, какой позор, в стране такое горе, заболел Сталин, люди, здоровые, хворые, дети, все подряд, из последних сил держат себя в руках, а Ляля Орлова в это самое время позволяет себе распускать нервы и устраивать дикие истерики!

Иона Овсеич громко застонал, наверное, слышал каждое слово, Ляля уже не упиралась, просила только, чтобы ей дали какое-нибудь поручение, она готова пожертвовать своей жизнью, наконец, удалось вывести ее в коридор, Клава Ивановна проводила до главных дверей, Ляля заявила, что будет караулить всю ночь, и звякнул железный засов.

— Вахтер, — сказала Клава Ивановна, — если эта женщина попробует сюда рваться, позовите меня.

На ночь больному сделали два укола, промедол и строфантин, принесло некоторое облегчение, он стал засыпать, Клава Ивановна достала из-под кровати утку и сказала:

— Подожди, не засыпай. Надо сначала пописать, ты уже давно не писал.

Мочи было немного, почти бурого цвета, с пронзительным запахом. буквально ударяло в нос, старуха пошла в туалет, взяла на подоконнике чистую баночку и перелила: завтра надо будет послать на анализ.

Больной снова стал засыпать, она присела у него в ногах, подоткнула концы одеяла, поправила грелочку и тихонько вздохнула:

— Дегтярь, я опять думаю про нашу Орлову. Когда ты выздоровеешь, тебе лишь придется по-настоящему взяться за нее. С Малой тебе было проще.

Ночь выдалась нехорошая, больной часто просыпался,

дышал тяжело, как паровоз, вызывали дежурного врача, старуха просила сделать какой-нибудь укол, один раз сделали, пользы от него не было, лицо больного прямо на глазах осунулось, нос заострился, на лбу проступили кости, словно сзади натягивали кожу, в отдельные минуты уже казалось, что приближается самое худшее, но, слава Богу, организм напрягал свои силы, и состояние возвращалось к прежнему. Больной часто просил пить, врач сказал, поменьше жидкости, чтобы не перегружать сердце, Клава Ивановна сначала поила с ложечки, потом смачивала губы влажной тряпочкой и повторяла:

— Раз нельзя, значит, нельзя. Ты сам всегда учил нас.

Под утро стало как будто лучше, больной настоял, чтобы старуха прилегла немного и вздремнула, выключили свет, в палате наступила тишина, с улицы несколько раз доносился голос, вроде кого-то звали, казалось, слышится имя Малой, Дегтяря, а может, просто померещилось. Понемногу забирал сон, точнее, не сон, а какая-то дрема, при закрытых глазах Иона Овсеич отчетливо видел, как за окном постепенно светает, торопятся на работу люди, сначала каждый сам по себе, затем стали быстро сбиваться в кучу, в толпу, отчаянно, заволакивая небо черным дымом, заревели гудки, люди разинули рты, чтобы закричать, но получалось, как в немом кино, рты раскрыты, а крика нет, черный дым оседал на землю, тысячи рук, словно щупальцы, беспорядочно цеплялись друг за друга, хватали за голову, за грудь, за горло, нечем было дышать, наконец, прорвался чей-то безумный голос: "Дыхания! Дыхания!", — он открыл глаза, за стеной тихо, надо было вслушиваться, чтобы услышать, говорил репродуктор:

— В течение ночи на четвертое марта нарушения дыхания и кровообращения продолжались. Наибольшие изменения наблюдались со стороны дыхательной функции: участились явления периодического (так называемого Чейн-Стоксова) дыхания.

Увеличилась степень кислородной недостаточности. Систематическое введение кислорода, а также медикаментозных средств постепенно немного улучшили состояние, и утром четвертого марта степень дыхательной недостаточности несколько уменьшилась. В дальнейшем, на протяжении дня четвертого марта, вновь возобновились тяжелые расстройства дыхания. Кровяное давление — 210 максимальное, 110 минимальное. Существенных изменений в легких, а также со стороны органов брюшной полости за истекшие сутки не установлено. В моче обнаружены белок и красные кровяные тельца, при нормальном удельном весе. При исследовании крови отмечено увеличение количества белых кровяных телец (до 17 тысяч). Продолжается вдыхание кислорода, проводится пенициллинотерапия. Больной находится в сопорозном (глубоком бессознательном) состоянии. Нервная регуляция дыхания, а также деятельность сердца остаются резко нарушенными. Министр здравоохранения СССР Третьяков. Начальник лечебно-санитарного управления Кремля Куперин. Главный терапевт Министерства здравоохранения СССР Лукомский. Действительные члены Академии медицинских наук профессор Коновалов, профессор Мясников, профессор Тареев. Член-корреспондент, профессор Филимонов. Профессор Глазунов, профессор Ткачев. Доцент Иванов-Незнамов.

Наступила пауза, тихонько потрескивали разряды, потом раздался щелчок, и диктор перешел к сообщениям по стране:

— Малая, — позвал Иона Овсеич, — ты слышала?

Да, сказала Клава Ивановна, она все слышала, тут глухой услышит: кислород, моча, белок, красные шарики, белые шарики. Кому могло прийти в голову, что такое мы когда-нибудь услышим про Сталина.

— Малая, там были все академики и профессора и один

доцент — Иванов-Незнамов. Малая, что это значит: доцент Иванов-Незнамов?

Старуха молча сидела на своей кровати, из-за стены опять послышался голос диктора: тысячи трудящихся побывали за вчерашний день на родине товарища Сталина — в городе Гори.

— Малая, — больной задыхался, сделал знак, чтобы дали кислород, — Сталин — грузин, в Грузии по сто двадцать лет живут.

Больной закрыл глаза, Клава Ивановна присела рядом, помогла надеть маску, слышно было, как шипит газ, руки лежали поверх одеяла, длинные, худые, бледные, кожа да кости, она наклонилась, поцеловала, и первый раз прорвались слезы:

— Ой, Дегтярчик, как я могу все это перенести!

До середины дня больному становилось то хуже, то опять немного лучше, один раз он открыл глаза и смотрел так долго, так пристально, что невозможно было выдержать.

— Дегтярчик, — нежно, ласково прошептала Клава Ивановна, — это я, твоя Малая, ты меня узнаешь? Ты будешь жить.

Иона Овсевич улыбнулся, она хорошо знала эту насмешливую улыбку, сердце разрывалось на куски, она взяла его за руку, вдруг мелькнула безумная мысль, что можно как-то передать ему, вдохнуть в него частицу своей жизни, надо только изо всех сил захотеть, она выпрямилась, крепко сжала его пальцы, он смотрел и улыбался, она еще крепче сжала пальцы и повторила:

— Ты будешь жить.

Мягкие, теплые, похоже на утренний пар земли, волны покачивали туда, сюда, в руках, в ногах, во всем теле было сладковатое, чуть-чуть с тревогой и недоумением, как в детстве, чувство дороги, впереди, будто кружочек солнца через

закопченное стекло, виделось в черноте желтое пятно, пятно становилось все меньше и меньше, наконец, совсем исчезло, на миг чернота прорезалась полосой млечного света, Иона Овсейч вздрогнул, раздался сильный хрип, в горле заклокотало, на шее вздулись толстые, как резиновые трубки, вены, один глаз закатился под веко, другой смотрел прямо на Клаву Ивановну, но зрачок уже не реагировал. Она прижалась щекой ко лбу, лоб был теплый, немного влажный от испарины.

Пришла доктор, оттянула веки, пощупала пульс, осмотрела живот, секунду посидела неподвижно и вышла. Минут через пять сестра принесла баночку с иодом, обмакнула кисть, попросила Клаву Ивановну выйти, отбросила одеяло, придвинула поближе к себе ногу покойного и большими цифрами написала на ней номер. Затем опять накрыла одеялом, подтянула кверху, чтобы получилось с головой, Клава Ивановна хотела вернуться, но ее остановили и сказали, что больше нельзя. Через два часа приехала каталка, переложили тело с кровати на носилки, подняли на каталку и увезли.

Хоронили на следующий день, гроб установили во дворе фабрики, военный оркестр играл траурную музыку, рабочие и работницы, инженеры, техники и служащие отдавали последний долг покойному, женщины открыто плакали, мужчины крепились сколько могли, все равно набегали слезы, с прощальным словом выступили товарищи из горкома партии, из Сталинского райкома и райисполкома, потом выступили свои, от дирекции, партийной организации и общественности фабрики, снова заиграл оркестр, во двор заехал грузовик, дно и борта были обтянуты красной материей, по краям свисали гирлянды вечнозеленой ели и веточек туи, процессия вышла на улицу, впереди несли алые подушечки с орденами и медалями, целый квартал гроб держали на плечах, затем распорядитель дал команду поставить на машину, для желающих прово-

жать приготовили автобусы, и направились в последний раз к дому, где жил покойный.

Ответственные за организацию похорон планировали, как обычно водится, двух-трехминутную остановку, но на деле сложилось по-другому. У ворот ожидала огромная толпа, кроме жильцов двора, пришли сотни людей из соседних домов, Клава Ивановна привела отряд пионеров, школа специально отпустила с уроков, майор Бирюк, Степа Хомицкий, Зиновий Чеперуха и сама Клава Ивановна надели траурные повязки, Ляля Орлова вся была одета в черное, многие принимали за вдову покойного, старый Иона Чеперуха, несмотря на сырую мартовскую погоду, вышел в одном костюме, темно-синий шевиот, шили на заказ до войны, Дина Варгафтик набросила на себя кашемировую шаль с бахромой и кистями, туго скрепила на подбородке, лицо получилось как в траурной рамке, Аня Котляр была в обычной своей одежде, демисезонное пальто, рукава оторочены цигейкой, мужская шапка-ушанка, приходилось оберегать раненую челюсть от переохлаждения, единственное, что добавилось, — это косынка из черного шелка вокруг шеи. Рядом стоял Адя, как всегда, без головного убора, руки заложены в карманы, внимательно рассматривал лица, некоторые машинально останавливались, видимо, ожидали вопроса или обращения, он хмурился, глаза темнели, взгляд делался мрачный, злой, с какой-то неприятной искоркой, тетя Аня дважды дергала за рукав и шепотом делала замечание, в ответ он поворачивался спиной и продолжал свое, Зиновий тоже сделал замечание, но, вместо того, чтобы прислушаться, Адя лишь неудачно прошелся насчет его траурной повязки: пусть Зиновий разрежет пополам, красный цвет отдаст своему старику, а черный оставит себе. Зиновий посмотрел удивленно, глаза были скорбные, чувствовалось, что по-настоящему переживает, Аде стало неловко, поднял голову кверху,

открылась худая, с большим кадыком, шея, уставился в небо и сохранял эту глупую позу, пока Зиновий не отошел.

Распорядитель хотел, чтобы попрощались здесь же, у ворот, люди возмутились, майор Бирюк, Зиновий, Степа Хомицкий и старый Чеперуха, вчетвером, взяли гроб на плечи, занесли во двор и поставили на стол, забранный со всех сторон коврами, теперь никому не приходилось подыматься на цыпочки, чтобы увидеть покойного. Вначале получилась сильная толчея и давка, каждый норовил пролезть вперед, испуганно закричали маленькие дети, Клава Ивановна дала команду мужчинам, чтобы оттеснили толпу, Андрей Петрович предложил всем построиться в колонну по одному и обходить вокруг гроба, большинство последовало сразу, других пришлось брать за руку, подталкивать, кое-кто хотел задержаться у гроба подольше, Степа Хомицкий с Зиновием поторапливали и сами же подсказывали, что можно еще раз занять место в очереди, однако так могло продолжаться до бесконечности, старого Чеперуху поставили в хвосте, и больше пристраиваться не разрешали.

Майор Бирюк объявил, что доступ к телу покойного прекращен, слово для прощания предоставляется старейшему жильцу двора и многолетнему сподвижнику Ионы Овсеича Дегтяря товарищу Малой Клаве Ивановне.

Дворничка Лебедева принесла широкий табурет, старухе помогли подняться, кое-где еще слышался говор, однако быстро стихало, наконец, наступила полная тишина, и на весь двор зазвучал горестный голос:

— Товарищи, сегодня мы провожаем в последний путь нашего дорогого и любимого учителя, друга, соседа Иону Овсеича Дегтяря. Наш двор осиротел, мы понесли тяжелую потерю: тридцать пять лет подряд, днем и ночью, мы постоянно чувствовали, что рядом с нами, бок о бок, живет и работает товарищ Дегтярь. Вместе с ним мы шли через разруху и го-

лод, через лишения и войну, и какие бы трудности ни возникали на пути, он всегда был первый, всегда подбадривал, всегда умел сказать теплое, душевное слово другу и в то же время учил нас ненавидеть врага, не давать ему пощады, не жалеть себя, своих сил и самой жизни. Какие выгоды он имел за свой нечеловеческий труд, какие санатории и дворцы он ждал взамен! Зайдите к нему в квартиру, посмотрите на эту обстановку, и вы получите ясный ответ, и, может быть, кой-кому из нас станет стыдно и совестно. Мы были неграмотные и темные, он помог нам получить образование, он заставлял нас учиться, потому что, кто не учится, тот не может построить коммунизм.

Клава Ивановна подняла голову, обвела присутствующих долгим, пристальным взглядом, протянула вперед руку, оставливая палец то в одном, то в другом месте и продолжала:

— Здесь, здесь, здесь я вижу тех, кому он со всей щедростью отдавал частицы своего сердца и радовался, как маленький мальчик, когда мог сказать: "Малая, кое-что уже сделано, но надо еще много и много работать, чтобы довести до конца". Он не успел.

Внезапно раздался крик, словно человек задыхается, Ляля Орлова упала на стол, схватила покойного за голову и прижалась губами с такой силой, что невозможно было оторвать. Андрей Петрович и Степа Хомицкий взяли ее за руки, на миг удалось разжать, но тут же она уцепилась за гроб, в толпе началось волнение, майор Бирюк незаметно нажал снизу на локоть, Ляля жалобно застонала, отпустила гроб, из задних рядов передали пузырек нашатыря, заставили понюхать, бабушка Оля с Катериной обняли Лялю с двух сторон за талию, с трудом смогли пробиться через толпу, и повели к себе в квартиру.

— Дорогой товарищ Дегтярь, — Клава Ивановна опустила голову, видно было, что взгляд устремлен на покойного, —

ты всегда будешь жить в наших сердцах, и наши дети, наши внуки будут равняться на тебя, как равнялись их отцы и деды. Ты никогда не покидал строя живой, ты навечно останешься в строю. Прощай, наш верный товарищ, наш боевой друг! Спи спокойно, мой родной!

Клава Ивановна заплакала, слышались горестные вздохи, в толпе кто-то громко зарыдал, Андрей Петрович объявил, что траурный митинг закончен, старуха поцеловала покойного, затем подошли остальные, Тося Хомицкая хотела перекрестить, но успели одернуть, мужчины подняли гроб, ударили звуки траурного марша, в закрытом дворе получалось с удвоенной, с утроенной силой, буквально выворачивало душу наизнанку, и медленным шагом, чуть-чуть покачиваясь из стороны в сторону, понесли к воротам. В подъезде пришлось замедлить шаг, со всех сторон так наседали и теснили, что в отдельные секунды возникала опасность для самого гроба с телом покойного, те, кто был рядом, подымали истошный крик, даже оркестр не мог заглушить, передние ряды, сколько было возможно, ускоряли движение, задние, наоборот, придерживали, наконец, гроб вынесли за ворота и поставили на машину. Шофер завел мотор и уже готов был тронуть с места, но старый Чеперуха вдруг взобрался наверх, поднял обе руки и своим зычным голосом потребовал тишины. Получилось совершенно неожиданно, никто не успел остановить его и приказать, чтобы немедленно слез, Иона ударил себя кулаком в грудь и закричал, обращаясь к покойному:

— Дорогой Овсеч, сегодня ты последний раз проводишь время с нами, в своем родном дворе, и слезы не дают сказать, какая боль у меня в сердце, какую рану ты оставил внутри! Все годы советской власти я привык чувствовать тебя рядом. Подходя к воротам своего дома, Чеперуха всегда хорошо помнил, что ты здесь и видишь каждый шаг. В любой

семье день не похож на день, бывает лучше, бывает хуже, отец может ударить сына, сын может ответить грубым словом, но все равно отец остается отцом, а сын остается сыном. Потеряв своих детей, ты строил форпост для наших детей; не заботясь о себе, ты заботился о том, чтобы у нас было хорошее жилье со всеми удобствами. Не всякому и не всегда нравилось, кой-кому приходилось против шерсти, но в глубине души каждый знал, что лично для себя Дегтярю ничего не нужно, ему нужно только одно: построить для всех наших людей полный коммунизм. И он не жалел себя, чтобы приблизить этот день, увидеть его своими собственными глазами. Но какое сердце могло столько выдержать! Он сгорел на работе, ушел от нас навсегда и унес с собой целый кусок нашей жизни, который больше никогда не вернется. Спи спокойно, дорогой Овсенч, и не поминай нас лихом.

Опершись на каменную тумбу, возле ворот неподвижно стояла Гизелла Ланда. В глазах был нездоровый блеск, как будто от жара, на губах бродила горькая усмешка; когда старый Чеперуха закончил свое прощальное слово и спрыгнул на мостовую, чтобы стать в общий ряд со всеми, несколько секунд Гизелла машинально продолжала следить за ним, опять ударил оркестр, процессия двинулась, вскоре квартал опустел, на земле валялись сломанные веточки ели, обрывки бумажных цветов, Гизелла зашла во двор, вокруг была прямо кладбищенская тишина, не осталось ни души, ушли провожать все, даже дети, в коридоре она прислонилась к окну, еще раз осмотрела двор, затем повернулась, отворила дверь, из комнаты пахло нежилым духом, на черной крышке пианино лежал плотный слой пыли, она провела пальцем, не раздеваясь, села на круглый стул, под сидением скрипнул винт, закрыла глаза, прижалась головой к передней стенке,

деревянный барельеф Моцарта больно давил на лоб, и громко заплакала, сама себе закрывая ладонями рот.

До проспекта Сталина провожающие шли пешком, оркестр играл "Вы жертвою пали в борьбе роковой", в памяти проносились знакомые слова, губы беззвучно повторяли вслед, неожиданно, на полуфразе, оркестр замолчал, процессия остановилась, к распорядителю подошел милиционер, тут же, по цепи, передали, чтобы садились в автобусы, в первую очередь пропустили музыкантов, пока остальные занимали места, машина с гробом поехала вперед, часть венков успели положить сверху, часть пришлось захватить с собой в автобусы, минут через десять миновали Чумку, железнодорожный мост и прибыли на второе христианское кладбище, бывшее интернациональное. Место дали очень хорошее, недалеко от главных ворот, гроб поставили возле могилы, задние ряды, по инерции, сильно нажимали, пришлось немного осадить, под ногами хлопал мокрый снег, набивался в туфли, те, что помоложе, взбирались на памятники, на деревья, люди начинали нервничать, наконец, представитель фабричной парторганизации открыл траурный митинг, сам сказал несколько слов, затем выступил товарищ от райкома, за ним, от имени жильцов двора и соседей, с последним словом к покойному обратился Андрей Петрович Бирюк. Прежде всего, сказал он, мы прощаемся с большевиком, коммунистом, солдатом, который словом и делом показывал пример, как надо жить, не для себя, а для людей, и сегодня мы можем во весь голос сказать: Иона Дегтярь прожил замечательную жизнь, и здесь, у его могилы, мы клянемся и обещаем так же бескорыстно, как он, со всей отдачей сил, служить своему народу и партии. Спи спокойно, дорогой товарищ Дегтярь, светлая память о тебе навсегда останется в наших сердцах!

Могильщики подхватили гроб, опустили на дно ямы, сгреб-

ли лопатами землю, кто стоял поближе, успел бросить свой ком, поднялся холмик, быстро обрезали края, немного утрамбовали, сверху положили венки, оркестр заиграл "Интернационал", люди подтянулись, выпрямились во весь рост и так стояли до последнего звука.

Однако начальник КГБ генерал Куварзин дружески предупредил: «Как бы не застрять!»

Весной 73-го года тогдашний председатель Президиума Верховного Совета Украины Иван Грушецкий вспомнил 70-ый год и публично повторил: «А известный Аркадий Львов, как горохом об стенку, продолжает своё». В этот раз ничего не расследовали, просто сказали: печатать не будем. Слово своё сдержали: больше не печатали.

В 76-ом году, летом, пошли дальше: книги, опубликованные в прежние годы, — забыл сказать, в СССР выпустил шесть книг, в их числе две книги научной фантастики, — изъяли из читательского фонда библиотек.

С того лета в Одессе не бывал: живу в Нью-Йорке, печатаюсь в русскоязычных журналах, газетах, а также на национальных языках США и Западной Европы.

В 79-ом году в Париже вышел на французском языке двухтомный роман «Двор».

Член ПЭН-клуба.

«Редко можно встретить такое точное описание столкновения простого советского человека: не интелликуала, не аристократа, не буржуа и не инакомыслящего — со скрытым террором и повседневным страхом. Бывшие партизаны и бывшие мелкие торговцы, евреи и православные, оппортунисты и «крикуны», герои и приспособленцы, стукачи и партаппаратчики — встречаются, перемешаны друг с другом в этом закрытом мире и являют собой в миниатюре символ всей страны. Они соперничают и доносят друг на друга, иногда лишь затем, чтобы получить хорошую 10-метровую комнату; получают анонимные письма, живут в постоянном страхе быть сосланными «в направлении Соловков» — самый страшный лагерь времени; обнимаются, целуются и много плачут. Описанием мельчайших подробностей и деталей, но без излишних эффектных художественных приемов, воссоздает автор этот ад убогости, бездуховности и свинства.

Он дает фотографическую иллюстрацию к обществу, которая полностью подтверждает мнение А. Зиновьева о том, что советское общество состоит из людей, которые его достойны, и что существует своеобразное соглашательство между человеком, сформированным этой системой, и самой системой.

Описание Аркадием Львовым «хomo советикуса» почти этнографическое, и потому не всегда приятное чтение.»

Ле Монд

«Ничто до сих пор не сумело показать нам с такою силой влияние власти на будничную жизнь, чем этот плавно написанный роман. Аркадий Львов — первоклассный рассказчик, стремящийся к описанию деталей, но несмотря на это, умеющий безошибочно и правдоподобно проследить за развитием своих героев на протяжении 20 лет (1936-56 гг).»

Ле Нувель Литератур

Книга вторая

ДВОР

АРКАДИЙ ЛЬВОВ

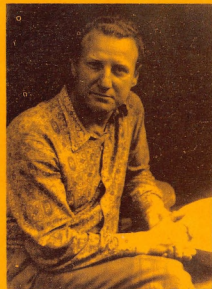
АРКАДИЙ ЛЬВОВ

ДВОР

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Аркадий Львов — о себе.

Жил, рос и учился в Одессе. Здесь же имел главные неприятности. В 1946 году был исключен, без права продолжать образование, из университета «за клевету на советский народ и ревизию учения товарища Сталина». Позднее, однако, университет окончил.

В 70-м году, по доносу руководства Одесского отделения Союза писателей, был обвинен как резидент международного сионистского центра в Варшаве — так называемый, «клуб Бабеля» — и руководитель сионистского подполья в Одессе. Расследованием КГБ летом 70-го года — знаменитое холерное лето в Одессе! — обвинение было снято.